ЛИРИКА
50-Х
ГОДОВ

Лирика 50-х годов

РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИРИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЫРГЫЗСТАН»

Лирика 50-х годов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО И
СОСТАВЛЕНИЕ ТЕКСТА
В. Я. ВАКУЛЕНКО

ФРУНЗЕ — 1978

Л 62 Лирика 50-х годов. Вступит. слово и сост. В. Я. Вакуленко. Ф., «Кыргызстан», 1978 ©.
692 с. (Русская советская лирика).

Настоящий том — четвертый, входящий в шеститомную серию «Русская советская лирика». Издательством «Кыргызстан» уже изданы массовым тиражом «Лирика 20-х годов» (1976), «Лирика 30-х годов» (1972 и 1977 гг.), «Лирика 40-х годов» (1977).

В антологию «Лирика 50-х годов» вошли лирические произведения русских советских поэтов, созданные ими в период с 1950 по 1960 г.

Р 2

$Л \frac{742-85}{М 451 (17)-77} 198-78$

7—4—2

ПОЭЗИЯ СЕРЕДИНЫ ВЕКА

О лирике 50-х годов

В отличие от первых трех томов, вышедших в серии «Русская советская лирика», в подготовке антологии лирики середины века участвовали ее авторы: свои стихи для этой книги прислали поэты — Всеволод Рождественский, Александр Жаров, Сергей Наровчатов, Василий Субботин, Владимир Британишский, Маргарита Агашина, Георгий Некрасов, Наталья Астафьева, Константин Ваншенкин, Александр Межиров, Вадим Шефнер, Степан Щипачев, Николай Старшинов, Юлия Друнина, Евгений Винокуров, Михаил Матусовский, Сергей Викулов, Яков Шведов, Всеволод Азаров, Яков Белинский.

Стихи Николая Заболоцкого, подготовленные им для двухтомного собрания сочинений, прислал сын поэта Никита Николаевич Заболоцкий.

В последующих выпусках серии «Русская советская лирика» изъявили желание принять участие Римма Казакова, Илья Фоняков, Анатолий Жигулин...

Издательство и составитель выражают самую горячую благодарность поэтам, проявившим внимание к настоящему изданию и принявшим в его подготовке столь доброжелательное участие.

Многочисленные отклики читателей, письма поэтов, поступившие в издательство, свидетельствуют о том, что это издание оказалось своевременным и нашло своего заинтересованного и взыскательного читателя.

«Не могу не выразить своего приятного удивления,— писал в частности в письме 14 июня 1977 года, присланном в издательство, Всеволод Александрович Рождественский,— по поводу того, что издательство

«Кыргызстан» осуществляет замысел, до которого не дошли и наши центральные издательства, хотя мысль о выпуске подобной серии, да еще в 60-летие Советского государства, вызвана потребностью самой жизни. Не сомневаюсь в том, что подобные сборники встретят самый живейший интерес у любителей и ценителей советской поэзии, не говоря уже об учащейся молодежи».

Издательство и составитель выражают уверенность в том, что личное участие поэтов в подготовке последующих томов серии «Русская советская лирика», замечания, советы и пожелания читателей позволят завершить это издание книгами, представляющими русскую советскую лирику ее подлинными, непреходящими художественными ценностями, а также позволят внести существенные поправки и дополнения в уже вышедшие тома при их переиздании.

* * *

Русская советская поэзия 50-х годов, лирическая в особенности, и по характеру своей проблематики, и по мироощущению, и по средствам поэтического языка—с удивительным многоцветьем и полнотой чувств, красок, настроений отразила и запечатлела в слове своеобычность времени, его пафос, то, чем жила советская страна, наш народ в те удивительные годы. Выйдя из пожарища Второй мировой войны, человечество еще залечивало причиненные ею раны, в памяти миллионов еще свежа была боль утрат, а на планете уже вспыхнула угроза новой войны, разворачивалась борьба за ее предотвращение, ширилось движение за запрещение атомного оружия,— человечество предпринимало конкретные практические меры по обеспечению долговременного, прочного мира и дружбы между народами. И самое активное участие в этом движении прогрессивных и миролюбивых сил планеты приняли советские писатели — передовой отряд деятелей мировой культуры. Только за 1950—1951 годы советские литераторы приняли самое деятельное участие в десятках крупнейших международных конгрессах, национальных конференциях, митингах, встречах с

мастерами зарубежной культуры, цель которых — упрочение дружбы и взаимопонимания между народами[1].

Борьба за мир всегда была ведущей темой советской литературы, она нашла самое яркое отражение не только в публицистике, но и в русской советской лирической поэзии середины века, наложила неповторимый отпечаток на песенную культуру советского народа тех лет.

Выдающимися событиями отмечен этот период и во внутренней жизни нашей страны, нашего общества.

50-е годы — это было время, когда мы учились не только осваивать целинные земли, ставшие ныне житницей нашей страны, не только строить новые города, гидроэлектростанции, заводы, но и учились снова и снова размышлять, сомневаться и верить, самостоятельно оценивать многое из того, что было совершено до нас и что совершено было нами, что предстояло сделать еще.

Это были годы начала нашей зрелости, это было время, когда на поверку вновь выступало самое главное в человеке — его духовная целостность, его убежденность в жизненной правоте великих идеалов будущего, его готовность не только служить этим идеалам словом, но и приближать их каждым днем своего труда и своей жизни.

Потерпев полный провал в попытках уничтожить социализм вооруженным путем, международный империализм избрал формой своей подрывной борьбы против Советской страны так называемую «обработку умов», пытаясь через диверсионные пропагандистские радиоцентры, провокационные антисоветские издания подорвать социализм «изнутри», поколебать веру советского народа в свою партию, убежденность в торжестве идеалов нашего общества.

Особо изощренным нападкам подвергалась в те годы вновь и вновь наша советская литература, предпринимались явно провокационные попытки пересмотреть ее историю, ее недавнее прошлое и настоящее. При этом всему периоду ее развития, особенно развитию в 30-е и 40-е годы, демагогически противопоставлялось

[1] Подробнее см.: К. Д. Муратова. Советские писатели в борьбе за мир. Краткая хроника событий (1948—1952).— В кн.: Вопросы советской литературы. Вып. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 351—367.

все то, что было создано советскими писателями в 20-е годы и, отчасти, то, что появилось после 1953 года, после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.).

В 40-е годы борьба с фашизмом придала русской советской лирической поэзии подчеркнуто патриотический характер. Защита Советской Родины и всего человечества от гитлеризма, борьба за победу над фашизмом наполнили реальный гуманизм отечественной литературы новым содержанием, еще более укрепили ее связь с действительностью.

Конечно же, опыт прежних военных лет не прошел бесследно для тех, кто вошел в большую литературу задолго до войны — например, А. Твардовского, К. Симонова, А. Суркова, Н. Тихонова, А. Прокофьева, Вс. Рождественского, В. Саянова, М. Светлова, Я. Смелякова, М. Исаковского, Н. Рыленкова и многих, многих других. Не обошел он стороной и тех, кто заявил о себе значительно позже. Очень хорошо сказал об этом Михаил Луконин; он точно и глубоко определил значение опыта военных лет в развитии творчества нового поколения советских поэтов — тех, кто узнал войну не понаслышке, а, ежеминутно рискуя жизнью, прошел и прополз в жару и стужу, в грязи и снегу по лесам, степям и болотам многие, казалось, нескончаемые тысячи километров и в тяжкие, кровопролитные дни вынужденного отступления и в годы труднейшего, но неудержимого продвижения вперед по разрушенным городам и весям, по опоганенной врагом родной земле — к Великой Победе.

«Опыт четырех лет Отечественной войны,— писал М. Луконин,— навсегда укрепил во мне веру в людей и любовь к жизни. Я повторяю и подчеркиваю — опыт трудных фронтовых испытаний не имеет для меня литературного значения, это не тема. Он воспитал в писателях, прошедших дороги этих лет, внимание к человеку, восхищение им и верность своему народу.

Все это мне было необходимо и после войны — в лирике и в поэмах» [1].

Все это было необходимо и для многих других поэтов, чей путь и чья судьба пролегли через те страшные, тяжелые и героические годы. Луконин прав: все-таки

[1] Михаил Луконин. К читателю. В его кн.: Избранные произведения в двух томах, т. 1. Стихотворения, поэмы. Изд. «Художественная литература», М., 1973, стр. 5.

главное в лирической поэзии 50-х годов,— познакомясь с антологией, читатель, полагаю, убедится в этом,— обостренное внимание к человеку, к его духовной жизни, к роли личности в истории общества, к прошлому и настоящему нашей Родины, к судьбам мира и человечества. Именно эти темы определяли проблематику и пафос русской советской лирической поэзии середины века.

Не раз в эти же годы литература наша, в том числе и лирическая поэзия, обращались к темам недавнего исторического прошлого, когда были необоснованно попраны некоторые нормы социалистической законности и ленинского демократизма. Литература пыталась своими средствами внести ясность, мужественно и честно объяснить народу, что имевшие место нарушения ни в коей мере не определяли и не определяют внутренней и внешней политики партии, духовной и общественно-созидательной деятельности советских людей. Очень хорошо сказал об этом недавно на страницах газеты «Правда» Александр Чаковский. «Нет, мы не боимся суда Истории. Говоря о великих свершениях партии и народа в те далекие уже годы, мы помним и о том, что никогда не должно повториться,— наша партия впоследствии открыто и бесстрашно осудила нарушения социалистической законности, о которых и сегодня нельзя умолчать, вспоминая 1937-й... Но не эти нарушения, а именно великие свершения народные, осуществленные под руководством партии, определяли лицо эпохи, были символом тех лет. Нами владело сознание совершенного трудового подвига. На тех местах, где еще недавно зимние костры оттаивали глубоко промерзшую землю, где слышались звон лопат, надрывное гудение в сугробах или болотных топях грузовиков-полуторок, поскрипывание тачек,— там были воздвигнуты заводы-гиганты, прорыт канал Москва-Волга, пройдены километры штолен новых шахт, построены жилые дома, школы, театры, больницы...»[1].

В 50-е годы заметно пополнились силы нашей поэзии: в начале десятилетия всерьез заявили о себе книгами ярких самобытных стихов те, кто еще совсем недавно прошел суровую школу войны. Среди многих —

[1] Александр Чаковский. И на труд и на подвиг. «Правда», 2 октября 1977 г.

Юлия Друнина, Сергей Орлов, Евгений Винокуров, Николай Старшинов, Александр Межиров, Сергей Наровчатов и др. В середине и второй половине десятилетия в поэзию пришло новое поколение молодых — Евгений Евтушенко, Владимир Соколов, Наталья Астафьева, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Владимир Цыбин, Игорь Григорьев и другие.

Молодые поэты входили в литературу стремительно, уверенно и шумно. Поэтическое слово многих из них поначалу прозвучало как искренний и страстный отклик на самые животрепещущие проблемы времени и страны и воспринималось читателями и слушателями, особенно молодыми, как откровение. В поэтическом слове молодых их сверстникам виделись глубина проникновения в противоречия времени, страстная заинтересованность в поисках ответов на волновавшие многих вопросы недавнего прошлого своей страны и новых исторических перспектив. Казалось, что вот появилось «племя младое», беспокойное, ищущее, бескомпромиссное, которому и впрямь многое — едва ли не все и едва ли не наперед — ясно. И потому слову молодых внимали с жаром страсти и доверчивостью необычайной, ждали и жаждали новых откровений и новых открытий.

Быть услышанным современником, быть понятым им и потому стать близким ему, подлинным властителем дум — вот она счастливая пора поэта! Но для того, чтобы не казаться, а быть духовным наставником соотечественников, оказалось явно недостаточно одного только фрондерства и желания во что бы то ни стало не утратить популярности: быстрый и неожиданный успех, пришедший в самом начале пути, некоторым и впрямь вскружил голову. Бурно меняющиеся события времени и столь же бурное стремление поспеть за ними при явном недостатке и жизненного опыта, и знаний очень скоро сказались в творчестве некоторых молодых поэтов верхоглядством, риторикой, а порой и явной ущербностью идейно-нравственных принципов. И скрыть этот недостаток не могли уже ни шумные декларации, ни эстрадный пафос, ни изощренность форм и стилистические ребусы. Необходимо было самое глубочайшее проникновение к родникам народной жизни, непосредственное участие во многих сложнейших и ответственнейших начинаниях, осуществлен-

ных и осуществляемых советским народом под руководством Коммунистической партии, прежде, чем окрепли и возмужали поэтические голоса нового литературного поколения.

Сказанное тезисно о поэзии 50-х годов, естественно, не охватывает всего многообразия творческих индивидуальностей, всех тем и проблем, которые питали лирическую поэзию середины века. Пути и перепутья, пройденные и пережитые каждой творческой личностью, как известно, всегда неизмеримо сложнее, богаче и многообразнее любой, даже самой развернутой схемы. Вот почему необходимо особо подчеркнуть главное: при явных недостатках и ошибках, тогдашние молодые тем не менее могли и успели сделать немало. Они учились сами и учили других не только верить, но и сомневаться, не только принимать многое за истинную меру ценностей, но и проверять самостоятельно эти ценности, и—создавали ценности новые. Иначе говоря, как в капле росы отражается солнце, так и в творческой биографии лучших лирических поэтов, заявивших о себе в те годы,—биография времени: они были рождены своим временем и потому была так естественна для многих смена эстрадного любопытства к жизни искренним стремлением понять и постичь ее во всех сложных, подчас драматических перипетиях.

К сожалению, в некоторых критических работах бытует мнение о якобы очевидной духовной ущербности поэзии тех лет. В статье «Поэзия Виссариона Саянова» Б. Соловьев, например, так и пишет: «Следует отметить и то, что недостатки, широко распространенные в литературе тех лет (имеется в виду середина 40-х — начало 50-х годов,— В. В.), когда в нее широким потоком входили риторика, выспренность, парадность, поверхностность в описании великих дел наших людей, сказались и на иных стихах В. Саянова». И далее — «...Живое, полнокровное взволнованное чувство, вызванное творческим подвигом нашего человека, нередко подменялось сугубо внешними приметами строительства, хроникерской их регистрацией» [1].

---

[1] Б. Соловьев. Поэзия Виссариона Саянова.— В кн.: Виссарион Саянов. Стихотворения и поэмы. «Библиотека поэта». Большая серия. Изд. «Советский писатель» М.—Л., 1966, стр. 30.

Сказанное отчасти справедливо, если иметь в виду творчество именно В. Саянова того периода. Однако творческая практика многих других лучших поэтов 50-х годов не дает оснований для столь односторонних и категоричных выводов. Такая характеристика в полной мере не может быть адресована не только решительно всем поэтам 50-х годов, как это делает Б. Соловьев, но и самому В. Саянову, стихи которого читатель найдет в этой книге. Необоснованный вывод критика тем не менее способен сбить с толку читателя. Здесь не место вдаваться в полемику, мы просто отсылаем читателя к стихам А. Твардовского, А. Яшина, А. Прокофьева, В. Тушновой, М. Светлова, Я. Смелякова, А. Ахматовой, Б. Пастернака, Н. Заболоцкого, В. Луговского, К. Симонова, Н. Тряпкина, А. Тарковского, Н. Астафьевой, М. Луконина и многих, многих других, представленным в этой антологии — они не нуждаются в посредниках и скажут за себя и лучше, и убедительнее.

В современной поэтической культуре нашего народа одно из выдающихся мест принадлежит песне середины века. В те годы советская массовая песня особенно страстно, призывно и жизнерадостно звучала на всемирных фестивалях молодежи, активно боролась за мир и дружбу народов, помогала целинникам в их героическом труде. Таковы, например, «Мы за мир» А. Жарова (музыка С. Туликова), «Если бы парни...» Е. Долматовского (музыка В. Соловьева-Седого) и многие другие. Широкую известность получили в те годы и популярны ныне лучшие песни тех лет о Родине, о Москве, о партии, о Ленине, о советском человеке, песни о любви. Среди них такие, как «Родина слышит» Е. Долматовского (музыка Д. Шостаковича), «Подмосковные вечера» М. Матусовского (музыка В. Соловьева-Седого), «Россия — Родина моя» В. Харитонова (музыка В. Мурадели), «Ленин всегда с тобой» Л. Ошанина (музыка С. Туликова), «Партия — наш рулевой» С. Михалкова (музыка В. Мурадели), «Осенние листья» М. Лисянского (музыка Б. Мокроусова) и многие, многие другие, которые читатель найдет в этой книге.

Валерий Вакуленко

МАРГАРИТА АГАШИНА

БАБЬЕ ЛЕТО

В сентябре на тропки густо
листья пестрые легли.
Сентябри в народе грустно
бабьим летом нарекли.

Только что это такое:
лишь машины замолчат,
до рассвета над рекою
не смолкает смех девчат!

Видно, весело живут,
платья гладят, кудри вьют,
по уплясанной поляне
туфли-лодочки плывут.

А уж песню запоют —
ива склонится к ручью,
дрогнет старая береза:
вспомнит молодость свою.

Выйдет на небо луна,
но не знает и она:
то ли это бабье лето,
то ли девичья весна...

СОРОК ТРАВ

Отпылал вчерашний зной.
Тучи черные — стеной.
И с рассвета над деревней
хлещет дождик проливной.

Мокнет сено на возу,
ветер гнет к земле лозу,
две девчонки загоняют
голенастую козу.

Вымыт начисто плетень,
за окном, как ночью, темь.
Спокон веку не бывает
без грозы Иванов день.

Даже бабка перестала
«Огонек» впотьмах читать,
посмотрела, полистала,
положила и сказала:

— Нынче в ночь мы шли, бывало,
сорок трав в лугах искать.

Как бывало, я нарву —
под подушку ту траву!
Как бывало загадаю,
Так и будет наяву!..

...Если б верить я могла,
я б сто сорок трав нашла!
Я б не только луг колхозный,
я б всю землю обошла.

Но не верю ничему.
Только сердцу своему.
Что творится в этом сердце!
А тебе и ни к чему.

У тебя тяжелый нрав —
не помогут сорок трав:
все по-твоему выходит,
ты всегда бываешь прав.

...Вот и дождь перестает,
и на улице народ,
и почтовая машина
через грязь к селу идет.

Замолкают тормоза.
Вдалеке шумит гроза.
На колодце сушит крылья
Золотая стрекоза.

АЛЕНУШКА

За окошком лес, мохнатый, древний,
луговой речушки поворот...
В дальней-дальней костромской деревне
девочка Аленушка живет.

Ходит по деревне — голос звонкий
и глаза синей, чем небеса,
и, как положено Аленке,
тонкая, но все-таки коса.

Зиму всю — с салазками на горках,
а весной гуляет у реки,
топит с дедом баню на задворках,
с бабушкой сажает кабачки.

А когда лесной душистый ветер
донесет гудок грузовика,
девочка, забыв про все на свете,
побежит встречать издалека.

Не догнать ни бабушке, ни деду,—
издали за внучкой поглядят.
Подбежит, посмотрит, скажет: — Нету...
И тихонько повернет назад.

Гасят электричество соседи,
девушки запели за селом...
— Бабушка, а завтра-то приедет? —
спросит вдруг Аленка перед сном.

Бабушка положит внучку к стенке,
ляжет с краю.— Завтра-то? Должна!
...Мама у Аленушки студентка,
учится на доктора она.

* * *

Выйду к речке, тонкой веткой хрустну,
оборву тенет тугую нить.
Осенью всегда бывает грустно,
даже если не о чем грустить.

Подойду к красавице-рябине,
руку ей на шею положу,
по какой единственной причине
я грущу сегодня расскажу...

Мой упрямый, я тебя прошу:
ты прости мне эти разговоры.
Я всегда молчу про наши ссоры —
сору из избы не выношу.

А сейчас никто ведь не узнает.
Зиму всю рябина смотрит сны,
и она, красавица лесная,
мой рассказ забудет до весны.

Только пусть его подхватит ветер,
Или даже — сразу все ветра:
много ведь людей на белом свете
ссорятся, как мы с тобой вчера.

Пусть же ветры возле них повьются,
им расскажут наш вчерашний спор.
А они — над нами посмеются,
и всю жизнь не ссорятся с тех пор!

ВАРЯ

Шуршали сухо листья на бульваре,
хрустел ледок октябрьских стылых луж.
К моей соседке, молчаливой Варе,
осенним утром возвратился муж.

Не так, как возвращались в сорок пятом
мужья-солдаты с той, большой войны.
Он постучался тихо, виновато,
оставив дом своей второй жены.

А Варя руки фартуком обтерла,
входную дверь спокойно отперла.
Увидела. Ладонью сжала горло
и в комнату не сразу провела.

Потом она поплакала немножко,
сказала: — Что ж, что было, то прошло...
И вот сейчас у них звенит гармошка,
и звякает граненное стекло.

И Варя, вся одетая в обновки,
покинувшие днище сундука,
гремит листами в газовой духовке
и торопливо жарит судака.

...А я считала, что у Вари — сила,
за то, что боль и горечь затая,
она однажды в жизни не простила
того, что столько раз прощала я!

И мне казалось: все не так, как надо,
что гости торжествуют ни к чему,
что Варя не забыла и не рада,
и этот пир горой не потому,

что вот вернулся он, отец ребятам
и ей самой родной и дорогой.
А потому что он давно когда-то
ушел от Вари к женщине другой.

Я все ждала, что Варя гордо встанет,
по-царски сложит руки на груди,
сверкнет глазами, прямо в душу глянет
и, как чужому, скажет — уходи.

Но Варя все сидела с мужем рядом,
на всех смотрела просто и светло,
таким спокойным, все простившим взглядом,
как будто впрямь: что было — то прошло.

И танцевала, стулья раздвигая,
как будто и не плакала она,
как в этот вечер плачет та, другая,
вторая надоевшая жена.

Как будто за окном не воет ветер,
ломая молодые деревца...
А у нее, у той, остались дети,
как Варины когда-то, без отца.

А он — отец — сидит, спиной к комоду,
с гостями шутит, чокается, ест.
И Варя, может год или полгода,
ему на этот раз не надоест.

Она по старой, памятной привычке,
худой носок натянет на грибок,
а под подушку мужа сунет спички
и папирос дешевых коробок.

Припомнит все, что было дорогого
в те давние счастливые года.
И всем вокруг покажется, что снова
в семье у Вари — счастье, как тогда.

И муж решит: — Забыла про обиду!
Привычка! Что ж, она у всех в крови...
А Варя просто не покажет виду,
что в этом доме больше нет любви.

Не знаю, может быть, она вернется,
любовь, которой Варя так ждала.
Не потому ли радостно поется
у праздничного шумного стола?

И кто-то, криком песню заглушая,
какой-то тост провозглашает вновь...
И Варя долго пляшет, провожая
свою большую первую любовь.

ВСЕВОЛОД АЗАРОВ

СТАРЫЕ ПЕСНИ

Я люблю, когда по радио,
Нашим строгим будням в лад,
Поднимая, сердце радуя,
Песни старые звучат.

В них подполье и сибирская,
Неприступная тайга.
В них мечта, для старших близкая,
Внукам будет дорога.

Пресни гневными раскатами
С новым веком говоря,
Встала песня года Пятого,
Как предвестье Октября!

Пусть опять на волнах радио,
Бередя сердца бойцов,
Вьется песня Красной Гвардии,
Песня юности отцов.

Благодарное волнение
И любовь в запеве том,
Что сложили мы при Ленине,
Что сегодня мы поём.

Под жестокий треск винтовочный
Неумолчен стук колес —
Пусть летит безостановочно
Комсомольский паровоз.

Непреклонная, советская,
Кумачем отцовских ран
Рдеет песня конармейская
И сибирских партизан.

С ними шли, под пулей падая
И опять смыкая ряд.
Я люблю, когда по радио
Песни старые звучат.

Огневые стяги вьются их,
Осеняя ратный строй.
Это нашей революции
Голос вечно молодой!

* * *

У окна в вагонном коридоре
Простоять всю ночь, смотреть, курить...
К молодости здесь, на Чёрном море,
Память тянет тоненькую нить.

Время оборвать её не властно,
За окном вагонным угольки
Отмечают путь светло и ясно.
И уже так ярки, так близки

Отблески родной полынной степи,
Небо прочертившая звезда...
Нет, не нить, а якорные цепи
С детских лет меня влекут сюда!

МАРГАРИТА АЛИГЕР

* * *

Соль на губах, на ресницах соль...
Я ничего не забыла.
Счастье и горе, радость и боль —
все это было.

Но не было лжи, не было лжи,
предательства и бесчестья.
Но есть под Москвой тропинка во ржи,
где мы проходили вместе.

Есть колокольчиковый лужок,
где мы на траве сидели.
Есть обрывистый бережок,
где мы карасей глядели.

Есть под Москвой вековые дубы,
которые в зной и вьюгу
простую историю нашей судьбы
рассказывают друг другу.

И роща березовая жива,
которая правду знает.
И нашей любви золотые слова
шепотом повторяет.

Есть над Москвой-рекой косогор,
даль — не окинешь взглядом...

Не перемеришь земной простор,
что мы исходили рядом.

Когда мы расстанемся наконец,
когда нас в живых не будет,
звук наших шагов, стук наших сердец
услышат другие люди.

Достанется им наш мир голубой,
раскат грозовой, закат огневой,
утренний ветер с луга,
яблоневая вьюга...

Так пусть они любят, как мы с тобой,
как мы любили друг друга!

* * *

Опять прощаться и опять
прощать... В который раз!
Опять я не могу понять
невыплаканных глаз.

Не закричать, не продохнуть,
не вспомнить нужных слов...
Прости меня, пускаясь в путь.
Прости и будь здоров!

Прости меня!
За что, бог весть!
Что называть виной?
За то, что я была и есть
под солнцем и луной.

Была и есть, какая есть.
Уж мне не быть иной.
Прости меня...
За что, бог весть!
Что называть виной?

За то, что, сильный человек,
строитель и боец,
одну на свете и навек
ты любишь, наконец!

* * *

Что за ночь на свете, что за ночь!
Тихо так...
Сейчас случится чудо.
Я услышу голос твой:
«Мне худо!
Приходи... Ты можешь мне помочь».

* * *

Осень только взялась за работу,
только вынула кисть и резец,
положила кой-где позолоту,
кое-где уронила багрец,
и замешкалась, будто решая,
приниматься ей этак иль так?
То отчается, краски мешая,
и в смущенье отступит на шаг...
То зайдется от злости и в клочья
все порвет беспощадной рукой...
и внезапно, мучительной ночью,
обретет величавый покой.
И тогда уж, собрав воедино
все усилья, раздумья, пути,
нарисует такую картину,
что не сможем мы глаз отвести.
И притихнем, смущаясь невольно:
что тут сделать и что тут сказать?
...А она все собой недовольна:
мол, не то получилось опять.
И сама уничтожит все это,
ветром сдует, дождями зальет,
чтоб отмаяться зиму и лето
и сначала начать через год.

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Откуда б я ни уезжала,
перед отъездом всякий раз
тужу: все впопыхах, все мало!
Не дожила, не додышала...
Еще бы день! Еще бы час!

И как бы там он ни был скромен,
друзей ли новых добрый дом,
гостиничный ли тесный номер,
уже мне что-то любо в нем.

Уже в нем есть какой-то угол
и вид из этого угла,
где мне порой бывало туго
и где я счастлива была.
Так что ж я быстро уезжаю?

Но эту память, эту грусть
я неизбежно утешаю
решеньем твердым: я вернусь!

Вернусь во что бы то ни стало!
Не сомневайтесь, что вернусь!
И, если что не так, что мало,
возьму свое, начну сначала,
и доживу и нагляжусь.

Я сдерживала обещанье
и возвращалась много раз.
Но, сердце, впереди у нас
еще один последний час,
одно последнее прощанье.
Когда еще ты будешь рядом,
мой дом любимый, жизнь моя,
когда еще последним взглядом
всего смогу коснуться я...

Я так хочу прожить на свете,
такой хочу проделать путь,—
что там ни что, как там ни будь! —
чтобы понять в минуты эти,
как неизбежно понимала
перед отъездом всякий раз:
все впопыхах, все сердцу мало!
Не дожила! Не додышала!
Еще бы день! Еще бы час!
Пусть жизнь была, как подвиг ратный,
который трудно повторить,—
еще одну бы жизнь прожить,
еще вернуться бы обратно!

* * *

Светлые, прозрачные глаза
твердости остывшего металла...
Не о вас ли много лет назад,
смолоду, я думала, мечтала?
Поздно мне пришлось вас повстречать,
да и посветили вы мне скупо...
Что же, мне об этом закричать?
Зарыдать?
Не стоит.
Поздно.
Глупо.

ДЕРЕВНЯ КУКОЙ

Есть в Восточной Сибири деревня Кукой —
горстка изб над таежной рекой.

За деревней, на взгорье,— поля и луга,
а за ними стеною тайга.

В сорок первом, когда наступали враги,
проводила деревня от милой тайги
взвод отцов и мужей, взвод сибирских солдат.

Ни один не вернулся назад.
И остались в Кукое, у светлой реки,
только дети, да женщины, да старики.

Молодые ребята, едва подросли,
на большие сибирские стройки ушли.

Не играют тут свадеб, не родят детей.
Жизнь без всяких прикрас, безо всяких затей.

Ранним-рано кукоевцы гасят огонь.
Никогда не играет в Кукое гармонь.

Ни вечерки какой, ни гуляния нет.
Только вдовья кручина — считай сколько лет.

А кругом синева, а кругом красота,
заповедные, хлебные наши места,

незакатные зори да водная ширь,
необъятная наша Сибирь.

Наезжает в Кукой по дороге лесной
человек дорогой — секретарь областной.
Собираются люди — уж так повелось.
Разговор по душам... За вопросом вопрос...
Сколько раз он в заботе своей
предлагал переехать в соседний колхоз:
дескать, все-таки там веселей.

— Нет,— ему отвечали — не стоит труда.
Ни к чему. От себя не уйдешь никуда.
Это наше родное, земля наша, труд...
Никуда не поедем, останемся тут.
Обойдется! Сиротки, гляди, как растут,—
и вечерки начнутся, гулянки пойдут.
И гармонь заиграет, и хватит окрест
молодцов-женихов и красавиц невест.
Станет весело, людно, тоска нипочем...

Так о чем моя дума, о чем?

А о том, что прошли молодые года,
не согреть никогда, не вернуть никогда...

А о том, что одна у нас доля с тобой,
друг мой сильный и мудрый, деревня Кукой.

Мы свое испытанье достойно снесли,
но ребята у нас без отцов подросли.

Но еще не утихла душевная боль,
но еще на ресницах не высохла соль.

Не забыли, не справились мы до конца —
все горят обожженные наши сердца.

Кто же, где же, в какой нелюдской стороне
заикнуться посмеет о новой войне?!

* * *

За какие такие грехи
не оставшихся в памяти дней

все трудней мне даются стихи,
что ни старше душа, то трудней.
И становится мне все тесней
на коротком отрезке строки.
Мысль работает ей вопреки,
а расстаться немыслимо с ней.
Отдаю ей все больше труда.
От обиды старею над ней.
Все не то, не к тому, не туда,
приблизительней, глуше, бледней.
Я себе в утешенье не лгу,
задыхаясь в упреке глухом.
Больше знаю и больше могу,
чем сказать удается стихом.
Что случилось? Кого мне спросить?
Строй любимых моих и друзей
поредел... Все трудней полюбить.
Что ни старше душа, то трудней.
Не сдавайся, не смей, не забудь,
как ты был и силен, и богат.
Продолжай несговорчивый путь
откровений, открытий, утрат.
И не сдай у последних вершин,
где на стыке событий и лет
человек остается один
и садится за прозу поэт.

МИНСКОЕ ШОССЕ

Прошли года, затягивая шрамы,
как след в песке — касание волны,
и пряничные вяземские храмы
стоят, как будто не было войны.
И незачем сворачивать с дороги
по рытвинам,— проедем ли, бог весть?!—
чтоб увидать раненья и ожоги,
которых там, наверное, не счесть.
Прошли года. Легендой стали были.
Цветет земля на сотни верст окрест.
Здесь все пылало. Здесь тебя убили.
И вот я еду мимо этих мест.
И добрый ветер мне ресницы студит,

и дали все открыты и ясны,
как будто вправду никогда не будет
войны...

ДВОЕ

Опять они поссорились в трамвае,
не сдерживаясь, не стыдясь чужих...
Но, зависти невольной не скрывая,
взволнованно глядела я на них.

Они не знают, как они счастливы.
И слава богу! Ни к чему им знать.
Подумать только — рядом, оба живы,
и можно все исправить и понять...

* * *

Господи, как жизнь огромна!
Та, что за плечами.
Ведь была еще Коломна
с белыми ночами.

Ожиданье парохода.
Соловьи... Весна...
А еще спустя два года
началась война.

ТИШИНА

В тот вечер желуди по крыше
постукивали,— щелк да щелк,—
и голос твой звучал все тише
и наконец совсем умолк.

Ты молча сел со мною рядом,
ты молча руку в руку взял
и горьким взглядом, тихим взглядом
всю правду молча рассказал.

И я была душевно рада,
что тишине твоей в ответ

произносить слова не надо,
затем, что слов достойных нет.

* * *

Женщина на улице кричала
так, что содрогались все вокруг.
...Это было самое начало
грянувшего горя, грозных мук.

Будет боль жестокой и великой,—
не измерить, не исчислить дней,—
и когда не станет сил для крика,
люди скажут:
полегчало ей.

ДА И НЕТ

Если было б мне теперь
восемнадцать лет,
я охотнее всего
отвечала б: нет!

Если было б мне теперь
года двадцать два,
я охотнее всего
отвечала б: да!

Но для прожитых годов,
пережитых лет
мало этих малых слов,
этих «да» и «нет».

Мою душу рассказать
им не по плечу.
Не расспрашивай меня,
если я молчу.

ТРЕТЬЯ ВЕСНА

Распушился молодой лозою
почерневший, полумертвый пень —

дерево, разбитое грозою
в твой девятый день.

Возвращенья к жизни неизбежность,
непредвиденны твои пути.
И в моей душе другая нежность
осторожно пробует расти.

Я пред ней растерянно немею,
я ее от ветра берегу,
но никак назвать ее не смею
и ничем помочь ей не могу.

* * *

Я слишком счастлива была
в жару любви твоей.
Я слишком поздно поняла,
что я была сильней.
Что мне на все хватило б сил,
на долгий, долгий срок.
Что ты о помощи просил,
когда бывал жесток.
Что можно было все спасти,
принять за все ответ.
...И некому сказать: прости,—
тебя на свете нет.
И только на губах горят
бессильные слова.
К чему?!
...А люди говорят,
что я еще жива.

* * *

Я все плачу́ — я все плачу́ —
плачу́ за каждый шаг.
Но вдруг,— бывает! — не хочу
пожить денек за так.
И жизнь навстречу мне идет,
подарки дарит мне,
но исподволь подводит счет,
чтоб через месяц, через год
спросить с меня вдвойне.

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

ВСТУПЛЕНИЕ

Я книгу времени читал
С тех пор, как человеком стал,
И только что ее раскрыл —
Услышал шум широких крыл
И ощутил неслышный рост
Шершавых трещин и борозд
На лицах ледниковых скал.
И с этих пор я отыскал,
И полюбил я с этих пор
И первый каменный топор,
И первый парус на волне
И давний день, когда в огне
Впервые плавилась руда.

Летели дни. Прошли года.
В них слезы были, кровь и дым.
И я недаром стал седым:
Я памятью обременен,
Я сверстник мчащихся времен.

Мой выбор сделан издавна
Меж девяти сестер одна
Есть муза грозной правоты.
Ее суровые черты,
Ее руки творящий взмах

И в исторических томах
И на газетной полосе,

Она мне диктовала все.
Стихи любимые. И с ней
Мой труд страстней, мой путь ясней.
Она вела меня чуть свет
В Московский университет.
Она внесла мой ранний ямб
На сцену, в блеск вечерних ламп.
Она пошла со мной, держа
Священный свиток мятежа.

Ей дорог матовый загар
Азербайджанцев и болгар,
Ей близок отблеск синевы
В глазах у Польши и Литвы.
Мила ей всякая краса,
Понятны ей все голоса:
И многотрубный хор стихий,
Не умещаемый в стихи,
И упоенных скрипок стон,
И дальних взрывов в сотни тонн
За океаном перекат,
И первый выстрел с баррикад.

Когда пришел военный год,
Она, подруга непогод,
Все человечество храня
На грозной линии огня,
Оплакав сына моего,
Чье сердце немо и мертво,
Шептала мне: «Не спи, пиши
Про ранний рост его души»,—
В глухой избе в ночной тиши
Чинила мне карандаши.

Но горе музу не берет,
И вновь она пошла вперед.
Пошла вперед! Ее нельзя
Назвать красавицей, друзья.
Но крут бровей ее излом.
Но кудри медные узлом,
Откинутые, сплетены.
Но в мире нет такой стены,
Чтоб не могла пройти она.

Я сделал выбор издавна,
И буду верен ей и впредь,
Когда придется умереть,
Я ей отдам на сотни лет
Беречь мой партбилет.

ДРУГУ

В. Луговскому

В ненастный вечер или в ясный
Закат пылал в большом окне,
Когда в косоворотке красной
Ты в первый раз пришел ко мне.

Некомнатный, негибкий голос,
Как ерихонская труба,
Цыганский, черный жесткий волос,
Упрямо счесанный со лба.—

Все было вылеплено крупно
Из сплава четырех стихий.
Все — даже этот голос трубный,
Раскачивающий стихи.

Казалось, что за далью синей,
В набатах, в сполохах ночных
Главу Истории России
Твердит прилежный ученик.

Когда же в пылкий амфибрахий
Впрягался движущий глагол,
Дымилась степь в огне и прахе,
Батый пожарами прошел...

Но втоптан был зловещий недруг
В горючий пласт сухой земли.
Мечи и кости тлели в недрах.
Года прошли, века прошли.

Тогда гораздо ближе, тут же
В летящих строфах смельчака
Сквозь снегопад сибирской стужи
Пробился поезд ВЧК.

И непогода разрубала
Нетопленный полночный зал.
И шли курсанты прямо с бала
Пешком на Северный вокзал.

И зной, и пахота в пустыне,
И фары первых тракторов
Торжественней иной латыни
Вошли под твой домашний кров.

Я не об образах словесных
Припоминаю впопыхах.
Не о давным-давно известных
И переизданных стихах.

Но о пройденном расстоянье,
О поэтической судьбе,
О юношеском обаянье
Во всем твоем, в самом тебе.

О дружестве, не омраченном
Любой печали вопреки...
Не знаю, сколько жить еще нам,
Но мы с тобой не старики!

КОКТЕБЕЛЬ

I

Тогда казался этот дом форпостом
Мечтателей и чудаков Москвы.
Влекло их к слепым черноморским звездам,
К лохматой пене, к блеску синевы.

К хозяину... А он не дожил века,
Не дописал стихи,— и был таков!
Остался дом, как праздничная веха
В воспоминаньях многих чудаков.

Остался львиный облик киммерийца
с народнической русой бородой.
Остался тлен и прах, как говорится,
Да шум прибоя, да туман седой.

Осталась в доме голова царевны,
Умершей много тысяч лет назад.
Глаза ее младенчески безгневно
Поверх морей и мимо стран скользят.

С невольным страхом прикасались гости
К обломку древней сказочной кормы:
Впились в обшивку бронзовые гвозди,
Стих Одиссеи волновал умы.

И раковины с берегов Гвинеи
Нас радовали радужной игрой,
И жизнь поэта и века за нею
Как будто приближались к нам порой.

Так он остался в нашем мирозданье
Дородный этот добрый бородач,
Отнюдь не классик в массовом изданье,
А только список спорных неудач.

Нам показалось, что за далью влажной
Глядит на тучи и на Чатырдаг
Какой-то профиль каменный и важный,
Какой-то старый символист-чудак.

2

Сожженная земля в колючках дрока,
В колючках ржавой проволоки, в костях.
Бежит вдоль пенной кипени дорога,
На скалах развевается наш стяг.

Здесь пионерский лагерь. Но, пожалуй,
Видней отсюда прошлые века,
Земля недаром столько раз рожала,
Морская соль недаром не сладка.

Здесь были греки, генуэзцы, турки,
Бетонный дот не позабыл других,
Консервные их банки и окурки,
Зловещую команду, зверский гик.

Запомнил дот, как выбили их к черту.
И с камнем сросся, мрачен и коряв.

Лишь трещинами накрест перечеркнут,
Военное значенье потеряв.

Бетонный дот в сравненье с морем хрупок:
Он выстоит еще лет пять иль шесть
И в мусор мокрых галек и скорлупок
Всей массой должен все-таки осесть.

Вал налетит, ища любого корма,
Вихрастый гребень выгнется вверху,
И ликованье праведного шторма
Спокойно смоет серую труху.

Природа, как наставница благая,
С учениками лучшими дружит,
Без сожаленья в землю отлагая
Все, что сырой земле принадлежит.

Ей не милы колчаны и кольчуга
И костяков изглоданных оскал,
Но у рыбацкой крохотной лачуги
Она поставит стражу верных скал.

Нагромоздит обветренные глыбы,
Как изваянья богатырских дней,
С таким расчетом, чтоб они могли бы
Свидетельствовать правнукам о ней.

Прибою отчеканивать поручит
Нефрит и сердолик, и халцедон
И напоследок мальчика научит
Лепить из глины все, что видит он!

БАЛЛАДА О ЧУДНОМ МГНОВЕНИИ

...Она скончалась в бедности. По странной случайности гроб ее повстречался с памятником Пушкина, который ввозили в Москву.
Из старой энциклопедии.

Ей давно не спалось в дому деревянном,
Подходила старуха, как тень, к фортепьянам,
Напевала романс о мгновенье чудном
Голоском еле слышным, дыханьем трудным,

А по чести сказать, о мгновенье чудном
Не осталось грусти в быту ее скудном,
Потому что барыня в глухой деревеньке
Проживала, как нищенка, на медные деньги.

Да и, господи боже, когда это было.
Да и вправду ли было, старуха забыла.
Как по лунной дорожке, в сверканье снега
Приезжала к нему — вся томленье и нега,
Как в объятьях жарких, в молчанье ночи
Он ее заклинал, целовал ей очи,
Как уснул на груди ее и дышал неровно,—
Позабыла голубушка Анна Петровна.

А потом пришел ее час последний.
И всесветная слава и светские сплетни
Отступили, потупясь, пред мирной кончиной.
Возгласил с волненьем сам благочинный:

— Во блаженном успении вечный покой ей! —
Что в сравненье с этим счастье мирское!
Ничего не слыша, спала бездыханна
Раскрасавица Керн, боярыня Анна.

Отслужили службу, панихиду отпели.
По Тверскому тракту полозья скрипели.
И брели за гробом, колыхались в поле
Из родни и знакомцев десяток — не боле.
Не сановный люд, не знатные гости
Поспешали зарыть ее на погосте.
Да лошадка по грудь в сугробе завязла.
Да крещенский мороз крепчал как назло.

Но пришлось процессии той сторониться.
Осадил, придержал правее возница,
Потому что в Москву по воле народа
Возвращался путник особого рода,
И горячие кони били оземь копытом,
Звонко ржали о чем-то не забытом.
И январское солнце багряным диском
Рассиялось о чем-то навеки близком.

Вот он — отлит на диво из гулкой бронзы,
Шляпу снял, загляделся на день морозный.

Вот в крылатом плаще, в гражданской одежде
Он стоит, кудрявый и смелый, как прежде.
Только страшно вырос — прикиньте, смерьте
Сколько весит на глаз такое бессмертье!
Только страшно юн и страшно спокоен,—
Поглядите, правнуки — точно такой он!

Так в последний раз они повстречались,
Ничего не помня, ни о чем не печалясь,
Так метель крылом своим безрассудным
Осенила их во мгновенье чудном.
Так метель обвенчала нежно и грозно
Смертный прах старухи с бессмертной бронзой,
Двух любовников страстных, отпылавших розно,
Что простились рано и встретились поздно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вы любите грозу в начале мая,
Когда в раскатах грозовых
Звучит, народы в битву поднимая,
Апрельских тезисов язык.

Вы любите грозу в начале мая.
Когда на сломанных крестах,
Гнездо фашизма черного ломая,
Войска врываются в рейхстаг.

Вы любите грозу в начале мая,
В начале юности своей —
Пускай зовет, внезапная, прямая,
На подвиг ваших сыновей!

Да будет так! Играй, избыток жизни!
Греми, весенняя гроза!
Ударь дождем и молниями брызни
В ненасытимые глаза!

Чтоб было что припомнить нам под старость
На празднике большевиков!
Чтоб только это в памяти осталось
На веки вечные веков!

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

ПОРТРЕТЫ

Зачем вы не любите, люди,
своих неподкупных поэтов?
Взывая к векам о бессудье,
глядят они грустно с портретов.

Одни на дуэли убиты,
другие, не сладив с судьбою,
от сердца смертельной обиды
покончили сами с собою.

Не верят созданий их пользе,
осмеивают и ругают,
пока они живы,
а после —
им памятники воздвигают.

Верните их к жизни скорее!
Пусть вышли из моды костюмы,
пусть выцвели снимки, серея,
но живы их мысли и думы.

Зачем вы не любите, люди?!
Зачем вы их губите, люди?!
Но нет на вопросы ответов,
глядят они грустно с портретов.

НАША ПРОФЕССИЯ

Если бы люди собрали и взвесили,
словно громадные капли росы,
чистую пользу от нашей профессии,
в чашу одну поместив на весы,
а на другую бы — все меднорожие
статуи графов, князей, королей,—
чудом бы чаша взвилась, как порожняя,
нашу бы вниз потянуло, к земле!
И оправдалось бы выражение:
«лица высокого положения»;
и оценил бы подлинно вес
нас, повелителей светлых словес!
Что это значит — остаться в истории?
Слава, как мел: губку смочишь и стер ее;
но не сотрется из памяти прочь
«Страшная месть» и «Майская ночь»!
Те, кто бичом и мечами прославились,
в реку забвенья купаться отправились;
тот же, кто нашей мечтой овладел,
к памяти мира не охладел.
Кто был в Испании — помните, что ли,—
в веке семнадцатом на престоле?
Жившего в эти же сроки на свете
помнят и любят Сервантеса дети!
А почему же ребятам охота
помнить про рыцаря, про Дон Кихота?
Добр, справедлив он и великодушен —
именно этот товарищ нам нужен!
Что для поэта времени мера?
Были бы строки правдивы и веселы!
Помнят же люди слепого Гомера...
Польза большая от нашей профессии!

ДРУЗЬЯМ

Хочу я жизнь понять всерьез:
наклон колосьев и берез,
хочу почувствовать их вес
и что их тянет в синь небес,
чтобы строка была верна,
как возрождение зерна.

Хочу я жизнь понять всерьез:
разливы рек, раскаты гроз,
биение живых сердец —
необъясненный мир чудес,
где, словно корпус корабля,
безбрежно движется земля.

Гляжу на перелеты птиц,
на перемены ближних лиц,
когда их время жжет резцом,
когда невзгоды жмут кольцом...
Но в мире нет таких невзгод,
чтоб солнца задержать восход.

Не только зимних мыслей лед
меня остудит и затрет,
и, нет, не только чувства зной
повелевает в жизни мной,—
я вижу каждодневный ход
людских усилий и забот.

Кружат бесшумные станки,
звенят контрольные звонки,
и, ставши очередью в строй,
шахтеры движутся в забой,
под низким небом черных шахт
они не замедляют шаг.

Пойми их мысль, вступи в их бой,
стань их бессмертья следопыт!
Чтоб не как облако прошли
над ликом мчащейся земли,—

чтоб были вбиты их дела
медалью в дерево ствола.

Безмерен человечий рост,
а труд наш — меж столетий мост...
Вступить в пролеты! Где слова,
чтоб не кружилась голова?
Склонись к орнаменту ковров,
склонись к доению коров,

чтоб каждая твоя строка
Дала хоть каплю молока!

Как из станка выходит ткань,
как на алмаз ложится грань,
вложи, вложи в созвучья строк
бессмертный времени росток!
Тогда ничто, и даже смерть,
не помешает нам посметь!

САМОЕ ЛУЧШЕЕ

Я пишу обо всем,
что приходит мне в голову
и до сердца доходит;
что веселого
или тяжелого
наблюдаемо мной
в природе.
А приходит мне в голову
самое лучшее
из лучших:
пробирающийся
сквозь иглы колючие
солнечный лучик,
пробивающаяся
между плит исхоженных
молодая тропинка,
выступающая
от чувств восторженных
на глазах слезинка;
все, что в жизни,
пестрея,
встретится
на пути-дороге;
все, что сердцем в груди отметится,—
радости и тревоги.
И — хоть нравится,
хоть не нравится
эта кипень слова,—
за величие народа
здравицу
поднимаю стихами снова.

ПЕСНЬ О ГАРСИА ЛОРКЕ

Почему ж ты, Испания,
в небо смотрела,
когда Гарсиа Лорку
увели для расстрела?
Андалузия знала
и Валенсия знала,—
что ж земля
под ногами убийц не стонала?!
Что ж вы руки скрестили
и губы вы сжали,
когда песню родную
на смерть провожали!
Увели не к стене его,
не на площадь,—
увели, обманув,
к апельсиновой роще.
Шел он гордо,
срывая в пути апельсины
и бросая с размаху
в пруды и трясины;
те плоды
под луною
в воде золотели
и на дно не спускались,
и тонуть не хотели.
Будто с неба срывал
и кидал он планеты,—
так всегда перед смертью
поступают поэты.
Но пруды высыхали,
и плоды увядали,
и следы от походки его
пропадали.
А жандармы сидели,
лимонад попивая
и слова его песен
про себя напевая.

НАТАЛЬЯ АСТАФЬЕВА

* * *

Нежность душила меня.
Нежность
глушила
я,
нежность топтала я,
в грубых словах топя...
Если бы
нежностью
брали
на штурм
города,
все
с неизбежностью
я бы взяла тогда!

* * *

Баржа грузно идет,
в воду вбитая.
Ночь над баржей встает,
неумытая.
На борту хохоток —
ну, и весело!
В голубой холодок
ноги свесили.

Звезды ночь серебром
порассыпала...
Ах, кому-то вдвоем
счастье выпало!

* * *

Я бы петь пошла,
да сдавило грудь,
танцевать бы пошла,
да уж как-нибудь.

Я бы в круг пошла —
шире, шире круг! —
если б там нашла
пару милых рук.

Как тоскую я
по рукам твоим,
обнимать меня
суждено не им.
Как тоскую я,
как тоскую я,
сколько лет прошло —
все тоскую я.

* * *

Я все еще привыкла удивляться
твоим словам, внимательным и нежным,
к тебе иду на грани удивленья
почти три года неправдоподобных.
Но если правда — есть любовь на свете
и если нежность наша не обмолвка —
хочу я так любить,
как любят дети:
восторженно, безмолвно и неловко!

* * *

Ты человек
с маленькими злыми глазами

и низким
разрезанным жесткой морщинкой лбом.
А ты мне так долго
казался небом над нами
и лесом,
который шумит, не смолкая, кругом.
А теперь ты сидишь, ходишь —
и я различаю
твою подпрыгивающую походку
и твой мешковатый пиджак...
Что мне делать с тобой,
с этим новым,—
                    не знаю,
а эти стихи
я пишу просто так.

* * *

Сколько боли!
                    Сколько боли!
Пропасть целая была!..
Три недели
                    белым полем
туча черная плыла.

И опять прозрачно небо,
столько света над землей,
так светло,
                    как будто не было
в мире
          смерти ни одной!

* * *

Я хочу добрым словом помочь
всем, кто маяться в жизни устал,
всем, кому белый день как ночь,
мягкий хлеб тяжелей, чем металл.

Не хочу судить, проклинать,
обижать —
          говорить: ты слаб.

Просто к сердцу прижму, как мать,
кину тонущим круг или трап,

Крикну: — Рано ты встал на причал! —
Или крикну: — Растает снег!.. —
Чтобы сердца мотор застучал,
спину выпрямил вновь человек.

* * *

Дождевые тучи
снова
налетели в небо чистое,
словно птицы бестолковые,
синеперые,
голосистые.
Речка вся в гусиной коже.
Холода.
Октябрь месяц.
Смят травы намокший ежик.
В поле грязь ногами месишь.
Хлеб убрали.
В поле голо.
Луговые травы скошены.
У дороги
мокнет колос,
как воробышек взъерошенный.

* * *

Горе старое превысив,
горе новое пришло...
Не умею независимо
жить на свете:
как узлом —
связана с людьми любовью,
болью,
горечью обид,
гневом,
гордым прекословьем
и тобой,
могучий быт!

* * *

Я не пойму,
то сердце бьется,
то сердце плачет,
то загрустит,
то засмеется...
Что это значит?
Я не люблю его —
такого,
любить не буду.
Но слово,
ласковое слово —
подобно чуду.
Наговорил он мне немало,
нафантазерил.
И в сердце счастье вырастало
из этих зерен.
Он целовал мой лоб, ресницы,
лицо и плечи.
Лишь не сумел в меня влюбиться
по-человечьи!

* * *

Умру я однажды
от глада, от жажды,
от горечи едкой,
в дверь стукнув соседке...
Одна-одинока,
в морщинах глубоких,
в тяжелых морщинах,
худа, как мужчина,
худа, невесома,
темней чернозема.
Я знаю, так будет...
Пусть не осудят,
что дети и внуки
не гладят мне руки;
что так овдовело
умрет мое тело,
что жизнь пролетела
так неумело.

* * *

Я с детства фразы не терпела,
любила речи строгий склад...
Гремя, как над умершим телом,
слова ненужностью звучат.

Не блестки слова твоего,
не провожанье до порога —
мне в дружбе надо очень много
или не нужно ничего!

НА ВОКЗАЛЕ

Я несколько дней по центру столицы
кружила...
И вот на вокзале опять.
Вижу усталые, серые лица.
Мучительно хочется спать.
Вдоль стен вереницей —
вповалку тела...
Родина, сколько ты верст обошла!
Разутые ноги
в тепле,
        без тревоги,
хотят отдохнуть,
шевелятся пальцы...
В цветном одеяльце
ребенок лежит...
Прячет женщина грудь.
Война.
Никуда не уйдешь от войны!
И люди лежат вдоль вокзальной стены
то в серых, то в бурых
платках, пиджаках —
мешок в головах,
дитя на руках.

* * *

Когда я,
        в мыслях о тебе,
                вдруг встану среди комнаты,

забуду я,
зачем пришла,—
одно на свете помню:
облокотился человек
на холод подоконника,
и я волнением его
вся до краев наполнена.
Как будто
стрелки мы с тобой,
дрожащие на компасе.
Как два крыла у коршуна,
кружащего над пропастью.
Как резко перевернутые
единые две лопасти:
ты со своею грубостью —
я со своею робостью.

* * *

К земле потянет тяжесть лет —
прилягу и глаза закрою.
Махнет мне вслед зеленый лес,
земля сомкнется надо мною.
Как зверь, закрытый на засов,
в потемках я протрепетала,
лишь несколько горячих слов —
вот все, что людям я сказала.
Прощай, зеленый остров мой,
моя зеленая планета!
Шуми, шуми над головой
живой, мятущейся листвой,
прибоем солнечного света!

* * *

К холодным ногам приехала.
Метель завевает снег,
и едет по снежным вехам
в последний свой путь человек.
Была я ему как солнышко.
А был он стар и сир.

Как голубое оконышко
в солнечный этот мир.
Стою в стылой комнате — вот он,
покой стариковских дум,
где окружал нас заботой
хозяин ее, хлопотун.
Встречал нас бурчаньем застенчивым,
под нос что-то нежно ворча,
старик, одинокий, как птенчик,
в просторной квартире врача.
Он ждал нас все лето так преданно.
Была я ему как дочь.
Все некогда, все не приеду я,
и вот ничему не помочь.
Седые шевелятся брови,
метель завевает снег,
как в лодке —
прямой и суровый —
плывет над землей человек.

* * *

Придавила память.
Пусть не в рост покамест.
Но не ветка согнутая,
а пружина собранная!

* * *

Оказался ласковым нежданно.
Прядь на лбу податливых волос.
А глаза,
что карие каштаны,
жаркие и видные насквозь.
Выбралась на палубу из трюма,
из нечеловеческой тоски —
никогда б я не могла подумать,
что бывают люди так близки!
Грохот океана...
Залпы пушек
бурный путь пророчат кораблю.
На груди широкой,
как на суше,

крепко-крепко до утра просплю.
Ничего на свете мне не надо —
только б от крушенья уберечь
волевую устремленность взгляда,
сложенные крылья этих плеч.
Теплый камень этих щек колючих,
наши чутко сближенные лбы,
губ твоих
горячие излучины
да большие кулаки борьбы.
Эти руки, обгорая,
ломом
в дымном танке выбивали люк...
Ближе близости родного дома
сильное объятье этих рук.
Шрамы...
Плащ брезентовый поношен.
Синева усталости у век.
Наконец,
по-крупному
хороший
встретился мне в жизни человек.

ХЛЕБ

Да, я-то знаю, я-то знаю,
как пахнет степь,
как стебель к небу вылезает,
суля нам хлеб.

Желанный хлеб!
В руке сжимала
я колос твой.
И в барабан зерно стучало
тугой струей.
Зерно текло неторопливо.
Пустела степь...

В войну
зеленый, из крапивы,
я ела хлеб.

* * *

Я мыла полы и стирала рубахи,
была штукатуром,
копнильщицей,
пряхой,
носила тяжелые полуботинки
и терла
травою
молочные кринки.
Над почерком детским склонялась устало,
в бутылках горячую воду меняла
и смерть отгоняла от девочки Тони...
За все мне наградой
твои две ладони.
В них все,
что положено нашим мужчинам:
и темная копоть в глубоких морщинах,
и желтый кружок засохшей мозоли,
и сила рукопожатья до боли.
В них все, что положено нашим хорошим,
в траншеях сырых бородою обросшим,
глядевшим с тоской человеческой в дали,
где мы —
мы девчонки тогда —
бедовали.
В них все, что положено нашим упрямым:
и красный рубец и белые шрамы,
и войны, и стройки —
все выносила
этих ладоней
щедрая сила!

* * *

Затенил обои —
как орел,
сутул.
Придавил собою
колченогий стул.
За спиной могучей
руки не свести...
Сиднем,
туча-тучей —

на моем пути.
Глухо,
к сердцу ухом
упаду на грудь...
Ты не падай духом,
отправляясь в путь.
Станешь ты мудрее.
Стану я старей.
Уезжай скорее —
приезжай скорей!

* * *

Сплошная фраза — человек.
А голос —
как поток!
Такое солнце из-под век —
хоть надевай платок!
Хоть к цоколю неси цветы —
такой широкий жест!
И лишь слова твои пусты.
Гремит,
ржавея,
жесть.

* * *

Обвели, как дурочку, вокруг пальца.
Обвели.
Плачу я...
А стены осыпаются —
вся в пыли!
Осыпаются стены счастья нашего...
Ты в пальто.
Утешаешь:
что случилось страшного!..
Правда,
что?

АННА АХМАТОВА

ПРИМОРСКИЙ ПАРК ПОБЕДЫ

Еще недавно плоская коса,
черневшая уныло в невской дельте,
как при Петре, была покрыта мхом
и ледяною пеною омыта.

Скучали там две-три плакучих ивы,
и дряхлая рыбацкая ладья
в песке прибрежном грустно догнивала.
И буйный ветер гостем был единым
безлюдного и мертвого болота.

Но ранним утром вышли ленинградцы
бесчисленными толпами на взморье.
И каждый посадил по деревцу
на той косе, и топкой и пустынной,
на память о великом Дне Победы.

И вот сегодня — это светлый сад,
привольный, ясный, под огромным небом:
курчавятся и зацветают ветки,
жужжат шмели, и бабочки порхают,
и соком наливаются дубки,
а лиственницы нежные и липы
в спокойных водах тихого канала,
как в зеркале, любуются собой...

И там, где прежде парус одинокий
белел в серебряном тумане моря,—
десятки быстрокрылых, легких яхт
на волнах тешатся...
Издалека
восторженные клики с стадиона
доносятся...
Да, это парк Победы.

* * *

И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя,
Все кончено... И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.

СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕГИИ

Все в жертву памяти твоей...
Пушкин

ПЕРВАЯ

ПРЕДЫСТОРИЯ

Я теперь живу не там...
Пушкин

Россия Достоевского. Луна
На четверть скрыта колокольней.
Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.
Везде танцклассы, вывески менял,
А рядом: «Henriette», «Basile», «Andre»
И пышные гроба: «Шумилов-старший».
Но, впрочем, город мало изменился.
Не я одна, но и другие тоже
Заметили, что он подчас умеет
Казаться литографией старинной,
Не первоклассной, но вполне пристойной,
Семидесятых, кажется, годов.
Особенно зимой, перед рассветом,

Иль в сумерки — тогда за воротами
Темнеет жесткий и прямой Литейный,
Еще не опозоренный модерном,
И визави меня живут — Некрасов
И Салтыков... Обоим по доске
Мемориальной. О, как было б страшно
Им видеть эти доски! Прохожу.
А в Старой Руссе пышные канавы,
И в садиках подгнившие беседки,
И стекла окон так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, уйдем.
Не с каждым местом сговориться можно,
Чтобы оно свою открыло тайну
(А в Оптиной мне больше не бывать...).

Шуршанье юбок, клетчатые пледы,
Ореховые рамы у зеркал,
Каренинской красою изумленных,
И в коридорах узких те обои,
Которыми мы любовались в детстве,
Под желтой керосиновою лампой,
И тот же плюш на креслах...
Все разночинно, наспех, как-нибудь...
Отцы и деды непонятны. Земли
Заложены. И в Бадене — рулетка.

И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила.
Ненужный дар моей жестокой жизни...
Страну знобит, а омский каторжанин
Все понял и на всем поставил крест.

Вот он сейчас перемешает все
И сам над первозданным беспорядком,
Как некий дух, взнесется. Полночь бьет.
Перо скрипит, и многие страницы
Семеновским припахивают плацем.

Так вот когда мы вздумали родиться
И, безошибочно отмерив время,
Чтоб ничего не пропустить из зрелищ
Невиданных, простились с небытьем.

ВТОРАЯ

О ДЕСЯТЫХ ГОДАХ

И никакого розового детства...
Веснушек, и мишек, и игрушек,
И добрых теть, и страшных дядь, и даже
Приятелей средь камешков речных.
Себе самой я с самого начала
То чьим-то сном казалась или бредом,
Иль отраженьем в зеркале чужом,
Без имени, без плоти, без причины.
Уже я знала список преступлений,
Которые должна я совершить.
И вот я, лунатически ступая,
Вступила в жизнь и испугала жизнь:
Она предо мною стлалась лугом,
Где некогда гуляла Прозерпина.
Передо мной, безродной, неумелой,
Открылись неожиданные двери,
И выходили люди и кричали:
«Она пришла, она пришла сама!»
А я на них глядела с изумленьем
И думала: «Они с ума сошли!»
И чем сильней они меня хвалили,
Чем мной сильнее люди восхищались,
Тем мне страшнее было в мире жить;
И тем сильней хотелось пробудиться,
И знала я, что заплачу сторицей
В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,
Везде, где просыпаться надлежит
Таким, как я,— но длилась пытка счастьем.

ТРЕТЬЯ

В том доме было очень страшно жить,
И ни камина свет патриархальный,
Ни колыбелька моего ребенка,
Ни то, что оба молоды мы были

И замыслов исполнены,
Не уменьшало это чувство страха.
И я над ним смеяться научилась
И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко,
В то время, как мы, замолчав, старались
Не видеть, что творится в зазеркалье,
Под чьими тяжеленными шагами
Стонали темной лестницы ступени,
Как о пощаде жалостно моля.
И говорил ты, странно улыбаясь:
«Кого «они» по лестнице несут?»
Теперь ты там, где знают все, скажи,
Что в этом доме жило кроме нас?

ЧЕТВЕРТАЯ

Так вот он — тот осенний пейзаж,
Которого я так всю жизнь боялась:
И небо — как пылающая бездна,
И звуки города — как с того света
Услышанные, чуждые навеки.
Как будто все, с чем я внутри себя
Всю жизнь боролась, получило жизнь
Отдельную и воплотилось в эти
Слепые стены, в этот черный сад...
А в ту минуту за плечом моим
Мой бывший дом еще следил за мною
Прищуренным, неблагосклонным оком,
Там навсегда мне памятным окном,
Пятнадцать лет — пятнадцатью веками
Гранитными как будто притворились,
Но и сама была я как гранит:
Теперь моли, терзайся, называй
Морской царевной. Все равно. Не надо...
Но надо было мне себя уверить,
Что это все случилось много раз,
И не со мной одной — с другими тоже,—
И даже хуже. Нет, не хуже — лучше.
И голос мой — и это, верно, было
Всего страшней — сказал из темноты:

«Пятнадцать лет назад какой ты песней
Встречала этот день, ты небеса
И хоры звезд, и хоры вод молила
Приветствовать торжественную встречу
С тем, от кого сегодня ты ушла...

Так вот твоя серебряная свадьба:
Зови ж гостей, красуйся, торжествуй!»

ПЯТАЯ

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.
О, как я много зрелищ пропустила,
И занавес вздымался без меня
И так же падал. Сколько я друзей
Своих ни разу в жизни не встречала,
И сколько очертаний городов
Из глаз моих могли бы вызвать слезы,
А я один на свете город знаю
И ощупью его во сне найду.
И сколько я стихов не написала,
И тайный хор их бродит вкруг меня
И, может быть, еще когда-нибудь
Меня задушит...
Мне ведомы начала и концы,
И жизнь после конца, и что-то,
О чем теперь не надо вспоминать.
И женщина какая-то мое
Единственное место заняла,
Мое законнейшее имя носит,
Оставивши мне кличку, из которой
Я сделала, пожалуй, все, что можно.
Я не в свою, увы, могилу лягу.

Но иногда весенний шалый ветер,
Иль сочетанье слов в случайной книге,
Или улыбка чья-то вдруг потянут
Меня в несостоявшуюся жизнь.
В таком году произошло бы то-то.
А в этом — это: ездить, видеть, думать.

И вспоминать, и в новую любовь
Входить, как в зеркало, с тупым сознаньем
Измены и еще вчера не бывшей
Морщинкой...
. . . .
Но если бы оттуда посмотрела
Я на свою теперешнюю жизнь,
Узнала бы я зависть наконец...

ШЕСТАЯ

Есть эти эпохи у воспоминаний.
И первая — как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным,
И тело в их блаженствует тени.
Еще не замер смех, струятся слезы,
Пятно чернил не стерто со стола —
И, как печать на сердце, поцелуй,
Единственный, прощальный, незабвенный...
Но это продолжается недолго...
Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединенный,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда, как на могилу, ходят люди,
А возвратившись, моют руки мылом
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век — и тяжело вздыхают...
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,

И нас никто не знает — мы чужие.
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку бог послал,
Прекрасно обошлись без нас — и даже
Все к лучшему...

ИЗ ЦИКЛА «ТАЙНЫ РЕМЕСЛА»

Не повторяй — душа твоя богата —
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама —
Одна великолепная цитата.

* * *

Забудут! Вот чем удивили.
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.
А Муза и глохла, и слепла,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В тумане восстать голубом.

ГОРОДУ ПУШКИНА

И царскосельские хранительные сени...
Пушкин

I

О, горе мне! Они тебя сожгли...
О, встреча, что разлуки тяжелее!..
Здесь был фонтан, высокие аллеи,

Громада парка древнего вдали,
Заря была себя самой алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

2

Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ.
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны все так же заздравно звучат.

Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной
судьбою,
Я в беспамятстве дней забывала теченье годов,—
И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.

НАСЛЕДНИЦА

От царскосельских лип...
Пушкин

Казалось мне, что песня спета
Средь этих опустелых зал.
О, кто бы мне тогда сказал,
Что я наследую все это:
Фелицу, лебедя, мосты
И все китайские затеи,
Дворца сквозные галереи
И липы дивной красоты.
И даже собственную тень,
Всю искаженную от страха,
И покаянную рубаху,
И замогильную сирень.

РИСУНОК НА КНИГЕ СТИХОВ

Он не траурный, но не мрачный,
Он почти как сквозной дымок,
Полуброшенной новобрачной
Черно-белый легкий венок.

А под ним тот профиль горбатый
И парижской челки атлас,
И зеленый, продолговатый,
Очень зорко видящий глаз.

* * *

Словно дальнему голосу внемлю,
И вокруг ничего, никого.
В эту черную добрую землю
Вы положите тело его.
Ни гранит, ни плакучая ива
Прах легчайший не осенят,
Только ветры морские с залива,
Чтоб оплакать его, прилетят...

ПРИМОРСКИЙ СОНЕТ

Здесь все меня переживет,
Все, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней,
И над цветущею черешней
Сиянье легкий месяц льет.

И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...

Там средь стволов еще светлее,
И все похоже на аллею
У царскосельского пруда.

МУЗЫКА

Д. Д. Ш

В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах ее края гранятся.
Она одна со мною говорит.
Когда другие подойти боятся.

Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной в моей могиле
И пела словно первая гроза
Иль будто все цветы заговорили.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Что отдал — то твое.
Шота Руставели

Из-под каких развалин говорю,
Из-под какого я кричу обвала!
Я снова все на свете раздарю,
И этого еще мне будет мало.
Я притворилась смертною зимой
И вечные навек закрыла двери,
Но все-таки узнают голос мой
И все-таки ему опять поверят.

ОТРЫВОК

...И мне показалось, что это огни
Со мною летят до рассвета,
И я не дозналась — какого они,
Глаза эти странные, цвета.

И все трепетало и пело вокруг,
И я не узнала — ты враг или друг,
Зима это или лето.

ЛЕТНИЙ САД

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград.

Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.

А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.

И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

* * *

Не стращай меня грозной судьбой
И великой северной скукой.
Нынче праздник наш первый с тобой,
И зовут этот праздник — разлукой.
Ничего, что не встретим зарю,
Что луна не блуждала над нами,
Я сегодня тебя одарю
Небывалыми в мире дарами:
Отраженьем моим на воде
В час, как речке вечерней не спится,
Взглядом тем, что падучей звезде
Не помог в небеса возвратиться,
Эхом голоса, что изнемог,
А тогда был и свежий и летний,—
Чтоб ты слышать без трепета мог
Воронья подмосковного сплетни,
Чтобы сырость октябрьского дня
Стала слаще, чем майская нега...
Вспоминай же, мой ангел, меня,
Вспоминай хоть до первого снега.

ИЗ ЦИКЛА «ТАШКЕНТСКИЕ СТРАНИЦЫ»

В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
Светила нам только зловещая тьма,
Свое бормотали арыки,
И Азией пахли гвоздики.

И мы проходили сквозь город чужой,
Сквозь дымную песнь и полуночный зной,—
Одни под созвездием Змея,
Взглянуть друг на друга не смея.

То мог быть Стамбул или даже Багдад,
Но, увы! не Варшава, не Ленинград,—
И горькое это несходство
Душило, как воздух сиротства.

И чудилось: рядом шагают века,
И в бубен незримая била рука,
И звуки, как тайные знаки,
Пред нами кружились во мраке.

Мы были с тобою в таинственной мгле,
Как будто бы шли по ничейной земле,
Но месяц алмазный фелукой
Вдруг выплывал над встречей-разлукой...

И если вернется та ночь и к тебе
В твоей для меня непонятной судьбе,
Ты знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.

* * *

Я давно не верю в телефоны,
В радио не верю, в телеграф.
У меня на все свои законы
И, быть может, одичалый нрав.
Всякому зато могу присниться,
И не надо мне лететь на «Ту»,
Чтобы где попало очутиться,
Покорить любую высоту.

МАРТОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Прошлогодних сокровищ моих
Мне надолго, к несчастию, хватит.
Знаешь сам, половины из них
Злая память никак не истратит:
Набок сбившийся куполок,
Грай вороний, и вопль паровоза,

И как будто отбывшая срок
Ковылявшая в поле береза,
И огромных библейских дубов
Полуночная тайная сходка,
И из чьих-то приплывшая снов
И почти затонувшая лодка...
Побелив эти пашни чуть-чуть,
Там предзимье уже подбодрило,
Дали все в непроглядную муть
Ненароком оно превратило.
И казалось, что после конца
Никогда ничего не бывает...
Кто же бродит опять у крыльца
И по имени нас окликает?
Кто приник к ледяному стеклу
И рукою, как веткою, машет?..
А в ответ в паутинном углу
Зайчик солнечный в зеркале пляшет.

* * *

Если б все, кто помощи душевной
У меня просил на этом свете,—
Все юродивые и немые,
Брошенные жены и калеки,
Каторжники и самоубийцы,—
Мне прислали по одной копейке,
Стала б я «богаче всех в Египте»,
Как говаривал Кузьмин покойный...
Но они не слали мне копейки,
А со мной своей делились силой,
И я стала всех сильней на свете —
Так что даже это мне не трудно.

ШИПОВНИК ЦВЕТЕТ

ИЗ СОЖЖЕННОЙ ТЕТРАДИ

And thou art distant in humanity
Keats

Вместо праздничного поздравленья
Этот ветер, жесткий и сухой,
Принесет вам только запах тленья,
Привкус дыма и стихотворенья,
Что моей написаны рукой.

1. СОЖЖЕННАЯ ТЕТРАДЬ

Уже красуется на книжной полке
Твоя благополучная сестра,
А над тобою звездных стай осколки
И под тобою угольки костра.
Как ты молила, как ты жить хотела,
Как ты боялась едкого огня!
Но вдруг твое затрепетало тело,
А голос, улетая, клял меня.
И сразу все зашелестели сосны
И отразились в недрах лунных вод.
И вкруг костра священнейшие весны
Уже вели надгробный хоровод.

2. НАЯВУ

И время прочь, и пространство прочь,
Я все разглядела сквозь белую ночь:
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок,
И то зеркало, где, как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.
И время прочь, и пространство прочь...
Но и ты мне не можешь помочь.

3. ВО СНЕ

Черную и прочную разлуку
Я несу с тобою наравне.
Что ж ты плачешь? Дай мне лучше руку,
Обещай опять прийти во сне.
Мне с тобою как горе с горою...
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только б ты полночною порою
Через звезды мне прислал привет.

4. ПЕРВАЯ ПЕСЕНКА

Таинственной невстречи
Пустынны торжества,
Несказанные речи,
Безмолвные слова.
Нескрещенные взгляды
Не знают, где им лечь.

И только слезы рады,
Что можно долго течь.
Шиповник Подмосковья,
Увы! при чем-то тут...
И это все любовью
Бессмертной назовут.

5. ДРУГАЯ ПЕСЕНКА

Несказанные речи
Я больше не твержу,
Но в память той невстречи
Шиповник посажу.

Как стояло там и пело
Нашей встречи чудо,
Я вернуться не хотела
Никуда оттуда.
Горькой было мне усладой
Счастье вместо долга,
Говорила с кем не надо,
Говорила долго.
Пусть влюбленных страсти душат,
Требуя ответа,
Мы же, милый, только души
У предела света.

6. СОН

Сладко ль видеть неземные сны?
А. Блок

Был вещим этот сон или не вещим...
Марс воссиял среди небесных звезд,
Он алым стал, искрящимся, зловещим,—
А мне в ту ночь приснился твой приезд.

Он был во всем... И в баховской Чаконе,
И в розах, что напрасно расцвели,
И в деревенском колокольном звоне
Над чернотой распаханной земли.

И в осени, что подошла вплотную
И вдруг, раздумав, спряталась опять.

О август мой, как мог ты весть такую
Мне в годовщину страшную отдать!

Чем отплачу за царственный подарок?
Куда идти и с кем торжествовать?
И вот пишу, как прежде без помарок,
Мои стихи в сожженную тетрадь.

7.

По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,
Где месяц желтый и рогатый,—
Я шла, как в глубине морской...
Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово,
И встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал.

8.

Ты выдумал меня. Такой на свете нет,
Такой на свете быть не может.
Ни врач не исцелит, не утолит поэт,—
Тень призрака тебя и день и ночь тревожит.
Мы встретились с тобой в невероятный год.
Когда уже иссякли мира силы,
Все было в трауре, все никло от невзгод,
И были свежи лишь могилы.
Без фонарей, как смоль, был черен невский вал,
Глухая ночь вокруг стеной стояла...
Так вот когда тебя мой голос вызывал!
Что делала — сама еще не понимала.
И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
В тот навсегда опустошенный дом,
Откуда унеслась стихов сожженных стая.

9. В РАЗБИТОМ ЗЕРКАЛЕ

Непоправимые слова
Я слушала в тот вечер звездный,
И закружилась голова,
Как над пылающею бездной.

И гибель выла у дверей,
И ухал черный сад, как филин,
И город, смертно обессилен,
Был Трои в этот час древней.
Тот час был нестерпимо ярок
И кажется звенел до слез.
Ты отдал мне не тот подарок,
Который издалека вез.
Казался он пустой забавой
В тот вечер огненный тебе.
И стал он медленной отравой
В моей загадочной судьбе.
И он всех бед моих предтеча,—
Не будем вспоминать о нем!..
Несостоявшаяся встреча
Еще рыдает за углом.

10.

Ты опять со мной, подруга осень!
Ин. Анненский

Пусть кто-то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь северно очень — и осень в подруги
Я выбрала в этом году.

Живу, как в чужом, мне приснившемся доме,
Где, может быть, я умерла,
Где странное что-то в вечерней истоме
Хранят для себя зеркала.

Иду между черных приземистых елок,
Там вереск на ветер похож,
И светится месяца тусклый осколок,
Как старый зазубренный нож.

Сюда принесла я блаженную память
Последней невстречи с тобой —
Холодное, чистое, легкое пламя
Победы моей над судьбой.

11.

Против воли я твой, царица,
берег покинул.
«Энеида», песнь 6

Не пугайся,— я еще похожей
Нас теперь изобразить могу.
Призрак ты — иль человек прохожий,
Тень твою зачем-то берегу.

Был недолго ты моим Энеем,—
Я тогда отделалась костром.
Друг о друге мы молчать умеем,
И забыл ты мой проклятый дом.

Ты забыл те, в ужасе и в муке,
Сквозь огонь протянутые руки
И надежды окаянной весть.

Ты не знаешь, что тебе простили...
Создан Рим, плывут стада флотилий,
И победу славословит лесть.

12.

Ты стихи мои требуешь прямо...
Как-нибудь проживешь и без них.
Пусть в крови не осталось и грамма,
Не впитавшего горечи их.

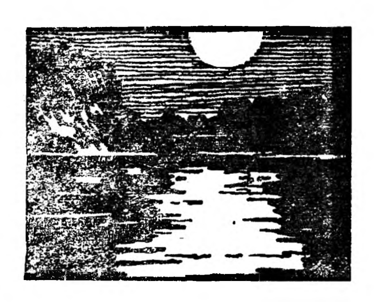
Мы сжигаем несбыточной жизни
Золотые и пышные дни,
И о встрече в небесной отчизне
Нам ночные не шепчут огни.

И от наших великолепий
Холодочка струится волна,
Словно мы на таинственном склепе
Чьи-то, вздрогнув, прочли имена.

Не придумать разлуку бездонней,
Лучше б сразу тогда — наповал...
И, наверное, нас разлученней
В этом мире никто не бывал.

13.

И это станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было это — только рана
И муки облачко над ней.

ИВАН БАУКОВ

ЗА ОКНАМИ БЕЛЫМ-БЕЛО

За окнами белым-бело.
В глазах рябит, как от черемух.
Пока еще не рассвело,
Я в рощу ухожу из дома.

Туда, где заячьи следы
Петляют по осоке жесткой.
Где белый снег, как белый дым,
Окутал елочки-подростки.

Пусть никого не подстрелю
(Да разве в этом смысл охоты?),
Зато в ноябрьскую зарю
Забуду мелкие заботы.

Услышу дятла на сосне,
Следы сохатого увижу.
Мелькнет лисица, как во сне,
В своей нарядной шубке рыжей.

Косач, цепляя куст крылом,
Расправит хвост, подобный лире.
Такая красота кругом!
Давно б ей стать хозяйкой в мире!

КОГДА Б ТЫ ЗНАЛА....

Когда б ты знала,
Как мне хочется
Опять остаться в одиночестве
В полуобжитой дачной комнате,
Где тишина как в синем омуте,
Где бор гудит в ночи встревоженно,
Где лось идет тропой нехоженой.

Мне б снова в эту глушь далекую
Уйти с мечтой своей высокою
И жить там с книгами любимыми
И с холостяцкими кручинами,
С холодным завтраком и ужином,
С мечтой о той, что станет суженой.
Грустить о ней при свете месяца —
И вновь с тобой случайно встретиться.

УТРОМ

Заалел туман над рощей,
Озимь вспыхнула на пашне.
Утром жизнь понятней, проще,
И не страшен день вчерашний.

Утром думы веселее,
Утро мудренее ночи.
Об одном теперь жалею:
Раньше б надо все покончить.

С глупой ревностью боролся,
Верил в радужные мысли,
Будто клином свет сошелся,
Будто у меня две жизни.

А зачем идти на ощупь
По земле прекрасной нашей?
Утром жизнь понятней, проще
И не страшен день вчерашний.

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА

Где я видел такое счастье,
Подскажите, друзья мои,

Не мадонну,
Нет,— Полю,
Настю
Из крестьянской простой семьи.

Может быть, в дни боев, в санбате
Подходила ко мне она.
Не в шелках,
А в защитном платье
Из военного полотна.

Не с небес она к нам спускалась,—
Это гений ей небо дал,
Чтоб солдат, позабыв усталость,
Вдруг о мире затосковал.

Не лекарствами, не леченьем,
Исцелял нас не трав настой,—
Избавляла нас от мучений
Тихой радостной красотой.

— Как здоровье? —
Бывало, спросит,
Остановит лучистый взгляд,
И солдат костыли отбросит,
Не хромая идет солдат.

А порою не скажет слова,
Лишь погладит виски рукой,
И ты чувствуешь силы снова
И готов идти в новый бой.

Не румянец ей красит щеки,
А желанье большой души —
Окрылить нас мечтой высокой,
Что-то доброе совершить.

Я не верю в святые лица,
Образ бога давно погас.
Но я верю,
Что ты
Молиться
Заставляла людей не раз.

ЯКОВ БЕЛИНСКИЙ

ЛИЦО

Жизнь пролетает, льется, длится —
мечта, работа, маета...
Она, как скульптор, лепит лица,
трудом бессонным занята.
По-микеланджеловски грубо,
с неистощимой силой всей
то выворачивает губы
тугой конвульсией страстей,
то исступленно дни и ночи,
как бог уродства и красы,
сократам лбы, согнувшись, точит,
ломает цезарям носы.
Сосредоточенно и хмуро.
Во всем правдива до конца...
И дерзко смотрит в мир скульптура
неповторимого лица.

НАШ ВЕК

Двадцатый космический. Странные птицы
взлетают средь ночи из огненных гнезд.
На думах, на душах, на буднях, на лицах
тревожные резкие отблески звезд.

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

В ДОМЕ ПАВЛОВА

В твой день мело,
как десять лет назад.
Была метель такой же, как в блокаду.
До сумерек, без цели, наугад
бродила я одна по Сталинграду.

До сумерек — до часа твоего.
Я даже счастью не отдам его.

Но где сказать, что ныне десять лет,
как ты погиб?
Ни друга, ни знакомых...
И я тогда пошла на первый свет,
возникший в окнах павловского дома.

Давным-давно мечтала я о том —
К чужим прийти как близкой и любимой.
А этот дом — совсем особый дом,
И стала вдруг мечта неодолимой.

Весь изрубцован, всем народом чтим,
весь в надписях, навеки неизменных...
Вот возглас гвардии,
вот вздох ее нетленный:
— Мать Родина! Мы насмерть здесь стоим...

О да, как вздох,— как выдох, полный дыма,
чернеет букв суровый тесный ряд...
Щепоть земли твоей непобедимой
берут с собой недаром, Сталинград.

И в тот же дом, когда кругом зола
еще хранила жар и запах боя,
сменив гвардейцев, женщина пришла
восстановить гнездо людское.

Об этом тоже надписи стоят.
Год сорок третий: охрой скупо, сжато
начертано: «Дом годен для жилья».
И подпись легендарного сержанта.

Кто ж здесь живет
                    и как живет — в постройке,
священной для народа навсегда?
Что скажут мне наследники героев,
как объяснить — зачем пришла сюда?

Я, дверь не выбирая, постучала.
Меня в прихожей, чуть прибавив света,
с привычною улыбкой повстречала
старуха, в ватник стеганый одета.

— Вы от газеты или от райкома?
В наш дом частенько ходят от газет...—
И я сказала людям незнакомым:
— Я просто к вам. От сердца. Я — поэт.
— Не здешняя?
                    — Нет... Я из Ленинграда.
Сегодня память мужа моего:
он десять лет назад погиб в блокаду...—
И вдруг я рассказала про него.

И вот в квартире, где гвардейцы бились
(тут был КП, и пулемет в окне),
приходу моему не удивились,
и женщины обрадовались мне.

Старуха мне сказала: — Раздевайся,
напьемся чаю,— вон, уже кипит.
А это — внучки, дочки сына Васи,

он был под Севастополем убит.
А Миша — под Японией...—
Старуха
уже не плакала о сыновьях:
в ней скорбь жила бессрочно, немо, глухо,
как кровь и как дыханье — как моя.

Она гордилась только тем, что внучек
из-под огня сумела увезти.
— А старшая стишки на память учит
и тоже сочиняет их...
Прочти!
И рыженькая девочка с волненьем
прочла стихи, сбиваясь второпях,
о том, чем грезит это поколенье,
о парусе, белеющем в степях.

Здесь жили рядовые сталинградцы:
те, кто за Тракторный держали бой,
и те, кто знали боль эвакуаций
и возвратились первыми домой...

Жилось пока что трудно: донимала
квартирных неполадок маята.
То свет погас, то вдруг воды не стало,
и, что скрывать,— томила теснота.

И говоря то с лаской, то со смехом,
что каждый здесь прописанный — герой,
жильцы уже мечтали — переехать
в дома, что рядом поднял Гидрострой.

С КП, из окон маленькой квартиры,
нам даже видно было, как плыла
над возникавшей улицею Мира
в огнях и вьюге — узкая стрела.

— А к нам недавно немки прилетали,—
сказала тихо женщина одна,—
подарок привозили — планетарий.
Там звезды, и планеты, и луна...

— И я пойду взглянуть на эти звезды,—
промолвил, брови хмуря, инвалид,—

Вот страшно только, вдруг услышу:
— «Во-оздух!»
Семья сгорела здесь... Душа болит.

И тут ворвался вдруг какой-то парень,
крича: — Привет, товарищи! Я к вам...
Я — с Карповской... А Дон-то как ударит!
И — двинул к Волге!.. Прямо по снегам...

И девочка схватилась за тетрадку
и села в угол: видимо, она
хотела тотчас написать украдкой
стихотворенье «Первая волна»...

Здесь не было гвардейцев обороны,
но мнилось нам,
что общий наш рассказ
о будущем, о буднях Волго-Дона
они ревниво слушают сейчас.

...А дом — он будет памятником.
Знамя —
огромное, не бархат, но гранит,
немеркнущее каменное пламя —
его фасад суровый осенит.

Но памятника нет героям краше,
чем сердце наше,
жизнь простая наша,
обычнейшая жизнь под этой кровлей,
где каждый камень отвоеван кровью,
где можно за порогом каждой двери
найти доверье за свое доверье
и знать, что ты не будешь одинок,
покуда в мире есть такой порог...

ПОБРАТИМЫ

Михаилу Светлову

Мы шли Сталинградом, была тишина,
был вечер, был воздух морозный кристаллен.
Высоко крещенская стала луна
над стрелами строек, над щебнем развалин.

Мы шли по каленой гвардейской земле,
по набережной, озаренной луною,
когда перед нами в серебряной мгле,
чернея, возник монумент Хользунова.
Так вот он, земляк сталинградцев, стоит,
участник воздушных боев за Мадрид...

И вспомнилась песня как будто б о нем,
о хлопце, солдате гражданской войны,
о хлопце, под белогвардейским огнем
мечтавшем о счастье далекой страны.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!..»

Но только, наверно, ошибся поэт:
тот хлопец — он белыми не был убит.
Прошло девятнадцать немыслимых лет, —
он все-таки дрался за город Мадрид,
И вот он — стоит к Сталинграду лицом,
и смотрит, бессмертный,
сквозь годы,
сквозь бури
туда, где на площади Павших Борцов
испанец лежит — лейтенант Ибаррури.
Пассионарии сын и солдат,
он в сорок втором защищал Сталинград,
он пел, умирая
за эти края:
«Россия, Россия,
Россия моя...»

И смотрят друг другу в лицо — на века —
два побратима, два земляка.

СТИХИ О ХЕРСОНЕССКОЙ ПОДКОВЕ

Есть у меня подкова, чтоб счастливой —
по всем велениям примет — была.
Ее на Херсонесе, на обрыве,
на стихшем поле боя я нашла.

В ней пять гвоздей,
она ко мне по ходу
лежала
на краю земном.
Наверно, пятясь, конь сорвался в воду
с отвесной кручи
вместе с ездоком.

Шестнадцать лет хранила я подкову,—
недавно поняла,
какое счастье — щедро и сурово —
она мне принесла.

Был долгий труд.
Того, что написала,
не устыжусь на миг — за все года,—
того, что думала и что сказала
раз навсегда.

Нескованная мысль, прямое слово,
вся боль и вся мечта земли родной,—
клянется херсонесская подкова,
что это счастие — всегда со мной.
А ты, моя любовь!
Ведь ты была готова
на все: на гибель, кручу, зной...
Клянется херсонесская подкова,
что это счастие — всегда со мной.

Нет, безопасных троп не выбирает
судьбая моя,
как всадник тот и конь —
тот, чью подкову ржавую сжимает,
как символ счастия, моя ладонь.

Дойду до края жизни, до обрыва,
и возвращусь опять.
И снова буду жить.
А так, как вы,— счастливой
мне не бывать.

ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

Я все оставляю тебе при уходе:
все лучшее
в каждом промчавшемся годе.
Всю нежность былую,
всю верность былую,
и краешек счастья, как знамя, целую:
военному, грозному,
вновь присягаю,
с колена поднявшись, из рук отпускаю.

Уже не узнаем — ни ты и ни я —
такого же счастья, владевшего нами.
Но верю, что лучшая песня моя
навек сбережет отслужившее знамя...

...Я ласточку тоже тебе оставляю
из первой, бесстрашно вернувшейся стаи,—
блокадную нашу, под бедственной крышей.
В свой час одинокий
ее ты услышишь...

А я забираю с собою все слезы,
все наши утраты,
удары,
угрозы,
все наши смятенья,
все наши дерзанья,
нелегкое наше большое мужанье,
не спетый над дочкой
напев колыбельный,
задуманный ночью военной, метельной,
не спетый напев — ты его не услышишь,
он только со мною — ни громче, ни тише...
Прощай же, мой щедрый! Я крепко любила,
Ты будешь богаче — я так поделила.

АЛЕКСАНДР БЛАГОВ

СЕСТРЫ

Заполнила домик вечерняя тишь.
Ты с верной иглой за работой сидишь.
Ивановский ситец шуршит под руками.
Ко мне этот вечер пришел со стихами.

Я крепко уверен в успехе твоем,
Но счастья, удачи хочу я вдвоем:
Пусть будут, как сестры, красивые строчки:
Мои — на бумаге, твои — на сорочке.

* * *

В который раз меня зовет
Та слобода заречная,
Где в низком домике живет
Моя любовь сердечная.

Пускай ответа не найду
Я на мечту заветную,
Хоть мимо домика пройду
Тропинкой чуть заметною.

* * *

По роще птицы зазвенели,
Зарею утро расцвело,

Пастух, играя на свирели,
Выводит стадо за село.

Вся ширь лугов ему знакома
И в перелесках дальний путь.
Как хорошо у водоема
В палящий полдень отдохнуть!

Когда с вечернею прохладой
Над речкой шепчется ольха,
В один кружок сберется стадо,
Заслыша голос пастуха.

Приляжет пыль на грудь дороги,
В закате розовом заснет,
Своих любимиц круторогих
Доярки встретят у ворот.

Все ближе тишина ночная,
И только слышно за стеной,
Как молока струя густая
В подойник льется жестяной.

НАЧАЛО МАРТА

Снега широкой пеленой
Еще лежат, белы и пышны.
Гудки за рамою двойной
Едва-едва бывают слышны.
Еще нередко у дворов
Метель февральская хлопочет,
Но путь до первых ручейков,
До первой травки все короче.
Грачи поднимут шум и гам,
Встречая рано день весенний.
А там по солнечным лугам
Пройдет река водою полой.
И загремит весенний труд
Над бесконечной ширью пашен,
И песни новые споют
Поэты, песенники наши.

СЧАСТЬЕ

Не плохая, скажу я, дорога
Мне надолго досталась в удел.
Пусть не знал я родного порога
И добром никаким не владел.

Не гордился я собственной крышей,
В жизни был незаметен и мал,
Но душой своей музыку слышал,
Перекличку стихов понимал.

В годы горя, неволи суровой
Не рабом молчаливым я жил —
Добрым чувством да песенным словом,
Как умел, я Отчизне служил.

Мысли-думы любимые эти
Не растратил я в долгом пути,
И не знаю: какое на свете
Счастье лучшее можно найти!

ВИКТОР БОКОВ

* * *

Так вот она, милая сердцу отчизна!
Как прост ее профиль и скромен наряд!
Туман разостлался внизу, как овчина,
И тихо по склонам рябины горят.

Откуда-то тянет и тмином и дымом,
Крепчает рассол огуречный в чанах.
С морозцем в обнимку, как с другом любимым,
На грядках капуста стоит в кочанах.

Какая-то скромность и робость в пейзаже,
Свод неба сурово затянут холстом.
А скирды стоят, как надежные стражи
Всего, что мы ревностно так бережем.

И пусть предо мной оголенно, печально
Пустеют осенние дали полей,
Все так же любовно мое величанье
Единственной, милой отчизны моей!

* * *

Милые хаты,
Крытые дранью,
Вы конопачены
Лаской и бранью.

Била вас вьюга
В пазы и подворье,
Это она не для зла —
Для здоровья!

Было другое:
Свистели снаряды,
Хвастала смерть:
— Я за вами, славяне!

Черною тучею
Минуло это.
Мирно лягушки
Глядят из кювета.

Гром окликает
Оставшихся вживе.
Мирно цыплята
Пасутся в крапиве.

Где-то стучит
Колотушкою бондарь.
Хоть без ноги он,
Но к промыслу годен.

Милые хаты!
Замшелые бревна!
Как я привязан к вам
Нежно и кровно.

Милые хаты,
Родное славянство,
Непокоренное
Наше пространство!

Я БЫЛ РУЧЬЕМ

Е. Евтушенко

Я был ручьем под травами,
Я грузом был под кранами,
Я тек каширским током на Москву.
Меня за белы рученьки
Вели по трапу грузчики
К ржаному и соленому куску.

Каспийская, балтийская,
Соленая, смоленая,
Высокая, веселая волна
На грудь мою кидалася,
При встрече улыбалася,
Ласкала, как любимая, меня.

На яростном, и радостном,
И на сорокоградусном
Морозе я калил себя не раз.
Ветра меня проветрили,
Моря меня приметили,
Мне руку жали Север и Кавказ!

И чем я в жизни выстоял?
Душой ли гармонистовой,
Смиреньем ли девичьим,
Иль тем, что я — бунтарь?
Иду в лесах, аукаю,
Не прячу и не кутаю
Свой травяной букварь.

А надо мною — радуги,
А подо мною — ягоды,
И льющийся, смеющийся,
Щебечущий восторг.
И сквозь настилы старые,
Как из подземной камеры,
Моя трава растет!

ЗАСТОЛЬНОЕ СЛОВО

Нет! Не целил стихи свои в вечность!
Не рисуюсь я в этом, не лгу.
Я хотел, чтобы только сердечность
В них росла, как трава на лугу.

Не хотел я себе хрестоматий.
Пусть вольнее гуляет строка!
Я хотел, чтобы стих мой с кроватей
Подымался по зову гудка.

Шел на стройку в своей телогрейке
Класть бетон в угловые торцы
Или где-нибудь струйкою в лейке
Опрокидывался на огурцы.

Я хотел, чтобы он пробирался,
Как спаситель, в гнездовье беды,
Чтобы он под плотами плескался
У днепровского края воды.

Я не знал ни почета, ни славы,
Знал лишь бури, волненье в крови.
Полновесное жито державы
Тяжелило ладони мои.

Мне могучие сосны по росту,
Стих мой тонет по шею в хлеба,
И влюбленно ласкают колосья
Бороздящие прорези лба.

* * *

Жизнь бросала меня под копыта,
Возносила под облака.
Тверже дикого камня набита
Размозоленная рука.

Разозленная на замахе,
На ударе киркой о руду,
Словно ветер, гуляла в рубахе,
Лезла в драки у всех на виду.

Пил я воду холодную в сенцах,
Про любовь в темноте говорил.
Кто мне вставил поющее сердце
И железо в крови растворил?

Ой ты, ноченька! Звезды над кровом
Мне грозят золотым кулаком.
Я хочу помянуть тебя словом,
Что у матери взял с молоком.

* * *

Может, завтра все это кончится,
Нынче жадно этого хочется:

Бегу быстрого,
Снегу чистого,
Почты свежей,
Почки нежной,
Зорь лазоревых,
Гроз озоновых,
Белых лилий,
Теплых ливней,
Родников с ледников,
Янтарей из морей —
Только нынче, немедля, скорей!

Я ВЫШЕЛ РАНО

Я вышел рано.
Роса на травах,
Роса на злаках,
На всей земле.
Поклон — дорогам,
Поклон — деревьям,
Поклон — селеньям,
Поклон — семье.

В мешке дорожном
Простые вещи:
Две майки, мыло,
Порошок.
Мне с ними лучше,
Мне с ними легче,
Моя поклажа не режет плечи,
Не давит спину — хорошо!

А что там иволга
В ветвях запела?
Какую шутку
Ей дрозд изрек?
С какою целью
Пчела летела,
Потом свернула и присела
На мой погнутый козырек?

А! Отдохнуть?
Ну что же, можно!

Не пропадать в лесах добру!
Раз прилетела,
Такое дело:
Я — пчеловод,
И осторожно
Ее за крылышки беру.

Лети, родная!
Скоро ульи,
И ждут тебя в твоем летке.
Колхозный пчеловод Ульяна,
Она ведь тоже встала рано,
И у нее нельзя без плана,
Да вот она
В цветном платке!

Иду лесами,
Иду полями,
Иду по кладинкам
И вброд.
И до последней капли крови
Я в каждом шаге,
В каждом слове
С тобой,
С твоей судьбой,
народ!

Я ВЛЮБЛЕН

Лето — мята,
Лето — лен.
Я-то, я-то,
Я — влюблен!

В это поле
И межу,
Где по клеверу
Хожу.

В эти сосны
И кряжи,
В даль, в дороги,
В гаражи.

В пенье
Медных проводов,
В перспективу
Городов.

В фонари,
В подземный гул,
В широту
Рязанских скул.

В звонкий голос
Топоров,
В сытый рев
Степных коров.

Лето — мята,
Лето — лен.
Я-то, я-то,
Я — влюблен!

ВЛАДИМИР БРИТАНИШСКИЙ

ИЗ ДОМА В ДОМ

Не тешился я шуткой злой,
не трогал птичьих гнезд,—
укутав бережно золой,
живые угли нес.

Война лишила нас огня
стандартных коробков,
людей сегодняшнего дня
швырнув на дно веков.

Но братство теплилось и там,
в обычае простом:
я принял сам
и передам
тепло из дома в дом.

И вот оно уже в избе.
И часть того тепла,
чтоб развести огонь,
к себе
соседка унесла.

Взойдут над избами дымы,
спокойны и стройны...
Живу.

Мне жизнь дана взаймы,
до будущей войны.

Мой главный долг,
мой давний долг
мне снится в эту ночь.
Все, что старухи звали «бог»,
в руках тот мальчик нес.

Вернешься в детство, как домой,
и оглядишься в нем:
от сердца к сердцу — путь прямой,
как путь из дома в дом.

ОЧЕРЕДИ

В больших дворах,
из одного в другой,
многоголовые и разношерстные,
тянулись очереди за мукой —
томительные, медленные шествия.

Домохозяйки
занимали очереди,
а позже подходили постепенно
все сыновья и дочери,
все родичи
преклонных лет,
до пятого колена.

Стояли рядом старые и малые.
Сидели на руках у них грудные.
И люди, ждавшие небесной манны,
считали номера очередные.

Зато уж после праздник был такой!
Ведь пироги случалось есть не часто.
А праздник иначе не мог начаться,
когда б не очереди за мукой.

РАБОЧИЕ РУКИ

Принесла ты руки свои домой
и не знаешь, куда положить.

Не дрожала за них, и странно самой,
что теперь начала дорожить.
Стали руки теперь больней и родней,
стали жилы на них синей и крупней.
Кто бы глянул — вся жизнь видна.
В жизни много дней,
а нажито в ней
две руки вот
и дочь одна.
А пережито все: и дочь на руках,
и листок похоронной держишь в руках,
и сама едва стоишь на ногах —
вот оно было как!
Ты пришла.
Ты руки свои принесла.
Ты кладешь их на край стола.
Стол трещит.
На него ведь тяжесть легла,
ух, какая тяжесть легла!..

Я пошел бы к скульптору в ученики,
чтобы слушались камень и дерево,
я бы вырубил две рабочих руки
из простого камня серого.
Серый камень, серый камень,
Серый камень — два куска...
Камень крепкий и надежный,
как рабочая рука!

ПЕРЕД ПОДЪЕМОМ

На спящих — прямо хоть молиться!
Из каждого мешка — башка.
Как будто ангельские лица
проглянули сквозь облака.

Земного, грешного мужчины
с них грубость внешняя снята,
и не исторгнут матерщины
полураскрытые уста.

Их знают пьющих и гулящих,
в село попавших в месяц раз,

а вот таких, устало спящих,
обыкновенных, настоящих,
никто не видит их сейчас.

Но я их краткий сон нарушу
и хриплым криком разбужу,
и каждую святую душу
до скрипа в спинах нагружу.

Пусть нелегко — я не поглажу
их, утомленных, по спине.
Я просто сам возьму поклажу
со всеми с ними наравне...
Ребята спят... Не спится мне
с моей сентиментальной блажью!

* * *

Ты шепчешь мне:
— Тише! Тише!
А то улетят все!..

И что-то такое птичье —
в голосе и лице.

Как будто мои объятья
уже для тебя тесны...
И разве могу понять я,
что
такое
птенцы!

Трепещущая, крылатая,
ты смотришь на эту птаху,
и вдруг уходишь куда-то,
к надежде своей и страху.

Куда-то в такие дали,
что только тебе видны...
Где мы еще не бывали,
где мы уже не одни...

* * *

Родила мне женщина дочку —
людям женщину родила:
личико у нее — с ладошку,
а ладошка — вовсе мала.

Принесли ее из родильного
и назвали:
Марина Владимировна.

Будто в первые дни творения,
беспорядок в доме у нас:
праздник первого повторения
наших ртов, и носов, и глаз!

* * *

Я тратил злостно и бессовестно,
совсем впустую,
вхолостую,
так много золотого солнца,
которым с детства существую!

Оно бы не было потерянным
для общего круговорота,
когда б я стал крылатым деревом
и тенью осенил кого-то.

Пусть будут руки,
                    солнцем созданные,
над детством трепетным протянуты,
как будто вдруг подарки розданы,
что были к празднику припрятаны!

Пусть будут руки,
                    солнцем пестованные,
по локоть в творчество погружены,
чтоб стали все пути естественные,
от сердца к сердцу,
обнаружены!..

Всю жизнь горстями солнце черпаю.
И как побег того же стебля,
любимая дарит мне,
щедрая,
наполненное солнцем тело.

Любимая!
Мы только начали
платить свой долг всему живому:
и лучшими стихами нашими,
и дочерью —
кому-то в жены!

И просто — светом,
тем, что светится
вокруг людей
не так уж часто:
не отраженным светом месяца —
преображенным светом счастья!

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

* * *

Ты добрая, конечно, а не злая,
И, только не подумавши сперва,
Меня обидеть вовсе не желая,
Ты говоришь обидные слова.

Но остается горестная метка,—
Так на тропинке узенькой, в лесу,
Товарищем оттянутая ветка,
Бывает, вдруг ударит по лицу.

* * *

Самая насущная забота
Всякого труда и ремесла —
Это чтобы новая работа
Лучше прежней сделана была.

Но бывают в жизни неудачи,
Вещи с незавидною судьбой,
Бледные. И так или иначе
Хуже прежде сделанных тобой.

И начнешь, случается, до срока
Убеждать себя же самого:

«Это положительно не плохо,
Нет, ей-богу, это ничего...»

Будь недолгим это заблужденье,—
Ты вперед, мечта моя, лети!
Новой песни светлое рожденье
Будет мне наградою в пути.

Пусть труднее будет год от года
Добиваться, сидя у стола,
Чтобы наша новая работа
Лучше прежней сделана была.

РАННИЙ ЧАС

Туманы тают. Сырость легкая,
И, ежась, вздрагивает сад.
Росинки падают неловкие.
Заборы влажные блестят.

Еще лежит на травах изморось,
Не шелохнется речки гладь.
И вся природа словно выспалась
И только ленится вставать.

* * *

Приближалось время листопада.
Дед седой сказал мне поутру:
— Помирать не хочется, а надо,
Чувствую, что вскорости помру!..

«Надо?..»
...Вот бессонною порою
Вспомнилось нечаянно о нем.
Может, все мы чуточку герои,
Потому что знаем, что умрем.

А живем, смеемся
и в потемках
С милыми целуемся в свой срок,
Думаем о мире, о потомках,
О судьбе непройденных дорог.

ЗИМНЕЕ

Картины осени приелись,—
Все эти пестрые холмы.
Есть освежающая прелесть
В однообразии зимы.

Далекий лес лежит каймою,
Простерлись белые поля.
Свободней дышится зимою,
Обширней кажется земля.

ХЛЕБНЫЕ КАРТОЧКИ

Отдельно — для малых детей,
Для служащих и для рабочих,
Суровый, без всяких затей,
По дням разграфленный листочек.

Движения ножниц слышны,—
Талон отрезают вначале,—
В рабочих поселках страны
Хлеб на день вперед получали.

Далекий, нам снившийся тыл,
Он жил, ничего не жалея.

Я б карточки те поместил
В безмолвные залы музея.

Средь снимков гвардейских колонн
И рядом с партийным билетом,
Что кровью святой окроплен
Над Волгою памятным летом.

Я их положил бы на свет...
Но только тут случай особый:
Их нет, этих карточек, нет,—
Найди в своем доме, попробуй!

...Иное легко сохранить,
Чтоб знали о прошлом потомки:
Рассказа старинного нить,
Прапрадедов нищих котомки.

Оружие наших отцов,
И наше оружие тоже,
И деньги любых образцов,
И мысли, что денег дороже.

Но здесь — эшелоны в пыли,
Блокадные бледные дети...
Ну, как сохраниться б могли
Военные карточки эти?

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ

М. Бернесу

Я люблю тебя, Жизнь,
Что само по себе и не ново.
Я люблю тебя, Жизнь,
Я люблю тебя снова и снова.

Вот уж окна зажглись,
Я шагаю с работы устало.
Я люблю тебя, Жизнь,
И хочу, чтобы лучше ты стала.

Мне немало дано:
Ширь земли и равнина морская,
Мне известна давно
Бескорыстная дружба мужская.

В звоне каждого дня
Как я счастлив, что нет мне покоя!
Есть любовь у меня,
Жизнь, ты знаешь, что это такое.

Как поют соловьи,
Полумрак, поцелуй на рассвете.
И вершина любви —
Это чудо великое — дети!

Вновь мы с ними пройдем
Детство, юность, вокзалы, причалы.
Будут внуки потом,
Все опять повторится сначала.

Ах, как годы летят,
Мы грустим, седину замечая.
Жизнь, ты помнишь солдат,
Что погибли, тебя защищая?

Так ликуй и вершись
В трубных звуках весеннего гимна!
Я люблю тебя, Жизнь,
И надеюсь, что это взаимно!

* * *

По горным кряжам, вырубкам и долам,
На краткий миг склоняясь над ручьем,
Шагал я с неудобным и тяжелым
Противотанковым ружьем.

В ночи ориентируясь по звездам,
Пуская ввысь махорочный дымок,
Привык себя считать я очень взрослым,—
Иначе б это выдержать не смог.

Я спал, постелью хвойною исколот,
Горело натруженное плечо...
Лишь в тридцать лет я понял, что я молод,
Что сорок — тоже молодость еще.

* * *

Евг. Винокурову

Стучит по крыше монотонно,
Беззвучно льется по стеклу,
Бурлит в канавке из бетона,
Бормочет в кадке на углу.

В полночной мгле свистит над полем,
Шуршит по листьям мокрых рощ...

Когда б я был собой доволен,
То как бы спал под этот дождь!..

ПЛОТНИК

Не в кино, не в стихах, не на сценах —
Сколько в жизни рабочей своей
Он поставил домов пятистенных,
Клубов, яслей, больниц, блиндажей!

Сколько верст с топором и с пилою
Им исхожено в дождь и в метель!
Он еще, как во время былое,
Называет бригаду — артель.

Знает дело любого почище,
И, как прежде, нетрудно ему
К топору подогнать топорище
Или дверь перевесить в дому.

И едва ль не по всей по России,
Где-то там, у него за спиной,
Прочно свитые гнезда людские
Золотятся смолистой сосной.

И какие б ветра ни гудели,
Ярко светятся окна огнем.
Человек, понимающий в деле,
С похвалой отзовется о нем.

Жил на свете спокойно и ровно,
Твердо знал, что в работе не гость.
Как по струнке обтесывал бревна,
С двух ударов утапливал гвоздь.

МОИ СТИХИ

Мои стихи живые,
Моей души запал.
Писал их, как впервые,
Порой ночей не спал.

И вот они в журнале,—
Редакторы прочли,
Наборщики набрали,
Корректоры считали,
Ошибок не нашли.

Журнала книжку эту,
Где есть мой скромный труд,
Потом несут по свету,
На поездах везут.

Потом далекий отзвук
Дойдет обратно к нам,—
Или напишут отзыв,
Иль их услышишь сам.

И счастлив я бываю,
Порывисто дышу,
Я их не забываю,
Хоть новые пишу.

Они живут на свете
Среди большого дня,
Как выросшие дети,—
Отдельно от меня.

НАДПИСЬ, ВЫСЕЧЕННАЯ НА КАМНЕ В ГОРАХ

Упаси вас бог познать заботу —
Об ушедшей юности тужить,
Делать нелюбимую работу,
С нелюбимой женщиною жить.

ПРОВОДЫ

Нас в армию девчата провожали,
С которыми до памятной зимы
Делили мы и радость и печали,
С которыми учились вместе мы.

Я вижу их шубейки и гребенки
И странную растерянность их глаз,
Они стояли — все еще девчонки,
Но было им по-бабьи жалко нас.
В какой-то миг особым женским взором
Они сквозь дым увидели поля,

По длинным госпитальным коридорам
Унылое мельканье костыля.

Им виделись шершавые шинели,
Костры, потери нашего полка.
А может быть, себя они жалели,
Не сознавая этого пока.

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ СТАРОГО СОЛДАТА

Я был бойцом. Давно лежу в могиле —
Вдали от всех, в холодной глубине.
Пускай мои друзья меня забыли,
Мои враги — те помнят об мне.

* * *

Все мне было обещано,
Лишь окончиться надо войне.
И любимая женщина
Стала изредка видеться мне.
Долго по́ свету рыская,
Лучше ты не найдешь все равно.
Смотрит близкая-близкая
И знакомая сердцу давно.

Утро брезжило раннее,
Над блиндажиком вился дымок.
Несмотря на старания,
Я лица ее вспомнить не мог.
Только помнил, что славная,
Улыбается, беды гоня.
Ну, а самое главное —
Что без памяти любит меня.

КУКУШКА

Отважный мальчишка, исполненный сил,
Услышал кукушку и громко спросил:

— Кукушка-кукушка, а сколько мне лет?..—
Двенадцать «ку-ку» прозвучало в ответ.

Довольный ответом, он лег на траву.
— А сколько на свете еще проживу?..

Молчала кукушка на первых порах,
И он, озираясь, почувствовал страх.

Вновь стала кукушка ему куковать,
Он сбился со счета и начал опять.

Валялся, смеясь над приметой былой.
Тянуло́ от сосен нагретой смолой.

И плыл над землей нескончаемый день,
И было, как в школе, считать ему лень.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Я помню, ранило березу
Осколком бомбы на заре.
Студеный сок бежал, как слезы,
По изувеченной коре.

За лесом пушки грохотали,
Клубился дым пороховой.
Но мы столицу отстояли,
Спасли березу под Москвой.

И рано-раненько весною
Береза белая опять
Оделась новою листвою
И стала землю украшать.

И с той поры на все угрозы
Мы неизменно говорим:
Родную русскую березу
В обиду больше не дадим.

В КРУГУ ИНОПЛЕМЕННОМ

На склоне Альп, на берегу Дуная
я никогда, признаться, не бывал.

Мотивы русских песен вспоминая,
в кругу иноплеменном не певал.
А тут пришлось.
Да как пришлось! Бессчетно,
как говорится, петь до хрипоты.

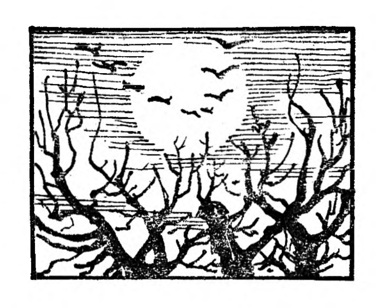
...Рудые тучи рдели, как полотна,
медлительным закатом облиты,
шумели сосны, шелестели вязы.
Объединяя чувства разных стран,
воронежский парнишка долговязый
старательно растягивал баян.
Сомкнув сердца, раскрыв для счастья души,
мы пели,
        пели,
                пели допоздна,
как «выходила на берег Катюша»
и как «полным коробочка полна».

И передашь по проводу едва ли,
как расцветала юности краса,
как нам, советским людям, подпевали
гостеприимных венцев голоса.
Приветливы,
                лучисты,
                        быстрокрылы,
летели песни, горлинкам под стать.
И никакие вражеские силы
не в силах были песням помешать.

ЧЕГО МНЕ НЕДОСТАЕТ

Совершенно откровенно
говорю, не привирая:
симпатичный город Вена
мог бы быть не хуже рая.
Но чего ж недостает в нем,
в этом городе зеленом,
музыкальном, искрометном,
полыхающем неоном?
Мало «фордов» у прикола?
Иль манжетного крахмала?
Иль шипучки кока-кола?

Нет, не этого мне мало.
Мало мне цветов в петлицах,
ясных глаз, улыбок мало,
мало радости на лицах
из рабочего квартала.
Бьет в глаза, в тоску ввергая,
крохоборство бьет сплошное,
ограниченность нагая,
благодушие пивное.
Удивляет дань большая
обывательским страстишкам,
прозябанью — нету краю,
а вот жизни — мало слишком.
Лишь бы вроде фейерверка
броско вывеска блистала,
если даже на поверку
нет в кармане капитала.
Ну, а как насчет свободы?
Где ее любовь и ласка?
Может, спряталась под своды
полицейского участка?
Где ж хваленый, настоящий
«ореол благодеянья»?
Может быть, скрипач, стоящий
в ожиданье подаянья?
Где ж достаток, в самом деле?
Может быть, осклабясь жутко,
возле модного отеля
нам ответит проститутка?
А еще мне не хватает,
говорю, почти стеная,
вместо синих Альп — Алтая,
Камы — вместо волн Дуная.

СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ

РОССИИ

Нелегкую ты выбрала мне долю —
дала бумагу мне, перо дала...
О Русь моя, колосья по подолу,
и синь в глазах, и солнце у чела!

Ты вечная, моложе век от века!
Тебе, моя великая страна,
ни позолота лести человека,
ни пудра фраз красивых не нужна.

И ты, великодушная на диво,
казни меня забвеньем, коль солгу...
И без меня ты можешь быть счастливой —
я без тебя, Россия, не могу.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

М. Дудину

В день святого Пантелеймона
(Впрочем, тут ни при чем святой)
Повернувшись спиной к иконам,
Пили женщины — дескать, что нам! —
Мутной браги хмельной настой.

Угощали друг друга рьяно,
Грубо, попросту, по-мужски.
Пели звонко, плясали пьяно
И смеялись до слез. С тоски.

А тоска велика, без меры.
Встанут в круг, подперев бока,—
Сами дамы и кавалеры,
Ни единого мужика.

Ну, хотя б один завалящий,
Даже пусть инвалид какой.
Покурил бы, коли курящий,
Уцелевшей обнял рукой...

Нету! Даже за гармониста
(Научила всему нужда)
Тоже баба — толстушка Христя,
Радость горькая и беда.

Ах, и что за гармони были
Раньше — Христиной ли чета!
Где те парни? Одних убили,
А другие ушли, забыли
Эти северные места.

Пляшут женщины: — Ах вы, сени!
Пой, тальяночка, норови! —
Шумно в горнице, а веселья —
Нет веселья, хоть впрямь реви.

Может, с песнею вдоль посада
Им пройтись бы — рука в руке —
И себя и свои наряды
Показать бы — да перед кем?
Ходят улицей, крутозобы,
Только куры да петухи...

Скучно: где же вы, хлеборобы?
Трудно: где же вы, женихи?

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

— Уезжаешь?
— Уезжаю.
— Тесно, что ль, в родном дому?
Хоть убей — не понимаю,
уезжаешь почему.
Злясь, четвертую цигарку
бригадир свирепо жег,
уговаривал доярку,
отговаривал как мог.

— Без стыда ты, Анка! Разве
я тебя не уважал?
Или заработок мал?
Или не в чем выйти в праздник?
Иль в душе запал пропал?
Уезжать
в такое время!
Все невзгоды позади...
Ты сама-то посуди:
получила десять премий,
двадцать, может, впереди!
Повернулась к бригадиру,
чемодан толкнув ногой:
— Ты меня не агитируй,
бесполезно, дорогой!

По избе как ветер дунул —
шаль рвануло со стены:
— Понимаешь?.. Зря ты думал:
мне не премии нужны.
Не наряды... Что в них толку?
Перед кем, позволь спросить,
этим штапелем да шелком,
уважаемый, форсить?
Коль в деревне, не соврать бы,
нет гармони ни одной,
коли праздники и свадьбы
нас обходят стороной?
Клуб у черта за болотом,
нет отрады никакой...
Надоела не работа —
скука! Понял, дорогой?

Да притом, я не старуха
и как будто не урод,
чтоб остаться вековухой
из-за премий ваших, вот!

Бригадиру даже жарко
стало. Пятую цигарку
завернул и прикурил.
— Ты права...— проговорил,—
Ты права. И все ж рисково
поступаешь. Посуди:
женихи-то дома скоро
будут... Слышала, поди?
Свадьбу справим, да такую,
что одна на белый свет!
— Вот тогда и потолкуем.
А сейчас охоты нет.

Встала возле чемодана:
— До свидания...— И вдруг
опустилась. Зарыдала...

Бригадир вздохнул устало,
смял цигарку о каблук.

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

* * *

Я видел мир таким, какой он есть,
Тот страшный мир с яругами кривыми,
Со степью снежною, где места нет, чтоб сесть,
С примерзшими к винтовкам часовыми.

С путем бессонным от костров к костру,
С березами, издерганными ветром,
С весенним ливнем, что, пробив листву,
Гудя, уходит в землю на полметра.

Я видел мир, где черная вода
Из мелких лужиц и канав целебна,
Где в небо звездное взлетают города
И к сапогам ложатся слоем щебня.

Сейчас повис он, стихший до утра,
Какой-то незнакомо оробелый,
В дрожащей капле у конца пера,
Безмолвной ночью над бумагой белой.

ДОБРОТА

Я все занесу на скрижали,
Железную точность храня,—
И то, как меня обижали,
И то, как жалели меня.

Обида, обида людская!
Забудешь одну без труда,
Другую, полжизни таская,
Не сможешь забыть никогда.

И все ж, как она б ни держалась,
Концу ее все-таки быть,
Но, острая, светлая жалость,
Тебя мне вовек не забыть.

Я зубы сжимал, чтоб не плача
Пройти среди белого дня.
Царила моя Неудача,
Несчастья терзали меня.

Сердечностью необычайной
Я был поражен на пиру,
За чаркой в райпитовской чайной,
В картофельном сытном пару.

Сидел я, печальный, у края,
И, голову вбок наклоня,
Подолом глаза утирая,
Жалели старухи меня.

О, русские веси и грады!
Прошел я немало путей
И высшей не знаю отрады,
Чем доброе слово людей.

Вставало над избами солнце.
Я видел: везде разлита —
Где с верхом, а где и на донце —
В людские сердца доброта.

* * *

В семнадцать лет я не гулял по паркам,
В семнадцать лет на танцах не кружил,
В семнадцать лет цигарочным огарком
Я больше, чем любовью, дорожил.

В семнадцать лет средь тощих однолеток
Я шел, и бил мне в спину котелок.

И песня измерялась не в куплетах,
А в километрах пройденных дорог.

...А я бы мог быть нежен, смел и кроток,
Чтоб губы в губы, чтоб хрустел плетень!..

В семнадцать лет с измызганных обмоток
Мой начинался и кончался день.

ВОДА

Я до тепла был в молодости падок!
Еще б о печке не мечтать, когда
По желобку меж стынущих лопаток
Струится холодящая вода!

От той смертельной, муторной щекотки
Спирает дух, как на полкѐ в парной,
Особенно когда еще обмотки
Пропитаны водою ледяной.

Шинель моя намокла, как мочало.
Умерь попробуй звонкий лязг зубной!
Вода стонала,
хлюпала,
пищала
В зазоре меж подошвой и ступней.

Она была обильною и злою,
Текла с дерев на лоб, на щеки, в рот.
Ее с лица я отирал полою,
Как возле топки отирают пот.

В разливы рек я брел и брел по шею,
Я воду клял и клял на все лады.
Я не запомнил ничего страшнее
Холодной этой мартовской воды.

* * *

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире,
Который год подряд,
Одни в пустой квартире,
Их матери не спят.

Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино.
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свет бездонный,
И ночь шумит листвой
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

* * *

На вешалке в передней шубка кунья,
И в комнате, в нелегкой духоте,
Та женщина — тряпичница и лгунья —
Сидит, поджавши ноги, на тахте.

В окне рассвет идет на смену мраку,
Там голубю привольное житье...
Она сейчас должна поднять в атаку
Все обаянье юное свое.

На блузке брошь с тяжелою оправой,
И пальцы молодые холодны...
Зачем такой,
никчемной и неправой,
Глаза такие гордые даны?

За окнами, покинув горстку проса,
Уходит голубь в купол голубой...
Из века в век поэзия и проза
Смертельный бой ведут между собой.

* * *

Она жена моя,
Нет, не невеста,
Она жена.
Она встает чуть свет.
Она в смятенье не находит места,
Когда меня с работы долго нет...

Шла девочка со мной
Когда-то, где-то,
Беспечная.
Мы плыли по реке...
Пять лет уже ночами до рассвета
Моя жена спит на моей руке.

Она жена моя,
Нет, не подруга,
Она жена.
Рот молчаливо сжат.
Коль плохо мне, два черных полукруга,
Печальные, у глаз ее лежат.

Шла девочка со мной.
Пред нами лютой
Пылала полночь
Лунной красотой...

Мою жену с той девочкой не спутай.
Я девочки совсем не знаю той.

БОЛЬ

Нас воспитала строгая эпоха,
Ей сетованья были не с руки.
Мой ямб пехотный приспособлен плохо
Для грусти, для признаний, для тоски.

Грусть по тебе меня сегодня гложет,
И я грущу, и в этом нет греха...

А боль моя все прозвенеть не может
Сквозь трубный ритм железного стиха.

СОВЕСТЬ

Можно жить безмятежно, условясь
Зло считать для удобства добром,
Но что делать тому, чья совесть
Все нежданно поставит ребром?

Что тут делать, когда в человеке
О приходе своем возвестит,
Пусть случайно, пусть в кои-то веки,
Словно трубы архангелов, стыд?

Стыд людской—бог жестокий, старинный!
Через рощи, скрывая кинжал,
Он в одеждах безумных Эриний
За мятущейся жертвой бежал.

И хоть годы летели, он все же
Человека врасплох настигал —
Среди битвы, с любимой на ложе,
На пиру поднимавшим бокал.

Я не ведаю большего чуда!
Совесть наша доныне темна.
Я не знаю, откуда, откуда
В человеке возникла она.

Совесть — миру навеки награда.
Вечно жить ей — глуши не глуши...
Удивляться не низости надо,
А безмерным высотам души!

* * *

Я грущу.
          Я измучен жаждой.
Я извелся, грустя, любя.
В каждой девочке, в женщине каждой,
В каждой что-то есть от тебя.

Я их, грустных, не в силах видеть,
Их смятенья,
                    их скорбных поз.

Их же так ведь легко обидеть,
Так легко огорчить до слез!

Сокровенным с тобой,
глубинным
Чем-то связаны все они,
Чем-то жалостным, голубиным,
Чем-то тайным тебе сродни.

Вот вчера одна торопилась,
Плача,
пуговицу теребя...
Сердце кровью мое облилось,
Как подумал я про тебя!

* * *

Хочет женщина быть красивой,
С гордо поднятой головой,
Хохотуньей, а не плаксивой,
Быть любимой, а не вдовой.

Чтобы к перстню шло ожерелье,
Чтобы нравиться без труда...
Только в жизни так, к сожаленью,
Получается не всегда.

И бывает, что вместо бала,
Дерзких взоров и алых щек,
Дождь стучится да вполнакала
Тлеет слабенький ночничек...

Громких подвигов не содея,
В жертву отданная мелочам,
Одиноко живет, седея,
Шорох слушая по ночам.

* * *

Нет, эти босиком не выбегали
К любимому, в морозы, на крыльцо
И серной кислотой не выжигали
Соперницы проклятое лицо.

В них пыл не тот,
У них спокойный норов.
Любовь не принимается всерьез.
Сдаются без особых разговоров
И утром просыпаются без слез.

И вспоминают молодость, старея:
Апрель. Луна. Холодный блеск реки.
За пазухой у них ладони грея,
Зевают их случайные дружки.

* * *

Мне сохранить смогла судьба
Из молодости ранней
Пороховые погреба
Моих воспоминаний.

Живу в спокойном забытьи,
Но огонек запала
Лишь только стоит поднести,
И все тогда пропало...

* * *

Сколько прелести есть в человеческих лицах!..
Все смотрел бы на них и смотрел без конца.
Но в глухих городишках и в громких столицах
Вдруг на улице встретишь лицо подлеца.

И брезгливость и ужас почти не скрывая,
Отшатнешься, стараясь с дороги свернуть.
Но навеки запомнишь: ухмылка кривая
И глаза, разбегающиеся, как ртуть.

Берегите лицо человеческое. Несите
Сквозь года — и глаза молодые и рты.
Словно с озера, с глади лица не спугните
Выражение детскости и чистоты.

* * *

Я знаю жизнь. Ее я изучал,
Сжав крепко зубы. Горькая отрада —

Познать ее! Начало всех начал —
Жестокий опыт. Нет дороже клада,
Чем знанье жизни. Прежде по складам
Ее с трудом читал я, обалдело
Наморщив лоб. Сейчас я преподам —
Хотите — курс ее! Я знаю дело.
Я знаю жизнь. Но сыну моему,
Увы, не надо знания отцова.
Ему мой тяжкий опыт ни к чему.
Сжав зубы,
сам он все добудет
снова.

* * *

Не жалуюсь: и я имел друзей!..
У жизни так разнообразны грани:
С одним идешь на бокс, с другим — в музей,
А с тем — сидишь за рюмкой в ресторане.

Мои друзья! Да это ж, право, рать!
Как мы шумели — были помоложе.
Не то чтоб за меня пошли бы умирать,
Но, если надо, поддержали б все же...

О, понимание! За нитью рвется нить.
И с новыми идешь на дружбу туго...
До старости когда б мне сохранить
Пусть одного, хотя б для шашек, друга.

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ОСЕННИЙ ВОСКРЕСНИК

Кружатся опилки,
груши и лимоны.
Прямо
        на затылки
падают балконы!

Мимо этой сутолоки,
ветра, листопада
мчатся на полуторке
ведра и лопаты.

Над головоломной
                    ка-
                        та-
                            строфой
мы летим в Коломну
убирать картофель.

Замотаем платьица,
брючины засучим.
Всадим заступ
в задницы
            пахотам и кручам!

ТОРГУЮТ АРБУЗАМИ

Москва завалена арбузами.
Пахнуло волей без границ.
И веет силой необузданной
От возбужденных продавщиц.

Палатки. Гвалт. Платки девчат —
Хохочут. Сдачею стучат.
Ножи и вырезок тузы.
«Держи, хозяин, не тужи!»

Кому кавун? Сейчас расколется!
И так же сочны и вкусны
Милиционерские околыши
И мотороллер у стены.

И так же весело и свойски,
Как те арбузы у ворот —
Земля
мотается
в авоське
Меридианов и широт!

ПОЖАР В АРХИТЕКТУРНОМ ИНСТИТУТЕ

Пожар в Архитектурном!
По залам, чертежам,
Амнистией по тюрьмам —
Пожар! Пожар!
По сонному фасаду
Бесстыже, озорно,
Гориллой
краснозадою
Взвивается окно!

А мы уже дипломники,
Нам защищать пора.
Трещат в шкафу под пломбами
Мои выговора!

Ватман — как подраненный
Красный листопад.
Горят мои подрамники,
Города горят.

Бутылью керосиновой
Взвилось пять лет и зим...
Кариночка Красильникова,
Ой! горим!

Прощай архитектура!
Пылайте широко,
Коровники в амурах,
Райклубы в рококо!

О юность, феникс, дурочка,
Весь в пламени диплом!
Ты машешь красной юбочкой
И дразнишь язычком.

Прощай, пора окраин!
Жизнь — смена пепелищ.
Мы все перегораем
Живешь — горишь.

А завтра, в палец чиркнувши,
Вонзится злей пчелы
Иголочка от циркуля
Из горсточки золы...

...Все выгорело начисто.
Вздыхающих полно.
Все — кончено!
Все — начато!
Айда в кино!

МАСТЕРСКИЕ НА ТРУБНОЙ

Дом над Трубной.
В нем дипломники басят.
Окна бубной
жгут заснеженный фасад.
Дому трудно.

Раньше он соцреализма не видал
в безыдейном заведенье у мадам.

В нем мы чертим клубы, домны,
но бывало
стены фрескою огромной
сотрясало,
шла империя вприпляс
под венгерку,
«Феи» реяли меж нас
Фейерверком!
Мы небриты, как шинель.
Мы шалели,
отбиваясь от мамзель,
от шанели,
но упорны и умны,
сжавши зубы,
проектировали мы
домны, клубы...

Ах, куда вспорхнем с твоих
авиаматок,
Дом на Трубной, наш Парнас,
альма матер?
Я взираю, онемев,
на лекало —
мне районный монумент
кажет
ноженьку
лукаво!

СИБИРСКИЕ БАНИ

Бани! Бани! Двери — хлоп!
Бабы прыгают в сугроб.

Прямо с пылу, прямо с жару —
Ну и ну!
Слабовато Ренуару
До таких сибирских «ню»!

Что мадонны! Эти плечи,
Эти спины наповал,

Будто доменною печью
Запрокинутый металл.

Задыхаясь от разбега,
Здесь на ты, на ты, на ты
Чистота огня и снега
С чистотою наготы.

День морозный, чистый, парный.
Мы стоим, четыре парня,—
В полушубках, кровь с огнем,
Как их шуткой
шуганем!

Ой, испугу!
Ой, в избушку.
Как из пушки, во весь дух:
— Ух!..

А одна в дверях задержится,
За приступочку подержится
И в соседа со смешком
Кинет
кругленьким снежком!

НА ПЛОТАХ

Нас несет Енисей.
Как плоты над огромной
и черной водой,
Я — ничей
Я — не твой, я — не твой, я — не твой!
Ненавижу провал
твоих губ, твои волосы,
платье, жилье.
Я плевал
на святое и лживое имя твое!
Ненавижу за ложь
телеграмм и открыток твоих,
Ненавижу, как нож,
по ночам ненавидит живых,
Ненавижу твой шелк,
проливные нейлоны гардин,

Мне нужнее мешок, чем холстина картин!
Атаманша-тихоня,
телефон-автоматной Москвы,
Я страшон, как икона,
почернел и опух от мошки.
Блещет, точно сазан,
голубая щека рыбака,
«Нет» — слезам.
«Да» — мужским, продубленным рукам.
«Да» — девчатам разбойным,
купающим МАЗ, как коня,
«Да» — брандспойтам,
Сбивающим горе с меня.

БАЛЛАДА РАБОТЫ

Е. Евтушенко

Петр
Первый —
пот
первый...

Не царский (от шубы,
от баньки с музыкой),
а радостный
грубый,
мужицкий!
От плотской забавы
гудела спина,
от плотницкой бабы,
пилы, колуна.
Аж в дуги сгибались
дубы топорищ!
Аж щепки вонзались
В Стамбул и Париж!
А он только крякал,
упруг и упрям,
расставивши краги,
как башенный кран.

А где-то в Гааге
мужик и буян,
гуляка отпетый

и нос точно клубень —
Петер?!
Рубенс?

А может, не Петер?
А может,
    не Рубенс?
Он жил среди петель,
рубинов и рубищ,

где в страшной пучине восстаний и путчей
неслись капуцины,
                как бочки
                    с капустой!
Он жил, неопрятный, в расстегнутых брюках,
и брюхо
    моталось
        мохнатою
            брюквой.
Небритый, уже сумасшедший отчасти,
он уши топорщил,
                как ручки от чашки.
Дымясь волосами, как будто над чаном,
он думал.
    И все это было началом,
началом, рождающим Савских и Саский...
Бьет пот —
    олимпийский,
        торжественный,
            царский!
Бьет пот
    (чтобы стать жемчугами Вирсавии).
Бьет пот
    (чтоб сверкать сквозь фонтаны Версаля).
Бьет пот,
    превращающий на века
художника — в бога, царя — в мужика!

Вас эта высокая влага кропила
чело целовала и жгла, как крапива.
Вы были как боги — рабы ремесла!..

В прилипшей ковбойке
стою у стола.

ПЕРВЫЙ ЛЕД

Мерзнет девочка в автомате,
Прячет в зябкое пальтецо
Все в слезах и губной помаде
Перемазанное лицо.

Дышит в худенькие ладошки.
Пальцы — льдышки. В ушах — сережки.
Ей обратно одной, одной
Вдоль по улочке ледяной.

Первый лед. Это в первый раз.
Первый лед телефонных фраз.

Мерзлый след на щеках блестит —
Первый лед от людских обид.

Поскользнешься. Ведь в первый раз.
Бьет по радио поздний час.

Эх раз,
Еще раз,
Еще много, много раз.

ПОСЛЕДНЯЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Мальчики с финками, девочки с фиксами,
Две проводницы дремотными сфинксами...

Я еду в этом тамбуре,
Спасаясь от жары,
Кругом гудят, как в таборе,
Гитары и воры.

И как-то получилось,
Что я читал стихи
Между теней плечистых,
Окурков, шелухи.

У них свои ремесла.
А я читаю им,
Как девочка примерзла
К окошкам ледяным.

На черта им девчонка
И рифм ассортимент?
Таким, как эта — с челкой
И пудрой в сантиметр?!

Стоишь — черты спитые,
На блузке видит взгляд
Всю дактилоскопию
Малаховских ребят...

Чего ж ты плачешь бурно,
И, вся от слез светла,
Мне шепчешь нецензурно
Чистейшие слова?

И вдруг из электрички,
Ошеломив вагон,
Ты чище Беатриче
Сбегаешь на перрон!

СТОГА

Менестрель атомный,
Галстучек-шнурок...
Полечка — мадонной?
Как Нью-Йорк?

Что ж, автолюбитель,
Ты рулишь к стогам,
Точно их обидел
Или болен сам?

Как стада лосиные,
Спят
        стога.
Полыхает Россия,
Голуба и строга.

И чего-то не выразив,
Ты стоишь, человек,
Посреди телевизоров,
Небосклонов, телег.

Там — аж волосы дыбом! —
Разожгли мастера
Исступленные нимбы,
Будто рефлектора.

Там виденьем над сопками
Солнцу круглому вслед
Бабка в валенках стоптанных
Крутит велосипед...

Я стою за стогами.
Белый прутик стругаю.
«Ах, оставьте,— смеюсь,—
Я без вас разберусь!»

Нас любили и крыли.
Ты ж, Россия, одна.
Как подводные крылья,
Направляешь меня.

ГОЙЯ

Я — Гойя!
Глазницы воронок мне выклевал ворог,
слетая на поле нагое.
Я — Горе.
Я — голос
Войны, городов головни
на снегу сорок первого года,
Я — голод,
Я — горло
Повешенной бабы, чье тело, как колокол,
било над площадью голой...
Я — Гойя!
О, грозди
Возмездья! Взвил залпом на Запад —
я пепел незваного гостя!
И в мемориальное небо вбил крепкие звезды —
Как гвозди.
Я — Гойя.

НИКОЛАЙ ГРИБАЧЕВ

* * *

Как на свое гнездовье птица,
В луга и рощи за селом
Зима наискосок садится,
Черкнув сияющим крылом.

И ветер, прошлых зим наследник,
Играет пухом и пером
И там, где, кончив рейс последний,
Приткнулся к берегу паром.

И там, где ель по глине синей
Почти что к берегу сползла,
Где растревоженной гусыней
Шипит под кручами лоза,

И на пристывшем водопое,
Где мерин, фыркнув, пьет с лотка,
И далеко в студеном поле,
Где в полдне тают облака.

День меркнет. Снег шумит, как пена,
И в нем, пушинки шевеля,
Тут скрылась озимь постепенно,
Там ежик низкого жнивья.

А к ночи—глядь!—все с места сдвинув
И расплескавшись широко,
По всем ложбинкам и долинам
Пурга кипит, как молоко.

ДУБ

Уже мороз трещит над лесом,
Метель справляет праздник свой,
А дуб, как листовым железом,
Гремит пожухлою листвой,

Бушует, век свой многотрудный
Не в силах отряхнуть с плеча,
И по коре его чугунной
Шумит поземка в три ручья.

А от него, совсем сквозные,
Прозрачным инеем пыля,
Уходят полосы лесные
В необозримые поля,

По холмикам, у самой кромки
Туч, побратавшихся с землей,
Идут несчастные потомки
В свой дальний путь, на подвиг свой.

И может быть, что самый крайний
Особой отличен судьбой,
Увидит моря берег дальний,
Каспийский медленный прибой.

Но даже там, в степном раздолье,
В нем, молодом, увидишь ты
Бойца, что вырос в нашем поле,
Неукротимые черты.

ЯБЛОНЯ

Не в подвенечном платье белом,
Не в бусах утренней росы
Она вот к этим шла пределам
Из среднерусской полосы.

Нет! Поджимая зябко ветки,
В снегах, что жалили и жгли,
Она вползала, как в разведке
Ползут,— щекой к щеке земли.

И человек, что сам вначале
Смущен был дерзостью своей,
К ней с фонарем ходил ночами
И дымом кутал ветки ей.

И вот на взгорках гололобых,
Тесня к заборам лопухи,
Она привыкла жить в сугробах
Под скрип тайги и свист пурги.

А осенью, как дар победы,
Вложила, трепета полна,
Два яблока, как две планеты,
В ладонь хозяина она.

И людям чудится ночами,
Когда снежинки шелестят,
Что это шепчется ветвями
И лепестками сыплет сад!

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

В рассветной дали синь и роздымь
И перекатный жемчуг рек,
И ты свою дорогу к звездам
Отсюда начал, человек.

И если б на другой планете
Тебя к мольберту подвели,
Ты снова написал бы эти
Виденья неба и земли.

И тот, в других мирах живущий,
Невольный обронил бы крик,
Узнав набатный, страстный, жгучий —
Твоей любви узнав язык.

ОСЕННИЕ СТИХИ

Все думается мне, что где-то
За тем холмом, за тем леском
Еще и нынче бродит лето
С его отеческим теплом.

Что росы, а не первый иней,
В полях слоятся при луне...
Пусть этой веры нет наивней,
Но от нее теплее мне;

Но с ней под сонный шелест вьюги,
Что ходит в шубе снеговой,
Нежнее думаешь о друге,
Сердечней о любви чужой.

Она легла, как мостик малый,
Сквозь вьюгу зимнюю и мглу —
К листве, к грозе весенней шалой,
К другому летнему теплу!

ПРОЩАЙ, ЗИМА

Еще апрель не сжег снега,
Еще на зорьке не одной
Прихватит инеем луга,
Блеснет сосулькой ледяной.

Еще, видать, земля сама
От сырости не отошла,
А все-таки сдает зима
Свои хозяйские дела.

Все, все передает подряд —
Леса, холмы, простор полей,
Свой инвентарь и свой наряд,
Что вьюги с песней шили ей.

Прощай, зима! С тобой опять
Нам не встречаться никогда —
Другим снегам в свой срок порхать,
Блестеть стеклу другого льда.

Ты долго шла в дыму седин,
Но все простили б мы тебе,
Когда б не стал твой день один
Печальным днем в моей судьбе.

Иди, зима! Прощай, иди.
Пусть лес наряд наденет свой,
Пусть грозы блещут, пусть дожди
Шумят над жаждущей землей,

Пусть будет, горе пережив,
Широк душою человек,
Как торжествующий разлив
Неисчислимых наших рек!

ДРУГУ

В. Галактионову.

Может, дружба лишилась у нас языка?
Тридцать дней телефонного нету звонка!
Может, где-то нашла себе адрес иной?
Тридцать дней не курил ты, не спорил со мной.

Что ж молчишь? Или жизнь твоя так тяжела—
Одолели заботы, заели дела?
Или женщина та, что зовется родной,
Все, что есть, забрала для себя для одной?

Не ревную к любви: если вправду сильна,
Не всегда к нам друзей отпускает она;
Бросив срочное дело, гулять не зову —
Сам в делах и делами дышу и живу.

Если ж сам ты не можешь того объяснить,
Почему не приходишь, не хочешь звонить,—
Значит, можно итог подводить не спеша:
У кого-то из нас постарела душа!

ТОЙ, КОТОРУЮ ЛЮБИЛ

Прости за все, что я принес
Не по своей вине... Прости

За боль разлук, за горечь слез,
За письма краткие с пути,

За то, что не хватило сил
Мне удержать тебя, когда
Вдали с фронтами колесил
Недели, месяцы, года.

Умна, честна, ты все поймешь:
Что глубока любовь была,
Что не измена и не ложь —
Нас буря века развела.

Я сердцем и душой все тот,
Опять я в спешке день-деньской,
Лишь сердце радостно замрет,
Чуть мимо женщина пройдет,
Напомнив чем-то облик твой.

И хоть нельзя соединить
Минувших и грядущих дней,
Я все стараюсь лучше быть
Во имя памяти твоей,

Чтоб ты не смела упрекнуть
Сама себя наедине,
Что ошибалась в чем-нибудь,
Протягивая руку мне!

* * *

Я не желаю, жизнь, чтоб ты явила милость,
Бессмертье мне дала у смертных на виду,
Чтоб время в лучший миг на миг остановилось —
В счастливейший из них я следующих жду.

И если б ты сама мирилась с настоящим
Да ела и пила, не торопясь вперед,
Взамен меня сейчас хрипел бы в тине ящер
И падал серый хвощ на прозелень болот.

ПЛАКУЧАЯ ИВА

Говорят, ты плачешь, ива,
Каждый день и целый век.

Но придумал несчастливый
Эту сказку человек.

Он слова придумал эти
В помощь горю своему,
Чтоб печалиться на свете
И вздыхать не одному.

СЫН ПОЛЮБИЛ

Он перед ней еще немеет,
Он, как непевший соловей,
Еще не смеет, не умеет
Сказать «люблю» любви своей.

Для вздохов ищет оправданий,
Грустит, стихи строчит тайком.
А я, его советчик давний,
Молчу при случае таком.

Ничем еще не обнадежен,
В минуту мук и торжества
Сам для любви своей он должен
В себе самом найти слова,

Такие ясные, живые,
Как будто из глубин своих
Язык наш их родил впервые,
А мир впервые слышит их!

* * *

Я видел степи, и леса,
И скалы в вышине,
Всех лет и далей голоса
Сошлись, звучат во мне.

И с полуслова я привык
В отраде наших встреч
Всех братьев понимать язык
И всех республик речь!

ЧУ

(ИЗ КИРГИЗСКОГО БЛОКНОТА)

В камнях берег, в пене шея,
Снег прирос к плечу —
Из Боомского ущелья
Вылетает Чу.

И, сверкая по равнине
В жилах арыка,
Наливает соком дыни,
Листья табака.

Бродит в яблоке и хлопке,
Освещает дом,
По бутылкам бьется в пробки
Золотым вином.

На волне ее угонной
Мчит издалека
Иссык-Куля отсвет горный,
Отсвет ледника.

И поэт умно и тонко
Мне давал понять:
Чу — девчонка и сестренка,
Женщина и мать;

Ставь любую в паспорт визу,
Дай сто тысяч рек —
Без ее любви киргизу
Не прожить вовек!

ВСЕ БУДЕТ ВСЕМ

Все будет всем: хлеба́, машины, зданья
И та хмельная радость без вина,
И новые взойдут над миром знанья,
И новые для славы имена.

И в том великом, дерзостном посеве
По голубой, рассветной целине

Я труд и отдых разделю со всеми,
Восторг и грусть со всеми наравне,

И мускулов и нервов напряженье,
И выдержку под вражеским огнем,
И правде то высокое служенье,
Когда и жизнь сожжешь без страха в нем.

Из нас любому многое ли надо?
Но этот день, особенный, иной,
Есть высшая отрада и награда
За весь наш путь, за весь наш труд земной.

Тускнеет бронза, выцветает камень,
Теряется в забвении строка,
А он при людях будет жить веками,
Поскольку и вершится на века!

ЗИМНЯЯ КАПЕЛЬ

Погода ударилась в дурость:
Декабрь, а туман, как в парной,
Река посинела и вздулась,
В шуге, словно в пене пивной.

Внезапной капели неправда
Врывается за полночь в сны...
И сердце по-глупому радо
Пустым обольщеньям весны!

О ТОСКЕ

С зеленоватой чешуей по коже,
С открытой серой пастью до виска,
На чудищ ископаемых похожа,
И к нам вползает иногда тоска,

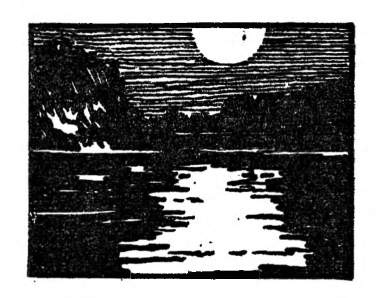
И застилает свет, и застит разум,
И, словно в отрешенности какой,
Уже земли не обнимаешь глазом,
Не ощущаешь теплоты людской.

И помнишь только пени да обиды,
И осень, что еще не так близка,
И те надежды, что давно убиты,
Поскольку возводились из песка.

Что делать с ней, каким разить орудьем,
Чтобы она живьем не сожрала?
Есть добрый способ: отправляться к людям
И окунаться с головой в дела,

Дорожным ветром надышаться вволю
И сердца не носить под паранджой,
Сто раз переболеть чужою болью,
Порадоваться радости чужой!

Но ежели и тут отступишь в страхе
И с ходу все зачислишь в пустяки,
Тогда пора переходить в монахи,
А проще — желчь переливать в стихи.

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ

МОСКВА

Ты до сих пор не пересох,
Свирепый друг, Соколиный мох,
Наш тяжкий вздох.
Не позабыть: брели без сил,
Свинец над нами голосил,
Казался тьмою белый свет,
А главное — патронов нет.
Отбит наш приступ штыковой,
Висит «костыль» над головой,
И за спиной — полк егерей глухой стеной.
Ни встать, ни лечь, ни повернуть.
Трясина: шаг ступил не так —
И все, земляк, окончен путь.
А впереди на нас глядит
Немая синяя беда — вода.
Куда идти? куда? куда?
Мы оседлали островок —
Сто сажен вдоль, сто поперек —
И залегли в плывун кольцом,
В дурман-богун — к врагу лицом.
Приказ: «Держаться до утра!
Стреляют только снайпера!
Друзья, не промахнись, а то...»
«Зови Москву! Зови, браток,
Зови, радист!

Радист, радист, поторопись!»
А до Москвы — полтыщи верст,
В крови, в плену, слепых от слез,
А у нее недобрый день, тяжелый час,
Ей не до нас:
Над нею враг навис, как тень,
Там от его стальных когтей
Дрожит и дыбится земля —
Ложатся бомбы у Кремля.
Ты, мать, поймешь своих детей,
Ты не осудишь нас.
Нам без тебя нельзя сейчас,
Нельзя без помощи твоей.
«Зови, радист! Зови скорей!»
И ты не укорила нас:
Пришла, нашла, спасла.
Последний, может быть, запас —
Патроны — принесла.
«Пока живу, живете вы,—
Живем, хоть нелегко!..»
Кто выдумал, что до Москвы
Далёко — далеко?

ОТЧИЗНА

Желтая стежка в горку течет.
Реченька дышит, вброд переход;
Тронешь — из ледника слезы — вода.
Над головою жгуты-провода,
Мачты земли, как подпорки небес.
Надвое сталью разрезали лес.

Каждому листику в этом лесу,
Всякой былинке на тихом мысу
Я в своем сердце песню несу.

Здесь без шапчонки на резвом ветру
Я обучался любви и добру,
Тут научился у кротких берез
Плакать всерьез и смеяться до слез.

Где тот малец, оголец-сорванец?..
Сколько родных отстучало сердец,

Сколько провожено кровных друзей,
Сколько исхожено длинных путей
В хмурой и ведренной шири твоей!

Вся ты, бескрайняя — с высью хребтов,
С гулом столиц, с глушью лесов,
С далью полей, с глубью морей,—
Стала одним кровом родным,
Долей моей.

И оттого мне глухой уголок —
Псковского неба линялый платок,
Горький дымок, перекресток дорог,
Отчий порог, запечаленный сад —
Ближе, тревожней, дороже стократ.

Ты меня грела, стыдила, несла,—
Кто б мне помог, если б ты не спасла?
Пламя твое мне дано и броня!
Ты ведь, как сердце, одна у меня.

ГЛУШЬ

Обоймет молодая теплынь,
Заведет, не спрося: «Забери!»
И такую поведает синь —
Хоть губами, хоть горстью бери.

То-то любо к духмяной груди,
Обо всем позабыв, прикипать,
В половодье безвинных лядин,
Ни о чем не грустя, утопать.

Плыть по травам, дышать и молчать,
На далекий свой путь не пенять,
Настоящую волю встречать,
Немудрящую радость понять.

Ошалело добреть, молодеть
Безбоязненно: что там потом...
И глядеть, и глядеть, и глядеть
С пересохшим улыбчивым ртом.

Ни чудинки — одни чудеса,
В каждом листике — трепет души.
И глядят тебе в душу глаза
Не заглохшей для счастья глуши.

Ах, как ждут они: ясностью жгут.
В них не тишь, а немая гроза.
Ты вглядись, ты не пасынок тут:
Ах, как ждут они, эти глаза!

СОН О ДОМЕ

Мы теперь на самом краю.
Мы — это я да мыши.
Весь я совсем не топлен стою.
Ты, хозяин, не пьян? Ты меня слышишь?

Ну какая это компания — мышь?
Куда ни шло, хоть бы кот захудалый...
Ох, батька беспечный, ты вроде храпишь?
Устал, говоришь? А я — не усталый?

Зачем-то удумал, что я — неживой,
От своих воротишь бритое рыльце?
Ишь, дрыхнешь! А мне от судьбы ножевой
Никуда не уйти, некуда скрыться.

Сегодня как раз день именин;
Поневоле заплачешь с такого веселья:
Ровно десять лет, как стою один,
С твоего столичного новоселья.

Не признаёшь меня? Я — твой дом,
По-старому то есть — судьба-опора.
А тут бригадир стращает: «На слом!»
Подо мной, вишь, сотка земли без призора.

Я-то не робкий, да трусь не трусь,
А понимать положение надо:
В одиночку долго не продержусь,
Быть беде: зазря пропаду без догляда.

Сам посуди: на полах мокреть,
Крыша-то в десяти местах прохудилась...

Ты уж прибудь свой кров осмотреть,
Сделай такую милость!

Хотя ко мне заросли пути,
Хоть бузина разбузилась окол,
В деревне меня попробуй найти
По кривой трубе, по окнам без стекол.

Как, значит, прибудешь, пройди лесок.
Потом в крутосклон покарабкайся малость:
Три шага — и ступишь в белый песок
(Не забыл, как в нем хорошо игралось?)

Отсель до меня подать рукой.
Не дюже заманчив стал, не скрываю.
А каков стоял, был я какой:
Не из последних, да и не с краю!

Да вот соседей моих и друзей
За бутылку и сотню мятых рублевок
Пожгли на дрова, где муж — ротозей,
Перетянули в город, кто ловок.

Признаться, и я с такой маеты
Готов очистить землю хоть ноне ж,
Да вот все думаю: как же ты?
Где без меня голову приклонишь?

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

РОДИНА СЛЫШИТ

Родина слышит,
Родина знает,
Где в облаках ее сын пролетает.
С дружеской лаской, нежной любовью
Алыми звездами башен московских,
Башен кремлевских,
Смотрит она за тобою.

Родина слышит,
Родина знает,
Как нелегко ее сын побеждает,
Но не сдается, правый и смелый!
Всею судьбой своей ты утверждаешь,
Ты защищаешь
Мира великое дело.

Родина слышит,
Родина знает,
Что ее сын на дороге встречает,
Как ты сквозь тучи путь пробиваешь.
Сколько бы черная буря не злилась,
Чтоб ни случилось,
Будь непреклонным, товарищ!

ЗА ФАБРИЧНОЙ ЗАСТАВОЙ

За фабричной заставой,
Где закаты в дыму,
Жил парнишка кудрявый,
Лет семнадцать ему.

О весенних рассветах
Тот парнишка мечтал,
Мало видел он света,
Добрых слов не слыхал.

Перед девушкой верной
Был он тих и несмел,
Ей любви своей первой
Объяснить не умел.
И она не успела
Даже слова сказать,—
За рабочее дело
Он ушел воевать.

Но порубанный саблей,
Он на землю упал,
Кровь ей отдал до капли,
На прощанье сказал:
«Умираю, но скоро
Наше солнце взойдет».
Шел парнишке в ту пору
Восемнадцатый год.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ЭСКАДРИЛЬЕ «НОРМАНДИЯ»

Я волнуюсь, заслышав французскую речь,
Вспоминаю далекие годы.
Я с французом дружил, не забыть наших встреч
Там, где Неман несет свои воды.
Там французские летчики в дождь и туман
По врагу наносили удары,
А советские парни в рядах партизан
Воевали в долине Луары.

В небесах мы летали одни,
Мы теряли друзей боевых,

Ну а тем, кому выпало жить,
Надо помнить о них и дружить.

Что ты делаешь нынче, французский собрат,
Где ты ходишь теперь, где летаешь?
Не тебя ль окликал я: «Бонжур, камарад!»
Отвечал ты мне: «Здравствуй, товарищ!»
Мы из фляги одной согревались зимой,
Охраняли друг друга в полете,
А потом ты в Париж возвратился домой
На подаренном мной самолете.

Я приеду в Париж, все дома обойду,
Под землею весь город объеду.
Из «Нормандии» летчика там я найду,
Мы продолжим былую беседу.
Мы за правое дело дрались, камарад.
Нам война ненавистна иная.
Не поддайся обману, французский собрат,
Верность клятве своей сохраняя.

В небесах мы летали одни,
Мы теряли друзей боевых,
Ну а тем, кому выпало жить,
Надо помнить о них и дружить.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

В первый погожий сентябрьский денек
Робко входил я под светлые своды.
Первый учебник и первый урок —
Так начинаются школьные годы.

Школьные годы чудесные,
С дружбою, с книгою, с песнею.
Как они быстро летят!
Их не воротишь назад,
Разве они пролетят без следа?
Нет, не забудет никто никогда
Школьные годы.

Вот на груди алый галстук расцвел,
Юность бушует, как вешние воды.

Скоро мы будем вступать в комсомол —
Так продолжаются школьные годы.

Жизнь — это самый серьезный предмет.
Радость найдем, одолеем невзгоды.
Встретим на площади Красной рассвет —
Вот и кончаются школьные годы.

Школьные годы чудесные,
С дружбою, с книгою, с песнею.
Как они быстро летят!
Их не воротишь назад.
Разве они пролетят без следа?
Нет, не забудет никто никогда
Школьные годы.

ЕСЛИ БЫ ПАРНИ...

Если бы парни всей земли
Вместе собраться однажды могли,
Вот было б весело в компании такой,
И до грядущего подать рукой.

Парни, парни, это в наших силах
Землю от пожара уберечь.
Мы за мир и дружбу, за улыбки милых,
За сердечность встреч.

Если бы парни всей земли
Хором бы песню одну завели,
Вот было б здорово, вот это был бы гром,
Давайте, парни, хором запоем!

Если бы парни всей земли
Миру присягу свою принесли,
Вот было б радостно тогда на свете жить.
Давайте, парни, навсегда дружить!

Парни, парни, это в наших силах
Землю от пожара уберечь.
Мы за мир и дружбу, за улыбки милых,
За сердечность встреч.

НИКОЛАЙ ДОРИЗО

ДАВНО НЕ БЫВАЛ Я В ДОНБАССЕ

Давно не бывал я в Донбассе,
Тянуло в родные края,
Туда, где доныне осталась в запасе
Шахтерская юность моя.

Осталась она неизменной,
Хотя от меня вдалеке.
Там девочка Галя живет непременно
В рабочем своем городке.

Отчаянно Галя красива,
Заметишь ее за версту.
Бывалые парни глядят боязливо
На гордую ту красоту.

С тех пор хоть немало я прожил,
Душа красоте той верна.
В другую влюбился за то, что похожа
Глазами на Галю она.

И вот наконец я в Донбассе,
Вот беленький домик ее...
Седая хозяйка на чистой террасе
Спокойно стирает белье.

Стою я в сторонке безмолвно,
Душа замирает в груди.
Прости меня, Галя, Галина Петровна,
Не знаю за что, но прости.

Прости за жестокую память
О прежних косичках твоих,
За то, что мужчины бывают с годами
Моложе ровесниц своих.

Прости за те лунные ночи,
За то, что не в этом краю
Искал и нашел я похожую очень
На давнюю юность твою.

ЮЛИЯ ДРУНИНА

* * *

Я, признаться, сберечь не сумела шинели —
На пальто перешили служивую мне.
Было трудное время... К тому же хотели
Мы скорее забыть о войне.

Я пальто из шинели давно износила,
Подарила я дочке с пилотки звезду.
Но коль сердце мое тебе нужно, Россия,
Ты возьми его, как в сорок первом году!

СВЕРСТНИЦАМ

Где ж вы, одноклассницы-девчонки?
Через годы все гляжу вам вслед —
Стираные старые юбчонки
Треплет ветер предвоенных лет.
Кофточки, блестящие от глажки,
Тапочки, чиненные сто раз...
С полным основанием стиляжки
Посчитали б чучелами нас!
Было трудно. Всякое бывало.
Но остались мы освещены
Заревом отцовских идеалов,
Духу Революции верны.

Потому, когда, гремя в набаты,
Вдруг война к нам в детство ворвалась,
Так летели вы в военкоматы,
Тапочки, чиненные сто раз!
Помнишь Люську, Люську-заводилу:
Нос — картошкой, а ресницы — лен?
Нашу Люську в братскую могилу
Проводил стрелковый батальон...
А Наташа? Робкая походка,
Первая тихоня из тихонь —
Бросилась к подбитой самоходке,
Бросилась к товарищам в огонь...
Не звенят солдатские медали,
Много лет, не просыпаясь, спят
Те, кто Сталинграда не отдали,
Те, кто отстояли Ленинград.
Вы поймите, стильные девчонки,
Я не пожалею никогда,
Что носила старые юбчонки,
Что мужала в горькие года!

О НАШЕЙ ЮНОСТИ

Сорваны двери с петель,
Порохом воздух пропах.
Гудит революции ветер
В оборванных проводах.
Сухо щелкают пули
В стены глухих домов.
Красногвардейцы уснули
Возле ночных костров.
В кожанке, в кепке мятой
У боевых пирамид
Красногвардеец Ната
На карауле стоит.
Где-то в ночи таятся
Последние юнкера.
Девушке восемнадцать
Исполнилось лишь вчера.
Смотрю на нее сквозь годы
И юность свою узнаю:
Идут ополченцев взводы,
В нестройном идут строю.

Неспевшимися голосами
Поют о священной войне,
И полковое знамя
Мечется в вышине.
В большом полушубке овчинном
Девчонка идет с полком,
Подтягивая мужчинам
Простуженным голоском.
Юность! Легко шагая,
Ты скрылась навек в огне.
Но вышла юность другая
Сегодня навстречу мне.
Поземка метет и кружит —
В тайге не найти дорог.
Дрожит от сибирской стужи
Палаточный городок.
По Цельсию снова тридцать.
Работа здесь нелегка.
Снимешь на миг рукавицу —
Белеет твоя рука.
Морозами продубленная,
Земля, лишь коснись, поет.
Здесь первые эшелоны
Возводят в тайге завод.
И стужа напрасно тужится,
Все ветры в бой побросав:
Стоит, словно памятник мужеству,
Девушка на лесах.
Я взгляда не отрываю
От девушки в вышине —
То юность моя боевая
Машет рукою мне.

* * *

Я не привыкла, чтоб меня жалели,
Я тем гордилась, что среди огня
Мужчины в окровавленных шинелях
На помощь звали девушку — меня.

Но в этот вечер, мирный, зимний, белый,
Припоминать былое не хочу,
И женщиной — растерянной, несмелой —
Я припадаю к твоему плечу.

* * *

Жизнь моя не катилась величавою рекою —
Ей всегда не хватало тишины и покою.
Где найдешь тишину ты в доле воина трудной?..
Нет, бывали минуты, нет, бывали секунды:
За минуту до боя очень тихо в траншее,
За секунду до боя очень жизнь хорошеет.
Как прекрасна травинка, что на бруствере, рядом!
Как прекрасна!.. Но тишь разорвали снарядом...

Нас щадили снаряды, нас щадили и мины,
И любовь с нами рядом шла дорогою длинной.
А теперь и подавно никуда ей не деться,
А теперь наконец-то успокоится сердце!

Мне спокойно с тобою, так спокойно с тобою,
Как бывало в траншее за минуту до боя...

НАКАЗ ДОЧЕРИ

Без ошибок не прожить на свете,
Коль весь век не прозябать в тиши.
Только б, дочка, шли ошибки эти
Не от бедности — от щедрости души.

Не беда, что тянешься ко многому,
Плохо, коль не тянет ни к чему,—
Не всегда на верную дорогу мы
Сразу пробиваемся сквозь тьму.

Но когда пробьешься — не сворачивай
И на помощь маму не зови...
Я хочу, чтоб чистой и удачливой
Ты была в работе и в любви.

Если горько вдруг обманет кто-то,
Будет трудно, но... переживешь.
Хуже, коль «полюбишь» по расчёту
И на сердце приголубишь ложь.

Ты не будь жестокой с виноватыми,
А сама виновна — повинись.

Всё же люди, а не автоматы мы,
Всё же не простая штука — жизнь...

ЖЕНАМ — ЖДАТЬ...

Женам — ждать.
Что ж, им привычно это.
Ждать с собраний, со свиданий и с войны.

Женам — ждать.
Мужьям задерживаться где-то —
Такова «профессия» жены.

Ждать. Метаться из угла да в угол
С нетерпением, со страхом и с тоской...
Если женщина и вправду лишь супруга —
Трудно ей с «профессией» такой!

РЖАВЧИНА

Я любила твой смех, твой голос.
Я за душу твою боролась.
А душа-то была чужою,
А душа-то была со ржою.
Но твердила любовь: «Так что же?
Эту ржавчину уничтожу!»

Были бури, и были штили.
Ах, какие пожары были!
Только вот ведь какое дело —
В том огне я одна горела:
Ржа навеки осталась ржою,
А чужая душа — чужою...

* * *

Мы любовь свою схоронили,
Крест поставили на могиле.
«Слава богу!» — сказали оба.
Только встала любовь из гроба,
Укоризненно нам кивая:
«Что ж вы сделали? Я живая!»

* * *

Смиряемся мы с мыслью о кончине,
Смиряемся еще с ребячьих пор,
И кровь моя от ужаса не стынет,
Хоть вынесен мне смертный приговор.

Но сколько раз с пронзительным испугом
Я снова вспоминаю, дорогой:
Из двух людей, живущих друг для друга,
Один уходит раньше, чем другой...

ТЫ — РЯДОМ

Ты — рядом, и все прекрасно:
И дождь, и холодный ветер.
Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете.

Спасибо за эти губы,
Спасибо за руки эти,
Спасибо тебе, мой любый,
За то, что ты есть на свете.

Мы — рядом, а ведь могли бы
Друг друга совсем не встретить...
Единственный мой, спасибо
За то, что ты есть на свете.

* * *

Веет чем-то родным и древним
От просторов моей земли.
В снежном море плывут деревни,
Словно дальние корабли.

По тропинке шагая узкой,
Повторяю (который раз!):
— Хорошо, что с душою русской
И на русской земле родилась!

* * *

Мы — современники ракетных,
Летящих к звездам кораблей.

Что нам, казалось бы, до бедных
Курлыкающих журавлей?

А может, вправду устарели,
А может, вправду не нужны
И соловьев полночных трели,
И плеск воды, и блеск луны?

Неправда! Мы не стали суше:
Чем ближе до чужих миров,
Тем горячее в наших душах
К земной поэзии любовь.

И знаю я, что мой праправнук
На Марсе затоскует вдруг
О Чёрном море, волжских плавнях,
О птицах, что летят на юг.

И будет он тревожным взглядом
Искать в космической дали
Свою любовь, свою отраду —
Свою шестую часть земли.

ЗДРАВСТВУЙ, ТОВАРИЩ КУБА!

Посторонитесь, смокинги!
Посторонитесь, фраки!
Дайте дорогу Кубе,
Лакеи и господа!
Идет человек в гимнастерке
Солдатского цвета хаки —
Уверенная походка,
Бунтарская борода.

Уходит он из отеля,
Смеясь, говорит: «Прекрасно!
Зачем партизанам роскошь?
Под звездами крепче сон!»
...Здравствуй, товарищ Куба!
Здравствуй, товарищ Кастро!
Дети трех революций
Шлют тебе свой поклон!

Над склонами Сьерра-Маэстра
Солнце встает, алея,
Мулатки несут кувшины,
Наполненные водой...
Врывается свежий ветер
В притихшую Ассамблею,
То Кастро идет по залу —
Стремительный, молодой.

А рядом идет Россия,
И небо над ними ясно,
И смуглые руки Африки
Машут со всех сторон.
Здравствуй, товарищ Куба!
Здравствуй, товарищ Кастро!
Дети трех революций
Шлют тебе свой поклон!

МИХАИЛ ДУДИН

* * *

Я знаю женщину одну;
Она, мелькнув веселой тенью,
Не то чтобы пошла ко дну,
Скорей — пустилась по теченью.

Ей скоро сорок. Ни детей,
Ни милого тепла, ни друга.
Заметно сердце гложет ей
Тоска угрюмого недуга.

Легко сказать: любя, спеши,
Будь каждой встрече благодарна.
Но золотой запас души
Раздарен глупо и бездарно.

И не прикроешься судьбой.
И солнце юности — закатно.
Волна отхлынула. Прибой
Не возвращается обратно.

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Путь далек у нас с тобою,
Веселей, солдат, гляди!

Вьется знамя полковое,
Командиры впереди.
    Солдаты, в путь, в путь, в путь!
    А для тебя, родная,
    Есть почта полевая.
    Прощай! Труба зовет,
    Солдаты — в поход!

Каждый воин, парень бравый,
Смотрит соколом в строю.
Породнились мы со славой,
Славу добыли в бою.
    Солдаты, в путь, в путь, в путь!
    А для тебя, родная,
    Есть почта полевая.
    Прощай! Труба зовет,
    Солдаты — в поход!

Пусть враги запомнят это:
Не грозим, а говорим.
Мы прошли с тобой полсвета,
Если надо — повторим.
    Солдаты, в путь, в путь, в путь!
    А для тебя, родная,
    Есть почта полевая.
    Прощай! Труба зовет,
    Солдаты — в поход!

* * *

Мне довелось,
    Я целовал
В венце волос
    Лица овал.

И капли слез.
    К щеке щека.
А дальше — врозь.
    Врозь на века!

Врозь навсегда!
    И — никогда!
Пройдут года,
    Уйдут года.

И, может, кто-нибудь
  Другой
На грудь
  Поникнет головой.

И — ничего...
  На малый миг
Испьет того,
  Что я постиг.

* * *

Лейли

Бежит
Река.
Течет река.
Спешит река
Издалека

От синих гор,
От белых скал,
Дробя в упор
Камней оскал.

Она в бегах,
Она спешит.
На берегах
Ее самшит.

Переплелись
В глубинах недр
Корнями тис
И старый кедр.

Штурмуя с бою
Перевал,
Я здесь с тобою
Пировал.

Была такая красота,
Была такая высота,
Такая нас венчала страсть,
Что было некуда упасть!

И до сих пор,
Как взгляд в упор,
Гранитных гор
Немой укор.

Кругом
Крутые валуны
И в белой пене
Гром волны.

* * *

Всей силой чувств и мыслей всех
Из дальней дали той
Я слышал твой веселый смех,
Далекий и родной.

Я лучше сердца своего
Всю знал тебя насквозь.
А тут, не знаю отчего,
Все вкривь пошло и вкось.

Быть может, ревность? Может быть,
Кровь хлынула в виски?
И мне вовеки не избыть
С тех пор своей тоски.

Как будто годы за других
Меня забрали в плен
Всей грубой тяжестью своих
Предательств и измен.

* * *

Что я хочу —
Про то молчу.
Зачем шуметь,
Зачем кричать,
Давно пора уметь
Молчать.
И мой язык
Молчать привык,

Он пересох,
Как тот песок,
Который в медленных часах
Столетья держит на весах.
И ждет душа —
Душа горит,—
Когда твоя заговорит
И скажет мне, что я хочу,
О чем всегда с тобой молчу.

* * *

Ольха, да хмель,
Да речка Нудаль.
Смиряла мель
Теченья удаль.

И дождь косой
Над лопухами,—
Они росой
Благоухали

Во всей красе
Ночного лета.
И в той росе
Конец запрета.

И поцелуями в ответ
На поцелуи.
И звездный свет
Дробили струи.

Шумела в омуте вода,
Прорвав запруду.
Я этой ночи никогда
Не позабуду.

* * *

Нет, ты сложней и проще,
Чем вымысел и сон.
Березовые рощи
Сбегают под уклон.

И тихие деревни
По берегам озер.
И веет древним-древним,
Знакомым с давних пор.

И говорит не грубым —
Певучим языком
Побаска с лесорубом
И сказка — с рыбаком.

Мосток над речкой шаток —
Скрипучая доска.
Тоска седых солдаток,
Столетняя тоска.

И уголь древней лавы,
Подарок мерзлоты,
Тяжелые составы
Везут из Воркуты.

И самый грузный, самый
Измученный вконец,
Из самого Петсамо
Идет в Череповец.

Как в половодье реки,
Втекают в эту сонь
Хозяином навеки
Железо и огонь.

Летит зари жар-птица
Через туман озер,
И вяжет кружевница
Немыслимый узор.

И нет светлей и проще,
Чем эти небеса...
Березовые рощи,
Сосновые леса!

* * *

От всех неудач и успехов,
От встреч, от людского суда

Давно бы мне надо уехать
Хотя бы на месяц сюда.

Не отдыха праздного ради,
Не глупой любви вопреки,
Не ради в заветной тетради
С отточенной рифмой строки.

Сознаюсь, что мне не хотелось
Построить свой рай в шалаше.
Мне просто хотелось, чтоб пелось
Легко и свободно душе.

О самом простом и обычном,
О вечном, как эта трава,
Найти в повседневном и личном
Свои золотые слова.

Взглянуть, как дымится просека
Росою и запахом смол,
Душою того человека,
Который отсюда ушел.

Который в тревогах и спорах
Случайных и суетных дел,
В друзьях, на решениях скорых,
Себя самого проглядел.

* * *

Опять пошла нелепица.
Строка к строке
Не лепится,
На сердце не попросится
И под перо не бросится.
Что хочется —
Не скажется.
Весь мир угрюмым кажется:
Трава —
Железной щеткою,
Свист соловья —
Трещоткою

И облако —
Овчиною.

И ты — тому причиною.

И верная,
И разная,
Манерная
И праздная,
Живая,
Нелюдимая —
Везде необходимая.
Что этой ночью белою
Я без тебя поделаю?

* * *

Я говорю тебе без лести:
Мне без тебя ни жить, ни петь.
Да, я привык с тобою вместе
На мир торжественный глядеть.

Я сам себя ловлю на этом,
Когда пишу, когда спешу,
Что без тебя зеленым летом
В полстрасти грежу и дышу.

И этот лес, и луговина,
Тоска земли по небесам,—
В них остается половина
Твоей душе, твоим глазам.

Не знаю, хочешь иль не хочешь,
Но ты обязана помочь.
Я без тебя — как день без ночи,
Как без дневного света ночь.

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЬ

Порою осени безлиственной,
В тот давний день,
из душной тьмы
На берег большевистской истины
Юнцами выходили мы.
Для нас тогда еще стремлением,
Видением, почти мечтой
Был новый мир, открытый Лениным,
Мир многосложный и простой.

Он сокрушал лавины бедствия
В огне боев, в пылу работ
И становился все вещественней
Из часа в час,
из года в год...

И вот теперь с предельной ясностью —
Мечтой, что в жизнь претворена,
Спасенная от ста опасностей,
Явилась всем моя страна.

Неистощимым духом бодрости
Ее отмечены дела.
Она в немноголетнем возрасте
К могучей зрелости пришла.

Счастливый путь стране единственной,
Чей жаркий свет в любой дали
Неугасим, как светоч истины,
Для всех простых людей земли!

ОКТЯБРЬСКИЕ ЗОРИ

Октябрьские зори, далекие зори —
Большого пути боевое начало.
Народное горе
Кипело, как море,
Взывало о мире, о хлебе кричало.

Волной поднималась рабочая ярость,
Любые преграды дробила на части.
И в самых суровых сердцах загоралась
Надежда на самое звонкое
Счастье.

Мечта увлекала нас к радостной цели,
В повитые синею дымкою дали.
Не часто в дороге мы досыта ели,
Немало
Беды-лебеды повидали.

Под сенью сегодняшней праздничной
даты,
Когда беспристрастную память
встревожим,
Пройдут перед нами невзгоды, утраты,—
Но вот
Поражений припомнить не сможем.

Жестокий экзамен в Крыму и на Волге,
У невских твердынь, под Москвой и на Висле
Был, может быть, только вступлением долгим
К победе
В ее историческом смысле.

Как видно, дано нашей правде и силе
Последнее слово в решающем споре...
Лучами счастливых надежд осветили
Полнеба,
Полмира октябрьские зори.

КЛИЧ К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Присягая Октябрьской победе,
Я на шумной трибуне стою.
Улыбаюсь,
Гляжу на соседей,
Старых, добрых друзей узнаю.

Вот — София, Болгария и Варшава,
Дели, Лондон, Джакарта, Каир...
Всюду — люди,
Стяжавшие славу
В неоконченной битве за мир.

Это им, это лучшим из лучших,
Всем на свете, кто честен и смел,
— Будьте бдительны! — Юлиус Фучик
Перед казнью
Промолвить успел.

Негасимую искру надежды
Заронил он в простые слова
Вместе с Прагою и Будапештом
Повторяй их сегодня,
Москва!

Правды ленинской
Отзвук стозвонный
Пересилит зловещую ложь.
Будет выбит из рук занесенный
Над народными судьбами нож!

Громче всех смертоносных орудий
Пусть гремит,
Полный жизненных сил,
Этот клич к человечеству: — Люди!
Будьте бдительны! Я вас любил...

ГЛАШАТАЙ ВЕСНЫ

Двадцатый год:
Разруха, голод, холод.
Шла осень, громом битвы грохоча...

В Москве
На Третьем съезде комсомола
Мне довелось увидеть Ильича.

Сердца юнцов
Рвались к нему навстречу.
Гул голосов казался гулом пчел.
Ильич
Большим заботам в этот вечер
Заботу о грядущем предпочел.

Могучей мыслью
Бережно и смело
Он нас через ненастье и мороз
Вдруг перенес в весенние пределы,
В преддверье коммунизма перенес.

Мы от него услышали впервые,
Что близок мир
в суровом том году.
И отдали все силы молодые
Учению и общему труду.
Прошли десятилетья не напрасно.
Родной народ наш,
Полный новых сил,
Вплотную подошел к весне прекрасной,
Которую нам Ленин возвестил...

Как памятен мне
Облик легендарный.
Лицо...
Вперед зовущая рука...
Сердца людей да будут благодарны
Ему, вождю, живому на века!

МЫ ЗА МИР

Всей земли народ
Пусть тревогу бьет:
Будем мир беречь!
Встанем, как один,
Скажем: не дадим
Вновь войну зажечь!

Мы за мир! И песню эту
Понесем, друзья, по свету.
Пусть она в сердцах людей звучит:
Смелей, вперед, за мир!
Не бывать войне-пожару,
Не пылать земному шару!
Наша воля тверже, чем гранит.

Есть у нас наказ:
Строй народных масс
Дружбой укреплять,
Чтобы не могли
Изверги земли
Голову поднять!

Наших сил не счесть.
Мы стоим за честь
Братства и труда.
Наш заветный знак —
Всей земли маяк —
Красная звезда.

Мы за мир! И песню эту
Понесем, друзья, по свету.
Пусть она в сердцах людей звучит:
Смелей, вперед, за мир!
Не бывать войне-пожару,
Не пылать земному шару!
Наша воля тверже, чем гранит.

О ТЕБЕ

О тебе,
пушистой, легкой, звонкой,
В самом сердце память берегу.
Встретилась ты мне совсем девчонкой
Где-то на малеевском снегу.

Где-то по дороге к Старой Рузе
В шумном вихре радостной игры
Начинал завязываться узел,
Не развязанный
до сей поры.

Помнишь,
как взлетали мы с разбега

В поздний час на белые холмы!
И казалось: не было ни снега,
Ни морозной ночи, ни зимы...

И узнали мы, что мать-природа,
Нам на счастье или на беду,
Может быть,
не с временами года,

А сама с собою лишь
в ладу.

Вспышки ослепительного света
Вырывались из метельной тьмы.
Не было ни осени, ни лета,
Ни весны...
А были только мы.

Я не знал,
что повторится чудо,
Молнией мелькнувшее вдали...
Неужели это мы оттуда
К нынешней любви своей пришли!

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

СТАРАЯ СКАЗКА

В этом мире, где наша особа
Выполняет неясную роль,
Мы с тобою состаримся оба,
Как состарился в сказке король.

Догорает, светясь терпеливо,
Наша жизнь в заповедном краю,
И встречаем мы здесь молчаливо
Неизбежную участь свою.

Но когда серебристые пряди
Над твоим засверкают виском,
Разорву пополам я тетради
И с последним расстанусь стихом.

Пусть душа, словно озеро, плещет
У порога подземных ворот
И багровые листья трепещут,
Не касаясь поверхности вод.

ОБЛЕТАЮТ ПОСЛЕДНИЕ МАКИ

Облетают последние маки,
Журавли улетают, трубя,

И природа в болезненном мраке
Не похожа сама на себя.

По пустынной и голой аллее
Шелестя облетевшей листвой,
Отчего ты, себя не жалея,
С непокрытой бредешь головой?

Жизнь растений теперь затаилась
В этих странных обрубках ветвей.
Ну, а что же с тобой приключилось.
Что с душой приключилось твоей?

Как посмел ты красавицу эту,
Драгоценную душу твою,
Отпустить, чтоб скиталась по свету,
Чтоб погибла в далеком краю?

Пусть непрочны домашние стены,
Пусть дорога уводит во тьму,—
Нет на свете печальней измены,
Чем измена себе самому.

ВОСПОМИНАНИЕ

Наступили месяцы дремоты...
То ли жизнь действительно прошла,
То ль она, закончив все работы,
Поздней гостьей села у стола.

Хочет пить — не нравятся ей вина,
Хочет есть — кусок не лезет в рот.
Слушает, как шепчется рябина,
Как щегол за окнами поет.

Он поет о той стране далекой,
Где едва заметен сквозь пургу
Бугорок могилы одинокой
В белом кристаллическом снегу.

Там в ответ не шепчется береза,
Корневищем вправленная в лед.
Там над нею в обруче мороза
Месяц окровавленный плывет.

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

Ангел, дней моих хранитель,
С лампой в комнате сидел.
Он хранил мою обитель,
Где лежал я и болел.

Обессиленный недугом,
От товарищей вдали,
Я дремал. И друг за другом
Предо мной виденья шли.

Снилось мне, что я младенцем,
В тонкой капсуле пелен,
Иудейским поселенцем
В край далекий привезен.

Перед Иродовой бандой
Трепетали мы. Но тут
В белом домике с верандой
Обрели себе приют.

Ослик пасся близ оливы,
Я резвился на песке.
Мать с Иосифом, счастливы,
Хлопотали вдалеке.

И в неясном этом свете,
В этом радужном огне
Духи, ангелы и дети
На свирелях пели мне.

Но когда пришла идея
Возвратиться нам домой
И простерла Иудея
Перед нами образ свой —

Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,
Где ложилась на трущобу
Тень распятого в горах,—

Вскрикнул я и пробудился...
И у лампы без огня
Взор твой ангельский светился,
Устремленный на меня.

ОСЕННИЕ ПЕЙЗАЖИ

1. ПОД ДОЖДЕМ

Мой зонтик рвется, точно птица,
И вырывается, треща.
Шумит над миром и дымится
Сырая хижина дождя.
И я стою в переплетенье
Прохладных вытянутых тел,
Как будто дождик на мгновенье
Со мною слиться захотел.

2. ОСЕННЕЕ УТРО

Обрываются речи влюбленных,
Улетает последний скворец.
Целый день осыпаются с кленов
Силуэты багровых сердец.
Что ты, осень, наделала с нами!
В красном золоте стынет земля.
Пламя скорби свистит под ногами,
Ворохами листвы шевеля.

3. ПОСЛЕДНИЕ КАННЫ

Все то, что сияло и пело,
В осенние скрылось леса,
И медленно дышат на тело
Последним теплом небеса.
Ползут по деревьям туманы,
Фонтаны умолкли в саду.
Одни неподвижные канны
Пылают у всех на виду.
Так, вытянув крылья, орлица
Стоит на уступье скалы,
И в клюве ее шевелится
Огонь, выступая из мглы.

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.

Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.

Двум мальчуганам, сверстникам ее,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про нее,
Она ж за ними бегает по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия.

Ни тени зависти, ни умысла худого
Еще не знает это существо.
Ей все на свете так безмерно ново,
Так живо все, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине ее горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты ее нехороши
И нечем ей прельстить воображенье,—
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом ее движенье.
А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

* * *

При первом наступлении зимы,
Блуждая над просторною Невою,
Сиянье лета сравниваем мы
С разбросанной на берегу листвою.

Но я любитель старых тополей,
Которые до первой зимней вьюги
Пытаются не сбрасывать с ветвей
Своей сухой заржавленной кольчуги.

Как между нами сходство описать?
И я, подобно тополю, не молод,
И мне бы нужно в панцире встречать
Приход зимы, ее смертельный холод

ОСЕННИЙ КЛЕН

(Из С. Галкина)

Осенний мир осмысленно устроен
И населен.
Войди в него и будь душой спокоен,
Как этот клен.
И если пыль на миг тебя покроет,
Не помертвей.
Пусть на заре листы твои умоет
Роса полей.
Когда ж гроза над миром разразится
И ураган,
Они заставят до земли склониться
Твой тонкий стан.
Но даже впав в смертельную истому
От этих мук,
Подобно древу осени простому,
Смолчи, мой друг.
Не забывай, что выпрямится снова.
Не искревлен,
Но умудрен от разума земного
Осенний клен.

СТАРАЯ АКТРИСА

В позолоченной комнате стиля ампир,
Где шнурками затянуты кресла,
Театральной Москвы позабытый кумир
И владычица наша воскресла.

В затрапезе похожа она на щегла,
В три погибели скорчилось тело,
А ведь, боже, какая актриса была
И какими умами владела!

Что-то было нездешнее в каждой черте
Этой женщины, юной и стройной,
И лежал на тревожной ее красоте
Отпечаток Италии знойной.

Ныне домик ее превратился в музей,
Где жива ее прежняя слава,
Где старуха подчас удивляет друзей
Своевольем капризного нрава.

Орденов ей и званий немало дано,
И она пребывает в надежде,
Что красе ее вечно сиять суждено
В этом доме, как некогда прежде.

Здесь картины, портреты, альбомы, венки,
Здесь дыхание южных растений,
И они ее образ, годам вопреки,
Сохранят для иных поколений.

И не важно, не важно, что в дальнем углу,
В полутемном и низком подвале,
Бесприютная девочка спит на полу
На тряпичном своем одеяле!

Здесь у тетки-актрисы из милости ей
Предоставлена нынче квартира.
Здесь она выбивает ковры у дверей,
Пыль и плесень стирает с ампира.

И когда ее старая тетка бранит,
И считает и прячет монеты,—
О, с каким удивленьем ребенок глядит
На прекрасные эти портреты!

Разве девочка может понять до конца,
Почему, поражая нам чувства,
Поднимает над миром такие сердца
Неразумная сила искусства!

О КРАСОТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЛИЦ

Есть лица, подобные пышным порталам,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица — подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.
Иные холодные, мертвые лица
Закрыты решетками, словно темница.
Другие — как башни, в которых давно
Никто не живет и не смотрит в окно.
Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка ее на меня
Струилось дыханье весеннего дня.
Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица — подобья ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.

ПОЭМА ВЕСНЫ

Ты и скрипку с собой принесла,
И заставила петь на свирели,
И, схватив за плечо, повела
Сквозь поля, голубые в апреле.
Пессимисту дала ты шлепка,
Настежь окна в домах растворила,
Подхватила в сенях старика
И плясать по дороге пустила.
Ошалев от твоей красоты,
Скряга вытащил пук ассигнаций,
И они превратились в листы
Засиявших на солнце акаций.
Бюрократы, чинуши, попы,
Столяры, маляры, стеклодувы,
Как птенцы из своей скорлупы,
Отворили на радостях клювы.
Даже те, кто по креслам сидят,
Погрузившись в чины и медали,
Улыбнулись и, как говорят,
На мгновенье счастливыми стали.
Это ты, сумасбродка весна!
Узнаю твои козни, плутовка!

Уж давно мне из окон видна
И улыбка твоя, и сноровка.
Скачет по полю жук-менестрель,
Реет бабочка, став на пуанты.
Развалившись по книгам, апрель
Нацепил васильков аксельбанты.
Он-то знает, что поле да лес —
Для меня ежедневная тема,
А весна, сумасбродка небес,—
И подружка моя, и поэма.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

1. ЧЕРТОПОЛОХ

Принесли букет чертополоха
И на стол поставили, и вот
Предо мной пожар, и суматоха,
И огней багровых хоровод.
Эти звезды с острыми концами,
Эти брызги северной зари
И гремят и стонут бубенцами,
Фонарями вспыхнув изнутри.
Это тоже образ мирозданья,
Организм, сплетенный из лучей,
Битвы неоконченной пыланье,
Полыханье поднятых мечей.
Это башня ярости и славы,
Где к копью приставлено копье,
Где пучки цветов, кровавоглавы,
Прямо в сердце врезаны мое.
Снилась мне высокая темница
И решетка, черная, как ночь,
За решеткой — сказочная птица,
Та, которой некому помочь.
Ибо я помочь не в силах ей.
И встает стена чертополоха
Между мной и радостью моей.
И простерся шип клинообразный
В грудь мою, и уж в последний раз
Светит мне печальный и прекрасный
Взор ее неугасимых глаз.

2. МОРСКАЯ ПРОГУЛКА

На сверкающем глиссере белом
Мы заехали в каменный грот,
И скала опрокинутым телом
Заслонила от нас небосвод.
Здесь, в подземном мерцающем зале,
Над лагуной прозрачной воды,
Мы и сами прозрачными стали,
Как фигурки из тонкой слюды.
И в большой кристаллической чаше,
С удивлением глядя на нас,
Отраженья неясные наши
Засияли мильонами глаз.
Словно вырвавшись вдруг из пучины,
Стаи девушек с рыбьим хвостом
И подобные крабам мужчины
Оцепили наш глиссер кругом.
Под великой одеждою моря,
Подражая движеньям людей,
Целый мир ликованья и горя
Жил диковинной жизнью своей.
Что-то там и рвалось, и кипело,
И сплеталось, и снова рвалось,
И скалы опрокинутой тело
Пробивало над нами насквозь.
Но водитель нажал на педали,
И опять мы, как будто во сне,
Полетели из мрака печали
На высокой и легкой волне.
Солнце в самом зените пылало,
Пена скал заливала корму,
И Таврида из моря вставала,
Приближаясь к лицу твоему.

3. ПРИЗНАНИЕ

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!

Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,

Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.

Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою.
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.

Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжелые,
В эти черные брови восточные,
В эти руки твои полуголые.

Что прибавится — не убавится,
Что не сбудется — позабудется...
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или это мне только чудится?

4. ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Задрожала машина и стала,
Двое вышли в вечерний простор,
И на руль опустился устало
Истомленный работой шофер.
Вдалеке через стекла кабины
Трепетали созвездья огней.
Пожилой пассажир у куртины
Задержался с подругой своей.
И водитель сквозь сонные веки
Вдруг заметил два странных лица,
Обращенных друг к другу навеки
И забывших себя до конца.
Два туманные легкие света
Исходили из них, и вдруг
Красота уходящего лета
Обнимала их сотнями рук.
Были тут огнеликие канны,
Как стаканы с кровавым вином,
И седых аквилегий султаны,
И ромашки в венце золотом.
В неизбежном предчувствии горя,
В ожиданье осенних минут,
Кратковременной радости море

Окружало любовников тут.
И они, наклоняясь друг к другу,
Бесприютные дети ночей,
Молча шли по цветочному кругу
В электрическом блеске лучей.
А машина во мраке стояла,
И мотор трепетал тяжело,
И шофер улыбался устало,
Опуская в кабине стекло.
Он-то знал, что кончается лето,
Что подходят ненастные дни,
Что давно уж их песенка спета,—
То, что, к счастью, не знали они.

5. ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ

Раньше был он звонкий, точно птица,
Как родник, струился и звенел,
Точно весь в сиянии излиться
По стальному проводу хотел.

А потом, как дальнее рыданье,
Как прощанье с радостью души,
Стал звучать он, полный покаянья,
И пропал в неведомой глуши.

Сгинул он в каком-то диком поле,
Беспощадной вьюгой занесен...
И кричит душа моя от боли,
И молчит мой черный телефон.

* * *

Клялась ты — до гроба
Быть милой моей.
Опомнившись, оба
Мы стали умней.

Опомнившись, оба
Мы поняли вдруг,
Что счастья до гроба
Не будет, мой друг.

Колеблется лебедь
На пламени вод.
Однако к земле ведь
И он уплывет.

И вновь одиноко
Заплещет вода,
И глянет ей в око
Ночная звезда.

* * *

Посредине панели
Я заметил у ног
В лепестках акварели
Полумертвый цветок.
Он лежал без движенья
В белом сумраке дня,
Как твое отраженье
На душе у меня.

8. МОЖЖЕВЕЛОВЫЙ КУСТ

Я увидел во сне можжевеловый куст,
Я услышал вдали металлический хруст,
Аметистовых ягод услышал я звон,
И во сне, в тишине, мне понравился он.

Я почуял сквозь сон легкий запах смолы.
Отогнув невысокие эти стволы,
Я заметил во мраке древесных ветвей
Чуть живое подобье улыбки твоей.

Можжевеловый куст, можжевеловый куст,
Остывающий лепет изменчивых уст,
Легкий лепет, едва отдающий смолой,
Проколовший меня смертоносной иглой!

В золотых небесах за окошком моим
Облака проплывают одно за другим,
Облетевший мой садик безжизнен и пуст...
Да простит тебя бог, можжевеловый куст!

9. ВСТРЕЧА

И лицо с внимательными глазами, с трудом, с усилием, как отворяется заржавевшая дверь,— улыбнулось...
Л. Толстой. Война и мир.

Как открывается заржавевшая дверь,
С трудом, с усилием,— забыв о том, что было,
Она, моя нежданная, теперь
Свое лицо навстречу мне открыла.
И хлынул свет — не свет, но целый сноп
Живых лучей,— не сноп, но целый ворох
Весны и радости, и, вечный мизантроп,
Смешался я... И в наших разговорах,
В улыбках, в восклицаньях,— впрочем, нет,
Не в них совсем, но где-то там, за ними,
Теперь горел неугасимый свет,
Овладевая мыслями моими.
Открыв окно, мы посмотрели в сад,
И мотыльки бесчисленные сдуру,
Как многоцветный легкий водопад,
К блестящему помчались абажуру.
Один из них уселся на плечо,
Он был прозрачен, трепетен и розов,
Моих вопросов не было еще,
Да и не нужно было их — вопросов.

10. СТАРОСТЬ

Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она,—
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна.

Их речь уже немногословна,
Без слов понятен каждый взгляд,
Но души их светло и ровно
Об очень многом говорят.

В неясной мгле существованья
Был неприметен их удел,
И животворный свет страданья
Над ними медленно горел.

Изнемогая, как калеки,
Под гнетом слабостей своих,
В одно единое навеки
Слились живые души их.

И знанья малая частица
Открылась им на склоне лет,
Что счастье наше — лишь зарница,
Лишь отдаленный слабый свет.

Оно так редко нам мелькает,
Такого требует труда!
Оно так быстро потухает
И исчезает навсегда!

Как ни лелей его в ладонях
И как к груди не прижимай,—
Дитя зари, на светлых конях
Оно умчится в дальний край!

Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она,—
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна́.

Теперь уж им, наверно, легче,
Теперь все страшное ушло.
И только души их, как свечи,
Струят последнее тепло.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МАРСА

Подобный огненному зверю,
Глядишь на землю ты мою,
Но я ни в чем тебе не верю
И славословий не пою.
Звезда зловещая! Во мраке
Печальных лет моей страны
Ты в небеса́х чертила знаки
Страданья, крови и войны.
Когда над крышами селений
Ты открывала сонный глаз,
Какая боль предположений
Всегда охватывала нас!

И был он в руку — сон зловещий:
Война с ружьем наперевес
В селеньях жгла дома и вещи
И угоняла семьи в лес.
Был бой и гром, и дождь и слякоть,
Печаль скитаний и разлук,
И уставало сердце плакать
От нестерпимых этих мук.
И над безжизненной пустыней
Подняв ресницы в поздний час,
Кровáвый Марс из бездны синей
Смотрел внимательно на нас.
И тень сознательности злобной
Кривила смутные черты,
Как будто дух звероподобный
Смотрел на землю с высоты.
Тот дух, что выстроил каналы
Для неизвестных нам судов
И стекловидные вокзалы
Средь марсианских городов.
Дух, полный разума и воли,
Лишенный сердца и души,
Кто о чужой не страждет боли,
Кому все средства хороши.
Но знаю я, что есть на свете
Планета малая одна,
Где из столетия в столетье
Живут иные племена.
И там есть муки и печали,
И там есть пища для страстей,
Но люди там не утеряли
Души естественной своей.
Там золотые волны света
Плывут сквозь сумрак бытия,
И эта малая планета —
Земля злосчастная моя.

ГУРЗУФ НОЧЬЮ

Для северных песен ненадобен юг:
Родились они средь туманов и вьюг,
Качанию лиственниц вторя,
Они — чужестранцы на этой земле,

На этой покрытой цветами скале,
В сиянии южного моря.
В Гурзуфе всю ночь голосят петухи.
Здесь улица — род коридора.
Здесь спит парикмахер, любитель ухи,
Который стрижет Черномора.
Царапая кузов о камни крыльца,
Здесь утром автобус гудит без конца,
Таща ротозеев из Ялты.
Здесь толпы лихих санаторных гуляк
Несут за собой аромат кулебяк,
Как будто в харчевню попал ты.

Наплававшись по морю, стая парней
Здесь бродит с заезжей сиреной.
Питомцы Нептуна блаженствуют с ней,
Гитарой бренча несравненной.
Здесь две затонувшие в море скалы,
К которым стремился и Плиний,
Вздымают из влаги тупые углы
Своих переломанных линий.

А ночь, как царица на троне из туч,
Колеблет прожектора медленный луч,
И море шумит на рассвете,
И слушая, как голосят петухи,
Внизу у калитки толпятся стихи —
Свидетели южного лета.
Толпятся без страха и тычут свой нос
В кувшинчики еле открывшихся роз,
И пьют их дыханье, и странно,
Что спавшие где-то на севере, вдруг
Они залетели на пламенный юг —
Холодные дети тумана.

НАД МОРЕМ

Лишь запах чабреца, сухой и горьковатый,
Повеял на меня — и этот сонный Крым,
И этот кипарис, и этот дом, прижатый
К поверхности горы, слились навеки с ним.

Здесь море — дирижер, а резонатор — дали,
Концерт высоких волн здесь ясен наперед.

Здесь звук, задев скалу, скользит по вертикали,
И эхо средь камней танцует и поет.

Акустика вверху настроила ловушек,
Приблизила к ушам далекий ропот струй.
И стал здесь грохот бурь подобен грому пушек,
И, как цветок, расцвел девичий поцелуй.

Скопление синиц здесь свищет на рассвете,
Тяжелый виноград прозрачен здесь и ал.
Здесь время не спешит, здесь собирают дети
Чабрец, траву степей, у неподвижных скал.

СМЕРТЬ ВРАЧА

В захолустном районе,
Где кончается мир,
На степном перегоне
Умирал бригадир.
То ли сердце устало,
То ли солнцем нажгло,
Только силы не стало
Возвратиться в село.
И смутились крестьяне:
Каждый подлинно знал,
Что и врач без сознанья
В это время лежал.
Надо ж было случиться,
Что на горе-беду
Он, забыв про больницу,
Сам томился в бреду.
И, однако ж, в селенье
Полетел верховой.
И ресницы в томленье
Поднял доктор больной.
И под каплями пота,
Через сумрак и бред,
В нем разумное что-то
Задрожало в ответ.
И к машине несмело
Он пошел, темнолиц,
И в безгласное тело
Ввел спасительный шприц

И в степи, на закате,
Окруженный толпой,
Рухнул в белом халате
Этот старый герой.
Человеческой силе
Не положен предел:
Он, и стоя в могиле,
Сделал то, что хотел.

ДЕТСТВО

Огромные глаза, как у нарядной куклы,
Раскрыты широко. Под стрелами ресниц,
Доверчиво-ясны и правильно округлы,
Мерцают ободки младенческих зениц.
На что она глядит? И чем необычен
И сельский этот дом, и сад, и огород,
Где, наклонясь к кустам, хлопочет их хозяин,
И что-то вяжет там, и режет, и поет?
Два тощих петуха дерутся на заборе,
Шершавый хмель ползет по столбику крыльца.
А девочка глядит. И в этом чистом взоре
Отображен весь мир до самого конца.
Он, этот дивный мир, поистине впервые
Очаровал ее, как чудо из чудес.
И в глубь души ее, как спутники живые,
Вошли и этот дом, и этот сад, и лес.
И много минет дней. И боль сердечной смуты,
Она блаженный смысл короткой той минуты
Вплоть до седых волос все будет вспоминать.

ЛЕСНАЯ СТОРОЖКА

Скрипело, свистело и выло в лесу,
И гром ударял в отдаленье, как молот,
И тучи рвались в небесах, но внизу
Царили затишье, и сумрак, и холод.
В гигантском колодце сосновых стволов,
В своей одинокой убогой сторожке
Лесник пообедал и хлебные крошки
Смахнул на ладонь, молчалив и суров.
Над миром великая буря ходила,

Но здесь, в тишине, у древесных корней,
Старик, отдыхая, не думал о ней,
И только собака урчала уныло
На каждую вспышку далеких зарниц,
И в гнездах смолкало селение птиц.

Однажды в грозу, навалившись на двери,
Тут зверь появился, высок и космат,
И так же, как многие прочие звери,
Узнав человека, отпрянул назад.
И сторож берданку схватил, и с окошка
Пружиной метнулась под лестницей кошка,
И разом короткий ружейный удар
Потряс основанье соснового бора.

Вернувшись, лесник успокоился скоро:
Он, видимо, был уж достаточно стар,
Он знал, что покой — только призрак покоя,
Он знал, что, когда полыхает гроза,
Все тяжко-животное, злобно-живое
Встает и глядит человеку в глаза.

СТИРКА БЕЛЬЯ

В стороне от шоссейной дороги,
В городишке из хаток, и лип,
Хорошо постоять на пороге
И послушать колодезный скрип.
Здесь, среди голубей и голубок,
Меж амбаров и мусорных куч,
Вьются по ветру тысячи юбок,
Шароваров, рубах и онуч,
Отдыхая от потного тела
Домотканой основой холста,
Здесь с монгольского ига висела
Этих русских одежд пестрота.
И виднелись на ней отпечатки
Человеческих выпуклых тел,
Повторяя в живом беспорядке,
Кто и как в них лежал и сидел.
Я сегодня в сообществе прачек,
Благодетельниц здешних мужей.
Эти люди не давят лежачих

И голодных не гонят взашей.
Натрудив вековые мозоли,
Побелевшие в мыльной воде,
Здесь не думают о хлебосолье,
Но зато не бросают в беде.
Благо тем, кто смятенную душу
Здесь омоет до самого дна,
Чтобы вновь из корыта на сушу
Афродитою вышла она!

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Вечерний день томителен и ласков.
Стада коров, качающих бока,
В сопровожденье маленьких подпасков
По берегам идут издалека.
Река, переливаясь под обрывом,
Все также привлекательна на вид,
И небо в состоянии счастливом,
Обняв ее, ликует и горит.
Из облаков изваянные розы
Свиваются, волнуются и вдруг,
Меняя очертания и позы,
Уносятся на запад и на юг.
И влага, зацелованная ими,
Как девушка в вечернем полусне,
Едва колеблет волнами своими,
Еще не упоенными вполне.
Она еще как будто негодует
И слабо отстраняется, но ей
Уже сквозь сон предчувствие рисует
Восторг и пламя августовских дней.

ГОМБОРСКИЙ ЛЕС

В Гомборском лесу на границе Кахети
Раскинулась осень. Какой бутафор
Устроил такие поминки о лете
И киноварь с охрой на листьях растер?

Меж кленом и буком ютился шиповник,
Был клен в озаренье и в зареве бук,

И каждый из них оказался виновник
Моих откровений, восторгов и мук.

В кизиловой чаще кровавые жилы
Топорщил кустарник. За чащей вдали
Рядами стояли дубы-старожилы
И тоже к себе, как умели, влекли.

Здесь осень сумела такие пассажи
Наляпать из охры, огня и белил,
Что дуб бушевал, как Рембрандт в Эрмитаже,
А клен, как Мурильо, на крыльях парил.

Я лег на поляне, украшенной дубом,
Я весь растворился в пыланье огня.
Подобно бесчисленным арфам и трубам,
Кусты расступились и скрыли меня.

Я сделался нервной системой растений,
Я стал размышлением каменных скал,
И опыт осенних моих наблюдений
Отдать человечеству вновь пожелал.

С тех пор мне собратьями сделались горы,
И нет мне покоя, когда на трубе
Поют в сентябре золотые Гомборы,
И гонят в просторы, и манят к себе.

СЕНТЯБРЬ

Сыплет дождик большие горошины,
Рвется ветер, и даль нечиста.
Закрывается тополь взъерошенный
Серебристой изнанкой листа.

Но взгляни: сквозь отверстие облака,
Как сквозь арку из каменных плит,
В это царство тумана и морока
Первый луч, пробиваясь, летит.

Значит, даль не навек занавешена
Облаками, и значит, не зря,
Словно девушка, вспыхнув, орешина
Засияла в конце сентября.

Вот теперь, живописец, выхватывай
Кисть за кистью, и на полотне
Золотой, как огонь, и гранатовой
Нарисуй эту девушку мне.

Нарисуй, словно деревце, зыбкую
Молодую царевну в венце
С беспокойно скользящей улыбкою
На заплаканном юном лице.

ВЕЧЕР НА ОКЕ

В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна.
С утра обремененная работой,
Трудом лесов, заботами полей,
Природа смотрит как бы с неохотой
На нас, неочарованных людей.
И лишь когда за темной чащей леса
Вечерний луч таинственно блестит,
Обыденности плотная завеса
С ее красот мгновенно упадет.
Вздохнут леса, опущенные в воду,
И, как бы сквозь прозрачное стекло,
Вся грудь реки приникнет к небосводу
И загорится влажно и светло.
Из белых башен облачного мира
Сойдет огонь, и в нежном том огне,
Как будто под руками ювелира,
Сквозные тени лягут в глубине.
И чем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необъятней делаются дали
Речных лугов, затонов и излук.

Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диковин
В его живых чертах распознаешь.

* * *

Кто мне откликнулся в чаще лесной?
Старый ли дуб зашептался с сосной,
Или вдали заскрипела рябина,
Или запела щегла окарина,
Или малиновка, маленький друг,
Мне на закате ответила вдруг?

Кто мне откликнулся в чаще лесной?
Ты ли, которая снова весной
Вспомнила наши прошедшие годы,
Наши заботы и наши невзгоды,
Наши скитанья в далеком краю,—
Ты, опалившая душу мою?

Кто мне откликнулся в чаще лесной?
Утром и вечером, в холод и зной.
Вечно мне слышится отзвук невнятный,
Словно дыханье любви необъятной,
Ради которой мой трепетный стих
Рвался к тебе из ладоней моих...

ГРОЗА ИДЕТ

Движется нахмуренная туча,
Обложив полнеба вдалеке,
Движется, огромна и тягуча,
С фонарем в приподнятой руке.

Сколько раз она меня ловила,
Сколько раз, сверкая серебром,
Сломанными молниями била,
Каменный выкатывала гром!

Сколько раз, ее увидев в поле,
Замедлял я робкие шаги
И стоял, сливаясь поневоле
С белым блеском вольтовой дуги!

Вот он — кедр у нашего балкона,
Надвое громами расщеплен,
Он стоит, и мертвая корона
Подпирает темный небосклон.

Сквозь живое сердце древесины
Пролегает рана от огня,
Иглы почерневшие с вершины
Осыпают звездами меня.

Пой мне песню, дерево печали!
Я, как ты, ворвался в высоту,
Но меня лишь молнии встречали
И огнем сжигали на лету.

Почему же, надвое расколот,
Я, как ты, не умер у крыльца,
И в душе все тот же лютый голод,
И любовь, и песни до конца!

ЗЕЛЕНЫЙ ЛУЧ

Золотой светясь оправой
С синим морем наравне,
Дремлет город белоглавый,
Отраженный в глубине.

Он сложился из скопленья
Белой облачной гряды
Там, где солнце на мгновенье
Полыхает из воды.

Я отправлюсь в путь-дорогу,
В эти дальние края,
К белоглавому чертогу
Отыщу дорогу я.

Я открою все ворота
Этих облачных высот,
Заходящим оком кто-то
Луч зеленый мне метнет.

Луч, подобный изумруду,
Золотого счастья ключ —
Я его еще добуду,
Мой зеленый слабый луч.

Но бледнеют бастионы,
Башни падают вдали,
Угасает луч зеленый,
Отдаленный от земли.

Только тот, кто духом молод,
Телом жаден и могуч,
В белоглавый прянет город
И зеленый схватит луч!

НА ЗАКАТЕ

Когда, измученный работой,
Огонь души моей иссяк,
Вчера я вышел с неохотой
В опустошенный березняк.

На гладкой шелковой площадке,
Чей тон был зелен и лилов,
Стояли в стройном беспорядке
Ряды серебряных стволов.

Сквозь небольшие расстоянья
Между стволами, сквозь листву,
Небес вечернее сиянье
Кидало тени на траву.

Был тот усталый час заката,
Час умирания, когда
Всего печальней нам утрата
Незавершенного труда.

Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.

Несоответствия огромны,
И несмотря на интерес,
Лесок березовый Коломны
Не повторял моих чудес.

Душа в невидимом блуждала,
Своими сказками полна,

Незрячим взором провожала
Природу внешнюю она.

Так, вероятно, мысль нагая,
Когда-то брошена в глуши,
Сама в себе изнемогая,
Моей не чувствует души.

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

РОДИНЕ

Как было просто все, что ты,
в зеленом детстве давнем:
тайга,
        с избушками плоты,
костры на склоне дальнем,
над полом легкий пар в избе,
в коре и щепках речка.
Любил тебя,
                но о тебе
я думал очень редко.
Я доверял своей любви,
не углубляясь в это,
и различать умел твои
лишь внешние приметы.
Была ты —
            сказка о Садко,
и о цветочке аленьком,
и дом, осевший глубоко,
с травою по завалинкам,
и после схлынувшей грозы
дорога зоревая,
где сеном грузные возы
за ветви задевают.

Но и другою ты была.
Ловила ты до слова
у рупоров, что от Орла

отходят наши снова.
Была ты —
дымный небосклон,
и
«Становись!»
команда,
и всё в слезах солдатских жен
крыльцо военкомата...
Ни в чем, мужая и скорбя,
тебе я не был чуждым,
но, школьник,
взрослую тебя
умел понять лишь чувством.
Я, полюбив твои черты,
не мог осмыслить все же,
что и лицо, конечно, ты,
но и характер тоже.
И полюбил еще сильней
тебя
за чувств огромность,
за правду твердости твоей,
за подлинность и скромность,
за всю натуру с добротой
и речью откровенной
и с незлопамятностью той,
что силы признак верный.

Раскрывшись в чьей-нибудь судьбе,
ты становилась ближе.
Когда пишу я о тебе,
невольно многих вижу.
Я вижу тех, с кем рядом креп,
с кем вместе горе мыкал,
ел прилипавший к пальцам хлеб
и грыз обломки жмыха.
Вагоны вижу, что на фронт
шли черные от гари,
солдат, что в майках на перрон
напиться выбегали,
тех женщин, что месили грязь
в очередях предлинных
и, бабьей слабости стыдясь,
украдкой шли на рынок,
где перед гомоном людским

у старого точила
морская свинка судьбы им
в пакетиках тащила.
Я вижу взмахи колуна,
с каким братишке тяжко,
и предколхоза Бокуна
на грубых деревяшках.
и дни без отдыха и снов
шоферши тети Клаши,
и восьмилетних пацанов,
стога ночами клавших.
Моя семья,
моя родня —
вся жизнь моя им отдана.
Они
навеки
для меня
и есть
все вместе —
Родина.

* * *

Не надо говорить неправду детям,
Не надо их в неправде убеждать.
Не надо уверять их,
что на свете
лишь тишь да гладь,
да божья благодать.
Они поймут.
Они ведь тоже люди.
Откройте им,
что трудностей не счесть.
Пусть видят же
не только то,
что будет,
пусть видят,
ясно видят
то, что есть.
Преграды часто могут им встречаться,
случаться могут
горе и беда.
Ну что ж!
Ведь, кто не знает цену счастья,

счастливым быть
не может никогда!
Ошибок не прощайте,
их узнавши,—
потом они повторятся
стократ,
и нас потом
воспитанники наши
за то, что мы прощали —
не простят.

* * *

Я сибирской породы.
Ел я хлеб с черемшой
и мальчишкой
паромы
тянул, как большой.
Раздавалась команда.
Шел паром по Оке [1].
От стального каната
были руки в огне.
Мускулистый,
лобастый,
я заклепки клепал
и глубокой лопатой,
где велели копал.
На меня не кричали,
не плели ерунду,
а топор мне вручали,
приучали к труду.
А уж если и били
за плохие дрова —
потому, что любили
и желали добра.
До десятого пота
гнулся я под кулем.
Я косою работал,
колуном и кайлом.
Не боюсь я обиды,
не боюсь я тоски.
Мои руки оббиты

[1] Ока — река в Восточной Сибири.

и сильны, как тиски.
Все на свете я смею,
усмехаюсь врагу,
потому что умею,
потому что могу.

* * *

Ты большая в любви.
Ты смелая.
Я же робок
на каждом шагу.
Я плохого тебе
не сделаю,
а хорошее сделать смогу?
Все мне кажется,
будто бы по лесу
без тропинки ведешь ты меня.
Мы в дремучих цветах
до пояса.
Не пойму я —
что за цветы...
Не годятся
все прежние навыки.
Я не знаю:
что делать и как?
Ты устала.
Взять тебя на руки?
Ты уже у меня
на руках.
Перед нами все чистое,
раннее,
молодое,
зовущее в путь.
Ты спокойна,
и платье
дыханием
подымает
высокая грудь.
— Видишь,
небо какое синее?
Слышишь,
птицы какие в лесу?

Ну, так что же ты?
Ну!
Неси меня! —
А куда я тебя понесу?

СВАДЬБЫ

А. Межирову

О, свадьбы в дни военные!
Обманчивый уют,
слова неоткровенные
о том, что не убьют...

Дорогой зимней,
снежною
сквозь ветер,
бьющий зло,
лечу
на свадьбу спешную
в соседнее село.
Походочкой расслабленной,
с челочкой на лбу
вхожу,
плясун прославленный,
в гудящую избу.
Наряженный,
взволнованный,
среди друзей,
родных,
сидит
мобилизованный,
растерянный жених.
Сидит с невестой —
Верою,
а через пару дней
шинель наденет серую,
на фронт поедет в ней.
Землей чужой,
не местною,
с винтовкою пойдет,
под пулею немецкою,

быть может упадет.
В стакане брага пенная,
но пить ее невмочь.
Быть может, ночь их первая —
последняя их ночь.
Глядит он опечаленно
и болью всей души
мне через стол отчаянно:
«А ну, давай пляши!»

Забыли все о выпитом,
все смотрят на меня,
и вот иду я с вывертом,
подковками звеня.
То выдам дробь,
                    то по полу
носки проволоку.
Свищу, в ладоши хлопаю,
взлетаю к потолку.
Летят по стенам лозунги,
что Гитлеру капут,
а у невесты слезыньки
горючие текут.
Уже я измочаленный,
уже едва дышу...
«Пляши!..» —
                    кричат отчаянно,
и я опять пляшу...
Ступни как деревянные,
когда вернусь домой,
но с новой свадьбы
                    пьяные
являются за мной.
Едва отпущен матерью,
на свадьбы вновь гляжу
и вновь у самой скатерти
вприсядочку хожу.
Невесте горько плачется,
стоят в слезах друзья.
Мне страшно.
                    Мне не пляшется,
но не плясать —
                    нельзя.

ПАРТИЗАНСКИЕ МОГИЛЫ

В. Моргунову

Итак, живу на станции Зима.
Встаю до света —
нравится мне это.
В грузовиках на россыпях зерна
куда-то еду, вылезаю где-то.
Вхожу в тайгу, разглядываю лето,
и удивляюсь: как земля земна!
Брусничинки в траве тревожно тлеют,
и ягоды шиповника алеют
с мохнатинками рыжими внутри.
Все говорит как-будто:
«Будь мудрее
и в то же время слишком не мудри!»
Отпущенный бессмысленной тщетой,
я отдаюсь покою и порядку,
торжественности вольной и святой
и выхожу на тихую полянку,
где обелиск белеет со звездой.
Среди берез и зарослей малины
вы спите,
партизанские могилы.
Читаю имена:
«Клевцова Настя»,
«Петр Беломестных»,
«Кузьмичов Максим»,
а над всем — торжественная надпись:
«Погибли смертью храброй за марксизм».
Задумываюсь я над этой надписью:
ее в году далеком девятнадцатом
наивный грамотей с пыхтеньем вывел
и в этом правду жизненную видел.
Они,
конечно,
Маркса не читали
и то, что бог на свете есть,
считали,
но шли сражаться
и буржуев били,
и получилось,
что марксисты были...

За мир погибнув новый, молодой,
лежат они,
сибирские крестьяне,
с крестами на груди —
не под крестами —
под пролетарской красною звездой.
И я стою с ботинками в росе,
за этот час намного старше ставший
и все зачеты по марксизму сдавший,
и все-таки, наверное, не все!
Есть магия могил.
У их подножий,
пусть и пришел ты,
сгорбленный под ношей,
вдруг делается грустно и легко
и смотришь глубоко и далеко.
Прощайте, партизанские могилы!
Вы помогли мне всем, чем лишь могли вы!
Прощайте!
Мне еще искать и мучиться.
Мир ждет меня,
моей борьбы и мужества.
Мир с пеньем птиц,
с качаньем веток мокрых,
с торжественным бессмертием своим,
мир,
где живые думают о мертвых
и помогают мертвые живым.

ИДОЛ

Среди сосновых игол
в завьюженном логу
стоит эвенкский идол,
уставившись в тайгу.

Надменно щуря веки,
смотрел он до поры,
как робкие эвенки
несли ему дары.

Несли унты и малицы,
несли и мед, и мех,

считая, что он молится
и думает за всех.

В уверенности темной,
что он их всех поймет,
оленьей кровью теплой
намазывали рот.

А что он мог, обманный
божишка небольшой,
с жестокой, деревянной,
источенной душой?

Глядит сейчас сквозь ветки,
покинуто, мертво.
Ему никто не верит,
не молится никто.

Но чудится мне: ночью
в своем логу глухом
он зажигает очи,
обсаженные мхом.

И, вслушиваясь в гулы,
пургою заметен,
сблизывает губы
и крови хочет он...

* * *

Россия, ты меня учила,
чтобы не знал потом стыда,
дрова колоть, щепать лучину
и ставить правильно стога,
ценить любой сухарь щербатый,
коней впрягать и распрягать
и клубни надвое
лопатой,
сажая в землю, разрубать...

Россия ты меня учила —
и в юных и в иных летах
упрямым быть, искать причины
того, что плохо, что не так,

и свято поклоняться праху,
и свято верить в молодежь,
и защищать по-русски правду
и бить по-русски в морду ложь...

Но ты меня еще учила
всем скромным подвигам своим,
что званье «русский» мне вручила
не для того, чтоб хвастал им.
А чтобы был мне друг-товарищ,
будь то поляк или узбек,
будь то еврей или аварец,
коль он хороший человек.
Благодарю тебя, Россия,
за то, что строю и пашу,

за буквы первые косые,
за книги те, что напишу.
Наградой сладостной и грустной —
я верю — будет мне навек,
что жил и умер я, как русский,
рабочий русский человек.

* * *

Г. Мазурину

Я на сырой земле лежу
в обнимочку с лопатой.
Во рту травинку я держу,
травинку кисловатую.
Такой проклятый грунт копать—
лопата поломается,
и очень хочется мне спать,
а спать не полагается.

«Что,
    не стоите на ногах?
Взгляните на голубчика!» —
хохочет девка в сапогах
и в маечке голубенькой.
Заводят песню, на беду,

певучую-певучую:
«Когда я милого найду,
уж я его помучаю».
Смеются все:
«Ну и змея!
Ну, Анька,
и сморозила!»

И знаю разве только я,
да звезды и смородина,
как в лес ночной со мной входя,
в смородинники пряные,
траву
руками
разводя,
идет она, что пьяная.
Как, неумела и слаба,
роняя руки смуглые,
мне говорит она слова
красивые и смутные.

КАССИРША

На кляче, нехотя трусившей
сквозь мелкий дождь по большаку,
сидела девочка-кассирша
с наганом черным на боку.
В большой мешок портфель запрятав,
чтобы никто не угадал,
она везла в тайгу зарплату,
и я ее сопровождал.
Мы рассуждали о бандитах,
о разных случаях смешных,
и об артистах знаменитых,
и о большой зарплате их.
И было тихо, приглушенно
ее лицо удивлено,
и челка из-под капюшона
торчала мокро и смешно.
О неувиденном тоскуя,
тихонько трогая коня,
«А как у вас в Москве танцуют?» —
она спросила у меня.

...В избушке,
дождь стряхая с челки,
суровой строгости полна,
достав облупленные счеты,
раскрыла ведомость она.
Ее работа долго длилась —
от денег руки затекли,
и, чтоб она развеселилась,
мы патефон ей завели.
Ребята карты тасовали,
на нас глядели без острот,
а мы с кассиршей танцевали
то вальс томящий,
то фокстрот.
И по полу она ходила,
как ходят девочки по льду,
и что-то тихое твердила,
и спотыкалась на ходу.
При каждом шаге изменялась —
то вдруг впадала в забытье,
то все собою извинялась
за неумение свое.
А после —
празднично и чисто
у колченого стола,
в избушке,
под тулупом чьим-то
она,
усталая,
спала.
А грудь вздымалась,
колебалась
и тихо падала опять.
Она спала и улыбалась,
и продолжала танцевать.

ПРОДУКТЫ

Е. Винокурову

Мы жили, помнится, в то лето
среди черемух и берез.
Я был посредственный коллектор,

но был талантливый завхоз.
От продовольственной проблемы
я всех других спасал один,
и сочинял я не поэмы,
а рафинад и керосин.
И с пожеланьями благими
субботу каждую меня
будили две геологини
и водружали на коня.
Тот конь плешивый, худородный
от ветра утреннего мерз.
На нем, голодном,
я, голодный,
покорно плыл в Змеиногорск.
Но с видом доблестным и смелым,
во всем таежнику под стать,
въезжал я в город —
первым делом
я хлеба должен был достать.
В то время с хлебом было трудно,
и у ларьков уже с утра
галдели бабы многолюдно
и рудничная детвора.
Едва-едва тащилась кляча,
сопя, разбрызгивая грязь,
а я ходил по-детски клянча,
врывался, взросло разъярясь.
Старанья действовали слабо,
но все ж, с горением внутри,
в столовой «Золотопродснаба»
я добывал буханки три.
Но хлеба нужно было много,
и я за это отвечал.
Я шел в райком.
Я брал на бога.
Я кнутовищем в стол стучал.
Дивились там такому парню:
«Ну и способное дитя!» —
и направление в пекарню
мне секретарь давал, кряхтя.
Как распустившийся громила,
грозя, что все перетрясу,
я вырывал еще и мыло,
и вермишель, и колбасу.

Потом я шел и шел тропою.
Я сам навьючен был как вол,
и в поводу я за собою
коня навьюченного вел.
Я кашлял, мокрый и продутый.
Дышали звезды над листвой.
Сдавал я мыло и продукты
и падал в сено сам не свой.
Тонули запахи и звуки,
и слышал я уже во сне,
как чьи-то ласковые руки
шнурки развязывали мне.

* * *

Бывало, спит у ног собака,
костер занявшийся гудит
и женщина из полумрака
глазами зыбкими глядит.
Потом под пихтою приляжет
на куртку рыжую мою
и мне,
задумчивая,
скажет:
«А ну-ка, спой...» —
и я пою.
Лежит,
отдавшаяся песням,
и подпевает про себя,
рукой с латышским светлым перстнем
цветок алтайский теребя.
Мы были рядом в том походе.
Все говорили, что она
и рассудительная вроде,
а вот в мальчишку влюблена.
От шуток едких и топорных
я замыкался и молчал,
когда лысеющий топограф
меня лениво поучал:
«Таких встречаешь, брат, не часто...
В тайге все проще, чем в Москве...
Да, ты не думай, что начальство!
Такая ж баба, как и все...»

А я был тихий и серьезный
и в ночи длинные свои
мечтал о пламенной и грозной,
о замечательной любви.
Но как-то вынес одеяло
и лег в саду,
                        а у плетня
она с подругою стояла
и говорила про меня.
К плетню растерянно приникший,
я услыхал в тени ветвей,
что с нецелованным парнишкой
занятно баловаться ей...
Побрел я берегом туманным,
побрел один в ночную тьму,
и все казалось мне обманным,
и я не верил ничему.
Ни песням девичьим в долине,
ни воркованию ручья...
Я лег ничком в густой полыни,
и горько-горько плакал я.

Но как мое,
                     мое владенье,
в текучих отблесках огня
всходило смутное виденье
и наплывало на меня.
Я видел —
                  спит у ног собака,
костер занявшийся гудит
и женщина из полумрака
глазами зыбкими глядит.

* * *

В. Бокову

Пахнет засолами,
пахнет молоком.
Ягоды засохлые
в сене молодом.
Я лежу, чего-то жду
каждою кровинкой,

в темном небе звезду
шевелю травинкой.
Все забыл, все забыл,
будто напахался,—
с кем дружил, кого любил,
над кем надсмехался.
В небе звездно и черно.
Ночь хороша.
Я не знаю ничего,
ничегошеньки.
Баловали меня,
а я —
как небалованный,
целовали меня,
а я —
как нецелованный.

* * *

Пахла станция Зима
молоком и кедрами.
Эшелонам
пастухи
с лугов махали кепками.
Шли вагоны к фронту
зачехленно,
громыхающе...
Сколько было грозных,
молчаливых вереииц!
Я был в испанке синенькой,
кисточкой махающей.
С пленкою коричневой
носил я варенец.
Совал я в чью-то руку с бледно-зеленым якорем
у горсада с клумбы сорванный бутон,
или же протягивал,
полный синей ягоды,
из консервных банок спаянный бидон.
Солдаты
желтым сахаром
меня баловали.
Парень с зубом золотым
играл на балалайке.

Пел:
«Прощай, Сибирюшка,—
сладкий чернозем!»
Говорил:
«Садись, пацан,
к фронту подвезем!»
На фуражках звездочки,
милые,
алые...
Уходила армия,
уходила армия!
Мама подбегала,
уводила за фикусы.
Мама говорила:
«Что это за фокусы?
Куда ты собираешься?
Что ты все волнуешься?»
И предупреждала:
«Еще навоюешься!...»
За рекою Окою
ухали филины.
Про войну гражданскую
мы смотрели фильмы.
О, как я фильмы обожал —
про Щорса, про Максима.
И был марксистом, в сущности,
хотя не знал марксизма.
Я писал роман тогда,
и роман порядочный,
а на станции Зима голод был тетрадочный.
На уроках в дело шли,
когда бывал диктант,
«Врачебная косметика»,
Мордовцев
и Декарт.
А я был мал, но был удал,
и в этом взявши первенство,
я между строчек исписал
двухтомник Маркса—Энгельса.
Ночью,
светом обданные,
ставни дребезжали —
это эшелоны мимо
проезжали.

И писал я нечто,
                    еще неоцененное,
Длинное,
          военное,
                    революционное...

РАБОЧАЯ КОСТЬ

Не в льстивом унижении
под камуфляжем фраз —
я вырос в уважении
к тебе,
        рабочий класс.
Оставив шутки смачные,
меня, войны дитё,
вы принимали, смазчики
зиминского депо.
Иван Фаддеич Прохоров,
известный всем в Зиме,
читал, как в храме проповедь,
в депо науку мне.
Я горд был перед взрослыми,
когда шагал домой,
что пахнет паровозами
солдатский ватник мой.
И Сыркина Виталия
клеймил что было сил
за то, что пролетарий я,
а он —
        врачихин сын.
Мы были однолетками,
из класса одного,
но звал «интеллигентиком»
с презреньем я его...
Иван Фаддеич Прохоров
пыл мой остудил.
Иван Фаддеич Прохоров
все это осудил.
«Что гонишься за почестью?
Нашелся фон-барон!
Кто хвастает рабочестью,
какой рабочий он!»
И грозно и рокочуще

на все депо он рявкнул:
«Мы что же —
кость рабочая,
а врач —
она
дворянка?!»
Воспитан я не догмами,
а взглядом этих глаз.
Меня руками добрыми
ты вел, рабочий класс.
О руки эти жесткие!
Под сенью их я рос.
Кружки мозолей желтые
мне дороги до слез.
Вот правая, вот левая —
владыки домен, штолен...
Но, скажем, руки лекаря
не трудовые, что ли?
Интеллигенты сложные
в жару или пургу
хлебали той же ложкою
такую же бурду.
Их смерть была не в роскоши —
в бою от смертных ран
во имя нашей Родины
рабочих и крестьян.
В них дух Толстого, Герцена
не сдался, не погас...
Моя интеллигенция,
ты —
рабочий класс!
Те, кто тома ворочает,
и те, кто грузит кокс,—
все это
кость рабочая.
Я славлю эту кость!

АРМИЯ

В палате выключили радио,
и кто-то гладил мне вихор...
В зиминском госпитале
раненым

давал концерт наш детский хор.
Уже начать нам знаки делали.
Двумя рядами у стены
стояли мальчики и девочки
перед героями войны.
Они, родные,
некрасивые,
с большими впадинами глаз,
и сами тихие,
несильные,
смотрели с жадностью на нас.
В тылу измученные битвами,
худы, заморены, бледны,
в своих пальтишках драных были мы
для них героями войны.
О взгляды долгие, подробные!
О сострадание сестер!
Но вот: «Вставай страна огромная!» —
запел, запел наш детский хор.
А вот запел хохол из Винницы.
Халат был в пятнах киселя,
и войлок сквозь клеенку выбился
на черном ложе костыля.
Запел бурят на подоконнике,
запел сапер из Костромы.
Солдаты пели, словно школьники,
и, как солдаты, пели мы.
Все пели праведно и доблестно —
и няня в стареньком платке,
и в сапогах кирзовых докторша,
забывши градусник в руке.
Вошли смущенно шефы-грузчики
и, встав тихонько за кровать,
большие, гордые
и грустные,
сняв шапки, стали подпевать.
Разрывы слышались нам дальние,
и было свято и светло...
Вот это все и было —
Армия
Все это Родину спасло.

ВЕРА ИНБЕР

ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА

Мы Красной Пресне слово предоставим,
Продлим регламент Ленинским горам,
Откуда вся Москва, в красе и славе,
Открыта солнцу, звездам и ветрам.

Вокзалы негодуют: в чем причина?
Запрашивает площадь: как ей быть,
Чтоб автора «Великого почина»
Монументальным мрамором почтить.

В Сокольниках один заветный просек,
Где Ленин был на елке у ребят,
Уже давно о памятнике просит,
Деревья все об этом шелестят.

Но существует мнение иное...
Быть может, не в Сокольниках, а тут,
Перед Большим театром, где весною
Так трогательно яблони цветут.

Чтоб перед нами прошлое воскресло
(Оно и так во веки не умрет),
Пускай, присев на стул или на кресло,
Ильич листает бронзовый блокнот.

Не там на высоте, не в отдаленье,
На фоне облаков и птичьих крыл,

А рядом с нами. Здесь... При жизни Ленин,
Мы знаем, возвышаться не любил.

Пусть будет памятник такого роста,
Чтобы уже ребенок лет пяти
Без мамы смог бы дотянуться просто
И положить у ног его цветы.

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

ДУМА О ЛЕНИНЕ

Когда вырастешь, дочка, отдадут тебя замуж
В деревню большую, в деревню чужую,
Мужики там все злые — топорами секутся,
по будням там дождь и по праздникам дождь...
(Из старой русской народной песни)

В Смоленской губернии, в хате холодной,
Зимою крестьянка меня родила.
И, как это в песне поется народной,
Ни счастья, ни доли мне дать не могла.

Одна была доля — бесплодное поле,
Бесплодное поле да тощая рожь.
Одно было счастье — по будням ненастье,
По будням ненастье, а в праздники — дождь.

Голодный ли вовсе, не очень ли сытый,
Я все-таки рос и с годов с десяти
Постиг, что одна мне наука открыта —
Как лапти плести да скотину пасти.

И плел бы я лапти... И, может быть, скоро
Уже обогнал бы отца своего...
Но был на земле человек, о котором
В ту пору я вовсе не знал ничего.

Под красное знамя бойцов собирая,
Все тяготы жизни познавший вполне,

Он видел меня из далекого края,
Он видел и думал не раз обо мне.

Он думал о том о бесправном народе,
Кто поздно ложился и рано вставал,
Кто в тяжком труде изнывал на заводе,
Кто жалкую нивку слезой поливал;

Чьи в землю вросли захудалые хаты,
Чьи из году в год пустовали дворы;
О том, кто давно на своих супостатов
Точил топоры, но молчал до поры.

Он стал и надеждой и правдой России,
И славой ее и счастливой судьбой.
Он вырастил, поднял могучие силы
И сам их повел на решительный бой.

И мы, что родились в избе, при лучине,
И что умирали на грудах тряпья,
От Ленина право на жизнь получили —
Все тысячи тысяч таких же, как я.

Он дал моей песне тот голос певучий,
Что вольно плывет по стране по родной.
Он дал моей ниве тот колос живучий,
Который не вянет ни в стужу, ни в зной.

И где бы я ни был, в какие бы дали
Ни шел я теперь по пути своему,—
И в дни торжества и в минуты печали
Я сердцем своим обращаюсь к нему.

И в жизни другого мне счастья не надо,
Я счастья хотел и хочу одного:
Служить до последнего вздоха и взгляда
Живому, великому делу его.

25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Я снова думал, в памяти храня
Страницы жизни своего народа,
Что мир не знал еще такого дня,
Как этот день — семнадцатого года.

Он был и есть начало всех начал,
И мы тому свидетели живые,
Что в этот день народ наш повстречал
Судьбу свою великую впервые;

Впервые люди силу обрели
И разогнули спины трудовые,
И бывший раб хозяином земли
Стал в этот день за все века впервые;

И в первый раз, развеяв злой туман,
На безграничной, необъятной шири
Взошла звезда рабочих и крестьян —
Тогда еще единственная в мире...

Все, что сбылось иль, может, не сбылось,
Но сбудется, исполнится, настанет!
Все в этот день октябрьский началось
Под гром боев народного восстанья.

И пусть он шел в пороховом дыму,
Он — самый светлый, самый незабвенный,
Он — праздник наш. И равного ему
И нет и не было во всей вселенной.

Сияет нам его высокий свет —
Свет мира, созидания и братства.
И никогда он не погаснет, нет,
Он только ярче будет разгораться!

ТОСТ

Мой тост и слово и присловье —
За правды сущей торжество,
За светлый разум, за здоровье,
За честь народа моего!

За славный труд, за подвиг новый,
За свет, что светит нам вдали;
За мир, где хватит счастья вдоволь
Для всех людей, для всей земли!

ЧЕРЕМУХА

Лиде

Что, друзья, случилося со мною!
Обломал я всю черемуху весною.

Я носил, таскал ее возами,
А кому носил — вы знаете и сами.

В сумерках спешил я из-за речки,
Целый ворох оставлял я на крылечке,

Я бросал в окошко молчаливо
Белое лесное сказочное диво.

Я хотел, чтоб девушка вниманье
Обратила на мое существованье,

Чтоб она хоть раз да услыхала,
Как душа моя в черемухе вздыхала.

А она, притворная, молчала,
Словно вовсе ничего не замечала;

А она меня не пощадила —
В пепел все мои надежды превратила.

Да к тому ж за все мои печали
На селе меня Черемухой прозвали.

Как иду я — шепчутся девчата:
Дескать, вон идет Черемуха куда-то;

И поют, конечно, не случайно:
Отчего, мол, ты, Черемуха, печальна?..

И хожу я со своею болью,
Со своею несказанною любовью.

Что мне делать — сам не понимаю,
Но сирень я тоже, видно, обломаю.

ВАСИЛИЙ КАЗИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Красота с тобой прощается.
А со мной — мой стих о тебе. Но ко мне,
Но ко мне тот стих возвращается,
Что когда-то я пел о труде, о стране.

День придет — и чудную черточку
У тебя вдруг похитит в лице.
Распахнет он с грохотом форточку.
Ждет эпоха меня на крыльце.

Как надолго — до самозабвения
Я твоим увлекся лицом!
Красота в нем с тонкостью гения
Все сияла своим волшебством.

В нем ни страсть, ни власть,
ни торжественность,—
В нем их гордости не найдешь,
А такая в нем пролита женственность —
Взглядом пьешь и от счастья поешь.

В нем таких достоинств соцветие,
В нем такая сила тепла,
Что на целое десятилетие
Стих мой, голос мой увлекла.

Ну почту ли тебя виноватою?
В том ведь больше мой взгляд виноват,
С ненасытностью этой проклятою,
Вот которой и сам я не рад.

Но с тобой красота прощается.
А со мной — мой стих о тебе. И ко мне,
И ко мне тот стих возвращается,
Что когда-то я пел о труде, о стране.

НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Сквозь гул Москвы, кипенье городское
К тебе, чей век нуждой был так тяжел,
Я в заповедник вечного покоя —
На Пятницкое кладбище пришел.

Глядит неброско надписи короткость.
Как бы в твоем характере простом
Взяла могила эту скромность, кротость,
Задумавшись, притихнув под крестом.

Кладу я розы пышного наряда.
И словно слышу, мама, голос твой:
— Ну что так тратишься, сынок? Я рада
Была бы и ромашке полевой.

Но я молчу. Когда бы мог, родная,
И сердце положил бы сверху роз.
Твоих забот все слезы вспоминая,
Сам удержаться не могу от слез.

Гнетет и горе, и недоуменье
Гвоздем засело в существо мое:
Стою — твое живое продолженье,
Начало потерявшее свое.

* * *

Часто жить становится легко нам,
Лишь в другом почувствуем себя.
Вон поет ручей с веселым звоном,
Солнце в нем горящее дробя.

Может быть, во мраке страшной муки
Мне ломать бы руки, если б я
Не подслушал чувством эти звуки
Этого поющего ручья.

Ну, а так не боязно, не скрою,
Сдавшись в плен ученому уму,
Поздней, недоступной красотою
Волноваться чувству моему.

Только оно вспыхнет, как признанье,
Только оно сердце заберет,
Я его высокое сиянье
Рассыпаю искрами острот.

Даже смехом рассыпаю шалым —
Только отчего ж вот, отчего
Вдруг порой, в смятенье небывалом,
Сон мой словно рушится обвалом,
Вспомнив легкость смеха моего.

БЛАГОДАРНОСТЬ

А. К.

Ну чем я отблагодарю
Тебя, моей мечты свершенье,
Моей всей жизни украшенье,
Чьим дивным отсветом горю,
Дарованным мне в утешенье?

И даже в ясности зеркал
Простецкой внешностью неярок,
С душой из тихих, из дикарок,
Как, помню, сам я засверкал,
Приняв блистательный подарок!

Как, глазу женскому не мил,
Вдруг и пренебрегавшей мною,
Подчас красавицей иною
Замечен с интересом был,
Твоей украшен красотою,

Но то — пустяк еще! А тот,
А тот мне факт всего дороже,
Как, мучим горестями, все же
С тобой до заданных высот
Я стих свой вел в волшебной дрожи.

НЕ ТОТ ЛИ СВЕТ?

Ну не полвека ли с тех пор?
А времени наперекор,
Сквозь вихри дней кипящих,
Я вижу: он вошел во двор,
Стекольщик, несший ящик,

И ящик стекол, стар и хром,
Нес на плече он так двором,
Как будто утру мая
Жар-птицы искристым крылом
Помахивал, шагая,

И не узнал я сам себя:
Мальчишка с видом воробья,
Вдруг от сверканья стекол
Из серости житья-бытья
Я глянул в мир, как сокол.

Со стеклами светлей светил
Явившись, хоть и хром и хил,
Волшебником бесспорным,
Старик весь дух мой захватил
Сверканьем чудотворным.

Во всем, чем жив я как поэт,
Чем смолоду мой стих согрет,
И в этом чувстве столько лет
К тебе, моя родная,—
Не тот ли чудотворный свет
Горит, не угасая?

В КВАРТИРЕ ЛЕНИНА

Давно тут Ленин жил — и ныне
Со светлой думою о нем,

Как к охраняемой Кремлем
Всечеловеческой святыне,
Сюда мы все идем, идем.

Невелика она, квартира,
Но у кого тут чувства нет,
Что, в буре дел его согрет,
Ведет нас всех в огромность мира
Вот этот скромный кабинет?

С каким волненьем тут, с какою
Любовью, полною тепла,
Глядим на стол; ведь с головою
За ним он уходил в дела,
Ведь, верно, с этого стола,
Из-под пера сойдя большою,
Ведущей мыслью огневою,
Вся сила правды в мир вошла.

СЕМЕН КИРСАНОВ

В ПУТЬ

Семафор
перстом указательным
показал
на вокзал
у Казатина,
И по шпалам пошла,
и по шпалам пошла
в путь — до Чопа,
до Чопа —
до Чопа —
вся команда колес
без конца и числа,
невпопад и не в ногу затопав...
И покрылось опять
небо пятнами
перед далями
необъятными.
И раскрыто сердце
заранее —
удивлению,
узнаванию.

ПРИЕЗД

Каждому из нас
сторона иная
чем-то край родной напоминает.

Первый скажет:
этот снег альпийский
так же бел, как на Алтае, в Бийске.
А второй,—
что горы в дымке ранней
близнецы вершин Бакуриани.
Третий,—
что заснеженные ели
точно под Москвой после метели.
Ничего тут странного —
все это
просто та же самая планета.
И, наверно, в будущем мы будем
еще ближе
здесь живущим людям.

ЭТОТ ГОРОД

Как Петербург глубок!
Он Пушкин,
он Жуковский.
Он Лермонтов,
он Блок,
Он ранний Маяковский.
Он Врубель.
Холст его
павлинами заляпан.
Он Горький.
У него
в гостях сидит Шаляпин.

И он же —
чуть заря —
задумчив и нахмурен.
А мысль — «убить царя»
сверлит,—
и он Халтурин.

Не статуи в садах,
не пики,
не гробницы.
Он человек всегда —
он Пирогов
в больнице.

Он Алексеев Петр.
Его хватают,
судят.
Он на суде встает
с пророчеством —
что будет!

Он — отдаленный гул
толпы
с Выборгской и Охты.
Он — прачка на снегу.
Кровь льется
из-под кофты.

И с прищуром
на свет
уже как Ленин глянув,
он молодой студент
за книгою —
Ульянов.

Он трудится на весь
рабочий мир
огромный —
в Большом Казачьем,
здесь,
в музейном этом доме,
где черновик
борьбы,
где корректуры правка,
где Петербург — и был
как в будущее
явка.

А в будущем — не сон,
а штурмом
взятый Зимний.
Красногвардеец он,
бессмертный
и без имени.

Седой от всех потерь
он человек,
но вечен.

Он Ленинград теперь —
строг,
        прост
                и человечен.

ПРОЖЕКТОРА

Моя тетрадь,
                не трать
страниц на пустяки.
Реши:
        пусть из души
к тебе идут стихи.

Не скрой,
        с какой тоской
я здесь бродил без сна.
Конец —
            у двух колец
нет общего звена.

А в городе
                весна.
Иллюминован сад,
и улица
            тесна,
и лица не грустят.

Прожектора
                в саду
лучи возносят вверх.
Фонтаном
            на звезду
несется фейерверк.

Есть отраженный свет,
и есть зажженный свет,
а между ними
                нет
ни солнца,
            ни планет.

О, нелюбовь,—
                ты ад,

где пустотой казнят,
где ни ночей,
ни дней,
ни света,
ни теней!
А ведь любовь
была!
И, как кометный хвост,
она
меня влекла
сквозь миллионы звезд.

О, фейерверк в саду,
о, озаренье туч!..
Прожектора!
Я жду.
Мне тоже нужен луч.

АЛЕКСАНДР КОВАЛЕНКОВ

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

В юношеском, солнечном эфире
Лучшим чувствам не было помех,
Я считал доказанным, что в мире
Ты добрей, красивей, лучше всех.

Лирика, до святости возвысясь,
Нас купала в свете и тепле,
Все цвело. И даже наша близость
Нам казалась лучшей на земле.

Свежесть, превратившаяся в пламя,
Радуги горячих гроз ночных...
Мало ли что было между нами,
Как и у других.

Но и здесь взяла свое начало
Та любовь, что горестей сильней
Та, что не казнила, а прощала,
Не боясь ошибок и страстей.

Не в цветах, а в ссадинах и шрамах
От разлук, обманов и обид,
С материнской нежностью упрямо
Нам она всю правду говорит.

А из туч снежок летит колючий,
Тая на морщинках дорогих.

И опять зову я самой лучшей
Ту, что так обычна для других.

ГАРЬ

Странный, непонятный интерес,
Оторопь и даже страх, пожалуй,
Испытал я, встретив обветшалый,
Черный и пустой горелый лес.
Крематорий сказок и чудес,
Погребенье песен недопетых
Я нашел, узнал в твоих приметах,
Черный и пустой горелый лес!

ВЕШНИЕ ВОДЫ

Ельник. Проселок. Лошадка
И галка.
Едем в телеге ни шатко,
Ни валко.
Едем, как ездили в прежние
Годы,
Что отшумели, как вешние
Воды;
В землю ушли, чтобы вновь
Возвратиться,
В молодость, в нашу любовь
Воплотиться,—
В ту,
Что посланцем березовой шири
К пальмам направила
Ту — 104;
Вот он над нами
Прошел метеором
В синее пламя
К высоким просторам.
Нравится елкам
Стремительный гуд;
Вешние воды
К проселкам
Бегут...

МАРК ЛИСЯНСКИЙ

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Осенние листья шумят и шумят в саду,
Знакомой тропою я рядом с тобой иду.
И счаслив лишь тот,
В ком сердце поет,
С кем рядом любимый идет.

Пусть годы проходят — живет на земле любовь,
И там, где расстались, мы встретились ныче вновь.
Сильнее разлук
Тепло наших рук,
Мой верный, единственный друг!

В саду опустевшем тропа далеко видна...
И осень прекрасна, когда на душе весна.
Пусть годы летят,
Но светится взгляд,
И листья над нами шумят.

КРАСАВИЦА

По тропинке поднималась
В гору девушка одна.
Я красавиц знал немало,
Всех красивее она!
И скромна, и горделива,

И короною коса...
Нет, не девушка, а диво,
Нет, не диво, а краса.
Нет, не девушка — царица,
Не царица, а мечта...
На такой бы вот жениться,—
Как родник, она чиста.
Я на миг остановился.
Впрочем, дело не во мне,
Я уже давно женился
И доволен тем вполне.
Поднималась недтрогой
В гору, будто на престол.
Я пошел своей дорогой,
Только ахнул — и пошел.
Чуть качнула тонким станом.
В косах — золото и медь...
Не женитесь, хлопцы, рано,
После будете жалеть!

* * *

Повеет осенью в июле,
День потемнеет,
Вздрогнет сад,
Тревожно птицы закричат,
Глядишь — и мы уже взгрустнули.

Погода очень своенравна:
То гром и град, то тишь и гладь.
И это вовсе не забавно —
Погоде мы как раз под стать.

Ах, люди! Все нам не по нраву!
То слишком жарко, то мороз.
То осуждаем чью-то славу,
То жалко нам ее до слез.

Немножко осени в июле
Затем необходимо нам,
Чтоб на минуту мы взглянули
Навстречу новым временам.

* * *

В дни бедствий и в годы разлук
Нам нужен товарищ и друг,
Как в страшный полуденный зной
Глоток воды ледяной,
Как в полночь — в метель и пургу —
Людские следы на снегу,
Как в тяжком и долгом пути —
Живой огонек впереди.

Но жаль что лишь только тогда
Нам всем не хватает друзей,
Когда постучится беда
По скверной привычке своей.

А надо ли в солнечный час,
Чтоб друг был, как совесть у нас,
А надо, чтоб мы без пурги
Его ожидали шаги.
А надо, чтоб нам без разлук
Был нежен внимательный друг,
Как в зной —
Глоток ледяной,
В пургу —
Следы на снегу,
В пути —
Огонек впереди.

ПЕЙЗАЖ

Зима всю землю в снег одела,
Проникла в каждый уголок.
Стоит в снегу под шапкой белой
Пенек, похожий на грибок.

Не шелохнут ветвями елки,
Такая тишина вокруг,
Что слышно, как летят иголки
На чистый снег из белых рук.

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ

БАЛЛАДА О ПУСТЫНЕ

Николаю Тихонову

Давно это было...
Разъезд пограничный в далеком Шираме,—
Бойцов было трое, врагов было двадцать,—
Погнался в пустыню за басмачами.
Он сгинул в песках и не мог отозваться.

Преследовать — было их долгом и честью,
На смерть от безводья шли смелые трое.
Два дня мы от них не имели известий,
И вышел отряд на спасенье героев.

И вот день за днем покатились барханы,
Как волны немые застывшего моря.
Осталось на свете жары колыханье
На желтом и синем стеклянном просторе.

А солнце, всё выше и выше вставало.
И зной подступал огнедышащим валом.
В ушах раздавался томительный гул,
Глаза расширялись, морщинились лица.
Хоть лишнюю каплю, хоть горсткой напиться!
И корчился в муках сухой саксаул.

Безмолвье, безводье, безвестье, бедлюдье.
Ни ветра, ни шороха, ни дуновенья.

Кустарник согбенный, и кости верблюжьи,
Да сердца и пульса глухое биенье.

А солнце всё выше и выше вставало,
И наша разведка в песках погибала.
Ни звука, ни выстрела. Смерть. Тишина.
Бархан за барханом, один, как другие.
И медленно сёдла скрипели тугие.
Росла беспредельного неба стена.

Шатаются кони, винтовки, как угли.
Жара нависает, слабеют колени.
Слова замирают, и губы распухли.
Ни зверя, ни птицы, ни звука, ни тени.

А солнце все выше и выше вставало,
И воздуха было до ужаса мало.
Змея проползла, не оставив следа.
Копыта ступают, ступают копыта.
Земля исполинская бурей разрыта,
Земля поднялась и легла навсегда.

Неужто когда-нибудь мощь человека
Восстанет, безлюдье песков побеждая,
Иль будет катиться от века до века
Барханное море, пустыня седая?

А солнце все выше и выше вставало,
И смертью казалась минута привала.
Но люди молчали, и кони брели.
Мы шли на спасенье друзей и героев,
Обсохшие губы сжимая сурово,
На север, к далеким колодцам Чули.

Двоих увидали мы, легших безмолвно,
И небо в глазах у них застекленело.
Над ними вставали застывшие волны
Без края, конца, без границ, без предела.

А солнце все выше и выше всходило.
Клинками мы братскую рыли могилу.
Раздался прощальный короткий залп.
Три раза поднялись горячие дула,

И наш командир на ветвях саксаула
Узлами багряный кумач завязал.

Мы с мертвых коней сняли седла и сбрую
В горячее жерло, не в землю сырую,
Солдаты пустыни достойно легли.
А третьего мы через час услыхали:
Он полз и стрелял в раскаленные дали
В бреду, всё вперед, хоть до края земли.

Мы жизнь ему флягой последней вернули,
От солнца палатку над ним растянули
И дальше в проклятое пекло пошли.
Мы шли за врагами... Слюны не хватало,
А солнце все выше и выше вставало.
И коршуна вдруг увидали — плывет.
Кружится, кружится
всё ниже и ниже
Над зыбью барханов, над впадиной рыжей
И всё замедляет тяжелый полет.

И встали мы, глядя глазами сухими
На дикое логово в черной пустыне.
Несло, как из настежь раскрытых печей.
В ложбине песчаной, что ветром размыло,
Раскиданы, словно их бурей скосило,
Лежали, согнувшись, тела басмачей.

И свет над пустыней был резок и страшен.
Она только смертью могла насладиться,
Она отомстить за товарищей наших
И то не дала нам, немая убийца.

Пустыня! Пустыня!
Проклятье валам твоих огненных полчищ!
Пришли мы с тобой помериться силой.
Стояли кругом пограничники молча,
А солнце все выше и выше всходило.
Я был молодым.
И давно это было.

Окончен рассказ мой на трассе канала.
В тот вечер узнал я немало историй.
Бригада топографов здесь ночевала,
На месте, где воды сверкнут на просторе.

КУНЦЕВО

Э. Багрицкому

Рядом с Пионерской,
рядом с Комсомольской
Тихий переулок
в голубых садах.
Под луной февральской,
словно льдинка скользкой,
Кунцевская тропка
вся седым-седа.

Мы с тобой ходили здесь,
здесь с тобой стояли.
Вот она, та яблоня,
только шире ствол.
Как солдат, мечтающий
о ночном привале,
В этот дом обветренный
ты, стучась, вошел.

Хрипловатый голос
вел меня, как прежде,
Через сени мерзлые
в жаркий мир огня,
В царство вечной молодости,
в царство той надежды,
Что явилась явью нам
сегодняшнего дня.

Рассыпая углей
золотую насыпь,
Кочергою тыча
в груду головней,
Ты тогда читал мне
песнь про Опанаса;
Ритмы революции
закипали в ней.

И, прищурясь, думал
ты о рыбоводах,
Молодых гидрографах
и рыцарях зерна —

Всех, кто днем и ночью
    и в огонь и в воду
Рвутся за республику
    без отдыха и сна.
Сотнями заводов
    встала власть Советов
Кунцево сомкнулось
    и слилось с Москвой.
Шумный, многодумный,
    ты мечтал об этом.
Подымись кудлатой
    сивой головой.

Ты взгляни налево,
    посмотри направо —
Там, где в снег врезается
    след твоей ноги,
Кунцевские фабрики
    шествуют по праву,
Ты, наверно, слышишь
    их победный гимн.

Черноморец грузный,
    ты пронес далече
Зовы Украины
    в нивах золотых.
Благородной русской
    несравненной речи
Ты принес подарки —
    принимаем их.

Здравствуй, седовласый,
    весь в мечтаньях бурных.
Мир родной природы
    сердцем ты постиг.
Ты сложил в поэзии
    рев валов Кинбурна,
Ты водил в атаку
    знаменосный стих.

В темном смертном лоне
    не томись, не сетуй,—
За тобой, как прежде,
    русская весна.

Пионеры Кунцева,
пионеры Сетуни,
Пионеры фабрики
Ногина.

БЕССМЕРТИЕ

Перелистает старых книг страницы
Когда-нибудь прилежный ученик,
И станет он по-новому гордиться
Делами предков доблестных своих.

К вершинам поколения иного
Из наших лет стремительных придут
Четыре кратких и высоких слова:
Единство, Дружба, Мир и Труд.

Достигшие счастливого удела,
Возьмут потомки вечности звено.
У каждой жизни есть свои пределы,
Бессмертие народу суждено.

* * *

Встанешь рано. Стучат поутру
За окном голубые капели.
Вспомнишь дом, что стоял на юру
На весеннем, весеннем ветру,
На ветру в подмосковном апреле.

Милый образ, снежинка моя,
Ты сверкаешь огнями седыми
В синий трепетный круг бытия,
В мирозданья кипучие дымы.

Это всё как пустынный костер.
Золотые летящие струи.
Легкий абрис Балханских гор,
Ветровые твои поцелуи.

В чистом снеге узнал я тебя.
Ты идешь, всем вокруг помогая,
Запинаясь, тоскуя, любя...
Мне с тобой по пути, дорогая...

ЮНОСТЬ

Отзвенели капели,
И подсохла земля,
И грачи полетели
На родные поля.

Что же мне так тревожно?
Я и сам не пойму.
Выхожу осторожно
В неоглядную тьму.

В небе — черные дыры...
Ветра с вербами спор...
Полыхает над миром
Звезд извечный узор.

И далеко, у рощи,
Возле сосен-сестер,
Тьму пронзает на ощупь
Одинокий костер.

И по-девичьи дремлют
Два янтарных ствола,
Будто юность на землю
В эту полночь пришла.

ДАЛЕКИЙ ПРИВЕТ

Нас обручили
грозы летние
с тобой.
Прижалась
к плечам Петра
белокрылая ночь
Ленинграда.
Кем ты была:
девочкой,
отсветом неба,
моей судьбой?
Как ты легко прошла
мимо каменных баб
Летнего сада!

Люблю я тебя,
люблю!
Через тысячи тысяч лет
Услышат потомки твои
усталый,
неведомый голос.
Милая,
это я!
Это очень далекий привет,
Ласковый,
словно твой
бронзовый волос.

ЦИРК «ШАПИТО»

Все потемнело,
и сразу взлетели
Желтые крылья
опущенных штор.
Кружатся звезды
от легкого хмеля.
Гравий шуршит.
Начинается шторм.
Клоун стреляет
из пистолета.
Ветер врывается
в цирк «шапито».
Вот и кончается
южное лето,
Гроздь винограда
давя
под пятой.
Хохот.
Поют музыкальные пилы.
Пони танцуют
грызя удила.
Сколько тоски
ты
шутя накопила,
Сколько безвыходной лжи
принесла!
Близится время
последних известий,

Ночь.
Закрывается цирк «шапито».
Вот и идешь ты
путями созвездий —
Темная,
тихая,
в черном пальто.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ С ЧЕРНЫМИ ГАЛКАМИ

Галки, галки,
Черные гадалки,
Длинные хвосты,
Трефовые кресты.
Что ж вы, галки,
Поздно прилетели,
К нам на крышу
На закате сели?

А в печи огонь,
Огонь,
Ты, беда, меня
Не тронь,
Не тронь!

Разгулялась
По полю погодка.
Разубралась
Елочка-сиротка,
Разубралась
В зори чистые,
В снега белые,
Пушистые.

Как запели
Стылые метели,
Все-то птицы
К морю улетели,
Оставались галки
На дубу,
Черные гадалки
На снегу.

Скоро встанет,
Скоро будет солнце.
К нам заглянет
В зимнее оконце.
Ты, родная,
Крепко спи.
А снежок,
Лети, лети!

Счастье будет,
Непременно будет.
Нас с тобою
Счастье не забудет.
А пока летит
Снежок.
И поет в печи
Сверчок.

В дальнем море
Корабли гуляют.
На просторе
Волны набегают.
А у нас метель,
Метель.
А у нас тепла
Постель.

Счастье будет,
Непременно будет.
Наше счастье
Никто не осудит.
Под щекой твоей
Ладонь.
А в печи горит
Огонь.

Догонялки
В поле побежали.
Это галки
Все наколдовали.
Скоро будет дольше
Свет.
И разлуки больше
Нет.
Наше счастье

Здесь, с тобою рядом,
Не за синим
Морем-океаном.
Кличут поезда
На Окружной,
Будешь ты всегда
Со мной.

* * *

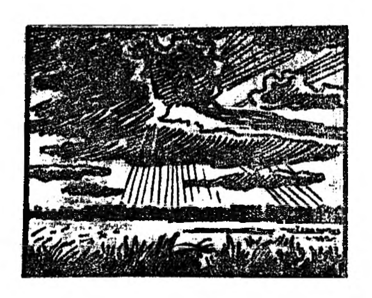
Такая ночь,
что руки протянуть
Ко всей вселенной
всем созвездьям рядом
И полететь,
пронзая Млечный Путь,
Ракетой
межпланетного снаряда.
Видны деревьев
строгие черты,
Отвесного хребта седые гребни,
И в этом мире
кажешься мне ты,
Как листья, юной,
как деревья, древней...

КОСТРЫ

Пощади мое сердце
И волю мою
Укрепи,
Потому что
Мне снятся костры
В запорожской весенней степи.
Слышу — кони храпят,
Слышу — запах
Горячих коней,
Слышу давние песни
Вовек неутраченных
Дней.
Вижу мак-кровянец,
С Перекопа принесший
Весну,
И луну над конями —

Татарскую в небе
Луну.
И одну на рассвете,
Одну,
Как весенняя синь,
Чьи припухшие губы
Горчей,
Чем седая полынь.
Укрепи мою волю
И сердце мое
Не тревожь,
Потому что мне снится
Вечерней зари
Окровавленный нож,
Дрожь степного простора,
Махновских тачанок
Следы
И под конским копытом
Холодная пленка
Воды,
Эти кони истлели,
И сны эти
Очень стары.
Почему же
Мне снова приснились
В степях запорожских
Костры,
Ледяная звезда,
И оплывшие стены
Траншей,
Запах соли и йода,
Летящий
С ночных Сивашей?
Будто кони храпят,
Будто легкие тени
Встают,
Будто гимн коммунизма
Охрипшие глотки
Поют.
И плывет у костра,
Бурым бархатом
Грозно горя,
Знамя мертвых солдат,
Утвердивших

Закон Октября.
Это Фрунзе
Вручает его
Позабытым полкам,
И ветра Черноморья
Текут
По солдатским щекам.
И от крови погибших,
Как рана, запекся
Закат.
Маки пламенем алым
До самого моря
Горят.
Унеси мое сердце
В тревожную эту
Страну,
Где на синем просторе
Тебя целовал я
Одну —
Словно тучка пролетная,
Словно степной
Ветерок,
Мира нового молодость —
Мака
Кровавый цветок.
От степей зацветающих
Влажная тянет
Теплынь,
И горчит на губах
Поцелуев
Сухая полынь.
И навстречу кострам,
Поднимаясь
Над будущим днем,
Полыхает восход
Боевым
Темно-алым огнем.
Может быть,
Это старость,
Весна,
Запорожских степей забытье?
Нет!
Это — сны революции,
Это — бессмертье мое.

МИХАИЛ ЛУКОНИН

ТЫ

Я представлял любовь такой,
что ты
во мне заключена,
души не чаешь,
до немоты — моя,
до слепоты.
В слезах
и провожаешь
и встречаешь.
Но нет того,
чтоб слепота была.
Так иногда заметишь,
так увидишь!
Откуда смелость возражать взяла,
возьмешь —
и самолюбие обидишь.
Считал я:
для тебя я —
полный свет.
Что ни скажу —
все так, а не иначе.
Ты любишь —
значит,
выше,
лучше нет
того, что я могу,

того, что значу!
А ты мне иногда:
                                        — Не то, мой друг,
тут сдал,
            а надо выше,
                                        проще,
                                                    дальше...—
Ты можешь при других отметить вдруг
неверный шаг,
смахнуть пылинку фальши.
Обида стукнет в сердце иногда:
мне собственного критика не нужно!
Ты засмеешься,
                                    глянешь, как всегда,—
и вновь
            моя обида безоружна.
Мне думалось:
                                    ты за моей спиной
пойдешь теперь
                                    безмолвницей бескрылой.

Через ручьи перенесу весной
и к солнцу донесу,
                                        играя силой.
Опять не так.
                                    Смотрю —
                                                    к руке рука,
плечо — к плечу.
Своим лукавым взглядом
сигналишь мне:
                                    «Дорога широка!»
И все идешь,
идешь
со мною рядом.
Вот ты какая!
Ты поймешь меня,
скажу,
            что ты и жизнь —
                                                предельно схожи.
И замечаю я:
                                    день ото дня
ты все необходимей, все дороже.
Любви для всех —
                                        подозреваю я —

готовой нет.
Ее слагают сами.
Вот ты какая, умница моя!
Ты все смеешься серыми глазами.

* * *

Тебя все, наверно, спрашивают:
«Почему ты одна?
Где он?»
А что ты им отвечаешь?
Скажи им, что я
влюблен
в Тихий и Ледовитый
на синей льдине плыву.
Скажи им, что я
зимовщик,
На Новой Земле живу.
Скажи им, что я
мореплаватель,
сквозь льды прохожу, грущу,
к материку открытий
новый пролив ищу.
Бьет меня море,
шатают волны,
и ветер еще не стих...
Я вижу пролив,
скажи им.
И ты не обманешь их.

ЗИМОЙ

Синеет небо.
Падает капель,
и тени голубеют на снегу,
зеленая стоит в сугробе ель,—
соединить все вместе —
не могу.

Ты рядом не такая,
как вдали.
Я мысленно подальше ухожу.

Молчи,
я на другом краю земли,
воспоминаньем смутным дорожу.
Вот вспоминаю всю тебя мою,
придумываю мысленно опять,
как ты опять
в заснеженном краю
не устаешь меня живого ждать.
Твое письмо давнишнее беру:
«Благополучно все. Пиши. Привет».
Приписываю твоему письму
все то,
о чем в письме
ни слова нет.
Я мыслью дом домой перенесу,
в мечте
письмо в свиданье претворю,
все яблони твои
в моем лесу
я поселю
и разожгу зарю.
Все строчки истолкую, как хочу,
из равнодушья твоего слеплю
любовь.
За эту вольность я плачу
тем,
что из нас двоих
один люблю.
Но я устал от выдумки своей,
фантазия устала, не могу.

Летит капель с заснеженных ветвей,
и голубеют тени
на снегу.

ЖАЖДА

А дождь все тот же
бьет по стеклам,
по наклоненным ветром кленам,
по мостовым,
мостам промоклым,

по лицам,
жаждой опаленным.
Какою жаждой?
Той, что гулом
в груди тревожно зародится,
тревожит, гонит в переулок
и заставляет торопиться.
Куда?
Просить тебя: не надо
так запираться в отдаленье,
бежать, ловить деревья сада
и водосточных труб колени.
Зачем?
Найти тебя под ливнем,
и увести,
и косы выжать.
Чтобы навовсе стать счастливым,
сложнее,
чем счастливо выжить.

ГОДЫ

Молодость твоя —
секрет
моего расцвета.
То не разность наших лет,
а единство это.
На двоих у нас одна
молодость и старость.
Эта
жизни глубина
мне с тобой досталась.
И дана возможность мне,
выбор дан безбрежный —
жить на разной глубине
нашей жизни смежной.
Облюбую год любой
в нашей общей кассе.
Хорошо мне так с тобой:
десять лет в запасе!
Жить хочу
и жить могу
с сердцем, туго сжатым,

Я к твоим годам бегу,
вот и —
в сорок пятом.
И опять бушует стих,
и трубит тревога,
и товарищей моих
рядом —
много-много.
Не изменит друг в бою,
недруг — не преграда...
Не стреляйте в грудь мою,
жить мне очень надо!
И опять иду, иду,
не хожу — летаю,
неудачу и беду
на ходу сметаю.
И живется в полный рост,
дышится завидно,
и на много лет и верст
мне дорогу видно.

ТОВАРИЩАМ

Я живу на Песчаной,
приходите ко мне!
Снег и снег величавый
кружится в вышине.
Снег и снег, снег и снег...
Товарищи,
приходите скорей.
Снег оттопайте тающий,
веник есть у дверей.

Я прошел по дорогам
из Москвы в Сталинград,
и теперь я о многом
побеседовать рад.
Нам, товарищи, вместе
надо быть в этот час,
я дорогою вести
встретил —
вести от вас.
Вести важные плыли

через лес, через степь,
в тех вагонах, что были
с меткой:
«Годен под хлеб».
Грейдер вытерт до лоска,
кони шли и быки,
от вестей на повозках
распирало мешки.
ЗИСы встречные пели,
было весело им,
и рессоры терпели
под зерном молодым.
Проводил меня снова
Сталинград на заре.
Мне не надо иного,
чем земля в сентябре!

Я живу...
Вы запомните.
Приходите, друзья.
Мне без вас в этой комнате
больше просто нельзя.
Я зову вас надолго —
до конца моих дней,
как зовет меня Волга
и поэма о ней.
Собирайтесь от Волги,
от речонки любой,
чистый ветер тревоги
захватите с собой.
Отогрева, обдува
жду от ветра того.
Очень надо обдумать
мне себя самого.

Снег, товарищи.
В инее
стекла окон моих.
Что-то очень уж зимнее
нанесло на двоих.
Где сегодня летаете?
Приходите ко мне,
отдышите, оттайте
иней тот на окне!

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

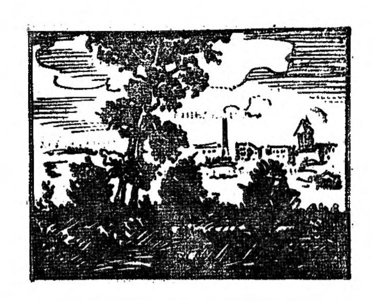
Раскройте вы книгу мою,
раскрыльте ее для полета!
Развяжите ей жесткие крылья,
разглядите ее, как звезду.
Если бы знали вы,
как летать ей охота.
Без вас она скована в книжном ряду.
Юноши, гляньте —
виски у меня поседели.
Девушки,
вы не обернетесь теперь на меня.
Раскройте же книгу —
в ней годы,
мечтания,
цели.
Себя вы узнаете
в отблеске каждого дня.
В смехе вашем,
в ваших надеждах,
в вашей работе —
я повторяюсь.
От ваших дыханий
кровь закипает в крови,
с вами в дороге
я времени не покоряюсь.
Я повторяюсь
в ваших признаньях в любви.
Да, это не книга,
а я.
Не стихи это —
сердцебиенье.
С вами я молод.
Вижу небо,
слушаю землю,
вдыхаю траву.
Рядом с вами,
боевое мое поколенье,
вместе с вами
и я
бесконечно живу.

ПРО ЭТО

Вот это и есть то,
что называют любовью?
Так это зовется?
Так пишется?
Это и есть?..
Вы руки тяжелые закинете к изголовью,
ночь не ответит.
Дождь забарабанит об жесть.
Будут зимы, и вьюги, и росы на травах,
и звезды, и радости будут.
Разрывы придут.
И только не будет
ни виноватых,
ни правых,
ни знающих,
ни умудренных,
ни лечащих тут.
Никогда, никого не расспрашивайте об этом —
ни друга,
ни ветер,
ни самую умную ночь.
Ликуйте или страдайте одни
и не верьте поэтам.
поэты
и сами себе-то не могут помочь.
Берите всю радость себе, не отдавайте и муку,
это только вдвоем открывают,
уж если любовь.
Воспоминания о любви
не годятся в науку,
все не так.
Все по-новому, снова,
не снова, а вновь.
Нельзя объяснить —
что это, со мной или с вами.
Один среди поля,
под ливнем,
и ходит гроза.
Об этом никак невозможно чужими словами,
слова не приходят —
молчите глазами в глаза.
Молчите,

чтобы ресницы задели ресницы,
чтоб сердце услышало сердце другое в громах.
Любите друг друга.
Не думайте — явь это все
или снится,
любите друг друга,
не бойтесь,
не ройтесь в томах.
Ни адреса нет, ни параграфа нету, ни ГОСТа,
будет она неотступна, мучительна,
как и со мной.
Не пишется это,
не слышится.
Дышится просто.

Так и поэзия —
дышится жизнью самой.

МИХАИЛ ЛЬВОВ

* * *

Мы стольких в землю положили,
Мы столько стойких пережили,
Мы столько видели всего —
Уже не страшно ничего...
И если все-таки про войны
Я думать не могу спокойно,
И если против войн борюсь —
Не потому, что войн боюсь.
А если даже и боюсь,—
Не за себя боюсь — за тех,
Кто нам теперь дороже всех,
Кого пока что век наш нежил
И кто пока еще и не жил,
Кто никого не хоронил.
Кто не рыдал вблизи могил.

* * *

С утра
выходишь
вновь
в дорогу,
Выходишь в город,
как на бой,
И вдруг почувствуешь
тревогу,

Что нет уж тыла
за спиной...
Лишь есть
соседи
за стеной...
А как хотелось бы,
чтоб с тыла
Тепло
идущее
не стыло.

* * *

С. Хакиму

Сколько нас, нерусских, у России —
И татарских и иных кровей,
Имена носящих непростые,
Но простых российских сыновей!

Пусть нас и не жалуют иные,
Но вовек — ни завтра, ни сейчас —
Отделить нельзя нас от России —
Родина немыслима без нас!

Как прекрасно вяжутся в России
В солнечном сплетении любви
И любимой волосы льняные,
И заметно темные твои.

Сколько нас, нерусских, у России —
Истинных российских сыновей,
Любящих глаза небесной сини
У великой матери своей!

В КАЗАНИ

Народ, мне давший жизнь и душу,
Свою нестынувшую кровь,
Не замерзавшую и в стужу,
Твой сын к тебе вернулся вновь.
И после долгих лет разлуки,
В порыве счастья и любви,
Целует ласковые руки
Тысячелетние твои.

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

УДАЧА

Жизнь моя все короче, короче.
Смерть моя все ближе и ближе.
Или стал я поэтому зорче,
Или свет нынче солнечный ярче,
Но теперь я отчетливо вижу,
Различаю все четче и четче,
Как глаза превращаются в очи,
Как в уста превращаются губы,
Как в дела превращаются речи.
Я не видел все это когда-то,
Я не знаю... Жизнь кратче и кратче,
А на небе все тучи и тучи,
Но все лучше мне, лучше и лучше,
И богаче я все и богаче.
...Говорят, я добился удачи.

* * *

У ночи — мрак,
У листьев — шум,
У ветра — свист,
У капли — дробность,
А у людей пытливый ум
И жить упорная способность.

И мы живем...
Но дело в том,
Что хоть и властны над собою,
Но в такте жизненном простом
Бывают все же перебои.

Не можешь распознать врага
И правду отличить от лести,
И спотыкается нога
Как будто и на ровном месте.
Но лишь
Оступишься вот так —
И все на место станет разом:
И шум листвы, и свист, и мрак.
И вновь навеки ясен разум!

* * *

Это —
Не по моей и не по вашей вине,
А так подобает всем существам...
Как лунатик
Благодаря луне,
Как укротитель
Благодаря львам,
Как волнорез
Благодаря волне —
Вы существуете
Благодаря мне.
Я — благодаря вам!

* * *

Я опять тебя обидел —
Понимаю, сознаю,
Я опять тебя обидел
За доверчивость твою.

Вновь невольно сделал больно
Я тебе. А почему?
Я сказал тебе: — Довольно
Верить на слово всему!

На свою ты мерку меришь
И всему, что ни скажи,
Веришь, веришь, веришь, веришь...
Лгут и жены и мужи!

Докажу, что лгут и дети,
И не верь им ни на грош,
Ибо властвуют на свете
Лицемерие и ложь.

— Да?— сказала ты, тоскуя.
— Нет! — ответил я, ликуя. —
Есть на свете добрый люд —
Очень многие не лгут...

Почему ж ты даже тут
Истины не разгадала?
Так кричал я.
Ты страдала.

* * *

Примерзло яблоко
К поверхности лотка.
В киосках не осталось ни цветка,
Объявлено открытие катка,
У лыжной базы — снега по колено,
Несутся снеговые облака,
В печи трещит еловое полено...
Все это значит, что весна близка!

СЕДЬМОЕ ЧУВСТВО

Строятся разные небоскребы,—
Зодчим слава и честь,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Лучше и лучше пишутся книги,
Всех их не перечесть,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Тоньше и тоньше становятся чувства,
Их уж не пять, а шесть,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Знать о причинах, которые скрыты,
Тайные ведать пути —
Этому чувству шестому на смену,
Чувство седьмое, расти!

Определить это чувство седьмое
Каждый по-своему прав.
Может быть, это просто уменье
Видеть грядущее въявь!

* * *

Событье
Свершилось,
Но разум
Его не освоил еще;
Оно еще пылким рассказом
Не хлынуло с уст горячо;
Его оценить беспристрастно
Мгновенья еще не пришли;
Но все-таки
Все было ясно
По виду небес и земли,
По грому,
По вспугнутым птицам,
По пыли, готовой осесть.

И разве что только по лицам
Нельзя было это прочесть!

* * *

Что-то
Новое в мире.
Человечеству хочется песен.
Люди мыслят о лютне, о лире.
Мир без песен
Неинтересен.

Ветер,
Ветви,
Весенняя сырость,
И черны, как истлевший папирус,
Прошлогодние травы.
Человечеству хочется песен,
Люди правы.

И иду я
По этому миру.
Я хочу отыскать эту лиру,
Или — как там зовется он выше —
Инструмент для прикосновенья
Пальцев, трепетных от вдохновенья.

Города и пустыни,
Шум, подобный прибою морскому...
Песен хочется роду людскому.
Вот они, эти струны,
Будто медны и будто чугунны,
Проводов телефонных не тоньше
И не толще, должно быть,
Умоляют:
— О, тронь же!

Но еще не успел я потрогать —
Слышу гул отдаленный,
Будто где-то в дали туманной
За дрожащей мембраной
Выпрямляется раб обнаженный,
Исцеляется прокаженный,
Воскресает невинно казненный,
Что случилось, не может представить:
— Это я! — говорит. — Это я ведь!

На деревьях рождаются листья,
Из щетины рождаются кисти,
Холст растрескивается с хрустом,
И смывается всякая плесень...
Дело пахнет искусством.
Человечеству хочется песен.

ХУДОЖНИК

Художник
Писал свою дочь,
Но она,
Как лунная ночь,
Уплыла с полотна.
Хотел написать он
Своих сыновей,
Но вышли сады,
А в садах —
Соловей!
И дружно ему закричали друзья:
— Нам всем непонятна манера твоя!
И, так как они не признали его,
Решил написать он себя самого.
И вышла картина на свет изо тьмы,
И все закричали ему:
— Это мы!

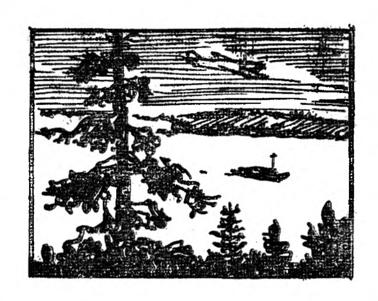
ВЬЮГА

Бывают такие весенние вьюги,
Когда леденеют трамвайные дуги
И глухо волнуется все меховое,
Как будто живое, как будто живое,
Как будто бы к жизни вернуться охота
Всему, что убито,— от старца енота
До самой последней ничтожной зверюги...
Бывают такие тревожные вьюги!

* * *

Хочется
Сосредоточиться
И припомнить,
Как за шагом шаг
Этот мир рождался,
Чтоб упрочиться
В первобытном хаосе;
И как
приходилось в этом мире,

Созданном
Собственною кровью
И трудом,
Подыматься к звездам,
Скупо розданным
Прямо с неба
В сумраке седом;
Совладать со всяческою нечистью,
Делать все,
Чтоб вновь не грянул бой;
Столковаться с целым человечеством
И остаться
Все ж
Самим собой!

САМУИЛ МАРШАК

* * *

На всех часах вы можете прочесть
Слова простые истины глубокой:
Теряя время, мы теряем честь.
А совесть остается после срока.

Она живет в душе не по часам.
Раскаянье всегда приходит поздно.
А честь на час указывает нам
Протянутой рукою — стрелкой грозной.

Чтоб наша совесть не казнила нас,
Не потеряйте краткий этот час,
Пускай, как стрелки в полдень, будут вместе
Веленья нашей совести и чести!

* * *

О том, как хороша природа,
Не часто говорит народ
Под этой синью небосвода,
Над этой бледной синью вод.

Не о закате, не о зыби,
Что серебрится вдалеке,—
Народ беседует о рыбе,
О сплаве леса по реке.

Но, глядя с берега крутого
На розовеющую гладь,
Порой одно он скажет слово,
И это слово — «Благодать!»

* * *

Сколько раз пытался я ускорить
Время, что несло меня вперед,
Подхлестнуть, вспугнуть его, пришпорить,
Чтобы слышать, как оно идет.

А теперь неторопливо еду,
Но зато я слышу каждый шаг,
Слышу, как дубы ведут беседу,
Как лесной ручей бежит в овраг.

Жизнь идет не медленней, но тише,
Потому что лес вечерний тих.
И прощальный шум ветвей я слышу
Без тебя — один за нас двоих.

БОР

Всех, кто утром выйдет на простор,
Сто ворот зовут в сосновый бор.

Меж высоких и прямых стволов
Сто ворот зовут под хвойный кров.

Полумрак и зной стоят в бору.
Смолы проступают сквозь кору.

А зайдешь в лесную даль и глушь,
Муравьиным спиртом пахнет сушь.

В чаще муравейники не спят —
Шевелятся, зыблются, кипят.

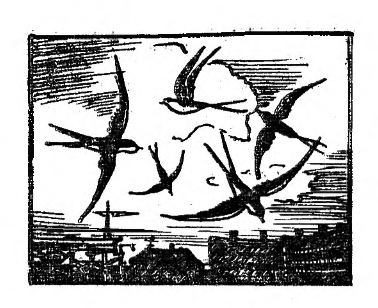
Да мелькают белки в вышине,
Словно стрелки, от сосны к сосне.

Этот лес полвека мне знаком.
Был ребенком, стал я стариком.

И теперь брожу, как по следам,
По моим промчавшимся годам.

Но и прежде, для меня свои —
Иглы, шишки, белки, муравьи.

И меня, как в детстве, до сих пор
Сто ворот зовут в сосновый бор.

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ

ВЕРНУЛСЯ Я НА РОДИНУ

Вернулся я на родину. Шумят березки встречные.
Я много лет без отпуска служил в чужом краю,
И вот иду, как в юности, я улицей Заречною
И нашей тихой улицы совсем не узнаю.

Здесь вырос сад над берегом с тенистыми дорожками,
Окраины застроились, завода — не узнать.
В своей домашней кофточке, в косыночке горошками,
Седая, долгожданная меня встречает мать.

Вернулся я на родину. Опять сегодня дома я
И, сняв фуражку, вежливо приветствую девчат.
Гуляют с ними об руку ребята незнакомые,
И только песни старые по-прежнему звучат.

Здесь столько нами прожито,
Здесь столько троп исхожено,
Здесь столько испытали мы и радостей и гроз.
Пусть плакать в час свидания солдату не положено,
Но я любуюсь родиной и не скрываю слез.

ШКОЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Давно, друзья веселые,
Простились мы со школою,

Но каждый год мы в свой приходим класс.
В саду березки с кленами
Встречают нас поклонами
И школьный вальс опять звучит для нас.

Сюда мы ребятишками
С пеналами и книжками
Входили и садились по рядам.
Здесь десять классов пройдено,
И здесь мы слово — *Родина*
Впервые прочитали по складам.

Под звуки вальса плавные
Я вспомнил годы славные,
Знакомые и милые края,
Тебя с седыми прядками
Над нашими тетрадками,
Учительница старая моя.

Промчались зимы с веснами,
Давно мы стали взрослыми.
Но помним наши школьные деньки.
Летят путями звездными,
Плывут морями грозными
Любимые твои ученики.

Но где бы не бывали мы,
Тебя не забывали мы,
Как мать не забывают сыновья.
Ты — юность наша вечная,
Простая и сердечная,
Учительница первая моя!

ВСТРЕЧА С ПЕСНЕЙ

Шел над крышами над наклонными
Заграничный унылый дождь,
Облачившийся в свой нейлоновый,
В свой сверкающий макинтош.

Он струился ручьями тонкими,
На асфальте смывая след,

Над бензиновыми колонками,
Над рекламами сигарет,

Над какой-то согбенной хижиной,
Чуть светящейся в темноте,
Над какой-то красоткой стриженой
Из соседнего варьете.

Вереницами шли прохожие,
И взлетали из темноты
На летучих мышей похожие
Перепончатые зонты.

Я шатался пустыми скверами.
Я форсировал сотни луж.
Черт занес меня в эту серую
В чужеземную эту глушь.

Душно в номере — спать не хочется,
Сердце стиснула пятерня.
Всею глыбою одиночество
Надвигается на меня.

Вот тогда-то в далеком городе
И запели вдруг рупора:
«Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера».

И внезапно бодря и радуя,
Вдруг повеяло все сильней
Среднерусской грибной прохладою,
Разнотравьем июльских дней.

Будто юность опять аукалась,
Подавая мне голос свой,—
Как в Малеевке, или Внукове,
Или в Щелкове под Москвой.

Дождь, как пленка, мерцая титрами,
Шел по улице вкривь и вкось.
Здравствуй, песня моя нехитрая,
Вот где встретиться нам пришлось?!

С кем вдвоем эти ночи поздние
Коротала ты у огня?

Под чужими скупыми звездами
Как жилось тебе без меня?

Так далеко от края отчего.
Верный путь находя во мгле,
Без содействия переводчиков
Песни странствуют по земле...

Каждой строчкой и каждою фразою,
Всем, что в сердце у нас живет,
Мы тебе одному обязаны,
Лучший песенник — мой народ.

Знаю, хвастать сейчас не в праве я,
Знаю, голос мой очень мал.
И, поверьте, не из тщеславия
Эти строки я написал.

Просто в сумрачном этом городе
Неуютная шла пора.
Просто были мне очень дороги
Подмосковные вечера.

РЕМОНТ БРАНДЕНБУРГСКИХ ВОРОТ

Поражая внушительным весом,
Глыба камня под краном плывет,—
Смотрят немцы с большим интересом
На ремонт Бранденбургских ворот.

Признаюсь, мы с тобой виноваты.
Мой дружок, фронтовой мой собрат,
В том, что в майские дни в сорок пятом
Здесь был сильно испорчен фасад.

Здесь все в той же отчаянной позе,
От испуга отпрянув назад,
Как в разбитом военном обозе,
Одичавшие кони стоят.

Лишь репейник колючий и длинный
Прорастает в расщелинах плит.
Только в Западной зоне Берлина
Этот страшный урок позабыт.

Пахнет краской и пылью кирпичной
Это тихое утро труда.
Словом, все здесь сейчас, как обычно,
Как бывает на стройке всегда...

Но порыв мой поймете вы сами,
Когда вдруг на фанерной доске:
«Осторожней, не стой под лесами!»,—
Я на русском прочел языке.

Я под сенью гранитного свода
С непокрытой стою головой.
Рядовой сорок первого года,
Ополченец второй мировой.

Сам шагавший без сна и привала,
Сам спасавший свой собственный дом,
Сам терявший на свете немало,
Я мечтаю теперь об одном:

Чтобы дети различных народов
Без боязни глядели вперед,
Чтобы не было лишних расходов
На ремонт Бранденбургских ворот.

ЧТО ТАК СЕРДЦЕ РАСТРЕВОЖЕНО...

Что так сердце, что так сердце растревожено,
Словно ветром тронуло струну.
О любви немало песен сложено,—
Я спою тебе, спою еще одну.

По дорожкам, где не раз ходили оба мы,
Я брожу, мечтая и любя.
Даже солнце светит по-особому
С той минуты, как увидел я тебя.

Все преграды я могу пройти без робости,
В спор вступлю с невзгодою любой.
Укажи мне только лишь на глобусе
Место скорого свидания с тобой.

Посажу я на земле сады весенние,
Зашумят они по всей стране.

А когда придет пора цветения,
Пусть они тебе расскажут обо мне.

ПОДМОСКОВНЫЕ ВЕЧЕРА

Не слышны в саду даже шорохи,
Все здесь замерло до утра.
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера.

Речка движется и не движется,
Вся из лунного серебра.
Песня слышится и не слышится
В эти тихие вечера.

Что ж ты, милая, смотришь искоса,
Низко голову наклоня.
Трудно высказать и не высказать
Все, что на сердце у меня.

А рассвет уже все заметнее.
Так, пожалуйста, будь добра,
Не забудь и ты эти летние
Подмосковные вечера.

ЧЕРНОЕ МОРЕ МОЕ

Тот, кто рожден был у моря,
Тот полюбил навсегда
Белые мачты на рейде,
В дымке морской города.
Свет маяка над водою,
Южных ночей забытье.
Самое синее в мире
Черное море мое.

Море в далекие годы
Пело мне песни, как мать.
Море меня научило
Грозные бури встречать.
Дорог мне кубрик матросский,
Скромное наше жилье.

Самое синее в мире
Черное море мое.

Стонет волна штормовая,
В дальние дали маня.
Так не ревнуй, дорогая,
К Черному морю меня.
Как ни трудна эта доля,
Мне не прожить без нее,—
Самое синее в мире
Черное море мое.

МОСКОВСКИЕ ОКНА

Вот опять небес темнеет высь,
Вот и окна в сумраке зажглись.
Здесь живут мои друзья,
И дыханье затая,
В ночные окна вглядываюсь я.

Я люблю под окнами мечтать.
Я могу, как книги, их читать.
И заветный свет храня,
И волнуя и маня,
Они, как люди, смотрят на меня.

Я, как в годы давние, опять
Под окном твоим готов стоять.
И на свет его лучей
Я спешу всегда быстрей,
Как на свиданье с юностью моей.

Я любуюсь вами по ночам.
Я желаю, окна, счастья вам.
Он мне дорог с давних лет
И его яснее нет,—
Московских окон негасимый свет.

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

* * *

Одиночество гонит меня
От порога к порогу —
В яркий сумрак огня.
Есть товарищи у меня,
Слава богу!
Есть товарищи у меня.

Одиночество гонит меня
На вокзалы, пропахшие воблой,
Улыбнется буфетчицей доброй,
Засмеется, разбитым стаканом звеня.
Одиночество гонит меня
В комбинированные вагоны,
Разговор затевает
Бессонный.
С головой накрывает,
Как заспанная простыня.

Одиночество гонит меня. Я стою,
Елку в доме чужом наряжая,
Но не радует радость чужая
Одинокую душу мою.
Я пою.
Одиночество гонит меня
В путь-дорогу,
В сумрак ночи и в сумерки дня.
Есть товарищи у меня,

Слава богу!
Есть товарищи у меня.

ВОЗРАСТ

Наша разница в возрасте невелика,
Полдесятка не будет годов.
Но во мне ты недаром узрел старика,—
Я с тобой согласиться готов.

И жестокость наивной твоей правоты
Я тебе не поставлю в вину,—
Потому что действительно старше, чем ты,
На Отечественную войну.

НА ПОЛЯХ ПЕРЕВОДА

Кура, оглохшая от звона,—
Вокруг нее темным-темно.
Над городом Галактиона
Луны бутылочное дно.

И вновь из голубого дыма
Встает поэзия,
Она
Вовеки непереводима,
Родному языку верна.

* * *

Все приходит слишком поздно,
И поэтому оно
Так безвкусно, пресно, постно,
Временем охлаждено.

Слишком поздно — даже слава,
Даже деньги на счету,
Ибо сердце бьется слабо,
Чуя бренность и тщету.

А когда-то был безвестен,
Голоден, свободен, честен,

Презирал высокий слог,
Жил, не следуя канонам,
Ибо все, что суждено нам,
Вовремя приходит, в срок.

МУЗЫКА

Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души и тела
Война проклятая попрала!

Какая музыка
                    во всем,
Всем и для всех —
                    не по ранжиру!
Осилим... Выстоим... Спасем...
Ах, не до жиру — быть бы живу...

Солдатам головы кружа,
Трехрядка
                    под накатом бревен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.

И через всю страну
                    струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души и тела топтала.

Стенали яростно,
                    навзрыд
Одной-единой страсти ради
На полустанке — инвалид
И Шостакович — в Ленинграде.

БАЛЛАДА О ЦИРКЕ

Метель взмахнула рукавом —
И в шарабане цирковом
Родился сын у акробатки.

А в шарабане для него
Не оказалось ничего:
Ни колыбели, ни кроватки.

Скрипела пестрая дуга,
И на спине у битюга
Проблескивал кристаллик соли...
. . . .
Спешила труппа на гастроли...

Чем мальчик был, и кем он стал,
И как чем стал он, быть устал,
Я вам рассказывать не стану.
К чему судьбу его судить,
Зачем без толку бередить
Зарубцевавшуюся рану?

Оно как будто ни к чему,
Но вспоминаются ему
Разрозненные эпизоды.
Забыть не может ни за что
Дырявое, как решето,
Заштопанное шапито
И номер, вышедший из моды.

Сперва работать начал он
Классический аттракцион:
Зигзагами по вертикали
На мотоцикле по стене
Гонял с другими наравне,
Чтобы его не освистали.

Но в нем иная страсть жила —
Бессмысленна и тяжела,
Душой мальчишеской владела:
Он губы складывал в слова,
Хотя и не считал сперва,
Что это стоящее дело.

Потом война... И по войне
Он шел с другими наравне,
И все, что чуял, видел, слышал,
Коряво заносил в тетрадь,
И собирался умирать.
И умер он — и в люди вышел.

Он стал поэтом той войны,
Той приснопамятной волны,
Которая июньским летом
Вломилась в души, грохоча,
И сделала своим поэтом
Потомственного циркача.

Но, возвратясь с войны домой
И отдышавшись еле-еле,
Он так решил:
«Войну долой
И крест поставь на этом деле».
Писанье вскорости забросил,
Обезголосел, охладел —
И от литературных дел
Вернулся в мир земных ремесел.

Он завершил жестокий круг
Восторгов, откровений, мук —
И разочаровался в сути
Божественного ремесла,
С которым жизнь его свела
На предвоенном перепутье.

Тогда-то, исковеркав слог,
В изяществе не видя проку,
Он создал грубый монолог
О возвращении к истоку:

Итак, мы прощаемся.
Я приобрел вертикальную стену
И за сходную цену
подержанный реквизит:
Ботфорты и бриджи
через неделю надену,
И ветер движенья
меня до костей просквозит.
Я победил.
Колесо моего мотоцикла
Не забуксует на треке
и со стены не свернет.
Боль в моем сердце
понемногу утихла.
Я перестал заикаться.

Гримасами не искажается рот.
Вопрос пробуждения совести
заслуживает романа.
Но я ни романа, ни повести
об этом не напишу.
Руль мотоцикла,
кривые рога «Индиана» —
В правой руке,
успевшей привыкнуть к карандашу,
А левой прощаюсь, машу...

Я больше не буду
присутствовать на обедах,
Которые вы
задавали в мою честь.
Я больше не стану
вашего хлеба есть,
Об этом я и хотел сказать.
Напоследок...

Однако этот монолог
Ему не только не помог,
Но даже повредил вначале.
Его собратья по перу
Сочли все это за игру
И не на шутку осерчали.

А те из них, кто был умней,
Подозревал, что дело в ней,
В какой-нибудь циркачке жалкой.
Подруге юношеских лет,
Что носит кожаный браслет
И челку, схожую с мочалкой.

Так или иначе. Но факт,
Что, не позер, не лжец, не фат,
Он принял твердое решенье
И, чтоб его осуществить,
Нашел в себе задор и прыть
И силу самоотрешенья.

Почувствовав, что хватит сил
Вернуться к вертикальной стенке,
Он все нюансы, все оттенки
Отверг, отринул, отрешил.

Теперь назад ни в коем разе
Не пустит вертикальный круг.
И вот гастроли на Кавказе.
Зима. Тбилиси. Ночь. Навтлуг[5].

Гастроли зимние на юге.
Военный госпиталь в Навтлуге.
Трамвайных рельс круги и дуги.
Напротив госпиталя — домик.
В нем проживаем — я и комик.

Коверный двадцать лет подряд
Жует опилки на манеже —
И улыбается все реже,
Репризам собственным не рад.

Я перед ним всегда в долгу,
Никак придумать не могу
Смехоточивые репризы.
Вздыхаю, кашляю, курю
И укоризненно смотрю
На нос его багрово-сизый.

Коверный требует реприз
И пьет до положенья риз...

В огромной бочке, по стене,
На мотоциклах, друг за другом,
Моей напарнице и мне
Вертеться надо круг за кругом.

Он стар, наш номер цирковой,
Его давно придумал кто-то,—
Но это все-таки работа,
Хотя и книзу головой

О вертикальная стена,
Круг новый дантовского ада,
Мое спасенье и отрада,—
Ты все вернула мне сполна.

Наш номер ложный?
Ну и что ж!

[5] Навтлуг — окраинный район Тбилиси.

Центростремительная сила
Моих колес не победила,—
От стенки их не оторвешь.

По совместительству, к несчастью,
Я замещаю завлитчастью.

* * *

Я люблю — и ты права,
Ты права, что веришь свято,
Так, как верили когда-то
В эти вечные слова.

Я люблю...
Так почему,
Почему же, почему же
Мне с тобой гораздо хуже
И трудней, чем одному?

Прохожу все чаще мимо.
И любовь уже не в счет,
И к себе
Неотвратимо
Одиночество влечет.

* * *

Зачем, зачем нам обживать
Смешную эту комнатушку,
Такую узкую кровать,
Такую жесткую подушку,
Глаза на правду закрывать,
Безумье называть судьбою?..
Зачем, зачем нам обживать,
Когда не жить, не жить с тобою?..

* * *

В огромном доме, в городском июле,
Варю картошку в маленькой кастрюле.

Кипит водопроводная вода,—
Июльская картошка молода,—

Один как перст,
Но для меня отверст
Мир
Накануне
Страшного
Суда.

На всех пространствах севера и юга
Превысил нормы лютый зной июля.

Такого не бывало никогда.—
Ах, боже мой, какие холода...

Варю картошку в мире коммунальном,
Равно оригинальном и банальном.

Мудрей не стал,— но дожил до седин.
Не слишком стар,— давным-давно один.
Не слишком стар, давным-давно не молод,
Цепами века недоперемолот.

Пятидесяти от роду годов,
Я жить готов и умереть готов.

* * *

Все разошлись и вновь пришли,
Опять уйдут, займутся делом.
А я ото всего вдали
С тобою в доме опустелом.

Событья прожитого дня,
И очереди у киоска,
И вести траурной полоска —
Не существуют для меня.

А я не знаю ничего,
И ничего не понимаю.
И только губы прижимаю
К подолу платья твоего.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Всего опасней — полузнанья.
Они с историей на «ты» —
И грубо требуют признанья
Своей всецелой правоты.

Они ведут себя как судьи,
Они гудут, как провода.
А на поверку — в них, по сути,
Всего лишь полуправота.

И потому всегда чреваты
Опасностями для людей
Надменные конгломераты
Воинственных полуидей.

* * *

Улетаю по работе
Возле моря зимовать.
Телеграммы о прилете
Больше некому давать.

Это маленькое тело,
Просветленное насквозь,
Отстрадало, отболело,
в пепел переоблеклось.

От последнего недуга
Умирала тяжело,
А насчет бессмертья духа
Я не знаю ничего.

Остаешься в слове сына
Полуграмотном, блатном,—
И болит невыносимо,
Ходит сердце ходуном.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

ПАРТИЯ — НАШ РУЛЕВОЙ

Слава борцам, что за правду вставали,
Знамя свободы высоко несли.
Партию нашу они создавали,
К цели заветной вели.
Долгие, тяжкие годы царизма
Жил наш народ в кабале,
Ленинской правдой заря коммунизма
Нам засияла во мгле.

Под солнцем Родины мы крепнем год от года,
Мы беззаветно делу Ленина верны.
Зовет на подвиги советские народы
Коммунистическая партия страны!

Партия наша народы сплотила
В братский единый союз трудовой.
Партия — наша надежда и сила,
Партия — наш рулевой.
Думы народные в жизнь воплощая,
В бурях крепка, как скала,
В грозных сраженьях врагов сокрушая,
Партия наша росла.

Нас не страшат ни борьба, ни сраженья —
Ярко горит путеводный маяк!

И помешать нам в победном движенье
Пусть не пытается враг.

С нами сегодня идут миллионы,
Наше единство растет.
Мудростью партии путь озаренный
Нас к коммунизму ведет.

Под солнцем Родины мы крепнем год от года,
Мы беззаветно делу Ленина верны.
Зовет на подвиги советские народы
Коммунистическая партия страны!

СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ

* * *

Юностью ранней
Нас привечал
Ветер скитаний
Песнью начал.
В этих началах
Места не знали
Горесть усталых,
Горечь печали.

Вестники сердца
Юной земли —
В них заглядеться
Мы не смогли,
Боль переспоря,
Не уставали
В противоборье
С силой печали.

В схватке ль опасной,
В вихре свинца
Мы не подвластны
Песне конца.
Юностью ранней
Нас привечал
Ветер скитаний
Песнью начал.

СЛЕПАЯ ДЕВУШКА

Сплела слепая девушка венок...
Какого цвета рвет она цветы,
Никто вокруг ей объяснить не мог —
Ни лес, ни луг, ни шумные кусты.

Цветы в венок ложились все дружней,
Один оттенок краски брал в другом...
Какое чувство подсказало ей
Не ошибиться в выборе своем?

И в этот миг я вспомнил о тебе.
Ты, зрячая, пройди сюда, к слепой,
И горько подивись своей судьбе,
Сравнив слепую девушку с собой.

И ты цветы встречала на пути,
Рвала не наугад — наверняка,
Но не могла и не смогла сплести
Ты воедино даже два цветка.

Слепой видна связующая нить,
Которую давно не видишь ты,—
Всю жизнь ты не могла соединить
Разрозненные звенья красоты.

Ты на венок в последний раз взгляни...
Ладонью защитив зрачки свои,
С ослепшим сердцем голову склони
Перед незрячей зоркостью любви.

ВДВОЕМ

Ты меня и поздравить забыла
С днем рождения новым моим...
Сколько лет мне сегодня пробило?
Сколько осеней? Сколько зим?

Сколько весен? А были весны!
Помню волжский рассвет на юру...
Ох, как пели веселые сосны,
Как звенели они на ветру!

Как мы молоды были с мамой,
Неудачливой мамой твоей...
Ты растешь, как она, упрямой,
Тот же взлет угловатых бровей,

Те же губы... Тут спорить излишне.
Поглядишь — и злость разберет:
Словно съела пригоршню вишен
И забыла вытереть рот.

Почему же без общей квартплаты,
Вместе мы не живем, втроем?
В этом мама и я виноваты,
Ну, а ты-то совсем не при чем.

Очень скверно жить в одиночку,
А друг друга надо беречь...
Подойди, пожалуйста, дочка,
И постой у отцовских плеч!

ВЗРОСЛЫЕ РЕЧИ

Вновь то бушует, то стелется
Наш разговор...
В поле и в сердце метелица
То-то простор!

Я по любви не тоскую,
Но в феврале
Тяжче, чем в пору другую,
Жить на земле.

Снегом в забытые сроки
Заметены,
Ждут не дождутся дороги
Близкой весны.

А ведь весна за порогом!
Где ж к ней пути?
Вместе по талым дорогам
Надо идти!

ПРАЗДНИК

Оле сон тридевятый снится,
Снится в ярких цветах земля.
Пусть приснится моей синице,
Что я в небе словил журавля.

Непогожая долгая осень
Загостилась на нашем дворе,
Но дыхание будущих весен
Чутко чувствую я в ноябре.

Нелегко мне давалась зрелость,
Жил в сумятице и кутерьме,
Тем сильнее сейчас разгорелась
Вера в новое счастье во мне.

Просыпайся же, дочка России!
К нам в окно постучалась весна.
Протирай-ка глаза голубые,
Босиком пробегись до окна!

Нет, тебе это вовсе не снится,
И весны ты встречаешь приход.
Погляди, как сегодня столица
Вся цветами большими цветет!

Никогда ты над Волгой в апреле —
Ты ведь помнишь ее берега? —
Не видала, чтоб так заалели
От цветов заливные луга.

Погляди, как знамена полощут,
Как бушуют они над Москвой!
Это люди на Красную площадь
Потекли многошумной рекой.

Ну, так выйдем вдвоем из квартиры.
Впрямь на улицах нынче весна.
Праздник светлой свободы и мира
В это утро встречает страна.

Песни бурным текут половодьем,
Вихри плясок, куда ни взгляни,

Мы до вечера нынче проходим
Посреди миллионной родни.

По приветливой нашей столице,
Где в созвездьях бессчетных огней
Дарит праздник усталой синице
Сотни сказочных журавлей!

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Дай на минутку отдых глазу
И вдруг в одно соедини,
Что на тебя свалилось сразу
И оглушило в эти дни.

Зажмурясь, ты увидишь снова
Корявых скал густую тушь,
Наплыв волны и мыс Дежнева
В лохматых космах мокрых туч.

И снеговой ручей в лощине,
И белый блеск известняков,
И угол моря в мешанине
Бурунов, птиц и облаков.

Не заплутаться б в этой гуще —
Она темна и холодна,
И с каждым днем она все гуще,
И в ней давно не видно дна.

Но красок мертвое скопленье
Нежданным блеском обожжет,
И незнакомое явленье
Рожденье в образе найдет.

Тут слово поглощает скалы,
В строку вживается простор
И превращается в кристаллы
Перенасыщенный раствор.

ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

Давних годов пионерские сборы!
Мальчишкам в огне языкатых костров
Чудилось пламя орудий «Авроры»
И высверк буденновских быстрых клинков.

Кому из вихрастых тогда не мечталось
В геройском бою по-геройскому пасть,
Чтоб только три слова на камне осталось:
За Советскую власть!

Мальчишки мужали, мальчишки взрослели,
И только бы жить начинать сорванцам,
Как их завертели такие метели,
Какие, пожалуй, не снились отцам.

И кто в сорок первом, а кто в сорок пятом,
Всю душу вложив в неделимую страсть,
Сложил свою голову честным солдатом
За Советскую власть!

Я помню вас в горьких и праведных буднях.
Без вас мы кончали победой войну,
Без вас запускали мы на небо спутник,
Без вас поднимали в степях целину.

Но со всем поколением в сердце несу я
Вашего сердца нетленную часть.
Навек присягаю, навек голосую
За Советскую власть!

ГЕОРГИЙ НЕКРАСОВ

* * *

Наши предки были не трусливы:
Вскинув парус, выбрав якоря,
Земли открывали и проливы,
Открывали новые моря.

Ничего не скажешь — предки жили
Памятным примером для других.
Только все же наши батьки были
Посмелей, чем многие из них.

Нелегко, сказав «прощай» отчизне,
По волнам нехоженным ходить,
Но еще труднее в море жизни
К счастью путь разведать и открыть.

Мы с любовью памятники ставим
Предкам на парадных площадях.
Как же мы отцов своих прославим,
Как мы возвеличим их в веках?

И отцы нам говорят:
— Куда там!
Не об этом думайте сейчас.
Мы довольны тем, что вы, ребята,
Выросли похожими на нас!

* * *

Переулок узкий, небольшой.
Здания застыли в небе мглистом.
Рядом с ними светит желтизной
Трехэтажный домик неказистый.

Комнатка есть маленькая в нем.
Дверь откроешь тихо,
И в волненьи
Ты увидишь:
В сумраке дневном
Вдруг тебе кивнет с портрета
Ленин.

Молодой, совсем простой на вид,
Он глядит с улыбкою сердечной.
Кажется, вот-вот заговорит
И усадит,
Взяв тебя за плечи.

Так он и встречал в годах глухих,
Наскоро задвинув занавески,
Металлистов нарвских мастерских,
Смелых вожаков заставы Невской.

...И в молчаньи смотрят на меня,
В простенькой музейной окантовке,
Вестники октябрьского огня —
Ленинские первые листовки.

Их, как люди в давние года,
Я читаю, чтобы сила крепла...
Огненные строки слоем пепла
Время не покроет никогда.

АЛМАЗ

Алмаз цветет прозрачной глубиной.
Но в этой глубине такая стойкость скрыта!
Пред ним,
Пусть он с зерно величиной,
Ничто и глыба древнего гранита.

Рожденный в сердце огненном земли,
Он тяжестью земною был испытан.
Такое не рождается в пыли,
Вскипающей под ветром и копытом.

Мы тоже знали яростный огонь
И тяжесть, поражающую разум.
Нас, правда, не положишь на ладонь.
И все же мы в прямом родстве с алмазом.

* * *

Осенний холод лег на плечи.
Последний отблеск шлет закат.
И якорь свой бросает вечер
В пролеты каменных громад.

Гудки поют: конец работе!
Цехов приглушена молва.
И кажется, вот-вот поглотит
Дома большая синева.

Но в этот миг над площадями,
Чтоб с ночью спорить до зари,
Вдаль уходящими рядами
Вдруг ярко вспыхнут фонари.

И вновь забьется сердце гордо.
И слышишь: веселей шумит
Из мрака вырвавшийся город,
Одетый в бронзу и гранит.

Не так ли выглядит минута,
Когда иных раздумий гнет
Уже безвыходно как будто
Тебя к земле в молчаньи гнет.

И вдруг в сознаньи вспыхнет властно
Одна лишь мысль,
И ты поймешь,
Что в мире хоть не все прекрасно,
Но мир наш все-таки хорош!

ОКНО

Ни звездочки на небе. Тишина.
Застава спит. На отдыхе она.

Спешу домой — и мне заснуть пора.
Недолго остается до утра.

В домах, едва очерченных, темно.
Вдали одно лишь светится окно.

И я стараюсь отгадать: кому
Не спится в это время, почему?

Ребенка, может быть, качает мать...
Не плачь, малыш, и ей пора поспать!

А может, там в бреду лежит больной...
Пройди, пройди, несчастье стороной!

А может быть, в раздумии большом
Там девушка сидит над чертежом,

И сон вот-вот ее коснется глаз...
Пусть к ней придет удача в этот час!

Я знаю: за любым окошком тут
Друзья мои хорошие живут.

Когда огонь горит в моем окне,
Удачи и они желают мне.

ДОЖДЬ

Я вышел в поле рано-рано
Оно зеленой полосой
терялось в ручейках тумана,
Качая колос молодой,
Усы раскинувший, но тощий.
О нем в такие времена,
По-моему, не скажешь проще:
И есть зерно и нет зерна.

А в небе, на косматых лапах,
Шли тучи темной полосой.
И вдруг несмело дождь закапал...
Но, ободренный тишиной,
Задумал он звеня пролиться.
И вот уже вошел в запал.
Казалось, в колоски пшеницы
Он спешно зернышки вбивал.

* * *

У глаз твоих легли морщинки,
А в локонах каштановых волос
Застряла седина, как паутинки,
Летящие по осени с берез.

Не потому ли дольше, чем обычно,
Ты в зеркало глядишься по утрам?
Что говорить — стареть нам непривычно,
Но очередь пришла стареть и нам.

Наш путь с тобой бывал порою труден.
Непросто жить и нелегко любить.
Я знаю, что никак не могут люди
Смириться с тем, чему нельзя не быть.

Не потому ль, опровергая годы,
И кровь кипит и нет мечтам конца?
По-прежнему для нас цветут восходы
И не сдаются времени сердца.

* * *

Я оскорбил тебя. Прости, мой друг, я сам
Не разберусь теперь, как получилось это.
Но помню: кровь прихлынула к вискам,
Дав волю необдуманным словам...
А ты, закрыв глаза, сидела безответной.
Что говорил тогда, мне было все равно.
И ты заплакала... В слезах погасла ссора.
Мне показалось вдруг, что в этот миг окно
Заполыхало пламенем укора.

Нет, не тебе — мне плакать на зарю!
Уже который раз позабываю
О том, что сгоряча не просто говорю,
А словно камнем в сердце ударяю.
И я кляну себя, но это все не в счет,—
От совести своей куда не знаю деться.
Мне кажется, что острый камень тот,
Как бумеранг, в мое вернулся сердце.

* * *

Любил ты многих, я любил одну.
Я не хотел похожим быть на ветер.
Я видел в жизни сердца глубину,
А ты ее, наверно, не заметил.

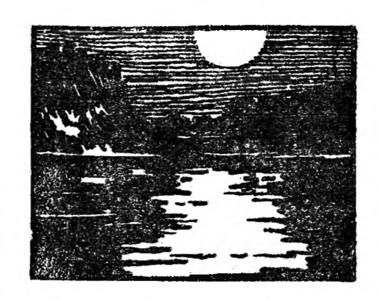
Тебя волнует лишь минутный пыл,
Меня — тепло душевного накала.
Ты не поймешь, как много я любил...
А ты, мой друг, любил обидно мало.

* * *

Веков земли не сосчитать.
Земля давно стара.
Но все ж не хочет остывать
Внутри ее жара.

Непостижимая уму,
Она глубины жжет.
Как знать, быть может, потому
И человек живет.

Сумей и ты сберечь в себе,
Старению назло,
Так людям нужное в борьбе
Душевное тепло.

КСЕНИЯ НЕКРАСОВА

* * *

Сгущались сумерки в садах,
и небо
синее, как папиросная бумага,
натянутая на обруч горизонта,
на яблоневый снежный цвет,
бросало тень...

Ах, эти яблони в цвету
у белых хат...
Их ветви в лепестках
напоминают мне Урал,
засыпанный сугробами,
увязнувший в снегах.

Да, был вечер,
Без слов, без звуков.
Лежала дума на челе
спокойной тишины.
О чем?

Не надо слов.
Имей большое сердце,
И ты поймешь величие полей,
величие земли.

Косились в сторону
из окон огоньки,

и в их лучах,
как слезы ребятишек,
роняли ветви наземь
свои вишневые цветы.

ПЕСЕНКА

Посмотрите-ка в окошко:
лошадь с белою звездой,
с черной гривой под дугой
на базар везет картошку
по колхозной мостовой.

От веселья, словно роза,
вся от воздуха пышна,
возвышалась над конями
бригадирша из колхоза.
И, крутя над головою
конопляною вожжей,
взор бросает соколиный
вдоль по улице рябинной.

Сам колхозный председатель
бригадирше на базар
эту лошадь запрягал.
Сам ворота открывал.

И проехала телега,
восхищенье оставляя,—
переглядывались бабы,
вслед телеге улыбались.

У базара над садами
песни в воздухе играли,
и рябиновые листья
тихо под ноги слетали.

О ХУДОЖНИКЕ

Р. Ф.

Сколько рождений
дано человеку,
а сколько прожито лет!

Каждый год
рождается вновь —
из весны,
из травы,
из небес человек.
И нет насыщения жизнью,
и хоть сто раз
на земле живи:
утоления нет рукам,
наглядения нет глазам.
В Замоскворечье живет
живописец
Роскошнейшие убранства
от купола
до половиц
неостывающими светилами
мерцают из тихих рам.
А в комнате нет ковра,
сосновый в комнате пол,
и стул один,
и кресло одно,
и железная печка
в своем уголке
как вздохнет,
и падает оранжевый цветок
из золотистой гортани
на пол,
на вещи темные
роняя лепестки.
И отгадки бытия
стоят, прислонясь к стене,—
рисунком внутрь
и холстом на свет.
Люблю в пристанище я это
заходить,
под крышей этой
забываю я
и горести, и странности мои.
Сходились юноши сюда
с неуспокоенной душою,
седые женщины
с девичьими глазами
и убеленные снегами
художники,

постигшие и страны, и моря.
Но жизнь, как в молодости
тайной,
вся нераскрытием полна.
Вот Азия стоит на полотне:
день пройденный и заключенный в раму.
А поперек небес
коричневый, безлиственный
сучок,
и белые цветы
на узловатых сгибах.
И всюду тишина,
и синева,
и воздуха стеклянные отливы.
И все — от неба до земли
и от людей до птиц —
все жить и жить
для голубых глубин,
для взлета дум
в нетленные теченья.
Картину унесли.
Но веянье весны
еще касалось лиц.
В Замоскворечье живет
живописец.
Этаж на этаж
и еще раз этаж,
и чердак,
а в крыше окно.
А в стенах нету окна,
и плывет, и плывет звезда
с небес к стеклу
чердака.

ДНЕВНОЕ КИНО В БУДНИ

Перед началом сеанса —
играли скрипки.
И абажуры на блестящих ножках
алели изнутри,
как горные тюльпаны.
Старушки чопорно под абажурами сидели
и кушали халву по дедовской старинке —

чуть отодвинув пальчик от руки,
и на груди у них желтели кружева
и бантики из лент,
что отмерцали на земле.
А девушки без рюшей и без кружев,
лишь с ободками нежных крепдешинов —
вкруг смуглых шей,
чуть набок голову склонив
и глаз кокетливо скосив,
мороженое
в вафельных стаканах
откусывали крупными кусками
и, не жуя, глотали льдистые куски.
А скрипки все тихонечко играли,
и люди молча отдыхали,
и красные тюльпаны зажигали
по залу
венчики огней,
и толстый кот
ходил между рядами,
поставив знаком восклицания
пышный хвост.

* * *

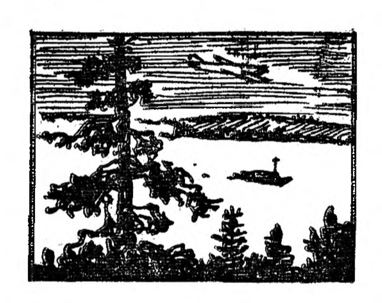
Я сижу
перед белой бумагой,
и слова из нержавеющего сплава,
словно глину,
мну в черновиках.
Свечка оплыла и поседела,
над окном звезда сгорела...
Чья-то дружба с жизнью порвалась.

ЛЮБА

У женщины русской
свое отношение к травам:
девчонкам они заменяют
игрушки,
а девушки наши
венки и короны

сплетают из листьев зеленых,
А матери
моют и лечат
травою ребенка.
А мудрые бабки
целебность корней травяных
постигают.

А моя современница Люба
рисовала цветы на фарфоре.
Пять лепестков
и незабудки голубые;
и в каждом лепестке —
из синего черта́,
и солнце желтое
на донышке цветка,
и в каждом солнце
точка из багрянца.
И сердцем листья
травяного цвета
на золотистых стеблях.
И может,
взгляд тоскующий
на дальней на чужбине
посланник наш
или матрос
на травы русские на чайнике
уронит за вечерним чаем —
и вот прихлынет к сердцу странника
родины прекрасное лицо.

БУЛАТ ОКУДЖАВА

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ МАРШ

Надежда, я вернусь тогда, когда трубач отбой сыграет,
когда трубу к губам приблизит и острый локоть отведет.
Надежда, я останусь цел: не для меня земля сырая,
а для меня твои тревоги и добрый мир твоих забот.

Но если целый век пройдет, и ты надеяться устанешь,
Надежда, если надо мною смерть распахнет свои крыла,
ты прикажи — пускай тогда трубач израненный
привстанет,
чтобы последняя граната меня прикончить не смогла.

Но если вдруг когда-нибудь мне уберечься не удастся,
какое б новое сраженье ни покачнуло шар земной,
я все равно паду на той, на той далекой,
на Гражданской,
и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча
надо мной.

ПОЛНОЧНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний, случайный.

Последний троллейбус, по улице мчи,
верши по бульварам круженье,
чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи
крушенье, крушенье.

Полночный троллейбус, мне дверь отвори!
Я знаю, как в зябкую полночь
твои пассажиры — матросы твои
приходят на помощь.

Я с ними не раз уходил от беды,
я к ним прикасался плечами.
Как много, представьте себе, доброты
в молчанье, в молчанье.

Последний троллейбус плывет по Москве,
Москва, как река, затухает,
и боль, что скворчонком стучала в виске,
стихает, стихает...

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

В КИНО

В колхозе, в кино, на экране
Кварталы Берлина горят,
Смертельною пулей ранен,
Споткнулся на крыше солдат.

Мальчишки скорбят и тоскуют
У самой стены на полу,
И им бы вот так же, рискуя,
Бросаться в огонь и во мглу;

Взбираться на купол покатый
(Полотнище флага в огне)
И мстить за таджика-солдата,
Как будто за старшего брата,
Который погиб на войне.

Механики и полеводы
В шинелях сидят без погон,
Они вспоминают походы,
А зал в полутьму погружен.

И, как на сошедших с экрана
Лихих легендарных солдат,
Украдкою на ветеранов
Притихшие жены глядят.

Стучит, как кузнечик железный,
Поет в тишине аппарат.

И вот над дымящейся бездной
Встает на рейхстаге солдат.

Взметнулось полотнище флага,
И, словно его водрузил,
Встает инвалид, что рейхстага
Не брал, но медаль «За отвагу»
Еще в сорок первом носил.

Огни зажигаются в школе,
В раскрытые окна плывет
Прохлада широкого поля...
На шумный большак из ворот
Полуторка медленно едет,
Мальчишки за нею бегут.
Кинопередвижку в «Победе»
Давно с нетерпением ждут.

Заката багровые флаги,
И дымный туман над рекой;
Герои Берлина и Праги
С экрана уходят домой.

ЭКЗАМЕН

Побывал я в клубе армейском,
Не бывал я там целый век.
Принимало меня семейство,
Может, в тысячу человек.

«Встать!» — и ветер прошел по залу,
Мне ж хотелось сказать: «Садись».
Повстречали меня сначала,
Будто гость я, а не танкист,

Будто я не того же братства,
Жженый, стреляный, фронтовой,
И неловко мне было в штатском
Проходить сквозь солдатский строй.

На широкой тесовой сцене
Бархат прошелестел и смолк.
И в какое-то вдруг мгновенье
Я припомнил гвардейский полк.

Будто в прошлое настежь двери,
И друзей голоса в ответ:
«Что ж, послушаем и проверим —
Стихотворец ты или нет.

Почитай, мы примем экзамен...»
И читал я им у костра
Под открытыми небесами
Возле Мги стихи до утра.

Снова мне танкисты не верят
И глядят, прищурясь, вослед:
«Что ж, послушаем и проверим —
Ты на деле танкист или нет...»

Нужно им доказать стихами,
Что я брал в сорок третьем Мгу,
Что прицелом и рычагами,
Словно рифмой, владеть могу...

Зал откашлялся, смолкнул, замер...
Понял я: лишь спустя семь лет,
Вот сейчас я держу экзамен —
Стихотворец я или нет.

* * *

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не видавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв.

На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не ценя,
Не слушая песенку птицы,
Что встала у солнца звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
«Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу,—
Не поздно пока еще, друг».

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал,

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила как чудо,
Когда умолкала гроза,
Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

НОЧЬЮ В КАЗАРМЕ

От полов непросохших, до блеска надраенных,
Холодок поднимается, как от реки.
Ходит с саблей дежурный над снами хозяином.
В пирамиде луна побелила штыки.
Спят, вернувшись с наряда, стрелки,
пулеметчики.
Сладок сон им, как дома родного дым,
Спят, подсунув ладони озябшие под щеки.
На подушках, набитых сенцом молодым.
Подобревшие лица и губы упрямые
Близким отблеском юности озарены.
Есть в нем домик с березкой и старою мамою,
Снятся ночью солдатам гражданские сны.
В этой комнате, если б могли, мы увидели
Реки, горы, долины, дороги в пыли,
Слесарей, трактористов, веселых строителей,
Мирных жителей — добрых хозяев земли.

ТИШИНА

Тишина на границе такая, что слышится,
Как залетная птаха присела на куст
И упругая ветка под нею колышется,
Дождь вчерашний роняя, как пригоршню бус.
Тишина на границе такая, что где-то
В речке окунь плеснет, ветер дальний
пройдет,—
Слышат все пограничники в строгих
секретах —
Молодой, но проверенный в деле народ.

Тишина на границе такая, что слышится,
Если за морем вдруг шевельнется война,
Как в порту под пехотою трапы
колышутся —
Вот какая стоит на границе у нас тишина!

* * *

Человеку холодно без песни.
На земле, открытой всем ветрам,

Я не знаю: в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам;

Песни на земле не сочиняют,—
Просто рота городом пройдет,
Просто девушки грустят, мечтают,
Да гармошку кто-то развернет.

Белая береза отряхнется,
Встанет под окошками в селе,
Сердце чье-то сердцу отзовется,—
И поется песня на земле.

Как лесам шуметь, рождаться людям,
Ливням плакать, зорям полыхать —
Так и песня вечно в мире будет,
И ее не надо сочинять.

РОДИНА

Россия — Родина моя,
Холмы, дубравы и долины,
Грома морей и плеск ручья,
Прими, Россия, слово сына!

Ты стала всем в моей судьбе,
А мне за жизнь свою, признаться,
Как к матери, в любви к тебе
Не доводилось объясняться.

Я только помню черный пал
И полк коленопреклоненный,
Когда он клятвой отвечал
В беде на твой призыв священный.

Я только помню тех ребят —
Безусых, синеглазых, русых
Что под звездой фанерной спят
В лесах у Мги и Старой Руссы.

Россия — Родина моя!
Есть на земле края иные,
Где шум лесов и звон ручья
Почти такие ж, как в России.

Но небу одному равна
Над головой своей по шири,
Ты первой названа, страна,
Надеждой мира в целом мире.

Россия — Родина моя!
Цвет знамени, цвет ржи, цвет неба —
В них слава древняя твоя
Взлетает с новою на гребень...

В густой траве осколки звезд,
Средь утренней червленой сини
Огонь рябин и снег берез,
Плотин бетонные твердыни...

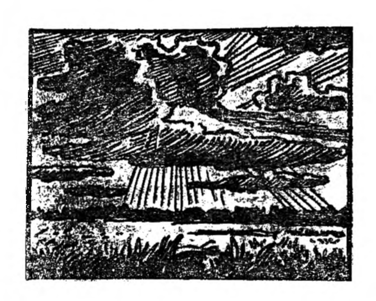
Я гением горжусь твоим,
Что с правдою навек сроднился,
И ты славна уж тем одним,
Что Ленин у тебя родился,
Что всем народам ты своя,
Россия — Родина моя!

* * *

Голос первой любви моей — поздний,
напрасный —
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
И звучит до сих пор обещанием счастья.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горящей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем
умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первых губ, как ожог, не стереть...
А года пролетели, их, как горы, не
сдвинуть.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

СЕРГЕЙ ОСТРОВОЙ

ЖДИ СОЛДАТА

Ой, красивы над Волгой закаты...
Ты меня провожала в солдаты.
Руку жала,
Провожала,
Провожала,
Провожала...
Под густой, под заветной сосною
Ты до звезд простояла со мною.
Помнить буду,
Не забуду,
Не забуду,
Не забуду...
Застучали по рельсам колеса,
Ты рукой мне махнула с откоса.
Ширь степная,
Даль без края,
Даль без края,
Даль без края...
Ты подружкой солдатской зовешься,
Значит, верю, меня ты дождешься.
Ждать ты станешь,
Не обманешь,
Не обманешь,
Не обманешь...
У солдата суровая служба,
Так нужна ему девичья дружба!

Чем нежнее,
Тем нужнее,
Тем нужнее,
Тем нужнее...
О подружке моей чернобровой
Знают все в нашей роте стрелковой.
Наша рота,
Эх, пехота,
Эх, пехота,
Эх, пехота...
Я родную страну охраняю,
Ты дождешься солдата, я знаю!
Помни свято —
Жди солдата,
Жди солдата,
Жди солдата...

ЗИМА

У леса на опушке
Жила Зима в избушке.
Она снежки солила
В березовой кадушке.
Она сучила пряжу,
Она ткала холсты,
Ковала ледяные
Над реками мосты.

Потолок ледяной,
Дверь скрипучая,
За шершавой стеной
Тьма колючая,
Как шагнешь за порог —
Всюду иней,
А из окон парок
Синий-синий...

Ходила на охоту,
Гранила серебро,
Сажала тонкий месяц
В хрустальное ведро,
Деревьям шубы шила,
Торила санный путь,

А после в лес спешила
В избушке отдохнуть.

Потолок ледяной,
Дверь скрипучая,
За шершавой стеной
Тьма колючая,
Как шагнешь за порог —
Всюду иней,
А из окон парок
Синий-синий...

ЛЕВ ОШАНИН

ЛЕНИН ВСЕГДА С ТОБОЙ

День за днем бегут года —
Зори новых поколений,
Но никто и никогда
Не забудет имя — Ленин.

Ленин всегда живой
Ленин всегда с тобой —
В горе, в надежде и радости,
Ленин в твоей весне,
В каждом счастливом дне,
Ленин в тебе и во мне.

В давний час, в суровой мгле,
На заре Советской власти
Он сказал, что на земле
Мы построим людям счастье.

Мы за партией идем,
Славя Родину делами,
И на всем пути большом
В каждом деле Ленин с нами.
Ленин всегда живой,
Ленин всегда с тобой —
В горе, в надажде и радости,
Ленин в твоей весне,

В каждом счастливом дне,
Ленин в тебе и во мне.

ПЕСНЯ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ

У московских студентов горячая кровь,
Неподкупные души и светлые лица,
От сибирских снегов,
От днепровских садов
Собрались мы в твои общежитья, столица.

Африканских, кубинских, вьетнамских парней
Ты найдешь среди наших московских студентов.
Здесь ты встретишь друзей
Из-за гор и морей —
С четырех, а быть может, с пяти континентов.

Нам студенческих песен вовек не забыть.
Наш московский закон понесем мы по свету:
Коль дружить, так дружить,
А любить, так любить
Горячей и нежней, чем Ромео Джульетту.

От весеннего ветра звенит голова,
Разбежались бульваров зеленые ленты.
Здравствуй, наша Москва,
Молодая Москва,
Здравствуй, лучшая в мире столица студентов!

ПЕСНЯ О ТРЕВОЖНОЙ МОЛОДОСТИ

Забота у нас простая,
Забота наша такая —
Жила бы страна родная,
И нету других забот!

И снег, и ветер,
И звезд ночной полет...
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет.

Пускай нам с тобой обоим
Беда грозит за бедою,
Но дружба моя с тобою
Лишь вместе со мной умрет.

Пока я ходить умею,
Пока глядеть я умею,
Пока я дышать умею,
Я буду идти вперед!

И так же, как в жизни каждый,
Любовь ты встретишь однажды,—
С тобою, как ты отважна,
Сквозь бури она пойдет.

Не думай, что все пропели,
Что бури все отгремели.
Готовься к великой цели,
А слава тебя найдет!

И снег, и ветер,
И звезд ночной полет...
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет.

БОРИС ПАСТЕРНАК

* * *

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней
До сердцевины.

Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.

О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.

О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.

Я вывел бы ее закон,
Ее начало

И повторял ее имен
Инициалы.

Я б разбивал стихи, как сад.
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.

В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.

Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, рощ, могил
В свои этюды.

Достигнутого торжества
Игра и мука —
Натянутая тетива
Тугого лука.

* * *

Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.

И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг.
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.

И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только — до конца.

ЕВА

Стоят деревья у воды,
И полдень с берега крутого
Закинул облака в пруды,
Как переметы рыболова́.

Как невод, тонет небосвод,
И в это небо, точно в сети,
Толпа купальщиков плывет —
Мужчины, женщины и дети.

Пять-шесть купальщиц в лозняке
Выходят на берег без шума
И выжимают на песке
Свои купальные костюмы.

И наподобие ужей
Ползут и вьются кольца пряжи,
Как будто искуситель-змей
Скрывался в мокром трикотаже.

О женщина, твой вид и взгляд,
Ничуть меня в тупик не ставят.
Ты вся — как горла перехват,
Когда его волненье сдавит.

Ты создана как бы вчерне,
Как строчка из другого цикла.
Как будто не шутя во сне
Из моего ребра возникла.

И тотчас вырвалась из рук
И выскользнула из объятья,
Сама — смятенье и испуг
И сердца мужеского сжатье.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Недотрога, тихоня в быту,
Ты сейчас вся огонь, вся горенье.
Дай запру я твою красоту
В темном тереме стихотворенья.

Посмотри, как преображена
Огневой кожурой абажура
Конура, край стены, край окна,
Наши тени и наши фигуры.

Ты с ногами сидишь на тахте.
Под себя их поджав по-турецки.
Все равно, на свету, в темноте
Ты всегда рассуждаешь по-детски.

Замечтавшись, ты нижешь на шнур
Горсть на платье скатившихся бусин.
Слишком грустен твой вид, чересчур
Разговор твой прямой базыскусен.

Пошло слово любовь, ты права,
Я придумаю кличку иную
Для тебя я весь мир, все слова,
Если хочешь, переименую.

Разве хмурый твой вид передаст
Чувств твоих рудоносную залежь.
Сердца тайно светящийся пласт?
Ну так что же глаза ты печалишь?

КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ

Большое озеро, как блюдо.
За ним — скопленье облаков,
Нагроможденных белой грудой
Суровых горных ледников.

По мере смены освещенья
И лес меняет колорит,
То весь горит, то черной тенью
Насевшей копоти покрыт.

Когда в исходе дней дождливых
Меж туч проглянет синева,
Как небо празднично в прорывах,
Как торжества полна трава!

Стихает ветер, даль расчистив.
Разлито солнце по земле.
Просвечивает зелень листьев,
Как живопись в цветном стекле.

В церковной росписи оконниц
Так в вечность смотрят изнутри
В мерцающих венцах бессонниц
Святые схимники, цари.

Как будто внутренность собора
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.

Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою!

ВЕТЕР

(ЧЕТЫРЕ ОТРЫВКА О БЛОКЕ)

Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим,

Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.

Не знал бы никто, может статься,
В почете ли Пушкин иль нет,
Без докторских их диссертаций,
На все проливающих свет.

Но Блок, слава богу, иная,
Иная, по счастью, статья.
Он к нам не спускался с Синая,
Нас не принимал в сыновья.

Прославленный не по программе
И вечный вне школ и систем,
Он не изготовлен руками
И нам не навязан никем.

Он ветрен, как ветер. Как ветер,
Шумевший в имении в дни,
Как там еще Филька-фалетер[6]
Скакал в голове шестерни.

И жил еще дед якобинец,
Кристальной души радикал,
От коего ни на мизинец
И ветренник внук не отстал.

Тот ветер, проникший под ребра
И в душу, в течение лет
Недоброю славой и доброй
Помянут в стихах и воспет.

Тот ветер повсюду. Он — дома,
В деревьях, в деревне, в дожде,
В поэзии третьего тома,
В «Двенадцати», в смерти — везде.

Широко, широко, широко
Раскинулась речка и луг.
Пора сенокоса, толока,

[6] Форейтор — в старом народном произношении.

Страда, суматоха вокруг.
Косцам у речного протока
Заглядываться недосуг.

Косьба разохотила Блока,
Схватил косовище барчук.
Ежа чуть не ранил с наскоку,
Косой полоснул двух гадюк.

Но он не доделал урока,
Упреки: лентяй, лежебока!
О, детство! О, школы морока!
О, песни пололок и слуг!

А к вечеру тучи с востока.
Обложены север и юг.
И ветер жестокий не к сроку
Влетает и режется вдруг
О косы косцов, об осоку,
Резучую кущу калук.

О, детство! О, школы морока!
О, песни пололок и слуг!
Широко, широко, широко
Раскинулись речка и луг.

Зловещ горизонт и внезапен
И в кровоподтеках заря,
Как след незаживших царапин
И кровь на ногах косаря.

Нет счета небесным порезам,
Предвестникам бурь и невзгод,
И пахнет водой, и железом,
И ржавчиной воздух болот.

В лесу, на дороге, в овраге,
В деревне или на селе,
На тучах такие зигзаги
Сулят непогоду земле.

Когда ж над большою столицей
Край неба так ржав и багрян,
С державою что-то случится,
Постигнет страну ураган,

Блок на небе видел разводы.
Ему предвещал небосклон
Большую грозу, непогоду,
Великую бурю, циклон.

Блок ждал этой бури и встряски.
Ее огневые штрихи
Боязнью и жаждой развязки
Легли в его жизнь и стихи.

ДОРОГА

То насыпью, то глубью лога,
То по прямой за поворот
Змеится лентою дорога
Безостановочно вперед.

По всем законам перспективы
За придорожные поля
Бегут мощеные извивы,
Не слякотя и не пыля.

Вот путь перебежал плотину,
На пруд не посмотревши вбок,
Который выводок утиный
Переплывает поперек.

Вперед то по́д гору, то в гору
Бежит прямая магистраль,
Как разве только жизни впору
Все время рваться вверх и вдаль.

Чрез тысячи фантасмогорий
И местности и времена,
Через преграды и подспорья
Несется к цели и она.

А цель ее в гостях и дома —
Все пережить и все пройти,
Как оживляют даль изломы
Мимоидущего пути.

В БОЛЬНИЦЕ

Стояли, как перед витриной,
Почти запрудив тротуар.
Носилки втолкнули в машину.
В кабину вскочил санитар.

И скорая помощь, минуя
Панели, подъезды, зевак,
Сумятицу улиц ночную,
Нырнула огнями во мрак.

Милиция, улицы, лица
Мелькали в свету фонаря.
Покачивалась фельдшерица
Со склянкою нашатыря.

Шел дождь, и в приемном покое
Уныло шумел водосток,
Меж тем как строка за строкою
Марали опросный листок.

Его положили у входа.
Всё в корпусе было полно.
Разило парами иода
И с улицы дуло в окно.

Окно обнимало квадратом
Часть сада и неба клочок.
К палатам, полам и халатам
Присматривался новичок.

Как вдруг из расспросов сиделки,
Покачивавшей головой,
Он понял, что из переделки
Едва ли он выйдет живой.

Тогда он взглянул благодарно
В окно, за которым стена
Была точно искрой пожарной
Из города озарена.

Там в зареве рдела застава
И, в отсвете города, клен

Отвешивал веткой корявой
Больному прощальный поклон.

«О господи, как совершенны
Дела твои,— думал больной,—
Постели, и люди, и стены,
Ночь смерти и город ночной.

Я принял снотворного дозу
И плачу, платок теребя.
О боже, волнения слезы
Мешают мне видеть тебя.

Мне сладко при свете неярком,
Чуть падающем на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным твоим сознавать.

Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты держишь меня, как изделье,
И прячешь, как перстень, в футляр».

ПОСЛЕ ВЬЮГИ

После угомонившейся вьюги
Наступает в округе покой.
Я прислушиваюсь на досуге
К голосам детворы за рекой.

Я, наверно, не прав, я ошибся,
Я ослеп, я лишился ума.
Белой женщиной мертвой из гипса
Наземь падает навзничь зима.

Небо сверху любуется лепкой
Мертвых, крепко придавленных век.
Все в снегу: двор и каждая щепка,
И на дереве каждый побег.

Лед реки, переезд и платформа,
Лес и рельсы, и насыпь, и ров
Отлились в безупречные формы
Без неровностей и без углов.

Ночью, сном не успевши забыться,
В просветленьи вскочивши с софы,
Целый мир уложить на странице,
Уместиться в границах строфы.

Как изваяны пни и коряги,
И кусты на речном берегу,
Море крыш возвести на бумаге,
Целый мир, целый город в снегу.

* * *

Тени вечера волоса тоньше
За деревьями тянутся вдоль.
На дороге лесной почтальонша
Мне протягивает бандероль.

По кошачьим следам и по льдинам,
По кошачьим и лисьим следам
Возвращаюсь я с пачкою писем
В дом, где волю я радости дам.

Горы, страны, границы, озера,
Перешейки и материки,
Обсужденья, отчеты, обзоры,
Дети, юноши и старики.

Досточтимые письма мужские!
Нет меж вами такого письма,
Где свидетельства мысли сухие
Не выказывали бы ума.

Драгоценные женские письма!
Я ведь тоже упал с облаков.
Присягаю вам ныне и присно:
Ваш я буду во веки веков.

Ну, а вы, собиратели марок!
За один мимолетный прием,
О, какой бы достался подарок
Вам на бедственном месте моем!

ЕДИНСТВЕННЫЕ ДНИ

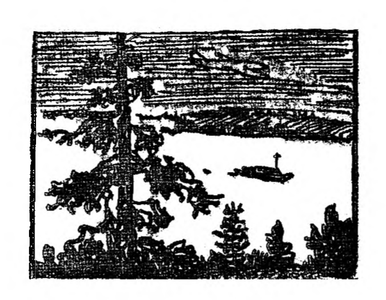
На протяженье многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.

И целая их череда
Составилась мало-помалу —
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.

Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,
Дороги мокнут, с крыш течет,
И солнце греется на льдине.

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

СЕРГЕЙ ПОДЕЛКОВ

* * *

Слов много для хулы, им несть числа,
алмазов меньше в кимберлитской жиле;
опять нас, друг, исподтишка хулили,
забота недругов подстерегла...

Ответить тем же? Нет, наоборот.
Желанье опять душой овладевает:
чужая злоба нас обогревает,
чужая зависть силу нам дает.

* * *

На холм, хоть трудно, но взойду,
сред кочек топи — шаг неверен.
Среди друзей — я на виду,
среди врагов — всегда потерян.

* * *

Мне так тебя недостает,
что, кажется, я упаду до срока,
как дерево, лишенное щедрот.
земли, ее живительного сока;
что из души ушло тепло,
в ней пустота — и мысль любая канет,
как будто время выгрызло дупло:
беда подует — и меня не станет...

* * *

Как ни суди и ни ряди, мой друг,
боюсь эстрадной славы — модной, спорой;
язык народа,
зрение и слух
державные — поэзии — опорой.

Как лес листву, на солнце и во мгле,
слова коплю,
мысль роется в столетье...
Чем глубже корни дерева в земле,
тем выше ствол, раскидистее ветви.

НАПУТСТВИЕ

Спи!
Возникший из тайны азбучной,
удивительный наш и маленький,
ты не найден в печурке сказочной,
не отыскан ты в коноплянике.
Что ни делается — во здравие
лишь твое, капризная ижица,
ты покамест судьбы заглавие,
содержанье потом напишется.
Да, события позовут еще...
Но каким же ты выйдешь на люди?
Я хочу, чтоб по жизни будущей
не скользил бы ты, как по наледи,
не вздыхали бы вслед, не охали,
не тащилась злоречья репица:
«Схож с бессильем желтым картофеля,
проращенного на погребице».
Время — знаешь, не впрок лишь слуху,
время — сил накопленье, кровный мой,
жизнь встречай подобно подсолнуху,
что стоит с головой коронованной.
Понимаю,— растем не сразу мы...
Все ж хочу представить заранее
сердце — щедрым, а небо разума —
в грозах, в звездах, в сиянии.
Будь с людьми!
И сказать тут вправе я:

радость — в складчину,
горе — в складчину,
чтоб не съело душу тщеславие,
как съедает железо ржавчина,
чтоб не вымерзли твои помыслы,
будто лужа при первом заморозке.
Будь с людьми,—
так с нивой цвесть колосу,
так с волнами волне плыть взаплески.
Никого бедой не испытывай,
рядом с горем не празднуй оргии,
на чужой урожай не рассчитывай,
сам пиши
сам и сей,
сорняки сам выдергивай.
И тогда на душе развёдрится,
и — ни облачка опасения,
и любая напасть развеется,
как листва на ветру осенняя;
и откроется даль просторная,
и глаза твои распогодятся,
и печаль разойдется в стороны,
Как круги по воде расходятся;
и поднимется настроение,
будто жаворонок в небо раннее...

Вижу тихое, как сновидение,
в колыбели повествование!

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

МЫ — РОВЕСНИКИ ВЕКА

Мы — ровесники века, как все, в наступленье.
Горе кануло в море, не стало невзгод.
Озарил нашу юность в семнадцатом Ленин,
А когда стали старше, повел нас в поход.

И пошли мы за ним по снегам и в метели,
Нерушимою клятвой мы ему поклялись,
Кумачевые ленты на папахах зарделись
Пятикрылые звезды на шлемах зажглись.

И когда к океану принесли наше знамя,
То его развернула Победа над нами.

ПО МОРЮ ГУЛЯЕТ

Я б родимый дом покинул,
Чтобы море увидать!
Из песни.

По морю гуляет казак молодой,
Казачка-морячка идет за водой.

Туда по тропинке проходит она,
Где волго-донская вскипает волна.

Где алые зори на море степном,
Где тонут закаты под самым окном!

Где гаснет закат, нет, не гаснет, горит...
Казачке казак молодой говорит:

«Казачка, мы были с тобой степняки,
А стали теперь навсегда моряки.

Чтоб море увидеть, чтоб на море стать,
Не надо, казачка, свой дом покидать.

Куда ни пойди и куда ни ступи,
Шумит наше море в родимой степи.

С ним служба и дружба, на нем я найду
Матросскую долю в казацком роду.

В казацкой станице, в казацком краю
Уж где-то мне шьют бескозырку мою!»

По морю гуляет казак молодой,
Казачка-морячка идет за водой.

ЗЕЛЕНАЯ РОЩА

Увидев в степи небывалое дело,
Зеленая роща всю ночь прошумела.

К ней хлынули трели веселые птичьи,
Везде зазвенели запевки девичьи..

Зеленая роща, зеленая роща
Увидела воду большую воочью.

Увидела воду, что мчалась потоком,
Могучим потоком, рекою, потопом!

Зеленая роща, зеленая роща,
Вода тебе снилась весеннею ночью.

И ты каждый раз в ней стояла по плечи,
Вела с нею речь на зеленом наречье!

«Зеленою рощей» поселок зовется,
«Зеленая роща» поет и смеется!

ЛЕСНИК

Степь. Такую встречаешь лишь раз на веку,
Но привычно в степи проживать леснику.
Настоящее дело, настоящая доля:
Сотен восемь гектаров лесов по раздолью!

И бывает, что песенку он заведет
Там, где брызжет акация пеной.
Он идет по тропинке, он лесом идет,
Хоть ему этот лес по колено!

Но дубки поднимаются.
Крепнут дубки.
Зеленеет лесная опушка.
Вьется речка степная,
звенят родники,
И кукует степная кукушка.

Лес густой, хоть недавно в степи он возник,—
С каждым днем он становится краше.
Как при доме — хозяин, при лесе — лесник.
Всем известно, в обычае нашем,

И проходит лесник по степной стороне,
Где полынь да чабрец только были.
Одностволка привычно висит на ремне,
Сапоги побелели от пыли.

А обычно лесник на своем дончаке
До закатного солнца с рассвета,
А судьба у него, как поводья,— в руке,
А дубков у него на полсвета!

РАЗЛИВ

Олька с березой. Вновь олька с березой.
Осинки никнут, ветви наклонив,
Да лютики, сбегающие к плесу,

Да кое-где полянки.
Вот — Разлив...
Но здесь был Ленин!
Сразу, с той минуты,
Как стал на эту землю он,—
тогда
Стена берез, поднявшаяся круто,
Закрыла тропы, что вели сюда.
И не было сюда ищейкам хода
Ни вброд, ни вплавь, ни даже как-нибудь!
И лишь любовь великая народа
От всех врагов оберегала путь,
Который позже вел нас через горы,
Пролег через сердца и нес грома,—
Великий путь, единственный, которым
Ходила Революция сама!

АЛЕНУШКА

Пруд заглохший весь в зеленой ряске,
В ней тростник качается, шумит.
А на берегу, совсем как в сказке,
Милая Аленушка сидит.

Прост венок, а нет его красивей,
Красен от гвоздик, от лилий бел,
Тополиный пух на платье синем,
С тополиных рощ он прилетел.

С берега трава, врываясь буйно,
Знать не хочет, что мертва вода,
И цветет дурман- цветком багульник
Рядом, у заглохшего пруда.

Но кукушка на сосне кукует
И тропинка к берегу ведет,
Солнце щедро на воду такую
Золотые обручи кладет.

МЕТЕЛЬ

Не стихая несколько недель,
Ходит, ходит по земле метель.

Золотая — лютики горят —
Налетает пять недель подряд!

Голубая с белою вдвоем
Ходят вместе на лугу моем,

Там, где крылья вольно распростер
Иван-чая розовый костер,

Там, где ты стоишь среди травы,
Вся в метели, с ног до головы.

У ОКОЛИЦЫ

Поднимался, опускался,
Все закрыл туман.
Целый вечер заливался
Про любовь баян.

Песни, вырвавшись из плена,
Заняли сады,
Баянист самозабвенно
Трогал всё лады.

Разломала все преграды
Вешняя вода...
Мне не надо бы, не надо
Приходить сюда.

Мне бы эту непогоду
Дома переждать
Иль поодаль бы, поодаль
От баяна стать.

* * *

Тяжелые, словно литые,
Метнув за раскатом раскат,
Балтийские волны седые
Летят далеко за Кронштадт

И русские наши твердыни,
За грозный кронштадский гранит,

Который и раньше и ныне
Матросскую доблесть хранит.

Она поднялась на просторе,
На яром таком рубеже...
Бушует Балтийское море,
И ветер ему по душе,

Что ходит хозяином полным,
В пучину тряхнув серебро.
Летите, балтийские волны,
Кронштадт говорит вам: «Добро!»

* * *

Как расцвели на Марсовом цветы,
Как засверкало все, затрепетало.
Такой непобедимой красоты
Не знало это поле, не видало.

До плит гранитных катится прибой
Там братья спят, что волю отстояли.
Положено великою борьбой,
Чтобы цветы гранит здесь обрамляли.

Цветы у нашей родины в чести.
Положено священным нашим правом:
Не умирать им, а цвести, цвести,
Как розам, у подножья нашей славы!

Я ИДУ ПО ДОРОГЕ

Я иду по дороге от моря до моря,
Я иду по дороге, купаясь в просторе,
В том, что снится ночами,
что вижу воочию:
В тополиных,
сосновых,
березовых рощах,
В тех, что гаем зовут на моей Украине
И которые встали при широкой долине.
При широкой долине» — многих песен начало,
Что раздольно, по-русски звучит и звучало.

«При широкой долине» — я пою на дороге,
Замирает душа от чудесной тревоги,
От просторов, которым нет края, нет края,
От такого,
чему и названья не знаю!
Я иду по дороге, захваченной синью,
Я иду по дороге
и вижу Россию!

ПРИЗНАНИЯ

Признаюсь, что ошибок своих не предвидел,
Признаюсь, что кого-то когда-то обидел,
Признаюсь, что годами не знаю покоя,
Признаюсь — это мало меня беспокоит.
Признаюсь, что друзей нажил мало, до крайности мало
Что с плохими расстался, а хороших не стало.
Признаюсь, что в нехватке друзей я виновен,
Потому что темнеют в горячке и сходятся брови.
Признаюсь, что я многое в жизни не видел,
Не того полюбил, а порой не того ненавидел,
Но одно я скажу —
Что не знаю грехов за собою
Пред землей, которой служу
До отбоя!

ДРУГУ

Опять вдохновенье сбежало,
С другими беседу ведет?
Побольше работай, пожалуй,
Тогда не сбежит, а придет.

Оно без волненья не может,
Ему бы бои да бои,
А если их нету, то сложит
Орлиные крылья свои.

А как без него, без опоры?
Совсем, брат плохие дела,
И рифма приходит не скоро,
Метафора еле пришла,

Едва дотащилась, обидно
Такую задачу решать:
Ей надо бы в дом инвалидный,
А просишь стихи украшать!

Но с этим ничтожным мгновеньем
Тебе рассчитаться дано...
«Сбежало,— кричишь,— вдохновенье». —
Работай!
В дороге оно!

ДРУЗЬЯМ

Друзья мои, как сказано, навеки!
По братству и другим большим правам,
Через поля народные и реки
Моя любовь летит навстречу вам.

Она поет, без этого не может,
И, всюду вас приветствуя, друзья,
Она летит до Немана и Сожа
И до Днепра, она — судьба моя.

Ее услышат Янки и Маруси.
Когда она, как ветер, пролетит,
Над ней сверкает солнце Беларуси
И крылья песни гордой золотит.

И я хочу, чтоб на нее упало
Хотя б немного света из того
Сиянья слов, в котором рос Купала,
С которым Колас ведал торжество!

* * *

Я к тебе с певучим словом,
Я с приветом, брат,
Тополиный, тополевый,
Друг мой Ленинград!

Золотистые от зноя,
Встали острова,

Легкой пеной кружевною
Плещется Нева.

Над волною чайка вьется,
Обронив перо...
То ли скатный жемчуг льется,
То ли серебро!..

* * *

...Сердце радо —
Вечно быть с землею Ленинграда,
Вечно ощущать дыханье моря,
Вечно эту землю величать,
Ветру грудь подставить, с ветром споря,
Кончить спор
                    и вновь его начать!
Вечно ощущать хочу отраду
Вашу,
        перелески и поля,
И твою,
            родного Ленинграда
Революционная земля!

МНЕ О РОССИИ НАДО ГОВОРИТЬ...

1

Мне о России надо говорить,
Да так, чтоб вслух стихи произносили,
Да так, чтоб захотелось повторить,
Сильнее всех имен сказать: «Россия!»
Сильнее всех имен произнести,
Сильнее матери, любви сильнее,
И на устах отрадно принести
К поющим волнам, что вдали синеют.

2

Не раз наедине я был с тобой,
Просил участья, требовал совета,
И ты всегда была моей судьбой,
Моей звездой, неповторимым светом.

Он мне сиял из материнских глаз,
И в грудь вошел, и в кровь мою проник,
И если б он в груди моей погас,
То сердце б разорвалось в тот же миг!

3

Среди долины ровные...
Из песни

Сияние небес твоих огромно,
И пусть навеки память сохранит:
Могучий дуб среди долины ровной
Твоей зарей, как лентою, обвит.

И он стоит, величия исполнен,
И смотрит вдаль, и видит дальний путь.
И только шрамы от ударов молний,
Как воину, легли ему на грудь.

4

А сколько молний грудь твою разили!
Не раз, врываясь в дом твой, обнаглев,
Враги кричали: «Кончено с Россией!» —
И узнавали твой, Россия, гнев!

Такой испепеляющий и грозный,
Он так неумолимо налетал,
Что, если б враг тогда метнулся к звездам,
Не избежал бы гибели и там!

5

Вернулясь обратно из Зазвездья...
Ник. Асеев

Уже в Зазвездье красный флаг огнистый.
Подвластно все мозолистым рукам.
Идут с открытым сердцем коммунисты.
Любить тебя — их заповедь векам!

Они несут знамена боевые,
Благоговейно осеняют Русь,
Они клялись беречь тебя, Россия
И я под их знаменами клянусь!

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

1

Весна моя! Ты вся открыта взору,
Тебя, твой облик в сердце сберегу!
Где я ни шел в твоих цветных просторах,
Не думать о тебе я не могу!

И сколько б дум я здесь ни передумал,
И сколько б ни стоял перед мечтой,
Я полонен твоим зеленым шумом,
Твоею статью, русской красотой.

2

Звезда моя! Иду к тебе бесслезно:
Ты высушила слезы навсегда.
Как хорошо, что есть дневные звезды!
Одна из этих звезд — моя звезда!

Ее огонь горит любой порою,
Он озаряет путь не нам одним.
Ее огонь зажжен землей героев,
И он в душе моей неугасим.

3

Любовь моя! В чем признаюсь я ныне,
Давно горело в сердце у меня.
Любовь моя! Души моей святыня,
Всего меня навеки полоня.

Увидела ли ты, какое чудо
В моей груди свершилось этим днем?
А я о нем рассказываю всюду,
Наверно, ты услышала о нем.

4

Оно — что сердца стук, оно — дыханье,
Оно пылает пламенем в крови,
Оно владеет всем моим признаньем
Негаснущей, немеркнущей любви.

Такой необоримой и всевластной,
Такой, что не найти ее светлей,
К тебе, великой, и к тебе, прекрасной,
К тебе, любви и радости моей!

* * *

Что-то отлюбилось, позабылось,
А Земля по-прежнему мила.
Вот она сейчас дождем умылась
И зеленой шалью зацвела.

Звезд огни над шалью замигают,
Заиграет радуга-дуга...
Красоту Земли оберегая,
Мы не раз ходили на врага.

Кто ее нарушить попытался,
Тот увидел в лютом гневе нас.
Я давно с тобой, Земля, братался,
Побратаюсь вновь в который раз!

* * *

О Русь, взмахни крылами!
С. Есенин

Да, есть слова глухие,
Они мне не родня.
Но есть слова такие,
Что посильней огня!

Они других красивей —
С могучей буквой «Р»
Ну, например, Россия,
Россия, например!
Вот истина простая!
Как будто кто-то вдруг
Сберег и бросил стаю
Из самых лучших букв!

Из твердых да из влажных —
И стало чудо жить.
Да разве тле бумажной
Такое совершить?

Наполненное светом,
Оно горит огнем
И гимном слово это
Гремит в стихе моем!

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

Мои друзья летели в бурках
Зимою, в огненной пыли,
И сивки — вещие каурки
Едва касалися земли.

Мои друзья в гнилых болотах
Встречали грудью ярый шквал,
И даже спирт
луженых глоток
Моих друзей не обжигал.

Мои друзья легли на сопках,
В долинах, что горят в цвету.
Моих друзей сжигали
в топках.
Но разве можно сжечь Мечту?

Мои друзья в бои летели
И, хоть у неба на краю,
«Вставай, проклятьем...»
громко пели,
Как песню первую свою.

Она могуществом напева
Срывала крышки у гробов.
И с ней вставал с великим гневом
«Весь мир голодных и рабов».

Кого душил с рожденья голод,
Кто под железной был пятой,
И поднимался серп и молот
Как символ песни той святой!

И с каждым днем вольней и шире
Она раскинула крыла,
И нет, пожалуй, славы в мире,
Чтоб ей в подножье встать могла!

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Промчался день, и ночь упала,
И на земле зажглась звезда
Вокруг «Авроры» закипела
Темно-свинцовая вода.

И кто-то вдруг ее разгладил,
И начался не за горой,
А здесь, в грозовом Петрограде,
Великой эры день второй.

И широко врывался в семьи
В дома его могучий свет,
А чтоб штыки вонзились в землю —
О мире принят был декрет.

Потом летел он через горы,
За перевал, за перевал,—
Ведь тем же днем радист с «Авроры»
Его —
всем! всем! —
передавал.

СО МНОЙ БЫЛА И ЕСТЬ РОССИЯ

1

Я точно знаю, кто впервые
Давным-давно сказал: «Не трусь!»
Тогда сказала так Россия,
Россия...
Если кратко — Русь.
«Смотри! Потом ведь кто-то спросит.
Не трусь, а значит — и не лги,
Тогда друзья в беде не бросят
И побоятся бить враги».

Немало я путей измерил,
Ходил немало по Руси,
Ее напутствию поверив,
А кто не верит — сам спроси:
У тех домов с коньком летящим,
У тополей — в воде по грудь,
У флагов блеклых и горящих
Что осеняли дальний путь.
У тех берез, что мне кивали,
Когда я мимо проходил,
У тех ракит, где на привале
Я воду рек российских пил,
Гостил недолго или долго
У многих мест в родном краю —
Пусть спросят Свирь и спросят Волгу,
А также Ладогу мою.
Мне часто снится камень голый
Иль брат его, что мхом одет.
Спросите Колу — скажет Кола,
И Волхов тоже даст ответ.
Но где б ни шел я, коль спросили б:
«Кто был с тобой?» — отвечу я:
«Со мной была и есть Россия,
Моя весна, любовь моя!
Мне с ней отрадно, я ей верю,
Я так связал с ней бытие,
Что, сколько я еще измерю
Путей —
        зависит от нее!»

2

Я жил за дальними морями —
Была там радость или грусть,
Но в той чужой, заморской яви
Ты мне звездой сияла, Русь!
Сияла светом несказанным,
Как и всегда в моей судьбе.
Я шел по землям иностранным
И думал всюду о тебе.
О чем я думал — все отрадно.
Сказать? Но виза рот кривит!
Что о тебе, то — пропаганда!

А думать кто мне запретит!
На думы, друг мой, нет запрета,
А как хотели бы враги!
Но есть страна, что на полсвета
Свои раскинула стяги!
Она идет в защиту бедных,
Она для недругов — грозой.
И всплеск ее знамен победных
Подобен всплеску алых зорь!
Она в расцвете несказанном,
И равных нет ее судьбе!
...Я шел по землям иностранным
И думал всюду о тебе.
О той большой, многоголосой
Сейчас рассказывать берусь,
О той красе русоволосой,
Что называют кратко — Русь!
О той великой, беспредельной,
Где каждый — друг и каждый —
брат,
Где каждый парень — парень
дельный
Где что ни девушка — то клад!
О той, что, жаром рук согрета,
Идет в сиянье ярком дня,
Что разметнулась на полсвета
И вся на сердце у меня!

* * *

Закат налился темной кровью,
И потемнела бирюза.
Сначала было предгрозовье,
Потом как грянула гроза!

Белым-бело от молний стало,
Совсем исчезла синева,
И засучила, закатала
Гроза по локоть рукава!

И ветер шел, глаза зажмурив,
И низко-низко тучи гнал.
И в нем немало было дури,
А сколько точно, он не знал!

Гроза промчалась, лишь раскаты
Гремели где-то за Невой,
Как будто мчались вихрем сваты
Совсем разбитой мостовой!

* * *

Опять кострами иван-чая
Мои отмечены пути,
Опять за нашими плечами
Успело лето отцвести.

Опять ушло оно за снами,
Куда орел не залетал.
Опять за всякими делами
Его, как надо, не видал!

Мы с ним простились, с ним расстались,
Оно ушло за грань морей,
Но видно всем, что в нем остались
Дела и дни страны моей.

И может быть, пустячный случай,
Лишь мне по-близкому родной,
И, может, стих какой певучий
О милой женщине одной...

В НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ

Всё хорошо, отрадно смолоду,
Когда плечам не страшен груз.
Вошла, и губы пахнут холодом,
Дождинкой, сладкою на вкус!

Осенней стужи будто не было,
Другое сразу началось,
И не прошу я и не требую,
Чтоб солнце выше поднялось!

Пусть так всегда, как было смолоду,
Пусть будет ветер, будет дождь,
Пусть губы будут пахнуть холодом,
Дождинку как-нибудь найдешь!

И станет радостно и весело
Ненастный день прожить вдвоем,
А выйдет солнце — делать нечего,
Другую песню запоем!

* * *

Никому о нем не говорила,
Не гостила, в гости не звала,
Но запевка имя повторила
И повторно сердце обожгла.

Тяжело обжечь его повторно!..
Не сказав ни слова никому,
Я пошла дорожкою подгорной,
Повинуясь сердцу своему.

Ой, дорожка, стежечка подгорная,
Над тобой светло горят лучи...
Ты меня знавала непокорною.
Как мне стать покорной?
Научи!

БЫЛИ СТЕЖКИ В ИНЕЕ...

Встречусь я с тобой когда-нибудь
И скажу: «Что было — позабудь!»

Ничего и не было, краля краль,
Ничего и не было. Был февраль.

На тропинках узеньких был ледок,
На твоей головушке цвел платок.

Были стежки в инее, шел февраль,
И чего-то, милая, было жаль!

* * *

Можно ли отречься от стихов?
Лишь в несчастье на веки веков!
С полной глухотой и немотой,
С полной, хуже смерти, маятой!

А над чем же плакать, милый друг,
А какое слово кинуть в круг?

Оно же вмиг сломается,
Не долетая треснет,
У нас не полагается,
Какое не из песни!

Оно не будет брошено,
Бесцветно и парадно,
У нас ведь не положено,
Чтоб было бы нескладно!

Слова мы не на паперти
Выпрашиваем где-то,
Они у нас на скатерти
Сверкают, самоцветы!

Они у нас рассеяны,
Из золота отлиты,
Они у нас весенние,
Дождем весенним мыты!

Они у нас, они у нас...
Они как молнии из глаз!

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Я в этой книге отдал честь
Товарищам моим.
Я этой книгой подал весть
Не только им одним.

А что сказать мне довелось —
Мой друг, не осуди,—
Все это вихрем пронеслось
Тогда в моей груди!

Слова в колонне именной
Сегодня, как вчера.
Все шли,
и, словно в проходной,
Сдавали номера!

И, как на горне заалев,
Стихи уйдут в края.
И радость будет в них и гнев,
Любовь и боль моя!

* * *

Как будто сделано немало
За этот летний краткий срок.
И как-то грустно даже стало,
Что подводить пора итог.

Заняться самым трудным делом:
Засесть с утра и дотемна,
Стихи раскинуть по разделам
И дать разделам имена.

И книжке имя дать простое,
Простить обидчикам грехи.
И, чтоб не знать вовек простоя,—
Настроить сердце на стихи!

АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ

* * *

Отца и мать не выбирают —
Какие есть, таким и быть.
Не знаю, кто родному краю
Обиду смеет предъявить,
Что в мире есть поживописней,
Поинтереснее края...

За все, что радовало в жизни,
Что полюбил на свете я,
Тебе несу по праву сына
Тепло невыдуманных слов,
Земля с ольшаником в низинах,
С тяжелой глиною холмов.

Здесь, крыши прислонив к деревьям,
Встречает новый день моя
Простая русская деревня
У безымянного ручья;
Ей много лет,
И было много
В полях — труда,
В веках — невзгод...
У хлебных скирд, у льнищ дорога
Меня к великой — к ней ведет.

* * *

1

Мне в грустный час подумалось о том,
Что меньше дарят, чем уносят, годы.
Нигде не ждет меня отцовский дом,
И не покличут сверстники в походы,
И девушки в задорный хоровод
Не вызовут ни песнею, ни пляской...
Что ж, вероятно, близится черед
Встречать внучат,
Рассказывать им сказки?

2

И сказки можно!
Только быль свою
Не нам на пятом обрывать десятке...
Тот непокой в душе я узнаю,
Когда совсем не до игры нам в прятки,
Когда — где б ни был ты —
В любых местах,
В любых делах
Ждешь, как спасенья, встречи.
О, мир души, испытанный в годах
И поколебленный в единый вечер!

3

Нет, молодость, не ты пришла ко мне.
Смешон, кто в модной бодрости беспечен,
Как бы своей не веря седине,
Все молодится,—
На словах, конечно.
Мой возраст с полем августовским схож,
Где каждый колос просит торопиться,
Где не цветенья, а ненастья ждешь,
Хотя вокруг все золотом лучится.

4

В расцвет мой, смятый шествием беды,
Я не тебе писал стихи и письма

И не с тобой прощался молодым,
Когда над всей землею смерть нависла.
И пожилым предстал не пред тобой
И не тебе сказал: «Нехорошо мне»,
Не столько оглушенный тишиной,
Как тем, что вдруг нашел и не нашел в ней.

5

За боль и грусть от всех моих потерь
Я не просил у жизни снисхожденья.
Как мне назвать свой непокой теперь
Нежданного и позднего цветенья?
Как мне тебя приветить и обнять
В своем лучистом августовском поле,
Чтоб и ненастье вместе нам встречать
И не печалиться о лучшей доле.

ПОД СОЛНЦЕМ

Груб с любимой ты или нежен,—
Солнцу красному все равно:
Морю,
Скалам,
Листве черешен
И тебе шлет лучи оно.

Вспыхнет пена у скал парчою,
И сверкнет листва, как цветы...
Что, когда, огрубев душою,
Ничего не заметишь ты?
Можно камнем лежать в постели,
Занавесить можно окно...
Солнцу красному все равно,
С кем оно свой огонь разделит.

С ЛЕНИНЫМ

Мне видится последний вечер года:
Как дружба, щедрый виден в окнах свет.
Друзья мои, неужто год минувший
Мы в этот вечер старым назовем?

Нет, новизну его в себе мы слышим,
Как слышен был нам стук сердец, когда
С трибуны съезда партия с народом
Вела от сердца к сердцу разговор.
И, вчитываясь в ленинские строки
С отцовскими заботами его,
С его тревогой, ставшей нам понятной,
Учились мы не сглаживать слова
И становились крепче и смелее.
Такими мы и входим в Новый год.
И, если нами недоволен кто-то,
Ни нас, ни время не задержит он.
В году есть первый час и есть последний.
Мы по-хозяйски сядем за столы,
Нелегкие припомнятся дороги,
Великие увидятся дела.
Пусть, как вином бокалы в блеске света,
Мечтой, надеждой искрятся глаза.
Любя обычай, мы бокалы сдвинем,
Поднимем их в знак самых светлых чувств
И выпьем за свою родную землю,
За Ильича, идущего по ней,
За все его заботы и тревоги,
За счастье с ним в грядущее идти.

ДУМА О СВЕРСТНИКАХ

Седеют сверстники мои.
И в наши редкие свиданья,
Как бы тая мечты свои,
Щедры мы на воспоминанья

А хвастаемся чаще тем,
В чем преуспели наши дети,
Как будто для самих совсем
Не остается дел на свете.

Нет, знаем — дел у нас полно,
И знаем в них свое уменье...
Бывалым воинам дано
О необстрелянных волненье.

* * *

Вкусней вино и хлеб в кругу друзей,
Но не горюй, когда друзья далеко,—
Верши свой труд.
Нет ничего верней.
Чем труд небезразличный для людей,
Чтобы нигде ты не был одиноким.

О дружбе надо шире думать нам,
Коль жизнь она, а не случайный вечер,
Хотя, внимая прожитым годам,
Порою мы по дальним адресам
Шлем грусть свою — свою мечту о встрече.

Шлю эти строки лучшим из друзей
И снова вспоминаю не застолье,
А пыль и пепел фронтовых путей,
Железные удары батарей —
Все, что пришлось делить
На бранном поле.

* * *

Я о счастье думаю много,
Но счастливей от дум не стал.
Вот проселочная дорога
По родимым ведет местам.

Знаешь, это, наверно, счастье —
То, что снилось, сюда маня;
Что же ты скупа на участье,
Что же ты торопишь меня?

Забежит дорога в селенье,
То в кустарник нырнет густой,
И опять в полевом цветенье
Блещет глинистой желтизной.

Посмотри-ка, вся в иван-чае,
Горка розовая видна.
Там никто нас не повстречает —
Запустение, тишина.

Только с горки этой к дороге
Гордо окнами дом глядел.

Голос девочки-недотроги,
Голос сверстницы там звенел.

Что, когда бы с ней шел сейчас я,
Чувств нахлынувших не гоня,—
Не жалела б она участья?
Понимала б теперь меня?

Черта с два она понимала
На горе своей хуторской...
Отдохнем, если ты устала,—
До деревни подать рукой.

Знать, меня повело напрасно
По давно заросшим следам.
Знать, не все нам бывает ясно
И к пятидесяти годам.

ТЩЕСЛАВИЕ

В газетах мелькают
Плохие стихи стариков,
Когда-то прославившихся стихами.
Не их я жалею
И не простаков,
Благоговеющих перед именами.

Не будем скупиться:
Бумаги не жаль, например,
Труда заводных восхвалителей тоже.
Грустней, что во множестве жизненных сфер
И деды и дети
Бывают на этих похожи.

Иначе к чему б я
О бедных стихах говорил?
Возможно, и сам нагрешу
Стариком многолетним...
Мне жаль,
Что из движущих нашими душами сил
Тщеславие нас покидает последним.

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ОЖИДАНИЕ

Так
  любимых не ждут у порога.
Так
  к больному не ждут и врача...
Пыль
  на рыжих
          степных дорогах —
хоть картошку пеки —
горяча.
Люди мнут фуражки в руках,
от полей глаза отводя...
Я впервые увидел,
как
ждут дождя.
Ждут,
      выдумывая всевозможные сроки,
ждут, надеясь на чудо,
ждут,
      матерясь:
— Пусть дороги развезит!
Плевать на дороги!
Лишь бы дождь.
Пусть тогда хоть по горло,
                              грязь.—
А земля горит.

От жары —
        как в броне.
А земля говорит:
— Помогите мне!
Без воды,
        без дождя
больше я не могу...
Помогите!
Ведь я
не останусь в долгу! —
Как ей скажешь:
        — Выдержи!
                Подожди! —
Чем поможешь?
Минуты, как вечность идут...
Люди ждут и молчат,
Люди курят и ждут...

Ты мне пишешь:
в Москве у вас
        снова дожди.
Снова дождь.
По бульвару опять не пройдешь.
Снова дождь.
По обочинам мчат ручейки.
Дождь идет по Москве —
                теплый,
        ласковый дождь...
Там скрываются от него,—
                чудаки! —
надевают плащи,
открывают зонты,
начинают погоду ругать с утра,
ходят хмурые...
Если б увидела ты,
как, негаданно
        вымахнув из-за бугра,
мчит дороги
        не разбирающий,
через поле
        к нам
        напрямик,
так пылящий,
        будто пылающий,

сельсоветский грузовик.
Председатель выпрыгивает на ходу,
он кричит,
а глаза блесят, как от голода:
— Будет
дождь!
Мне сейчас...
звонили из города...—
Пошатнулся.
И дальше, словно в бреду: —
Туча...
мне звонили...
свернула сюда...
к нам идет...
Если мимо, то...
быть...
беде...
Ты мне пишешь,
что вам надоела вода.
Напиши,
напиши мне об этой воде!
О дождях напиши мне!
О том,
как тяжел
воздух перед грозой...
На погоду не жалуйся!
Напиши,
чтоб он был, этот дождик,
чтоб он шел!
Пожелай нам ливня,
пожалуйста.

* * *

Слова бывают грустными,
слова бывают горькими.
Летят они по проводам
низинами,
пригорками.
В конвертах запечатанных
над шпалами стучат они,
над шпалами,
над кочками:
«Все кончено.

Все
   кончено...»

* ж *

Я уехал
         от весны,
от весенней кутерьмы,
от сосулечной
апрельской
очень мокрой бахромы.
Я уехал от ручьев,
от мальчишеских боев,
от нахохлившихся почек
и нахальных воробьев,
от стрекота сорочьего,
от нервного брожения,
от головокружения
и прочего,
и прочего...

Отправляясь в дальний путь
на другой конец страны,
думал:
«Ладно!
Как-нибудь
проживем и без весны...
Мне-то, в общем,
                    все равно —
есть она иль нет ее.
Самочувствие мое
будет неизменным...»
Но...
За семь тысяч верст,
                         в Тикси,
прямо среди бела дня
догнала весна
меня
и сказала:
            «Грязь меси!»
догнала, растеребя,
в будни ворвалась
                    и в сны.

Я уехал
от весны...
Я уехал
от тебя.
Я уехал в первый раз
от твоих огромных глаз,
от твоих горячих рук,
от звонков твоих подруг,
от твоих горючих слез
самолет меня
унес.
Думал:
«Ладно!
Не впервой!
Покажу характер свой.
Хоть на время
убегу...
Я ведь сильный,
я —
смогу...»

Я не мерил высоты,
Чуть видна земля была...
Но увидел вдруг:
вошла
в самолет летящий
ты!
В ботах,
в стареньком пальто...
И сказала:
«Знаешь что?
Можешь не убегать!
Все равно у тебя из этого
ничего не получится...»

НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

Нет погоды над Диксоном.
Есть метель.
Ветер есть.
И снег есть.
А погоды нет.
Нет погоды над Диксоном третий день.

Третий день подряд
мы встречаем рассвет
не в полете,
который нам по душе,
не у солнца,
слепящего яростно,
а в гостинице.
На втором этаже.
Надоевшей.
Осточертевшей уже.
Там, где койки стоят в два яруса.
Там, где тихий бортштурман Леша
снисходительно,
полулежа,
на гитаре играет,
глядя в окно,
вальс задумчивый
«Домино».
Там, где бродят летчики по этажу
там, где я тебе это письмо пишу,
там, где без рассуждений
почти с утра,—
за три дня,
наверно, в десятый раз,—
начинается «северная» игра —
преферанс.
Там, где дни друг на друга похожи,
там, где нам
ни о чем ни спорится...
Ждем погоды мы.
Ждем в прихожей
Северного полюса.
Третий день
погоды над Диксоном нет.
Третий день...

А кажется:
двадцать лет!
Будто нам эта жизнь двадцать лет под стать,
двадцать лет, как забыли мы слово:
летать!
И обидно.
И некого вроде винить.
Телефон в коридоре опять звонит.

Вновь синоптики,
самым святым клянясь,
обещают на завтра
вылет
для нас...
И опять, как в насмешку,
приходит с утра
завтра,
слишком похожее
на вчера.
Улететь —
дело очень не легкое,
потому что погода —
нелетная.

Самолеты охране поручены.
Самолеты к земле прикручены,
будто очень опасные
звери они,
будто вышли уже
из доверья они.
Будто могут
плюнуть они на людей!
Вздрогнуть!
Воздух наполнить свистом.
И — туда!
Сквозь тучи...

Над Диксоном
третий день погоды нет.
Третий день.
Рисковать
приказами запрещено...

Тихий штурман Леша
глядит в окно.
Тихий штурман
наигрывает «Домино».
Улететь нельзя все равно
ни намеренно,
ни случайно,
ни начальникам,
ни отчаянным —
никому.

РОВЕСНИКАМ

Артуру Макарову

Знаешь, друг,
мы, наверно, с рожденья
такие...
Сто разлук
нам пророчили
скорую гибель.
Сто смертей
усмехались беззубыми ртами.
Наши мамы
вестей
месяцами от нас ожидали...

Мы
росли —
поколение
рвущихся плавать.
Мы пришли
в этот мир,
чтоб смеяться и плакать,
видеть смерть
и, в открытое море бросаясь,
песни петь,
целовать неприступных красавиц!
Мы пришли
быть,
где необходимо и трудно...

От земли
города поднимаются круто.
Век суров.
Почерневшие реки
дымятся.
Свет костров
лег на жесткие щеки
румянцем...
Как всегда,
полночь смотрит
немыми глазами.
Поезда
отправляются по расписанью.

Мы ложимся спать.
Кров родительский
сдержанно хвалим...

Но
опять
уезжаем,
летим,
отплываем!
Двадцать раз за окном
зори
алое знамя подымут...

Знаю я:
мы однажды уйдем
к тем,
которые сраму
не имут.
Ничего
не сказав.
Не успев попрощаться...

Что
с того?
Все равно это —
слышишь ты? —
счастье:
сеять хлеб
на равнинах,
ветрами продутых...
Жить взахлеб!
Это здорово кто-то придумал!

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

БЕССМЕРТИЕ

Когда-нибудь... Всегда я верил свято,
Что баснословные придут года,
Не будет в мире звания солдата,
А будет просто — Человек труда.

И этот Труд, свободный как дыханье,
Всем сущим в радость, как и жизнь сама,
Высотное себе воздвигнет зданье
Из чистых блоков сердца и ума.

Там загостится солнце в каждой нише,
Заглянет зелень в тишину квартир,
И статуя поднимется всех выше
С простым как свет именованьем — Мир.

Пусть выбьют на гранитном пьедестале
То слово на наречьях всей земли,
Чтобы его повсюду прочитали
И позабыть вовеки не могли!

И я хочу, чтоб в изваянье этом,
Живом обличье нашей правоты,
В прекрасной женщине — пред целым светом
Сияли наши русские черты.

Чтоб волжская дышала в ней природа,
И синь очей, и россыпь русских кос,
Как воплощенье моего народа,
С которого бессмертье началось!

ПЕСНИ БЫЛОГО

От боев на пылающей Пресне,
С мостовой перед Зимним дворцом
Возвращаются старые песни
С молодым просветленным лицом.

И становятся в наши колонны,
И вливаются в хор торжества.
Как боев отшумевших знамена,
Плещут пламенем эти слова.

Повторяют их внуки и деды,
Все в них памяти сердца сродни:
Наши раны, тревоги, победы,
Боевые и страстные дни.

Бронепоезд громит полустанки,
Вновь чапаевский блещет клинок,
Вновь грохочут степные тачанки
На раздолье полынных дорог.

И Конармии мчится громада
По долинам и взгорьям войны,
И тебя вспоминают, Гренада,
Как сестру, Конотоп и Ромны.

Это юности нашей начало,
Это песни, вступившие в строй.
Выходи же вперед, запевала,
Незабвенной тряхни стариной!

Под широкие вздохи баяна
Славной былью сердца растревожь,
Чтобы дрогнула грудь ветерана,
Подхватила припев молодежь.

Чтобы песен плыла эскадрилья,
Где «стремим мы полет наших птиц»,
Развернувших победные крылья
Над землею, не зная границ!

ДРУГУ

Да, седеет твое поколенье
(А мое поседело совсем),
Но еще не сосчитаны звенья
Не решенных душой теорем.

Нам и вправду покой только снится,
И недаром врываются в сны
Павших сверстников бледные лица,
Опаленные ветром войны.

Грозный дар принесла нам эпоха —
Память бурею поднятых лет,
И верны до последнего вздоха
Мы остывшему пеплу побед.

* * *

Пожелтевшие письма военной поры,
Полустертые давние даты...
Издалека вас к нам до окопной норы
Города посылали и хаты.
Согревали вы нас, как в походе костры,
И носили у сердца солдаты
Письма Родины, письма военной поры.

Улыбался снарядами вскопанный лес,
И тревоги на шаг отступали,
Лишь раскроет свой щедрый мешок ППС
В передышке боев, на привале.
Были веселы лица и шутки остры,
Словно нет ни разлук, ни печали.
Письма, давние письма военной поры!

Я гляжу на измятые ваши листки.
Сколько лет — и каких!— миновало...
Но сдвигается время, и вновь вы близки,
Долгожданны, как прежде бывало.

На заветное слово вы были щедры,
Все вмещали, чем сердце дышало,
Письма, давние письма военной поры.

Да, над вами бессильны дела и года,
Хоть осталось вас самая малость,
И, быть может, тех слов, что писались тогда,
Никогда уж потом не писалось,
Сны в ту ночь становились светлы и пестры.
О домашнем тепле вспоминалось...
Письма, давние письма военной поры.

Стерты даты и выцвели строчки чернил,
А слова навсегда неизменны.
В полевой ты их сумке в те годы носил
По дорогам судьбины военной.
Как глоток из колодца в час пыльной жары,
Как покоя домашнего стены —
Были давние письма военной поры!

РУССКАЯ ПРИРОДА

Ты у моей стояла колыбели,
Твои я песни слышал в полусне,
Ты ласточек дарила мне в апреле,
Сквозь дождик солнцем улыбалась мне.

Когда порою изменяли силы
И обожигала сердце горечь слез,
Со мною, как сестра, ты говорила
Неторопливым шелестом берез.

Не ты ль под бурями беды наносной
Меня учила (помнишь те года?)
Врастать в родную землю, словно сосны,
Стоять и не сгибаться никогда?

В тебе величье моего народа,
Его души бескрайние поля,
Задумчивая русская природа,
Достойная красавица моя!

Гляжусь в твое лицо — и все былое,
Все будущее вижу наяву,

Тебя в нежданной буре и в покое,
Как сердце материнское, зову.

И знаю — в этой колосистой шири,
В лесных просторах и разливах рек —
Источник сил и все, что в этом мире
Еще свершит мой вдохновенный век!

* * *

Гроза прошла. Окошко распахни
В смятенье красок, в пестроту обличий,
Когда трепещет в лиственной тени
Ручьистый щебет переклички птичьей.

Звенит весь воздух, звонок и речист,
Росистым утром в свежести и блеске:
И стон, и треск, и щелканье, и свист,
И цоканье, и гласных переплески.

Не соловей ли, спутник ранних звезд,
Не горихвостка ль, птичка-невеличка,
Малиновка иль пересмешник-дрозд,
Овсянка иль проворная синичка?

Как воскресишь ты детство, дом былой
Без пеночки, заботливой певуньи,
Без ласточки, без сойки озорной
Или сороки, сплетницы-вещуньи?

В родстве я с птицами моей страны
От зяблика до шустрой трясогузки,
Они, конечно, говорить должны
По-своему, но все-таки по-русски.

Немало слов на птичьем языке,
Рассыпанных в саду, как ожерелье,
И я хочу, чтобы в моей строке
Они свое справляли новоселье.

Заветные даны им имена,
Приметные народные прозванья,
И с детских лет душа моя полна
Их свежего, как утро, щебетанья.

* * *

Посмотри — на озере ночном
Протянулась лунная дорожка,
Вся пронизанная серебром...
Постоим и помолчим немножко!

Оба мы немалый путь прошли,
Заплатили сердцу сединою,
Но луна и запахи земли
Те же, что и давнею весною.

Если хочешь, счастьем назови
То, чему на свете нет названья.
Мир согрет дыханием любви
В вечной смене встреч и расставанья.

И жалеть нам надо в поздний час
Не о том, что годы уносили
Все, что было дорого для нас,
А о том, что мало мы любили.

Потому что на земле родной
Есть у нас одно предназначенье:
Каждой долгожданною весной
Расцветать и осыпать цветенье...

* * *

Это было... Когда это было?
Не увидишь, не вспомнишь потом...
За окошком околица стыла,
Мутный снег завивался столбом.

И, подернуты пеплом пушистым,
Рдели угли в притихшей печи,
Рассыпая последние искры
У моей одинокой свечи.

Расставания час или встречи?
Кто поверить бы этому мог...
Для чего же ты кутала плечи
В оренбургский пуховый платок?

Для чего без единого слова
На огонь ты глядела сквозь сон
Большеглазою фрескою Пскова,
Темным ликом угасших времен?

И горел неотступно, как совесть,
Твой широко распахнутый взор,
И была недочитанной повесть
Прошлой жизни — судьбе не в укор.

Безысходная женская жалость,
Безнадежность понять и помочь...
Вот и все, что от пепла осталось
В эту ночь, в эту вьюжную ночь!

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОЧИ

Ветер под окошками,
тихий, как мечтание,
А за огородами
в сумерках полей
Крики перепелок,
ранних звезд мерцание,
Ржание стреноженных
молодых коней.
К табуну
с уздечкою
выбегу из мрака я,
Самого горячего
выберу коня,
И по травам скошенным,
удилами звякая,
Конь в село соседнее
понесет меня.
Пусть ромашки встречные
от копыт сторонятся,
Вздрогнувшие ивы
брызгают росой,—
Для меня, как музыкой,
снова мир наполнится
Радостью свидания
с девушкой простой!

Все люблю без памяти
в деревенском стане я,
Будоражат сердце мне
в сумерках полей
Крики перепелок,
дальних звезд мерцание,
Ржание стреноженных
молодых коней...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!

В деревне празднуют дожинки,
И на гармонь летят снежинки.
И весь в светящемся снегу
Лось замирает на бегу
На отдаленном берегу.

Зачем ты держишь кнут в ладони?
Легко в упряжке скачут кони,
И по дорогам меж полей,
Как стаи белых голубей,
Взлетает снег из-под саней...

Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!

БЕРЕЗЫ

Я люблю, когда шумят березы,
Когда листья падают с берез.
Слушаю — и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез.

Все очнется в памяти невольно,
Отзовется в сердце и в крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви.

Только чаще побеждает проза,
Словно дунет ветер хмурых дней.
Ведь шумит такая же береза
Над могилой матери моей.

На войне отца убила пуля,
А у нас в деревне у оград
С ветром и с дождем шумел, как улей,
Вот такой же желтый листопад...

Русь моя, люблю твои березы!..
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез...

ВОСПОМИНАНИЕ

Брату

Помню, луна смотрела в окно.
Роса блестела на ветке.
Помню, мы брали в ларьке вино
И после пили в беседке.

Ты говорил, что покинешь дом,
Что жизнь у тебя в тумане,
Словно о прошлом, играл потом
«Вальс цветов» на баяне.

Помню я дождь и грязь на дворе,
Вечер темный, беззвездный,
Собака лаяла в конуре,
И глухо шумели сосны...

ТОВАРИЩУ

Что с того, что я бываю грубым?
Это потому, что жизнь груба.
Ты дымишь своим надменным чубом,
Будто паровозная труба.
Ты одет по моде. Весь реклама.
Я не тот...
 И в сумрачной тиши
Я боюсь, что жизненная драма
Может стать трагедией души.

БОРИС РУЧЬЕВ

КРАСНОЕ СОЛНЫШКО
ИЗ ЦИКЛА

* * *

Всю неоглядную Россию
наследуем как отчий дом
мы — люди русские, простые,
своим вскормленные трудом.
В тайге, снегами занесенной,
в горах с глубинною рудой
мы называли
                хлеб казенный
своею собственной едой.
У края родины, в безвестье,
живя по-воински — в строю,
мы признавали
                делом чести
работу черную свою.
И, огрубев без женской ласки,
приладив кайла к поясам,
за жизнь не чувствуя опаски,
шли по горам и по лесам,
насквозь прокуренные дымом,
костры бросая в полумгле,
по этой страшной, нелюдимой,
своей по паспорту земле.
Шли — в скалах тропы пробивали,
шли, молча падая в снегу

на каждом горном перевале,
на всем полярном берегу.
В мороз работая до пота,
с озноба мучась, как в огне,
мы здесь узнали, что работа
равна отвагою войне.
Мы здесь горбом узнали ныне,
как тяжела
святая честь
впервые в северной пустыне
костры походные развесть,
за всю нужду, за все печали,
за крепость стуж и вечный снег
пусть раз проклясть ее вначале,
чтоб полюбить на целый век,
и по привычке,
как героям,
когда понадобится впредь,
за все,
что мы
на ней построим,
в смертельной битве
умереть.
...А ты
вдали, за синим морем,
грустя впервые на веку,
не посчитай жестоким горем
святую женскую тоску.
Мои пути, костры, палатки
издалека увидя вблизь,
учись терпению
солдатки,
как наши матери звались,
тоску достойно пересилив,
разлуки гордо пережив,
когда
годами по России
отцы держали рубежи.

* * *

Когда бы мы, старея год от году,
всю жизнь бок о бок прожили вдвоем,

я, верно, мог бы лгать тебе в угоду
о женском обаянии твоем.
Тебя я знал бы в платьицах из ситца,
в домашних туфлях,
будничной,
такой,
что не тревожит, не зовет, не снится,
привыкнув жить у сердца,
под рукой.
Я, верно, посчитал бы невозможным,
что здесь,
в краю глухих, полярных зим,
в распадках горных, в сумраке таежном,
ты станешь
красным солнышком моим.
До боли обмораживая руки,
порой до слез тоскуя по огню,
в сухих глазах, поблекших от разлуки,
одну тебя годами я храню.
И ты, совсем живая, близко-близко,
все ласковей, все ярче, все живей,
идешь ко мне
с тревогой материнской
в изломе тонких девичьих бровей.
Еще пурга во мгле заносит крышу.
И, как вчера, на небе зорьки нет,
а я уже спросонок будто слышу:
«Хороший мой. Проснись. Уже рассвет...»
Ты шла со мной по горным перевалам,
по льдинам рек, с привала на привал.
Вела меня, когда я шел усталым,
и грела грудь, когда я замерзал.
А по ночам, жалея за усталость,
склонясь над изголовьем, как сестра,
одним дыханьем губ моих касалась
и сторожила сон мой до утра.
Чтоб знала ты:
в полярный холод лютый,
в душе сбирая горсть последних сил,
я без тебя
не прожил ни минуты
и без тебя
ни шагу не ступил.
Пусть старый твой портрет в снегах потерян,

пусть не входить мне в комнатку твою,
пусть ты другого любишь,
я не верю,
я никому тебя не отдаю.
И пусть их, как назло, бушуют зимы,
мне кажется, я все переживу,
покуда ты в глазах неугасима
и так близка мне в снах и наяву.

* * *

По ходячей поговорке,
в нашей жизни все не так:
есть бумага — нет махорки,
нет бумаги — есть табак.
И однажды мне, бедняге,
через дальние моря
довелося без бумаги
плыть на север, не куря.
Путь далекий, сердцу тошно
на табак гляжу с тоской...
И случилось, как нарочно
ваши письма под рукой.
Ваша память, ваше слово,
ваша радость, ваша грусть,—
все, что я читал бы снова
и запомнил наизусть...
Вот курю я дни и ночи,
перед сном и после сна,
докурившись, между прочим,
до последнего письма.
И взяла меня досада,
будто к горю моему
вы пришли и сели рядом,
чуть заметная в дыму.
Чтобы смог я вам ответить,
как в глаза бы глянуть смог?
Так что спрятал я в кисете
то последнее письмо.
Я хранил его годами,
нес за пазухой вперед,
через ветер, через пламя
через речки в ледоход.

На работу брал с собою,
от дождя его берег,
клал под камушек в забое,
клал под спички в коробок.
Каждой ночью незаметно
от воров его скрывал,
будто кровный и заветный
свой последний капитал.
Будто чудом в самом деле
не рассыпалось оно,
в нем и строчки побледнели...
точки выцвели давно.
Всю далекую дорогу
шел я в сумраке лесном,
сам старея понемногу,
с вашим маленьким письмом.
И минуткой вновь тоскуя,
вновь глядел спокойно я,
как написано: «Ц е л у ю»
и подписано: «Т в о я...»

* * *

На рассвете, проходя к забою,
выше гор гляжу я напролет
в ту сторонку с дымкой голубою,
где одна желанная живет.
И, возможно, сам я не замечу,
как всегда в минутку забытья
я скажу ей, словно бы навстречу:
— С добрым утром, зоренька моя!
А когда промчится та минута,
взгляд остудит вроде ветерка,
легче мне бывает почему-то
лом пудовый, острая кирка.
На ветру спокойно сняв рубаху
и с лица не утирая пот,
целый день я молча бью с размаху
вечный камень северных широт.
Бью да так, чтоб кровь кипела в теле,
чтобы дни без памяти летели,
чтобы ночи я, как пьяный, спал,
чтобы всю разлуку, срок за сроком,

на одном дыхании высоком
так и скоротать мне под запал.
Так, чтобы за дымкой голубою
по забоям шел я без дорог,
чтобы всех забоев, взятых с бою,
ни за что я сосчитать не мог;
чтобы люди взяли да спросили,
подивясь терпенью моему:
— Как же так, всегда тебе по силе
все, что непосильно одному?
Как же ты такие годы прожил,
сколько гор и речек пересек,
на героев вовсе не похожий,
очень невеликий человек!..
И тогда я в первый раз не скрою:
не ученый тяжкому труду,
думал я, что где-нибудь в забое
от разрыва сердца упаду.
Видно, помогла мне в добром деле
та сторонка с дымкой голубой
тем, что наделила с колыбели
крепкой костью, крепкой головой.
Да еще спасибо,
с гор Урала
помогла мне женщина одна,
та, что никогда сама не знала,
до чего же сильная она.

* * *

По слухам, поднимаясь из берлоги
и не боясь с мороза околеть,
почти всю зиму бродит по дороге
страдающий бессонницей медведь.
Как будто бы туманными ночами,
в железный холод, в жгучую пургу
проездом шофера его встречали
на каменном застылом берегу.
Мохнатой лапой обметая плечи,
став на дыбки,
сквозь вьюгу напролом
идет медведь совсем по-человечьи,
весь запорошен снежным серебром...

Пусть чудеса случаются на свете,
но я ручаюсь все-таки в одном:
в такую зиму кровные медведи —
под доброй воле — спят спокойным сном.
Любой из них и в мыслях не захочет
спускаться с гор к речному рубежу.
По должности своей
ночной обходчик,
здесь только я дорогу обхожу.
Большую шубу опоясав туже,
похожий на медведя в полумгле,
один я ночью мыкаюсь на стуже
по заполярной, сказочной земле.
И разве полуночнику такому,
мне может быть отказано судьбой
курить махорку, тосковать по дому,
за тыщи верст беседовать с тобой,
угадывать восходы по приметам,
назло пурге сыграть вперегонки,
сесть на снегу и видеть до рассвета
далеких глаз родные огоньки?
И все-таки не чувствовать обиды
за дикий свой, смешной медвежий вид —
при жизни мы, порой меняя виды,
все так живем, как родина велит.
Она пошлет то ласково, то строго,
то в холод лютый, то в жестокий зной.
Во все края бежит одна дорога
хранимой нами родины одной.
Она приучит к радостям и бедам,
сама одежду выдаст по плечу,
она прикажет —
я живу медведем,
она велит —
я соколом взлечу.
...И пусть тебе приснится в эту пору
пурга над белой северной рекой,
по берегу дорога вьется в гору,
а вдоль по ней, освистанный пургой,
мохнатой лапой обметая плечи,
в мороз стараясь сердце отогреть,
во весь свой рост
идет по-человечьи
страдающий бессонницей медведь.

* * *

В час вечерний, неурочный,
отдохнув минутный срок,
то на запад еду срочно,
то обратно на восток.
Продолжая нерушимо
вечный грузоперевоз,
день и ночь идут машины
в лютый северный мороз.
Числясь чем-то вроде груза
в документах путевых,
я сажусь в открытый кузов
возле спутников своих.
Испытав за путь-дорогу
силу разных скоростей,
мы в дороге понемногу
промерзаем до костей.
Мы конца пути не знаем,
свесив головы на грудь,
встречный ветер проклинаем,
вдаль боимся заглянуть.
При случайной неудаче,
голодая, не куря,
мы, как дети, чуть не плачем,
говорим, что едем зря.
В думках грустных и напрасных,
от мороза одурев,
мы полжизни дать согласны
за минутный обогрев...

Вот и снова
поздний вечер,
за бортом не видя свет,
тормошит меня за плечи
замерзающий сосед:
— Слушай, малый, для артели,
сделай милость, погляди,
не видать ли, в самом деле,
огонечка впереди...
Многих зорче и моложе,
поднимаясь в свой черед
я, терпя озноб на коже,
пять минут гляжу вперед.

Губы стужа мне сковала,
у ресниц края во льду,
но с вершины перевала
вся дорога на виду,
все подъемы, все прижимы
возле скальных берегов —
нелюдимы, недвижимы,
без желанных огоньков...
Не желая верить взгляду,
непривычному во тьме,
я обратно в кузов сяду
с горькой правдой на уме.
И спокойно лгу соседям,
чтобы каждый слышать мог:
— Скоро мы, друзья, приедем,
есть далекий огонек!..
Сразу стужа станет легче,
сиверок дохнет теплом,
мы слегка расправим плечи,
малость спины разогнем.
Кто-то крякнет ради смеха,
кто-то петь начнет баском...
Можно снова долго ехать
в ожидании таком.
два часа проехать кряду,
принимая до конца
сердцем видимую правду,
обогревшую сердца.

...В жизни,
трудной, как дорога,
к зимним рейсам не готов,
я и сам страдаю много
от душевных холодов.
Оттого, что сам не знаю,
у какого же огня
любушка моя родная
дожидается меня.
Год за годом в рейсе дальнем
так и рвусь я сердцем к ней,
согреваюсь ожиданьем
неминуемых огней.
Пусть мне всюду шепчут люди:
— Не гляди, земляк, вперед,

там никто тебя не любит,
там никто тебя не ждет...
Ни за что не веря взгляду,
ослепленному во тьме,
я спокойно в кузов сяду,
сам себе твердя в уме:
«Потеплей прижмись к соседям,
не беда, что путь далек,
скоро, друг, и мы приедем,
есть далекий огонек!»

* * *

Под полярным, вечно хмурым небом
щи едим с казенным черным хлебом,
черный чай от черной грусти пьем,
шубы нараспашку ходим в стужи,
о далеких женщинах не тужим,
будто нам везде родимый дом,
будто для кручины нет причины,
а в любовь не верим мы давно,
потому, что это мы, мужчины,
а у нас уж так заведено:
горе и нужду, жару и вьюгу,
все терпя без жалоб, как в бою,
нипочем не выдавать друг другу
боль свою, кручинушку свою.
Если ж часом вспомним самых милых,
спать не в силах и молчать не в силах,
буто спиртом память оглуша,
вслух назло смеемся и злословим
над лукавым, слабым тем сословьем,
крепость чья не стоит ни гроша.
Будто мы и знать не знали сроду
губ невинных, непритворных глаз...
И, собравшись, в ночь ли, в непогоду,
громко вспоминаем без прикрас,
как, бывало, разорвав на части
мужних писем белые листки,
чьи-то женки, покоряясь страсти,
в юности бросались к нам с тоски;
как они дышали в эти ночи
все слышней, все жарче, все короче,

с самым тайным стоном на губах,
с самой сладкой дрожью в жарком теле,
как они в глаза глядеть не смели
в ту минуту
зрячие впотьмах.
Но каким бы злым, постыдным словом
мы тебя не заклеймили снова,
как бы ревность сéрдца нам ни жгла,
вся, до тайных родинок знакома,
в душах наших — всюду, словно дома,
ты как солнце, женщина, жила.
Нипочем тебе во мгле таежной
наш мужской недобрый наговор.
Все равно: чем дальше, тем дороже
ты, как солнце, за горами гор.
Ты, как солнце, ярче станешь рядом,
и навек из нас ослепнет тот,
кто, тебе не веря, жадным взгядом
на тебе хоть пятнышко найдет...
Мы тебя в походных снах ласкаем,
на вершинах скальных высекаем
все твои простые имена,
и в огне горим, и в холод стынем
по горам, по рекам, по пустыням,
горе пьем горстями допьяна,
чтобы нам убиться
иль пробиться
к той, по ком душа, как жар, томится,
к той, что сказкой стала...
Потому
не суди нас чистым сердцем строго,
царь-девица, лебедь-недотрога,
в неприступном дальнем терему.

* * *

У завода — город, а меж ними речка,
а над речкой домик с рубленым крыльцом...
Если затоскуешь, выйдешь на крылечко,
сядешь на крылечке к северу лицом.

Будто в доброй сказке, мы почти что рядом,
сердцу все открыто настежь без ключа:

ночи с перекликом, версты с переглядом,
реки по колено, горы до плеча.

Будто все, как прежде, мы, как в песне,
близко,
слышим в каждом вздохе каждый перебой,
будто понапрасну ваши металлисты
с интересом тайным ходят за тобой.

Будто между ними нет прохожим места,
волосы седеют, а любовь жива.
Будто ждешь, как девка,
любишь, как невеста,
терпишь, как солдатка,
плачешь, как вдова.

Будто все в порядке: вот пройдут метели,
вот меня уволят, сяду в самолет...
Постучусь в окошко через две недели,
может, через месяц,
может, через год.

Может, и взаправду мне не возвратиться,
может, вновь придется долгие года
обживать пустыни, сторожить границы,
уходить в разведки, строить города.

Как назначишь сроки, если часа нету,
если вдруг — работа, если вдруг — война,
если я годами мыкаюсь по свету,
если ты стареешь в домике одна.

Словом, от разлуки нет покамест средства,
снова жди известий с зорьки до темна,
не жалей, что часто рвется возле сердца
самая тугая, звонкая струна.

Если станет больно — выйдешь на крылечко
на далекий север ласковый взглянуть,
где по горным кручам, по таежным речкам
заметает вьюга мой походный путь.

* * *

Так сбываются сказки в России...
От великих трудов и утрат
ты все крепче, смелее, красивей,
будто в битвах бывалый солдат.

Пусть в работе все жилы напружив,
ты не помнишь досужего дня,
растеряв ненаглядных подружек,
задушевных друзей хороня.

Пусть, рискуя пропасть без дороги,
ты врубался в чащобы тайги,
сам лечил на привалах ожоги,
сам кедровник варил от цинги.

Пусть в безвыходных вьюжных осадах
ты от голода падал и слеп
и до гроба запомнил, как сладок
твой горбом заработанный хлеб.

Пусть в поту от горняцкой науки
ты не смог научиться беречь
молодые горячие руки,
в вечных ранах и шрамах до плеч.

Пусть, хлебая студеную воду
в полых реках полярных пустынь,
ты бросался в упор ледоходу,
вместе с жизнью спасая мосты.

И ни разу в пожарах и вьюгах
заслужить ты упрека не мог,
будто ты побежал от испуга,
будто в горе друзьям не помог.

Пусть, хрипя, задыхаясь в метели,
через вечный полярный мороз
ты в своем обмороженном теле
красным солнышком душу пронес.

Пусть ты запросто видывал ближе
все, что кажется страшным вдали,

пусть ты вытерпел, выстрадал, выжил
и узнал, что в пределах земли.

Нет такого врага на примете,
как бы ни был он крепок и смел,
чтобы ты его прямо не встретил
и в бою его не одолел.

Нет работы, суровой для тела,
недоступной и тяжкой уму,
чтобы ты ее с честью не сделал,
удивившись себе самому.

И не может не быть, как бывало,
милой женщины, верной такой,
чтоб, как мать, над тобою вставала,
как сестра твоя, шла за тобой.

НАШ КОМСОМОЛЬСКИЙ ГОРКОМ

Я из тех горожан, у которых
в первый раз
под Магнитной горой
юность в сердце зажглась, будто порох,
и просилась у Партии в строй.
Вместе с нами, в палатке, как дома,
со штабным телефонным звонком,
ни на час по примеру Парткома
не смолкал комсомольский Горком.

С каменистого дна котлованов,
с тяжким грузом работ и забот,
день и ночь по ступенечкам планов
поднимались мы, строя завод.
Наше — с ленинским профилем — знамя
становя во дворе заводском,
зяб ты с нами и парился с нами
на ветру, комсомольский Горком.

В пору фронта, не мысля о тыле,
промедление ставя в вину,
словно в песне,
и мы уходили...
Комсомольцы твои... На войну!..

С горяча не жалеющих силы,
нас, порою обжатых врагом,
будто чудом, спасал от могилы
твой металл, комсомольский Горком.

Тылом битвы, как видно, недаром
оставался ты, мир сторожа.
Был строителем, стал сталеваром,
Стал броней для своих горожан.
Не стареет душа в человеке,
если шел он с тобой прямиком...
Побратался ты с нами навеки,
дорогой комсомольский Горком.

Сколько душ снарядил ты в дорогу,
вывел к Партии — в люди, в бои!
И, сменяясь в рядах понемногу,
молодеют отряды твои.
Значит, здравствуй на радость и славу,
в каждом сердце гори огоньком,
молодой, но партийный по нраву,
старый друг, комсомольский Горком.

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

* * *

Казалось мне, я знаю,
Как песню наизусть:
Что веселит мне душу
И что наводит грусть.

А встретился с тобою —
Все позабыл, и рад,
Что был не впору весел
И грустен невпопад!

* * *

Ты проходишь в легкой блузке,
Каждый куст поет в саду.
Хочешь я тебе по-русски
Соловья переведу?

Расскажу, о чем чуть слышно
В лунной дымке голубой
Шепчут яблони и вишни,
Расступаясь пред тобой.

Что во сне цветы тревожит,
Что бросает ветки в дрожь...
Остальное ты, быть может,
И сама тогда поймешь.

* * *

Всегда задумчива, скромна,
Как верба у ручья,
Моя родная сторона,
Смоленщина моя.

Обожжена, как верба та,
Не раз грозой была.
Казалось: нету ни листа,
А смотришь — ожила!

Шумит, как прежде, зелена,
Вчерашний вздох тая,
Моя родная сторона,
Смоленщина моя.

Я на твоих просторах рос,
Лелеял все мечты,
О, дай мне сил, чтоб после гроз
Я оживал, как ты!

* * *

Пора страды горячая не в тягость
Тому, кто с детства знает наперед,
Что без него не сварит пива август,
Гостей за стол сентябрь не позовет.

* * *

Закат перегорел. Осенний вечер мглист.
Густеет тишины перебродивший запах,
А на столе моем лежит кленовый лист
В прожилках золотых и розовых накрапах.

Я, как твое письмо, читать его могу,
Где вспоминаешь ты, мой тайный вздох почуя,
И встречи за рекой, и песни на лугу,
И все, чего забыть не в силах, не хочу я.

* * *

Ты мне встреч не назначала,
　　фотографий не дарила,
По весне в тиши черемух
　　нежных слов не говорила.

С кем на круг ни выходила,—
　　ты была одна и та же,
А о том, что я тоскую,—
　　не догадывалась даже.

Вслух сказать тебе об этом
　　мог решиться лишь во сне я,
Наяву ж молчал, как мальчик,
　　то бледнея, то краснея.

Сколько раз в лугах и рощах
　　у дерев пытал и птиц я,
Где найти слова такие,
　　чтоб во всем тебе открыться.

Как я слушал шум колосьев,
　　шелест трав, ручьев журчанье!
Но тебе без слов, как прежде,
　　сжал я руку на прощанье.

Все в моем осталось сердце,
　　и все так же сердце бьется.
Что тебе сказать не смог я —
　　пусть хоть в песне отзовется!

* * *

Ни радужных красок, ни блеклых,
Все в белом — дома и холмы,
Но видишь: узоры на стеклах,
Фантазии русской зимы.

И в сказочных этих узорах,
В серебряной их тишине,
Мерцают сады, о которых
Вздыхал ты, быть может, во сне.

Твои потайные желанья,
Предчувствия близких тревог,
Все то, чему даже названья
Ты дать бы сегодня не мог,

Что льнет к твоему изголовью,
Сгущая ночей синеву,
Нечаянно первой любовью
Нагрянет к весне наяву.

Вглядись же внимательней...
Смолкли
За окнами говор и смех.
...Огни зажигают в поселке,
И падает медленный снег.

* * *

Много ль мне нужно — краюшка хлеба,
Щепотка соли,
Да под задумчивым русским небом
Дорога в поле.

Памятный с детства дымок деревни,
Запах полыни,
С попутчиками разговор душевный
В тряской машине.

Голос кукушки в глуши краснолесья
В заросли частой,—
И к сердцу уже подступает песня,
Как слезы счастья.

* * *

Я не гордец, но тем не менее
Забьется громче сердце, если
В Таджикистане или в Армении
На песню мне ответят песней.

Коль где-нибудь в степях Киргизии
Друзья помянут добрым словом

Луга от рос весенних сизые
И дятла стук в бору сосновом.

В широком поле стежки узкие,
Над речкой заросли густые,—
Все, что вмещают песни русские,
Поэтов строфы золотые.

Что будет мне всегда сопутствовать
Из края в край на белом свете...
Ну как же мне себя не чувствовать
За слово русское в ответе!

ИВАН РЯДЧЕНКО

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Рокочет моря вспененный накат,
колышут рожь раздольные поля.
Нет, ты досталась мне не напрокат,
мой первый крик слыхавшая земля!

Земля, земля в цвету или в дыму!
Еще беспечным школьником я был,
в любви не открывался никому,
когда тебя без памяти любил.

Ты мне давала хлеб и молоко,
от вражьих пуль я был тобой храним.
Сказать «ура», «да здравствует» легко,
мы слишком часто это говорим.

Но самый лучший праздничный наряд
не надевают день за днем подряд,
и то, что в сердце надобно беречь,
не заменяют возгласы и речь.

Нет, Родину сильнее любит тот,
кто молча телом закрывает дот
и кто, ее приказ почтя за честь,
немногословно отвечает:
— Есть!

Ее любить — не сладко говорить,
а в трудный час не подгибать колен,
ее любить — ей сердце подарить
и ничего
не требовать
взамен!

БУКЕТ

Бывало по-всякому:
знойно, дождливо и вьюжно,
и жжет лихорадка,
и нет в вещмешке сухаря.
Не нужно отличий
и титулов громких не нужно,
хочу сознавать лишь,
что прожил на свете не зря.

Нет, я не в обиде,
что вовсе не числюсь по спискам,
написанным славой —
ее золотою рукой,
и в парке культуры
не встану литым обелиском,
и девушки дальней
ничем не нарушу покой.

Но в бой поднимая
остатки истерзанной роты,
я видел в грядущем
сквозь мертвое пламя ракет,
как девушка эта
живет и не знает заботы
и там, где я падал,
цветы собирает в букет.

ФОТОГРАФИЯ

Давно не безразлично маме
с ее натурою прямой,
что все позднее вечерами
сын возвращается домой.

Стараясь не будить домашних,
он спать ложится без еды.
А сквозь окно глядят две влажных,
две удивительных звезды.

Упало фото возле стула,
скользнула света полоса,
и мать нечаянно взглянула
в большие девичьи глаза.

Как будто встретившись с бедою,
она присела у стола.
Себя считала молодою,
а, значит, молодость прошла.

И как прошла, и как промчалась —
что ливень в майскую грозу...
Неслышно выдавила жалость
скупую жгучую слезу.

Сын взрослым стал — такое дело,
его нельзя не понимать.
Со снимка радостно глядела
чужая молодость на мать.

Она любимого обнимет,
заменит всех в его судьбе
и часть того тепла отнимет,
что предназначено тебе.

Но вспомни: ведь и ты когда-то
вдаль, за околицу села,
в разгар весеннего заката
чужого сына увела.

НЕ МЕНЯ ЖДЕТ ШКОЛЬНИЦА

Стал седеть, а помнится:
первая любовь
тоненькая школьница,
выгнутая бровь.

Зубы — блестки инея,
снега полоса.

Ледяные синие
теплые глаза.

Стал седеть, а помнится:
вечер у ворот,
дождик, точно конница,
в мостовую бьет.

Под незабываемый
тихий шелест струй
вечный,
несмываемый
первый поцелуй...

Что потом?.. Не спрашивай,
дальше знаешь сам:
топот роты маршевой,
пламя к небесам.

...Ждет мальчишку школьница
там же, у ворот.
Дождик, словно конница,
в мостовую бьет.

* * *

Чтобы в сердце отразиться
и оставить след,
свет звезды ко мне стремится
миллионы лет.

Вот цена за право сниться,
подвигом маня...
А тебе — поднять ресницы,
глянуть на меня!

ВИССАРИОН САЯНОВ

ПОКОЛЕНИЕ

Мы себя, пожалуй, не жалели,
Сил своих совсем не берегли...

Второпях свои мы песни спели,
А в чужих напевах не нашли
Силы той, что двигала громами,
Силы той, что управляла нами

В ежедневных будничных заботах
И в больших деяниях земных.

Мы на всех житейских поворотах
Верили лишь в правду дел своих...

Что сказать? Мы очень трудно жили,
Сил своих совсем не берегли,
Мы порой без спросу в дом входили,
Кой-где двери кулаком открыли,
Кой-где, может, невзначай прошли
Мимо счастья тихого и мимо
Ждавшей нас сердечной теплоты...

Но скажи, далекий правнук, ты:
Разве мы не правы, и неужто
Можно было по-другому жить
В наше время, время грозовое?

К берегам грядущего доплыть
Можно, лишь забывши о покое.
Молодость свою я славлю вновь,
Громкую, как выстрел, славлю дружбу,
Чистую, как снег в горах, любовь!

РАЗДУМЬЕ

Дремлет лодочник у перевоза,
Обступила кругом тишина,
Опушилась недавно береза,
Зеленеет на взгорье она.

Что-то странное нынче со мною...
Это молодость снова зовет
Марсианскою голубизною
Восходящих под звезды высот.

Вся полна она замыслов юных...
Что ж, со мною побудь в тишине.
Снова песню качает на струнах,
Как рыбачий челнок на волне.

Видишь, радуга там, за мостами,
Осторожно ушла в синеву.
Не старею душой и мечтами,
Я сегодня, как прежде, живу.

Хороши эти майские грозы...
К безудержному буйству манят
Все проселки за тем перевозом,
Где гремел их могучий раскат.

А с небес в эту пору не сходят
Переливчатых красок огни.
Друг мой, стих мой, с тобой мы в походе
И сейчас, как в минувшие дни.

Все равно, сколько б жить ни осталось,
Будем вместе скитаться и петь.
Хорошо нам с тобой и под старость
В это майское небо смотреть.

ВЕНГЕРСКАЯ РАПСОДИЯ

Знакомая мелодия
Меня из тьмы зовет,
Венгерская рапсодия
Над городом плывет.

И входит в память медленно
Ее напев простой,
Все мы, как было велено,
Тогда спешили в бой.

Давно то было, помнится,
И трудно было нам,
Всю ночь скакала конница
По снеговым степям.

И нежная мелодия
В далекий путь звала,
Венгерская рапсодия
Медлительно плыла.

В немеркнущем сиянии
Блестел в потемках снег,
Ее очарование
Нельзя забыть вовек.

И давней ночью снежною
Она вела вперед,
Печальная и нежная,
Что в памяти живет.

Забыть ли, темноокая,
Ведь всем ты нам родна,
Венгерская, далекая,
Чужая сторона.

Ведь вместе с Матэ Залкою
В поход ходила ты,
И давнею закалкою
Сроднили нас фронты.

Во всем твое подобие,
О молодость моя,
Венгерская рапсодия
Зовет из забытья.

И виден ночью лунною
Над Будапештом свет,
То наше время юное
Встает за далью лет.

Знакомая мелодия
Опять из тьмы зовет,
Венгерская рапсодия
Над городом плывет.

ТРУБАЧИ ПЕРВОЙ КОННОЙ

ЛЕГЕНДА

Лишь вечер настанет, дорогой степной
Над берегом конники скачут,
И медные трубы, одна за другой,
То громко смеются, то плачут.

И в долгие летние ночи они
Летят под малиновым стягом
Везде, где сражались в минувшие дни,—
По рыжим степям, по оврагам.

Хоть кони донские всегда хороши,
Но эти — особенной масти,
И песню играет трубач от души
И всем ее дарит на счастье.

И ветру могучих коней не догнать —
Летят по просторам России...
И Первую Конную славят опять
Ее трубачи молодые.

И реют, как птицы, на резком ветру
Пробитые пулями стяги.
И всадники скачут на вечном смотру
По слову военной присяги.

БАГРИЦКИЙ

Тридцатилетье с той поры прошло,
С тех дней тридцатилетье миновало,

Взгляну назад — становится светло,
И вижу все — от земляного вала.

От нашей первой встречи до того
Последнего простуженного часа,
Когда в снегах проезда твоего
Сто конников тебе навстречу мчатся,

Чтоб выручить, чтоб вырвать, чтоб спасти,
Чтоб гроба не было на колее знакомой...
Но встретили нежданно на пути
Усталого седого военкома.

И безнадежно он махнул рукой,
И стало тихо в каменном проезде,
Где слабый свет разорванных созвездий
Струился слабо теплою зимой.

Но не созвездья помню — тихий дом,
Где пел ты, сидя на тахте широкой,
И говорил мне иногда с трудом
О зрелости, до боли одинокой...

А мальчики-поэты — те всегда
К тебе стучались с первыми стихами...
И проходили дружные года,
Перекликаясь на рассвете с нами.

Но бьют часы. Уходит человек.
Другой глядит печальными глазами
И маленьких двух рыбок прямо в снег
Роняет вдруг дрожащими руками.

Они поэту не нужны теперь...
Напоминает сердцу о печали
Распахнутая настежь дверь
В ту комнату, где песни отзвучали.

* * *

Я никогда не добивался славы
И для того на свете, может, жил,
Чтоб в поздний вечер юноша кудрявый
Мои стихи пред боем повторил.

* * *

Неотвратимая, необоримая,
С оканьем медленных северных рек,
Что бы ты мне ни сулила, любимая,
Не отрекусь от тебя я вовек.

* * *

Просил сберечь — не сберегла,
Просил любить — и разлюбила,
Но все же капельку тепла
Ты в сердце у меня забыла.

И мне не холодно, хотя
Обжег морозом ветер жесткий.
Хотя уже настал октябрь
И жгут костры на перекрестке.

И, всем запретам вопреки,
Во всем — твое очарованье,
Везде — тепло твоей руки
И легкое твое дыханье.

ВСТРЕЧА

Огромный зал был переполнен,
И кто-то, выйдя из рядов,
Нежданно Ленину напомнил,
Что в этом зале Шелгунов.

«Где он?»
— «Вот этот, с бородою,
В косоворотке и очках».
— «А, помню, силой молодою
Хвалился, что была в руках».

— «Он и сейчас силен... Но зренье...
Ведь он давно уже слепой».
— «А нашего ж он поколенья...»
И вдруг, слегка взмахнув рукой,
Ильич президиум покинул —
И прямо к Шелгунову в зал.

Слегка нагнул, сутулясь, спину,
Поцеловал его, обнял.

Взглянул в глаза его слепые
И вспомнил даль ушедших лет,
Когда забрезжил над Россией
Незабываемый рассвет.

Была та жизнь им не по нраву...
И, думой полные одной,
Припомнили, грустя по праву,
Сегодня Невскую заставу
Ильич и друг его слепой.

Собрания кружков рабочих,
Конспиративную страду
И свет далекой белой ночи
В навеки памятном году.

МАЛО!

Все меняется в веке двадцатом,
В блеске рвущихся к Марсу ракет
Белой ночью взрывается атом,
Возникает невиданный свет.

Как загадочно их измененье...
Смотрит старый седой человек,
Долго молча следит за теченьем
Бесконечных космических рек,

За сверкающей в небе ракетой,
Убегающей прямо к Луне...
Ведь свершается полночью этой
То, о чем он мечтал в тишине.

Только чувствует: сердце устало.
Лопнет где-то мельчайший сосуд...
И покажется: сделано мало,
Слишком медленно время шагало,
До Луны лишь огонь донесут...

А мечтал, что другие планеты
Покорят — и при жизни его...
Жалко все же расстаться со светом,
Не увидевши то торжество...

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

ЗДРАВИЦА

Всю жизнь имел я имя, отчество,
Растил сознание свое...
Поверь, товарищ, так не хочется
Переходить в небытие.

Не то чтоб возрастом преклонное
Мне тело жаль земле отдать,—
Предметы неодушевленные
Я так люблю одушевлять!

Несется лодка по течению,
В ней рыбаки плывут домой...
Напишешь песню-сочинение —
Река становится живой!

А темный лес? Заставим старого
Поверить в наши чудеса:
Певуче будут разговаривать
Полезащитные леса.

В частушке воину отказывать?
Она удобна и проста,
Ее не чистить и не смазывать —
Она душевна и чиста.

Не рукописью в старом шкапике,
Не у Истории на дне —

Несись, моя живая капелька,
В коммунистической волне!

Друзья мои! Поднимем здравицу
За все, что нужно молодым,
Им без стихов ни с чем не справиться,
Им всем поэт необходим!

РОССИЯ

Россия! Ведь это не то что
Ямщик — захудалая почта.
Россия! Ведь это не просто
Плакучая ива у моста.

По оползням древних оврагов
Медвежьей походкой века
Прошли от последних варягов
До первого большевика.

И пусть, по преданьям старинным,
Богатства не счесть твоего —
Кончалось аршином сатина,
Россия, твое щегольство.

Тебе сквозь кабацкую слабость
Несла перекатная голь
Свою однодневную радость,
Свою ежедневную боль.

Неловко поправив рубаху,
К мучительной смерти готов,
На Лобное место без страха
Взошел Емельян Пугачев.

Сквозь гущу полярного мрака,
Махая в пути посошком,
Учиться к московскому дьяку
Идет Ломоносов пешком.

Встает петербургское утро,
Безмолвно стоит караул,

На Софью Перовскую грустно,
Прощаясь, Желябов взглянул...

Россия во мраке казенном
Склонялась над каждым казненным,
Россия без слез и без жалоб
Прекрасных сынов провожала.

И пишет чиновник приказный
Еще и еще имена...
За казнями следуют казни,
Идет за войною война.

За русской добычей богатой
Японский спешит капитал.
И навзничь ефрейтор женатый
Среди гаоляна упал...

А время над миром голодным
Неслось и неслось неспроста,—
В истории Прага и Лондон
Свои занимают места.

— Трудиться нельзя безвозмездно!
Спасайте бездомных ребят! —
Тревожно партийные съезды
Ударили в русский набат.

Как труден, Россия, как горек
Был путь исторический твой!
Но вот я уже не историк,
А битвы участник живой.

Да! Я принимаю участье
В широких шеренгах бойцов,
Чтоб в новое здание счастья
Вселить наконец-то жильцов!

Недаром я молодость отдал,
Россия, за славу твою,
Мои комсомольские годы
Еще остаются в строю.

Полвека я прожил на свете,
Но к юности все же тянусь,

Хотя подрастающим детям
Уже патриархом кажусь.

Спокойные пенсионеры
О прошлом своем говорят,
А рядом идут пионеры,
Как сто Ломоносовых в ряд.

Они электричество знают,
Грядущее зрят наяву,
Пред ними с любовь склоняет
Природа седую главу.

Пред ними дубы вековые,
Как верные стражи в пути...
По мирным просторам России
Идти бы еще да идти!

Не то чтобы в славе и блеске
Другим поколеньям сверкать,
А где-нибудь на перелеске
Рязанской березою встать!

ГОРИЗОНТ

Там, где небо встретилось с землей,
Горизонт родился молодой.
Я бегу, желанием гоним.
Горизонт отходит. Я за ним.

Вот он за горой, а вот — за морем...
Ладно, ладно мы еще поспорим!

Я в погоне этой не устану,
Мне здоровья своего не жаль.
Будь я проклят, если не достану
Эту убегающую даль!

Все деревья заберу оттуда,
Где живет непойманное чудо.
Всех зверей мгновенно приручу...
Это будет, если я хочу!

Я пущусь на хитрость, на обман...
Сбоку подкрадусь... Но как обидно —
На пути моем встает туман,
И опять мне ничего не видно.

Я взнуздал отличного коня —
Горизонт уходит от меня.

Я перескочил в автомобиль —
Горизонта нет, а только пыль.
Я купил билет на самолет.
Он теперь, наверно, не уйдет!

Ровно, преданно гудят моторы,
Горизонта нет, но есть просторы!

Есть поля, готовые для хлеба,
Есть еще не узнанное небо,
Есть желание! И будь благословенна
Этой каждой дали перемена!..

Горизонт мой! Ты опять далек?
Ну, еще, еще рывок!
Как преступник среди бела дня,
Горизонт уходит от меня!

Горизонт мой... Я ищу твой след,
Я ловлю обманчивый изгиб.
Может быть, тебя и вовсе нет?
Может быть, ты на войне погиб?

Мы — мои товарищи и я —
Открываем новые края.
С горечью я чувствую теперь
Сколько было на пути потерь!

И пускай поднялись обелиски
Над людьми, погибшими в пути,—
Все далекое ты сделай близким,
Чтоб опять к далекому идти!

МОЯ ПОЭЗИЯ

Нет! Жизнь моя не стала ржавой,
Не оскудело бытие...
Поэзия — моя держава,
Я вечный поданный ее.

Не только в строчках воспаленных
Я дань эпохе приношу,—
Пишу для будущих влюбленных
И для расставшихся пишу.

О, сколько мной уже забыто,
Пока я шел издалека!
Уже на юности прибита
Мемориальная доска.

Но все ж дела не так уж плохи,
Но я читателю знаком —
Шагал я долго по эпохе
И в обуви и босиком.

Отдался я судьбе на милость,
Накапливал свои дела.
Но вот Поэзия явилась,
Меня за шиворот взяла.

Взяла и выбросила в гущу
Людей, что мне всегда сродни:
— Ты объясни, что — день грядущий,
Что — день прошедший,— объясни!

Ни от кого не обособясь,
Себя друзьями окружай.
Садись, мой миленький, в автобус
И с населеньем поезжай.

Ты с ним живи и с ним работай
И подними в грядущий год
Людей взаимные заботы
До поэтических высот.

И станет все тебе понятно,
И ты научишься смотреть.

И, если есть на солнце пятна,
Ты попытайся их стереть.

Недалеко, у самой двери,
Совсем, совсем недалеко
События рычат, как звери,
Их укротить не так легко!

Желание вошло в привычку —
Для взрослых и для детворы —
Так хочется последней спичкой
Зажечь высокие костры!

И, жаждою тепла влекомы,
К стихотворенью на ночлег
Приходят все — и мне знакомый
И незнакомый человек.

В полярных льдах, в кругу черешен,
И в мирной жизни, и в бою
Утешить тех, кто не утешен,
Зову Поэзию свою.

Не постепенно, не в рассрочку
Я современникам своим
Плачу серебряною строчкой,
Но с ободочком золотым.

Вставайте над землей, рассветы,
Струись над нами, утра свет!..
Гляжу на дальние планеты —
Там ни одной березы нет!

Мне это деревцо простое
Преподнесла природа в дар...
Скажите мне,— ну, что вам стоит! —
Что я еще совсем не стар.

Что жизнь, несущаяся быстро,
Не загнала меня в постель.
И что Поэзия, как выстрел.
Гремела, била точно в цель!

ОДИНОЧЕСТВО

Николаю Доризо

Как узнать мне безумно хочется
Имя-отчество одиночества!
Беспризорность, судьба несчастная —
Дело личное, дело частное.

Одинокая ночь темна
Мать задумалась у окна —
Бродит мальчик один в степи.
Ладно, миленький, потерпи.

У отца умирает сын.
Что поделаешь? Ты — один.
Вот весной на краю села
Пышно яблоня расцвела.
Ну, а зелени нет кругом —
Не всегда же в саду живем!

Вот и я за своим столом
Бьюсь к бессмертию напролом,
С человечеством разлучась,—
Очень поздно: четвертый час.

Ходит ночью любовь по свету.
Что же ты не пришла к поэту?
Что упрямо со дня рожденья
Ищешь только уединенья?

Стань общительной, говорливой,
Стань на старости лет счастливой.

ЛЮБОВЬ

Быть может, в разговорах откровенных
Шагая с молодежью по нови,
Увижу я средь лиц обыкновенных
Встревоженную мордочку любви.

Поверь мне, ты ничуть не постарела,
Что для тебя земная дань годам!

Бегут двадцатилетние пострелы
По светлой стежке — по твоим следам.

До старости, до смерти сохранится
Твой образ, появившийся вдали,—
В простом платке, а над тобой зарницы
Грузинским садом пышно расцвели.

Сама заря стоит у изголовья,
Ночь для тебя сменяет караул...
Я с твоего плеча с такой любовью
Бестактного комарика стряхнул!

И этих чувств волшебных излученье
Сейчас меня на подвиг позовет,
Отчаянное кровообращенье
Сейчас мне стенки сердца разорвет!..

Рассвет, как долгожданное известье,
Явился к нам. Мир полон ворожбы.
Возьмем лукошки, милая, и вместе
Пойдем по чудеса, как по грибы.

И приютит нас древняя дубрава,
И старые дубы прошелестят:
«Такой любви мы не видали, право,
Чтоб не солгать, лет этак пятьдесят!»

ЧУВСТВА В СТРОЮ

Любовь — не обручальное кольцо,
Любовь — это удар в лицо
Любой несправедливости!
И в этом
Я убедился, будучи поэтом.

О дружбе возглашают не фанфары,
А двух сердец согласные удары.
И, скромное, ты не трубишь призывно.
О благородство,— ты конспиративно.

Я убеждаю всех без всякой меры,
Что чувства наши — не пенсионеры.
Они со мной — солдатами в строю,
И я — поэт — им звания даю.

Какое чувство сделать генералом?
Такое, что заботится о малом,
Такое, что истратило все средства,
Конфетами одаривая детство...
Но как же я оставлю без вниманья
Моих старшин — мои воспоминанья?

Воспоминания! Со мной вы жили-были,
Но пионеры в горны затрубили,
И вижу я уже не день вчерашний.
А будущее, словно флаг на башне.

ПРИЗНАНИЕ

Юности своей я не отверг,
Нравится мне снова все, что делаю,
Будто после дождичка в четверг
Расцвели сады оледенелые.

Если жив я, и любовь жива!
Для тебя, единственная, ласковая,
Я нашел хорошие слова,
Лучшие из словарей вытаскивая...

Не так легко сравнение найдешь,
Твои глаза в стихотворенье просятся.
Как голубые ведрышки несешь
Ты их на коромысле переносицы.

Я повторять вовеки не смогу
Твои слова, горячие и близкие,—
Ведь речь твоя способна и в пургу
Всех журавлей призвать в поля российские.

Я всех людей могу богаче быть,
Нет у меня, поверь, на бедность жалобы,
И, чтоб тебе вселенную купить,
Мне, может быть, копейки не хватало бы...

Мне много жить и пережить пришлось,
Но я тебе заносчиво и молодо,
Как связку хвороста, мечты свои принес —
Зажги костер, погрейся, очень холодно...

ЛЕНИН СМОТРИТ НА НАС

Хочется без конца
Думать об Ильиче,
Будто рука отца
Вновь на твоем плече.

Рвался в бою металл,
Бился с врагом солдат,
Подвиг сопровождал
Мудрый отцовский взгляд.

Множится ширь полей,
Голос их слышишь ты:
Нет ничего теплей
Ленинской теплоты!

Ленин! Все видит он —
Звезды полярной мглы,
Мчащийся эшелон
Кедров таежных стволы...

Не уставай, рука!
Помните каждый час:
Совесть большевика —
Ленин смотрит на нас!

* * *

Все ювелирные магазины —
они твои,
Все дни рожденья, все именины —
они твои.
Все устремленья молодежи —
они твои.
И смех, и радость, и песни тоже —
они твои.

И всех счастливых влюбленных губы —
                                        они твои.
И всех военных оркестров трубы —
                                        они твои.
Весь этот город, все эти зданья —
                                        они твои.
Вся горечь жизни и все страданья —
                                        они твои.

Уже светает.
Уже порхает стрижей семья
Не затихает,
Не отдыхает любовь моя.

* * *

Я прославить должен
                        как поэт
Скромность человеческих
                        побед,
Милое лицо простое
И обыкновенные черты...
И на этом зиждутся устои
Правды, веры, славы, красоты.

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

ЛЕНИН

Оттого, что Ленин жил на свете,
Оттого, что жив он и сейчас,—
Чудища двадцатого столетья
Не сомнут, не одолеют нас!

Звонче голос новых поколений,
Свежих сил все явственней прилив
Оттого, что жил на свете Ленин,
Оттого, что и сейчас он жив.

И не сдержат ветхие границы
Силу дружбы миллионных масс:
Мир
        в борьбе за мир
                                объединится
Оттого, что Ленин среди нас.

* * *

Не верьте моим фотографиям,
Все фото на свете — ложь.
Да, я не выгляжу графом,
На бурлака непохож,

Но я не безликий мужчина.
Очень прошу вас учесть:

У меня, например, морщины,
Слава те господи, есть;

Тени — то мягче, то резче,
Впадина, угол, изгиб —
А тут от немыслимой ретуши
В лице не видно ни зги.

Такой фальшивой открытки
Приятелю не пошлешь.
Но разве не так же в критике
Встречается фотоложь?

Годами не вижу счастья,
Как будто бы проклят роком!
А мне иногда ненароком
И правду сказать случается,

А я человек с теплынью.
Но критик,
                    на руку шибкий,
Ведет и ведет свою линию:
«Ошибки, ошибки, ошибки...»

В стихах я решаю темы
Не кистью, а мастихином,
В статьях же выгляжу схемой
Наперекор стихиям:

Глаза отливают гравием,
Промахов гул нестихаем...
Не верьте моим фотографиям:
Верьте моим стихам!

* * *

Вам говорю, блюдолизам,
Работающим
                    шито-крыто,
Готовым социализм
Сменить на свиное корыто:
Не смейте болтать праздно
О дружбе, свободе и счастье!

Народу
нужна
Правда,—
Чем горше она, тем слаще.

* * *

Я слоняюсь в радости недужной,
Счастье ты мое, моя тоска...
Ничего мне от тебя не нужно —
Ни дыхания, ни шепотка,

Ни твоих ладошек полудетских,
Из которых пил бы я тепло,
Ни полупоклонов ваших дерзких,
Будто мне подаренных назло.

Не голубка — ты скорее сокол,
И тебя стрелою не добыть.
Но ведь оттого, что ты высоко,
Женщиной не перестала быть,—

И мое далекое страданье,
Стиснутое, сжатое толпой,
Розой,
окровавленной
в стакане,
Будет полыхать перед тобой.

ЗАКЛИНАНЬЕ

Позови меня, позови меня,
Позови меня, позови меня!

Если вспрыгнет на плечи беда,
Не какая-нибудь, а вот именно
Вековая беда-борода,
Позови меня, позови меня,
Не стыдись ни себя, ни меня —
Просто горе на радость выменяй,
Растопи свой страх у огня!

Позови меня, позови меня,
Позови меня, позови меня,
А не смеешь шепнуть письму,
Назови меня хоть по имени —
Я дыханьем тебя обойму!

Позови меня, позови меня,
Поз-зови меня...

* * *

Не знаю, как кому, а мне
Для счастья нужно очень мало:
Чтоб ты приснилась мне во сне
И рук своих не отнимала,
Чтоб кучевые две гряды,
Рыча, валились в поединок
Или петлял среди травинок
Стакан серебряной воды.

Не знаю, как кому, а мне
Для счастья нужно очень много:
Чтобы у честности в стране
Была широкая дорога,
Чтоб вечной ценностью людской
Слыла душа, а не анкета,
И чтоб народ любил поэта
Не под критической клюкой.

ДМИТРИЙ СЕМЕНОВСКИЙ

* * *

Ты видишь красивые, странные сны,
То смутны они, то так ярки, ясны.
Однажды, как в жизни, увидела ты:
В руках у тебя увядают цветы.

Отец твой текстильным художником был,
В цветы он фабричные ткани рядил,
И дочери, верно, в наследство даны
Глаза живописца и вещие сны.

Ты любишь разглядывать лица других,
Их чувства угадывать, думать за них.
Так смотрит художник, рисуя портрет,
Искусства лучом озарен и согрет.

И если б не ты, не сложился бы стих
И не было б строчек твоих и моих.
Суровую явь наряжая в цветы,
Проходишь по жизни художницей ты.

* * *

Мы с тобой — совсем бродяги:
Нам бы лишь леса,

Ледяной родник в овраге,
Тропка средь овса.

Мы с тобой — совсем цыгане:
Спать бы нам в стогу.
Жечь костер в ночном тумане
На сыром лугу.

И не надо нам богатства,
Лишь бы в смене лет
По дорогам любоваться
Нам на вольный свет.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

* * *

Я не могу писать тебе стихов —
Ни той, что ты была, ни той, что стала.
И, очевидно, этих горьких слов
Обоим нам давно уж не хватало.

За все добро — спасибо! Не считал
По мелочам, покуда были вместе,
Ни сколько взял его, ни сколько дал,
Хоть вряд ли задолжал тебе по чести.

А все то зло, что на меня, как груз,
Навалено твоей рукою было,
Оно мое! Я сам с ним разберусь,
Мне жизнь недаром шкуру им дубила.

Упреки поздно на ветер бросать,
Не бойся разговоров до рассвета.
Я просто разлюбил тебя. И это
Мне не дает стихов тебе писать.

ЧУЖАЯ ДУША

Дурную женщину любил,
А сам хорошим парнем был,
С врагами — не застенчивым,
К друзьям — не переменчивым;

Умел приехать к другу,
Подать в несчастье руку,
Поднять в атаку роту,
Стать грудью в непогоду!

Был и умен, и добр, и смел,
И верен был отчизне,
И одного лишь не умел
В своей короткой жизни:

Взять отодвинуть взглядом
И рассмотреть как следует
Ту, что живет с ним рядом,
Что спит с ним и обедает;

Ту, что с их первой встречи
Была с ним всех короче,
И жизнь его калеча,
И честь его пороча...

А эта, с кем он жил, она —
Могу ручаться смело,—
Что значит слово-то «жена»,
Понятья не имела.

Свои лишь ручки, ноженьки
Любила да жалела,
А больше ничегошеньки
На свете не умела:

Ни сеять, ни пахать, ни жать,
Ни думать, ни детей рожать,
Ни просидеть сиделкою,
Когда он болен, ночь,
Ни самою безделкою
В беде ему помочь.

Как вспомнишь — так в глазах темно,—
За жизнь у ней лишь на одно
Умения хватило —
Свести его в могилу!

А где же были мы — друзья?
Тут виноват и ты и я!

Молчали, замечали
Да головой качали:

Мол, вроде, неприлично
Касаться жизни личной.
Да так и не коснулись,
Как умер лишь — проснулись!

* * *

«Дружба — дружбой, а служба—службой» —
Поговорка-то золотая,
Да бывает так, что без нужды
Изо рта она вылетает.

Чуть ругнут тебя на все корки,
Гром — за дело ль, без дела ль — грянет,
Под удобную поговорку,
Как под крышу, спрячутся дряни.

Как под зонтиком в непогоду,
Будут ждать под ней хоть полгода,
С бывшим другом играя в прятки,
Пока вновь не будешь «в порядке».

Упрекнешь их — ответят тут же:
«Дружба — дружбой, а служба — службой».
Срам прикроют листком шутки
И пойдут, встряхнувшись, как утки.

Снова — ты им за дорогого,
Снова — помнят дорогу к дому,
Долго ль, коротко ль? — До другого
Им послышавшегося грома.

Не в одной лишь дружбе накладны
Эти маленькие иуды:
Что дружить не умеют — ладно,
Да ведь служат-то тоже худо!

* * *

Зима сорок первого года —
Тебе ли нам цену не знать!
И зря у нас вышло из моды
Об этой цене вспоминать.

А все же, когда непогода
Забыть не дает о войне,
Зима сорок первого года,
Как совесть, заходит ко мне.

Хоть шоры на память наденьте!
А все же поделишь порой
Друзей — на залегших в Ташкенте
И в снежных полях под Москвой.

Что самое главное — выжить
На этой смертельной войне.
Той шутки бесстыжей не выжечь,
Как видно, из памяти мне.

Кто жил с ней и выжил, не буду
За давностью лет называть...
Но шутки самой не забуду,
Не стоит ее забывать.

Не чтобы ославить кого-то,
А чтобы изведать до дна,
Зима сорок первого года
Нам верною меркой дана.

Пожалуй, и нынче полезно,
Не выпустив память из рук,
Той меркой, прямой и железной,
Проверить кого-нибудь вдруг!

ДОМ ДРУЗЕЙ

Дом друзей, куда можно зайти безо всякого,
Где и с горя и с радости ты ночевал,
Где всегда приютят и всегда одинаково,
Под шумок, чем найдут, угостят наповал.

Где тебе самому руку стиснут до хруста,
А подарок твой в угол засунут, как хлам;
Где бывает и густо, бывает и пусто,
Чего нет — того нет, а что есть — пополам.

Дом друзей, где удач твоих вовсе не ценят
И где счет неудачам твоим не ведут;
Где, пока не изменишься сам,— не изменят,
Что бы ни было — бровью не поведут!
Где, пока не расскажешь, допросов не будет,
Но попросишь суда — прям, как штык, будет суд;
Где за дерзость—простят, а за трусость—засудят,
И того, чтобы нос задирал, не снесут!

Дом друзей — в нем свои есть заботы, потери,—
Он в войну и с вдовством и с сиротством знаком,
Но в нем горю чужому открыты все двери,
А свое, молчаливое,— век под замком.
Сколько раз в твоей жизни при непогоде
Он тебя пригревал — этот дом, сколько раз
Он бывал на житейском большом переходе
Как энзэ — как неприкосновенный запас!

Дом друзей! Чем ему отплатить за щедроты?
Всей любовью своей или памятью всей?
Или проще — чтоб не был в долгу у него ты,
Сделать собственный дом также домом друзей?
Я хотел посвятить это стихотворенье
Той семье, что сейчас у меня на устах,
Но боюсь,— там рассердятся за посвященье,
А узнать себя — верно, узнают и так!

ЛЮБОВЬ

Случается, в стране чужой
Среди людей сидишь, как свой,
Не важно — ты или другой,
Сидишь до слез им дорогой
За то, что ты — не просто ты,—
Есть люди лучше и умней,—
За то, что есть в тебе черты
Далекой родины твоей!
С тобою люди говорят

Так,
      и в глаза твои глядят
Так,
      и ответный ловят взгляд
Так —
         будто не с одним сидят
С тобой и не один до дна
Ты всей душою им открыт,
А будто вся твоя страна
В гостях в их комнате сидит.

И если в домике простом
Последний грош идет ребром,
Чтоб только угостить тебя,—
И будь что будет там потом;
И если среди ночи двух
Своих детей разбудит мать,
Чтобы твое пожатье рук
Потом не раз им вспоминать;
И если с митинга, сквозь строй
Фашистской молодой шпаны
Ведут тебя, прикрыв собой,
Три парня, словно три стены,—
Себе, не вздумай, не присвой
Всей силы этих чувств людских:
Знай твердо, что виновник их
Не ты — народ великий твой.

В любви к тебе был виноват
И бородатый тот солдат,
Что с пулеметом Зимний брал,
Когда в пеленках ты орал,
И тот селькор, что за колхоз
Пошел бесстрашно под обрез.
И тот, кто строил Днепрогэс,
Когда еще ты в школе рос,
И тот боец в донских степях,
Что пал лицом на дымный снег,
И пленный тот, что в лагерях
Семь наций поднял на побег.

И если выпадает честь
Тебе в чужой стране, вдали,
Принять всю разом, всю, что есть,

Любовь, что люди берегли,—
Быть почтальоном для нее
И то неслыханный почет.
Пусть в сердце малое твое,
Как в сумку, вся она втечет —
Ни капли не присвоив сам,—
Ты человек, а не страна,—
Доставь ее по адресам,
Куда отправлена она!

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ В ТОКИО

Новогодняя ночь,
новогодняя ночь!
Новогодняя — первая после войны.
Как бы дома хотел я ее провести,
чтобы — я,
чтобы — ты,
чтоб — друзья...
Но нельзя!
И ничем не помочь,
и ничьей тут вины:
просто за семь тыщ верст
и еще три версты
этой ночью мне вышло на пост заступать,
есть и пить,
и исправно бокал поднимать,
и вставать,
и садиться,
и снова вставать
на далекой, как Марс, неуютной земле.
«Мистер Симонов» — карточка там на столе,
чтоб средь мистеров прочих
нашел свой прибор,
чтобы с кем посадили —
с тем и вел разговор.
И сидит он, твой снова уехавший муж,
и встает он, твой писем не пишущий друг,
за столом, среди чуждых ему тел и душ,
оглядев эти пьющие души вокруг,
и со скрипом на трудном, чужом языке
краткий спич произносит с бокалом в руке.

Пьют соседи, тот спич разобрав приблизительно.
А за окнами дождик японский, пронзительный,
а за окнами Токио в щебне и камне...
Как твоя бы сейчас пригодилась рука мне —
просто тихо пожать,
просто знать, что вдвоем.
Мол, не то пережили,—
и это переживем...
А вообще говоря — ничего не случилось;
просто думали — вместе, и не получилось!
Я сижу за столом,
не за тем, где мне были бы рады,
а за этим,
где мне
никого ровным счетом не надо:
ни вот этого рыжего, как огонь,
истукана,
что напротив, как конь,
пьет стакан за стаканом,
ни соседа — майора, жующего
с хрустом креветки,
ни того вон, непьющего
парня из ихней разведки,
ни второго соседа,
он, кажется, тоже — оттуда
и следит всю беседу,
чтобы моя не пустела посуда;
даже этого, ласкового,
с нашивкой «Морская пехота»,
что все время вытаскивает
разные детские фото,—
и его мне не надо,
хоть, кажется, он без затей —
и, по первому взгляду,
действительно любит детей.
До того мне тут пусто,
до того — никого,
что в Москве тебе чувства
не понять моего!
А в остальном с моею персоной
тут никаких не стрясется страстей.
Новый год. В клубе местного гарнизона
пьют здоровье русских гостей,
у нас в порядке и «пассы» и визы,

и Берлин еще слишком недавно взят,
и полковник,
прикрыв улыбкою вызов,
как солдат
пьет за нас —
за бывших солдат!
Это завтра они нам палки в колеса
будут совать изо всех обочин!
Это завтра они устроят допросы
говорившим со мной японским рабочим,
это завтра они, чтоб не ехал на шахту,
не продадут мне билета на поезд.
Это завтра шпиков трехсменную вахту
к нам приставят,
«за нашу жизнь беспокоясь»!
Насуют провожатых, как в горло кости,
чтоб ни с кем не встречались,— дадут нам бой!
Все это — завтра!
А пока — мы гости:
— Хелс ту ю.
— Рашен солджерс!
— Рашен фрэндс!
— Рашен бойс! [1]
...Новогодняя ночь,
новогодняя ночь! —
Не была ль ты поверкою после войны,
как мы в силах по дому тоску превозмочь
и как правилам боя остались верны
на пороге «холодной войны»?
Нам мечталась та ночь
вся в огнях,
в чудесах,
вся одетая в русской зимы красоту,
а досталось ту ночь
простоять на часах,
под чужими дождями,
на дальнем посту!
Ни чудес, ни огней,
ничего —
разводящим видней,
где поставить кого.

[1] По-английски «Ваше здоровье», «Русские солдаты», «Русские друзья», «Русские парни».

БОРИС СЛУЦКИЙ

ЛОШАДИ В ОКЕАНЕ

Лошади умеют плавать.
Но — нехорошо. Недалеко.

«Глория» — по-русски значит «слава».
Это вам запомнится легко.

Шел корабль, своим названьем гордый,
Океан старался превозмочь.

В трюме, добрыми мотая мордами,
Тыща лошадей топталась день и ночь.

Тыща лошадей — подков четыре тыщи!
Счастья все ж они не принесли.

Мина кораблю пробила днище
Далеко-далеко от земли.

Люди — сели в лодки. В шлюпки — влезли.
Лошади — поплыли просто так.

Как же быть и что же делать, если
Нету мест на лодках и плотах?

Плыл по океану рыжий остров.
В море, в синем, остров плыл гнедой.

И сперва казалось — плавать просто,
Океан казался им рекой.

Только нет у этой речки края.
На исходе лошадиных сил

Вдруг заржали кони, возражая
Тем, кто в океане их топил.

Кони шли на дно и ржали, ржали,
Все на дно покуда не пошли.

Вот и все, а все-таки мне жаль их —
Рыжих, не увидевших земли.

* * *

Я говорил от имени России,
Ее уполномочен правотой,
Чтоб излагать с достойной полнотой
Ее приказов формулы простые.
Я был политработником. Три года —
Сорок второй и два еще потом.
Политработа — трудная работа.
Работали ее таким путем:
Стою перед шеренгами неплотными,
Рассеянными час назад
                                        в бою,
Перед голодными,
                                перед холодными,
Голодный и холодный.
                                    Так!
                                        Стою.
Им хлеб не выдан,
                                им патрон недодан.
Который день поспать им не дают.
И я напоминаю им про родину.
Молчат. Поют. И в новый бой идут.
Все то, что в письмах им писали
                                                    из дому.
Все то, что в песнях с их судьбой
                                                    сплелось,
Все это снова, заново и сызнова,

Коротким словом — родина — звалось.
Я этот день,
Воспоминанье это,
Как справку
собираюсь предъявить.
Затем,
чтоб в новой должности — поэта —
От имени России
говорить.

ИЗ ПЛЕНА

По базару тачка ехала,
Двухколесная и грязная.
То ли с плачем, то со смехом ли
Люди всякие и разные
На нее смотрели пристально,
Шеи с любопытством выставя,
А потом крестились истово
Или гневались неистово:

Мальчики мал мала меньше
В тачке той лежат
притихшие.
А толкает тачку женщина,
Этих трех мужчин родившая.
По кривой базарной улице
Поступью проходит твердою.
Не стыдится, не сутулится,
А серьезная и гордая.

Мы, фашизма победители,
Десять стран освобождавшие,
Эту бабу не обидели,
Тачку мимо нас толкавшую.
Мы поздравили с победою
Эту женщину суровую
И собрали ей как следует —
Сухарями и целковыми.

ГОЛОС ДРУГА

Памяти поэта Михаила Кульчицкого

Давайте после драки
Помашем кулаками:
Не только пиво-раки
Мы ели и лакали,
Нет, назначались сроки,
Готовились бои,
Готовились в пророки
Товарищи мои.

Сейчас все это странно,
Звучит все это глупо.
В пяти соседних странах
Зарыты наши трупы.
И мрамор лейтенантов —
Фанерный монумент —
Венчанье тех талантов,
Развязка тех легенд.

За наши судьбы (личные),
За нашу славу (общую),
За ту страну отличную,
Что мы искали ощупью,
За то, что не испортили
Ни песню мы, ни стих,
Давайте выпьем, мертвые,
Во здравие живых!

КАК ДЕЛАЮТ СТИХИ

Стих встает, как солдат.
Нет. Он — как политрук,
Что обязан возглавить бросок.
Отрывая от двух обмороженных рук
Землю (всю),
Глину (всю),
Весь песок,
Стих встает, а слова, как солдаты,
лежат.

Стих встает, а кругом ни души:

Вспоминают про избы, про жен, про
ребят.

Подними их,
Развороши!
И тогда политрук — впрочем, что же я
вам
говорю —
стих
хватает наган,
Бьет слова рукояткою по головам,
Сапогом бьет слова по ногам,
И слова из словесных окопов встают,
Выползают из-под словарей,
И бегут за стихом, и при этом — поют,
И бегут — все скорей и скорей.
И, хватаясь (зачеркнутые) за живот,
Умирают, смирны и тихи.
Вот как роту в атаку подъемлют,
и вот
Как слагают стихи.

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

ТОВАРИЩ КОМСОМОЛ

В папахе и обмотках
на съезд на Первый шел
решительной походкой
российский комсомол.

Его не повернули,
истраченные зря,
ни шашки и ни пули
того офицерья.

О том, как он шагает,
свою винтовку сжав,
доныне вспоминают
четырнадцать держав.

Лобастый и плечистый,
от съезда к съезду шел
дорогой коммунистов
рабочий комсомол.

Он только правду резал,
одну ее он знал.
Ночной кулак обрезом
его не задержал.

Он шел не на потеху
в победном кумаче,

и нэпман не объехал
его на лихаче.

С нелегкой той дороги,
с любимой той земли
в сторонку лжепророки
его не увели.

Ему бывало плохо,
но он, упрям и зол,
не ахал и не охал,
товарищ комсомол.

Ему бывало трудно —
он воевал со злом
не тихо, не подспудно,
а именно трудом.

Тогда еще бездомный,
с потрескавшимся ртом —
сперва он ставил домны,
а домики — потом.

По правилам науки
крестьянско-заводской
его пропахли руки
железом и землей.

Веселый и безусый,
по самой сути свой,
пришелся он по вкусу
Отчизне трудовой.

В ДОРОГЕ

Шел поезд чуть ли не неделю.
За этот долгий срок к нему
привыкнуть все уже успели,
как к общежитью своему.

Уже опрятные хозяйки,
освоясь с поездом сполна,
стирали в раковинах майки
и вышивали у окна.

Уже, как важная примета
организации своей,
была прибита стенгазета
в простенке около дверей.

Своя мораль, свои словечки,
свой немудреный обиход.
И, словно где-то на крылечке,
толпился в тамбуре народ.

Сюда ребята выходили
вести солидный разговор
о том, что видели, как жили,
да жечь нежадно «Беломор».

Здесь пели плотные подружки,
держась за поручни с бочков,
самозабвенные частушки
под дробь высоких каблучков.

Конечно, это вам не в зале,
где трубы медные ревут:
они не очень-то плясали,
а лишь приплясывали тут.

Видать, еще не раз с тоскою
парнишкам в праздничные дни
в фабричном клубе под Москвою
со вздохом вспомнятся они.

...Как раз вот тут-то между нами,
весь в угле с головы до ног,
блестя огромными белками,
возник внезапно паренек.

Словечко вставлено не зря же —
я к оговоркам не привык,—
он не вошел, не влез и даже
не появился, а возник.

И потеснился робко в угол.
Как надо думать, оттого,
что в толчее мельчайший уголь
с одежки сыпался его.

Через минуту, к общей чести,
все угадали без труда:
он тоже ехал с нами вместе
на Ангару, в Сибирь, туда.

Но только в виде подготовки
бесед отнюдь не посещал
и никакой такой путевки
ни от кого не получал.

И на разубранном вокзале,
сквозь полусвет и полутьму,
его друзья не целовали
и туша не было ему.

Какой уж разговор об этом!
Зачем лукавить и ханжить?
Он даже дальнего билета
не мог по бедности купить.

И просто ехал верным курсом
на крыше, в угольной пыли,
то ль из орловской, то ль из курской,
мне не запомнилось, земли.

В таком пути трудов немало.
Не раз на станции большой
его милиция снимала
и отпускала: бог с тобой!

И он, чужих чураясь взглядов,
сторонкой обходя вокзал,
как будто это так и надо,
опять на крышу залезал.

И снова на железной койке
дышал остатками тепла.
Его на север жажда стройки,
как одержимого, влекла.

Одним желанием объятый,
одним движением томим...
Так снилась в юности когда-то
Магнитка сверстникам моим.

В его глазах таких открытых,
как утром летнее окно,
ни зависти и ни обиды,
а дружелюбие одно.

И — никакого беспокойства,
и от расчета — ничего.
Лишь ожидание геройства
и обещание его.

ЗЕМЛЯНИКА

Средь слабых луж и предвечерних бликов,
на станции, запомнившейся мне,
две девочки с лукошком земляники
застенчиво стояли в стороне.

В своих платьишках, стираных и старых,
они не зазывали никого,
два маленькие ангела базара,
не тронутые лапами его.

Они об этом думали едва ли,
хозяечки светающих полян,
когда с недетским тщаньем продавали
ту ягоду по два рубля стакан.

Земли зеленой тоненькие дочки,
сестренки перелесков и криниц,
и эти их некрепкие кулечки
из свернутых тетрадочных страниц,

где тихая работа семилетки,
свидетельства побед и неудач
и педагога красные отметки
под кляксами диктантов и задач...

Проехав чуть не половину мира,
держа рублевки смятые в руках,
шли прямо к их лукошку пассажиры
в своих пижамах, майках, пиджаках.

Но побывав на маленьком вокзале,
к себе кулечки бережно прижав,
они, заметно подобрев, влезали
в уже готовый тронуться состав.

ЛАНДЫШИ

Устав от тряски перепутий,
совсем недавно, в сентябре,
я ехал в маленькой каюте
от Братска вверх по Ангаре.

И полагал вполне разумно,
что мне удастся здесь поспать,
и отдохнуть от стройки шумной,
и хоть немного пописать.

Ведь помогают размышленью
и сочинению стихов
реки согласное теченье
и очертанья берегов.

А получилось так на деле,
что целый день, уже с утра,
на пароходике гремели
динамики и рупора.

Достав столичную новинку,
с усердьем честного глупца,
крутил радист одну пластинку,
одну и ту же без конца.

Она звучала в час рассвета,
когда все смутно и темно
и у дежурного буфета
закрыто ставнею окно.

Она не умолкала поздно
в тот срок, когда, сбавляя ход,
под небом осени беззвездным
шел осторожно пароход.

Она кружилась постоянно
и отравляла мне житье,

но пассажиры, как ни странно,
охотно слушали ее.

В полупустом читальном зале,
где был всегда неверный свет,
ее парнишки напевали
над пачкой выцветших газет.

И в грубых ватниках девчонки
в своей наивной простоте,
поправив шпильки и гребенки,
слова записывали те:

«Ты сегодня мне принес
Не букет из пышных роз,
Не фиалки и не лилии,—
Протянул мне робко ты
Очень скромные цветы,
Но они такие милые...
Ландыши, ландыши...»

Нет не цветы меня озлили
и не цветы мешали жить.
Не против ландышей и лилий
решил я нынче говорить.

Я жил не только для бумаги,
не только книжицы листал,
я по утрам в лесном овраге
сам эти ландыши искал.

И у меня — от сонма белых
цветков, раскрывшихся едва,—
стучало сердце и пьянела —
в листве и хвое — голова.

Я сам еще в недавнем прошлом
дарил созвездия цветов,
но без таких, как эти, пошлых,
без патефонных этих слов.

Поэзия! Моя отрада!
Та, что всего меня взяла
и что дешевою эстрадой
ни разу в жизни не была:

та, что порвав на лире струны,
чтоб не томить и не бренчать,
хотела только быть трибуной
и успевала ею стать;

та, что жила едва не с детства,
с тех пор, как мир ее узнал,
без непотребного кокетства
и потребительских похвал,—
вопой открыто, без сурдинки,
гражданским воздухом дыши
и эти жалкие пластинки
победным басом заглуши!

АЛЕКСАНДРУ РЕШЕТОВУ

Тридцать лет тому назад
я узнал воочию
не дворцовый Петроград —
Ленинград рабочий.

И доныне помнить рад
с обожаньем редким
дымный зимний Ленинград
первой пятилетки.
Трубы города того —
каменные вышки,
воспеватели его
в худеньких пальтишках.

Мы ходили в дальний срок
по путям таковским,
ленинградский паренек
с пареньком московским.

Не на танцах и балах,
не в паркетном зале,
а в путиловских цехах
вместе выступали.

Жили мы с тобой тогда,
юные, худые,
как ударники труда,
люди заводские.

Так прими же в новый срок
мой привет отменный,
Сашка Решетов, дружок,
юбиляр почтенный.

ПОД МОСКВОЙ

Не на пляже и не на ЗИМе,
не у входа в концертный зал —
я глазами тебя своими
в тесной кухоньке увидал.

От работы и керосина
закраснелось твое лицо.
Ты стирала с утра для сына
обиходное бельецо.

А за маленьким за оконцем,
белым блеском сводя с ума,
стыла, полная слез и солнца,
раннеутренняя зима.

И как будто твоя сестричка,
за полянками, за леском
быстро двигалась электричка
в упоении трудовом.

Ты возникла в моей вселенной,
в удивленных глазах моих
из светящейся мыльной пены
да из пятнышек золотых.

Обнаженные эти руки,
увлажнившиеся водой,
стали близкими мне до муки
и смущенности молодой.

Если б был я в тот день смелее,
не раздумывал, не гадал —
обнял сразу бы эту шею,
эти пальцы б поцеловал.

Но ушел я тогда смущенно,
только где-то в глуби светясь.

Как мы долго вас ищем, жены,
как мы быстро теряем вас.

А на улице, в самом деле,
от крылечка наискосок
снеговые стояли ели,
подмосковный скрипел снежок.

И хранили в тиши березы
льдинки светлые на ветвях,
как скупые мужские слезы,
не утертые второпях.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Татьяне

Не надо роскошных нарядов,
в каких щеголять на балах,—
пусть зимний снежок Ленинграда
тебя одевает впотьмах.

Я радуюсь вовсе недаром
усталой улыбке твоей,
когда по ночным тротуарам
идем мы из поздних гостей.

И, падая с темного неба,
в тишайших державных ночах
кристальные звездочки снега
блестят у тебя на плечах.

Я ночью спокойней и строже,
и радостно мне потому,
что ты в этих блесках похожа
на русскую зиму-зиму.

Как будто по стежке-дорожке,
идем по проспекту домой.
Тебе бы еще бы сапожки
да белый платок пуховой.

Я, словно родную науку,
себе осторожно твержу,
что я твою белую руку
покорно и властно держу...

Когда открываются рынки,
у запертых на ночь дверей
с тебя я снимаю снежинки,
как Пушкин снимал соболей.

ПРИЗНАНЬЕ

Не в смысле каких деклараций,
не пафоса ради, ей-ей,—
мне хочется просто признаться,
что очень люблю лошадей.

Сильнее люблю, по-другому,
чем разных животных иных...
Не тех кобылиц ипподрома,
солисток трибун беговых.

Не тех жеребцов знаменитых,
что — это считая за труд,—
на дьявольских пляшут копытах
и как оглашенные ржут.

Не их, до успехов охочих,
блистающих славой своей,—
люблю неказистых, рабочих,
двужильных кобыл и коней.

Забудется нами едва ли,
что вовсе в недавние дни
всю рускую землю пахали
и жатву свозили они.
Недаром же в старой России,
пока еще памятной нам,
старухи по ним голосили,
почти как по мертвым мужьям.

Их есть и теперь по Союзу
немало в различных местах,
таких кобыленок кургузых
в разбитых больших хомутах.

Недели не знавшая праздной,
прошедшая сотни работ,

она и сейчас безотказно
любую поклажу свезет.

Но только, в отличье от прежней,
косясь, не шарахнется вбок,
когда по дороге проезжей
раздастся победный гудок.

Свой путь уступая трехтонке,
права понимая свои,
она оглядит жеребенка
и трудно свернет с колеи.

Мне празника лучшего нету,
когда во дворе дотемна
я смутно работницу эту
увижу зимой из окна.

Я выйду из душной конторки,
заранее радуясь сам,
и вынесу хлебные корки,
и сахар последний отдам.

Стою с неумелой заботой,
осклабив улыбкою рот,
и глупо шепчу ей чего-то,
пока она мирно жует.

ПЕРВАЯ ПОЛУЧКА

Как золотящаяся тучка,
какую сроду не поймать,
мне утром первая получка
сегодня вспомнилась опять.

Опять настойчиво и плавно
стучат машины за стеной,
я, фабзавучник недавний,
стою у кассы заводской.

И мне из тесного оконца
за честный и нелегкий труд
еще те первые червонцы
с улыбкой дружеской дают.

Мне это вроде бы обычно,
и я, поставя росчерк свой,
с лицом, насильно безразличным,
ликуя, их несу домой.

С тех пор не раз — уж так случилось,
тут вроде нечего скрывать,—
мне в разных кассах приходилось
за песни деньги получать.

Я их писал не то чтоб кровью,
но все же времени черты
изображал без суесловья
и без дешевой суеты.

Так почему же нету снова
в день гонорара моего
не только счастья заводского,
но и достоинства того?

Как будто занят пустяками
средь дел суровых и больших,
и вроде стыдно жить стихами,
и жить уже нельзя без них.

АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ

Мне во что бы то ни стало
надо встретиться с тобой,
русской песни запевала
и ее мастеровой.
С обоюдным постоянством
мы б послали с кондачка
все романсы-преферансы
для частушки и очка.

Володимирской породы
достославный образец,
добрый молодец народа,
госэстрады молодец.
Ты никак не ради денег,
не затем, чтоб лишний грош,
по Москве, как коробейник,
песни сельские поешь.

Песня тянет и туманит,
потому что между строк
там и ленточка, и пряник,
тут и глиняный свисток.

Песню петь-то надо с толком,
потому что между строк
и немецкие осколки,
и блиндажный огонек.

Там и выдумка, и были,
жизнь, как есть — ни дать, ни взять.
Песни те, что не купили,
будем даром раздавать.

Краснощекий, белолицый,
приходи ко мне домой,
шумный враг ночных милиций,
брат милиции дневной.

Приходи ко мне сегодня,
чуть, с устаточку, хмелен:
посмеемся — я ж охотник,
и поплачем — ты ж силен.

Ну-ка вместе вспомним, братцы,
отрешась от важных дел,
как любил он похваляться,
как он каяться умел.

О тебе, о неушедшем,—
не смогу себе простить!—
я во времени прошедшем
вздумал вдруг заговорить.

Видно, черт меня попутал,
ввел в дурацкую игру.
Это вроде б не к добру-то,
впрочем, нынче все к добру.

Ты меня, дружок хороший,
за обмолвку извини.
И сегодня же, Алеша,
или завтра позвони...

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

СЛОВО МИРА

О войне сужу не понаслышке,
На себе испытана она.
У меня
четыре года с лишним
Отняла минувшая война.

В скромном чине гвардии солдата
Я прошел немало
И могу
Мастерить жилища в три наката,
Согреваться в пепельном снегу,
Рыть траншеи и готовить пищу,
Не теряться в трудные часы...

Знаю, что такое пепелища
И огонь
передней полосы.
Но считаю самым высшим благом
Снова мирным тружеником жить.
Есть земля под нашим добрым флагом,
Есть к чему
здесь руки приложить!..

Ясный день.
В песке играют дети.
Небеса слепят голубизной.

...Старый мир,
В давно не новом свете
Ты опять встаешь передо мной.

Ты на юность нахлобучил каски,
Людям чести приказал молчать.
По своей расчетливой указке
Сеет бурю
«желтая» печать.
Папа Пий беснуется,
а в лапах
Держит крест и доллар золотой.
Чем земле иметь такого «папу»,
Лучше стать ей
круглой сиротой!..
Старый мир,
ты нам бросаешь вызов,
На пути стеной огня
навис.
Правде ты отказываешь в визах,
Правда путешествует без виз!

Я уже глазами очевидца
Вижу, как раздвинув облака,
Ты сумел в Европе появиться
В виде
колорадского жука.
Ты прочистил жерла всех орудий,
Подготовил танки и суда.
Но Москва
не яблочко на блюде,
Лучше не поглядывай сюда.

Угрожать нам —
явная нелепость:
Знают все, а в том числе и ты,
Что твоя «летающая крепость»
Не без ахиллесовой пяты.
На смертельный
атом водорода
Ты глядишь с надеждой старика,
А с ладони моего народа
Голубь мира
Взмыл под облака.

И друзей у нас настолько много,
Так
    резервы мира
        велики,
Что к Кремлю ведущая дорога
Обнимает
        все материки!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Вчера по лужам бегали трамваи.
Капель с карнизов
        точный счет вела.
Теперь морозец, туча снеговая.
К исходу дня
        зима белым-бела.

Асфальт заметно посветлел и высох,
Летит снежок по линии прямой,
А позади «побед» и быстрых «зисов»
Он вьется,
        будто пена за кормой.
Он припадает к лицам и газонам,
У театральных стелется колонн,
Где до сих пор
    одет не по сезону
Забравшийся на крышу Аполлон.

На зимний вечер смотрят горожане,
С панели дворник скалывает лед,
Едва видны огни высотных зданий
И фонарей
        ступенчатый полет.

Снежок такой игривый и хороший,
Что не дает прохода никому,
И постовые
        зябко бьют ладоши,
Как будто аплодируют ему.

Мигнули фары в переулке сонном,—
Колесный транспорт к булочной прирос,
Запахло хлебом свежеиспеченным

Ничуть не хуже ландышей и роз...
Уже в метро
 окончена работа,
В спокойный сон Москва погружена,
И лишь в Кремле
 не гасит лампу кто-то,
Летит снежок
На свет того окна.

ЖАВОРОНОК

Прямо в пашне прячется застенчиво,
А вспорхнет —
 и целых полчаса,
Вроде окрыленного бубенчика,
Медленно
Уходит в небеса.

Повисает точкой-невидимкою
И звенит над нашей головой,
Над полями,
Над прозрачной дымкою,
Над ковром ромашки луговой...

Льется звон.
Столбы роняют линию.
Трактора рокочут горячо.
А подпасок смотрит в небо синее,
Перекинув кнут через плечо.

НАЗНАЧАЙ ПОСКОРЕЕ СВИДАНИЕ

Ты обычно всегда в стороне,
Но глаза твои ясные светятся.
Говорят они ласково мне,
Что со мною желаешь ты встретиться.

Сорвала я цветок голубой,
Приколола на кофточку белую,
Ожидаю свиданья с тобой,
Только первого шага не сделаю.

Значит, нужно тебе подойти,
Самому обо всем позаботиться,
А не то разойдутся пути,
И любовь улетит, не воротится.

Не теряй же минут дорогих,
Назначай поскорее свидание,
Ты учти, что немало других
На меня обращают внимание.

АЛЕКСАНДР СОБОЛЕВ

БУХЕНВАЛЬДСКИЙ НАБАТ

Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте: гудит со всех сторон —
Это раздается в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон.
Это возродилась и окрепла
В медном гуле праведная кровь.
Это жертвы ожили из пепла
И восстали вновь, и восстали вновь!
И восстали,
И восстали,
И восстали вновь!

Сотни тысяч заживо сожженных
Строятся, строятся в шеренги к ряду ряд.
Интернациональные колонны
С нами говорят, с нами говорят.
Слышите громовые раскаты?
Это не гроза, не ураган,
Это, вихрем атомным объятый,
Стонет океан, Тихий океан.
Это стонет,
Это стонет
Тихий океан!

Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте гудит со всех сторон —

Это раздается в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон.
Звон плывет, плывет над всей землею,
И гудит взволнованно эфир:
Люди мира, будьте зорче втрое,
Берегите мир!
Берегите,
Берегите,
Берегите мир!

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

БАЛЛАДА ВО СНЕ

...Только слышно мне среди
Снеговой красы,
Как у мертвых на груди
Тикают часы.
Их не кончился завод,
И они идут,
Где полег стрелковый взвод,
Отстояв редут.
А солдатам не ходить,
Не считать часов.
Поспешила смерть прикрыть
Двери на засов.
Увела из жизни их.
Лишь хранят снега
Те четыре роковых,
Гибельных шага.

Вьюга, вьюга, зазвени
На сухом снегу!
Я, как тикают они,
Слушать не могу.
Не по адресу ко мне
Этот сон попал.
Не бывал я на войне,
Мертвых не видал.
...В час, когда на мир валил

Снег тот без конца,
Я с солдатом не делил
Хлеба и свинца.
В час, когда, уже без сил,
Он на хлопья пал,
Я снежки из них лепил,
Санками их мял...

Разбудите же меня.
Мне уже пора,
Солнце, полное огня,
Смотрит со двора.
Скоро, скоро уж у них
Кончится завод...
А у наших, у стенных,
Бесконечный ход!

* * *

Все реже ко мне ты приходишь,
Все чаще я нем и суров.
Ты глаз с меня ясных не сводишь,
А я не дарю тебе слов.

Стучат одинокие капли,
Да хлопают чьи-то шаги.
Все то же, все так же,— но так ли
Был юн ты когда-то? Не лги...

Мерцанье пустых тротуаров.
Сырые глубины дворов.
...Как головни старых пожаров,
Останки залитых костров...

О мир без чужого совета,
Без глаз и наветов чужих,
Все реже приходишь ко мне ты,
Все чаще я тягостно тих.

Но, внемля старинным призывам
Деревьев, шагов и камней,
Я верю, что кто-то счастливым
Идет в паутину теней.

Что кто-то уходит с тобою
На чей-то чуть брезжущий свет,
Ведомый одной правотою
Своих восемнадцати лет.

Что так же он улицы славит
И брызжет водой без калош.

Его заведут — и оставят,
И вызовут новых под дождь...

УЕХАЛА

Все телефоны на углу на каждом.
Но что мне делать и кого винить —
Ни по какому номеру пока что
Никто не сможет нас соединить.

А я брожу по переулкам. Помнишь?
Там наше детство до сих пор живет.
Оно ко мне торопится на помощь,
Свою веселую подмогу шлет.

И вот во тьму по облачному краю
Луна монетой катится... И я
Тебя у гулких далей вызываю,
У расстояний требую тебя.

Но мне в ответ сквозь черный, мокрый воздух
Со станции да с пристаней реки —
Лишь краткие сигналы паровозов
Да пароходов долгие гудки.

МУЖСКАЯ ШКОЛА

Ты сочиняешь песни на скамейке
Из первых листьев, ветра и воды.
Апрель. Портфель. Тетрадка в две линейки.
Строка к строке — нелегкие труды.

Ты — это я, влюбленный в ученицу.
Чернила расплываются от слез,
Которые роняет на страницу
Ветвь, о весне задумавшись всерьез.

Твоей души воздушные тревоги
Ты воплотишь в воздушные слова,
Почти забыв по младости дороги,
Горевшие под цифрой 42.
Ты аттестат получишь очень скоро,
Владея ученическим пером.
Но все равно твоя Мужская Школа
Там началась, еще в Сорок Втором...

Мы налегке шагаем из колхоза,
Все трудности в фонд обороны сдав.
Ползет обоз. Бензином пахнет воздух.
И раненый
из лужи пьет,
отстав.
Мешочек пыльный сжав, и я немножко,
Став на колени, той хлебнул воды.
«Дай яблочка!»
А то была картошка,
Картошка из заброшенной гряды.
«Слыхали? Гром!.. По качеству раскатов
На этот раз гроза...— сказал солдат. —
Куда идете, мальчики? В Саратов?
А он уже идет на Сталинград».

Ты сочиняешь песни на скамейке
Из первых листьев ветра и воды...

Танк обошел натруженные жнейки,
Врезая в землю новые следы,
И огляделся башней...
Строй за строем
Сошел с дороги, в поле своротив.
И мы! И мы! Окоп на пашне роем
Под заунывный облачный мотив.
Жарынь-жара... Нас не задев и краем,
Гроза ушла. Пыль на ветвях берез,
Пыль на зубах. Мы без рубах копаем.

Я помню все. До стебелька. До слез.
Врасплох захваченному давней былью,
Быть может, мне и не к лицу слеза,
Но этой горькой, этой тяжкой пылью
Я еще в детстве засорил глаза.

Ах, как ломило плечи с непривычки!
Но я, на грунт присев почти без сил,
От снисходительной старшинской спички,
Махоркой задохнувшись, прикурил.

И сплюнул. И хоть Борька испугался
Моей внезапной бледности лица,
Еще раз затянулся. И не сдался.
И докурил. Цигарку. До конца.

Потом походной кухонькою нашей
Подъехал вечер, духовит и тих.
И, доверху наполнив пшенной кашей,
Нам котелок вручили на двоих...

Ты сочиняешь песни на скамейке
Из первых листьев, ветра и воды.
Апрель. Портфель. Тетрадка в две линейки.
Ответ с отказом — большей нет беды...

Товарищи... Мы с вами пили-ели.
От тех костров есть в сердце уголек.
Вы нас учили скатывать шинели
И как до блеска чистить котелок.

Как по-солдатски перенесть разлуку,
Как не устать дорогою большой.
Не сбиться с ног. И разгадать по звуку,
Какой над нами — свой или чужой.

Рассказывали, ладя маскировку,
О городах, о селах, о боях.
И по вихрам нас гладили неловко,
И о своих гадали сыновьях.

* * *

О двориков московских синяя
Таинственная глубина!

В изломах крыш, в их смутных линиях
Доверчивость и тишина.

Когда ж дверьми мальчишки хлопают,
Хохочут, торопясь к звонку,
И валенками глухо топают
По наметенному снежку.

Когда с бидонами молочницы
Грохочут от двора к двору
И пересчитывают трещинцы,—
Где эта тайна поутру?

Но лишь сгустится сумрак ласковый,
Двор вновь живет, седым-седой,—
Карнизами, ветвями, красками,
Порогами, самим собой...

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

* * *

Итак, любовь. Она ли не воспета,
Любви ль в веках не воздано свое!
Влюбленные великие поэты
«Сильна как смерть» твердили про нее.

К тому добавить можно очень мало,
Но я сказал бы, робость прогоня:
«Когда бы жить любовь не помогала,
Когда б сильней не делала меня,

Когда б любовь мне солнце с неба стерла,
Чтоб стали дни туманней и мрачней,
Хватило б силы взять ее за горло
И задушить. И не писать о ней!»

ДОСТУПНО ЛЮДЯМ ЧУВСТВО КРАСОТЫ

Доступно людям чувство красоты,
И человек с веками научился
Зарю, страданье, женское лицо
Класть на холсты, играть на дивной скрипке
И в бронзу строк упорством загонять.

Умеем мы в картинных галереях
Смотреть на самодельные рассветы,

А наблюдая утреннее небо,
И летний лес, и осень золотую

Не можем мы невольно не сравнить
Живую красоту, живую свежесть
С твореньями великих мастеров.

Но иногда увидится такое,
Пред чем немеют краски и слова.
Есть на земле такое, говорю,
Что ни смычку, ни кисти не покорно,
Любому недоступно мастерству.
О лепестки нежнейшего цветка
Резцы стальные скульптор обломает,
А не создаст подобия ему.

Есть на земле такое, говорю,
Что и пытаться передать не нужно,
Что выше всех известных нам искусств
Уж потому, что живо. Гениальней
Любых искусств земною простой.
Оставь слова. Замри, благоговея,
Молчи перед великой красотой!
Что о тебе сказать?
Пускай придут и спросят,
Какая ты, насколько ты красива,
Пускай придут и спросят: расскажи
Про голос, про улыбку и про взгляд,
Про волосы, рассыпанные тяжко,
Про очертанья стана твоего...

Не позову великих скрипачей
(Бессилен был бы даже Паганини
Сыграть тебя). Я также не прибегну
К созвучьям слов, к их яркости и силе.
И живописцев я не позову,
Чтоб гаммой красок, мощью вдохновенья
Они на холст тебя перенесли.
Но ты во всем! Пускай придут и спросят...
Ее хотите видеть? Хорошо!
Пора идти, рассеялся туман.
И покажу им ливни золотые,
Что сообщают силу возрожденья
В земле засохшей сонмищам семян.

И покажу им в тайниках лесов
В полночный час красавицу ночную
В подлунно-белом брачном одеянье,
Стыдливую настолько, что лишь ночью
Она поит пьянящим ароматом
Незыблемый и влажный воздух леса.

Я покажу им спелые плоды,
Наполненные влагою и солнцем.

И горные кипящие потоки,
Что, словно страсть, не ведают преграды,
И сильное, но плавное в долинах
Теченье рек, что так же полноводны
И так же никогда не истощимы,
Как и земная радость материнства.

Я покажу им землю до конца —
Моря и степи, горы и долины.
Итак, скажу, мы видели Ее.
Но то, что вы увидели поврозь,
В ней собрала природа воедино
Все собрала разумно и счастливо.

Красива ты земною красотой,
Земля тобой, любимая, красива.

ГОРОДСКАЯ ВЕСНА

Растопит солнце грязный лед,
В асфальте мокром отразится.
Асфальт — трава не прорастет,
Стиха в душе не зародится.
Свои у города права,
Он в их охране непреложен,
Весна бывает, где земля,
Весна бывает, где трава.
Весны у камня быть не может.
Я встал сегодня раньше всех,
Ушел из недр квартиры тесной.
Ручей. Должно быть, тает снег,
А где он тает — неизвестно.
В каком-нибудь дворе глухом,

Куда его зимой свозили
И где покрылся он потом
Коростой мусора и пыли.
И вот вдоль тротуара мчится
Ручей, его вода грязна.
Он — знак для жителей столицы,
Что где-то в эти дни весна.
Он сам ее еще не видел,
Он здесь рожден и здесь живет,
Он за углом, на площадь выйдя,
В трубу колодца упадет.
Но и минутной жизнью даже
Он прогремел, как трубный клич,
Напомнив мне о самом важном —
Что я земляк, а не москвич.
Меня проспекты вдаль уводят,
Как увела его труба.
Да, у меня с ручьем сегодня
Во многом сходная судьба.
По тем проспектам прямиком
В мои поля рвануться мне бы.
Живу под низким потолком,
Рожденный жить под звездным небом.
Но и упав в трубу колодца,
Во мрак подземных кирпичей,
Не может быть, что не пробьется
На волю вольную ручей.

И, нужный травам, нужный людям,
Под вешним небом средь полей,
Он чище и светлее будет,
Не может быть, что не светлей!
Он станет частью полноводной
Реки, раздвинувшей кусты,
И не асфальт уже бесплодный —
Луга зальет водой холодной,
Где в скоре вырастут цветы.

А в переулок тот, где душно,
Где он родился и пропал,
Вдруг принесут торговки дружно
Весенний радостный товар.

Цветы! На них роса дрожала,
Они росли в лесах глухих.

И это нужно горожанам,
Конечно, больше, чем стихи!

* * *

Прадед мой не знал подобной резвости,
Будучи привержен к шалашу.
Все куда-то еду я в троллейбусе,
И не просто еду, а спешу.

Вот, смотрите, прыгнул из трамвая,
Вот, смотрите, ринулся в метро,
Вот под красный свет перебегаю,
Улицей лавирую хитро.

Вот толкусь у будки автомата,
Злюсь, стучу монетой о стекло.
Вот меня от Сретенки к Арбату
Завихреньем жизни повлекло.

Вот такси хватаю без причины,
Вновь бегу неведомо зачем.
Вот толкаю взрослого мужчину
С крохотной березкой на плече.

Пред глазами у меня — мельканье,
В голове — мыслышки мельтешат,
И чужда ты миросозерцания
С панталыку сбитая душа.

«Подожди, а что же было-то?» —
С опозданьем выскочил вопрос.
Словно дочьку маленькую, милую,
Он березку на плече понес!

И в минуту медленной оглядки
Прочитал я эти девять слов:
«Здесь продажа на предмет посадки
Молодых деревьев и кустов».

Вишенка, рябинка и смородина
У забора рядышком стоят.
(О моя рябиновая родина!
Росный мой смородиновый сад!)

Значит, кто-то купит это деревце,
Увезет, посадит у ворот,
Будет любоваться да надеяться:
Мол, когда-нибудь и расцветет.

На листочки тонкие под вечер
Упадает прохладная роса,
Будет вечер звездами расцвечен;
Распахнутся настежь небеса.

Радости, свершенья, огорчения,
Мыслей проясняющийся ход,
Времени законное течение
Медленно и плавно понесет.

Время — и пороша ляжет белая
Время — ливень вымоет траву...
Что-то я не то чего-то делаю,
Что-то я неправильно живу!

РАЗРЫВ-ТРАВА

В Иванов день набраться духу
И в лес идти в полночный час,
Где будет филин глухо ухать,
Где от его зеленых глаз
Похолодеют руки-ноги,
И с места не сойти никак,
Но где уж нет иной дороги,
Как только в самый буерак.
От влажных запахов цветочных
Начнет кружиться голова.
И будет в тихий час урочный
Цвести огнем разрыв-трава.
Схвати цветок, беги по лесу,
Он все замки тебе сорвет.
Освободит красу-принцессу
Из-за чугунных тех ворот.
Ах, эти сказки, эти сказки!
Лежим на печке стар да мал...
Снежки, рогатки и салазки
Подчас на сказки я менял.
И у меня была принцесса —
Девчонка — море синевы!

Не для нее ли я по лесу
Искал цветов разрыв-травы?
Не для нее ли трое суток
Я пропадал однажды там...
А жизнь меж тем учила круто,
С размаху била по зубам,
И разъяснил ботаник вскоре,
Что никаких чудес тут нет,
Взамен цветов имеет споры,
И в этом, так-скать, весь секрет.
И чудеса ушли из леса,
Там торф берут среди болот.
И синеокая принцесса
Газеты в клубе выдает.

Все меньше сказок в мире нашем,
Все громче формул торжество.
Мы стали опытней и старше,
Мы не боимся ничего.
Нам выпал век науки точной,
Права ботаника, права.
Но я-то знаю, в час урочный,
Цветет огнем разрыв-трава!

АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ

ЕДИНАЯ, МОГУЧАЯ, СТАЛЬНАЯ

Для каждого, кто рос с отчизной вместе,
Кто вместе с ней сражался в трудный час,
Истоком правды, доблести и чести
Была родная партия для нас.

Года нас отделяют от начала,
Но жить — века, сердца глаголом жечь!—
Как будто бы вчера лишь прозвучала
К борьбе призывом ленинская речь.

В ней партии была программа
И зерна те, которым расцвести!
С тех пор идем по-большевистски прямо,
По ленинскому мудрому пути.

Ты коммунист! Нет в мире выше слова!
Тебе открыты светлые края:
Всей нашей жизни крепкая основа —
С народом слита партия твоя!

И ты стоишь в рядах несокрушимых,
И все, что здесь взлелеяно кругом,
И все, что с детства так тобой любимо,
Все то, что нежно родиной зовем,—

Все охраняет партия родная,
Орлиный взгляд, что видит на века!

Единая, могучая, стальная
Под руководством нашего ЦК!

И где б ты ни был на родных просторах,
Где светит пламень вольного труда,
В улыбках братских, в задушевных взорах
Ты встретишь дружбу верную всегда.

И ты стоишь, как рядовой, как воин,
Крепя державу мирную трудом,
Высокого доверья удостоен —
Быть членом партии, большевиком.

Растет и крепнет милая отчизна,
Все шире фронт свершений и побед;
И светят, светят зори коммунизма,
И с каждым годом ярче этот свет.

Нас вдохновляет партия родная —
Орлиный взгляд, что видит на века!
Единая, могучая, стальная,
Под руководством нашего ЦК!

ЕСТЬ У МЕНЯ ДРУЗЬЯ НА БЕЛОМ СВЕТЕ...

Есть у меня друзья на белом свете,
Считай их день, неделю — не сочтешь;
И друг за друга мы всегда в ответе,
И каждый чем-нибудь особенным хорош!

Мой Дон родной, Цимлянская станица,
Склоненный парус над донской водой,—
Там осветила за рекой зарница
Начало дружбы нашей молодой.

Ковыль, да степь, да цвет зеленый,
Курень казачий, таловый плетень...
Товарищ мой, на шлюзах Волго-Дона
Тебя я встретил в знойный летний день...

Поеду в Киев — сколько дружбы встречу,
Пожатий жарких и сердечных слов;
Пускай плывет Днепром широким вечер
У запорожских вольных берегов!

Поеду в Минск... Друзья, друзья повсюду!
Взлетает песня над большим столом.
Нет, никогда я в жизни не забуду
Гостеприимный белорусский дом!

Баку, Севан и звездный свод Тбилиси,
Переплетенье судеб и дорог,—
В пожатье руки братские сплелися,
И дружбы круг незыблем и широк.

Есть у меня друзья на белом свете,
Пожатья их я чувствовал в руках
И в Пакистане, где горячий ветер
Сжигает бедный колос на полях;

Там, в городах Лахоре и в Карачи,
Где нет ни тучки в небе голубом,—
Пусть говорили мы по-разному, иначе,
Но думали с друзьями об одном;

На берегах Атлантики суровой,
В Исландии у прибережных скал
Я понимал простое дружбы слово,
И в словаре его я не искал.

Товарищ мой — в румынской светлой хате,
Где молоко и брынзы белый круг...
И тот, кто голос отдал за Тольятти,—
Мой первый друг, мой настоящий друг!

И никогда в Америке я не был,
Какое небо там — судить я не могу;
Но знаю — есть и под нью-йоркским небом
Друзья мои на дальнем берегу.

У них такие ж матери и дети,
Как и в Москве, в Рязани и в Крыму...
Есть у меня друзья на белом свете,
И нет предела счастью моему!

На всех долготах и земных широтах,
Куда б судьба тебя ни занесла,
Тебя встречает, обнимает кто-то,
Ты узнаешь друзей — и нету им числа!

И пусть идет над миром мирный ветер.
Хлебам расти, садам вишневым цвесть!
Как много есть друзей на белом свете —
И хорошо, что всех друзей не счесть!

КОЛОКОЛЬЧИК

В концертном зале Стокгольма советская певица Ирина Масленникова исполняла песню «Однозвучно гремит колокольчик...»

В этом городе чинном Стокгольме,
В этом чужом далеке,—
«Однозвучно гремит колокольчик...»,
Да на русском еще языке.

Будто видятся дали степные,
Льется песни душевный напев...
И сидим мы, навеки родные,
Словно дети, сидим, присмирев.

...«Однозвучно гремит колокольчик...» —
А как будто в степи тишина...
Ах ты, родина наша, Россия,
Сердцу милая ты сторона!

Ты греми, колокольчик печальный,
В путь-дорогу большую зови;
Где бы ни были в плаванье дальнем,
Мы твои, колокольчик, твои!

* * *

Лед зеленеет по весне,
А мы седеем и во сне;
Как снег на соснах заметенных —
Так седина и у влюбленных.
И это уж ничем не скрыть,
Огнем апрельским не спалить...
Но прежде чем весну оставить,
Пускаясь в бурный ледоход,
Но прежде чем совсем растаять,—

Пусть зеленеет
Старый
Лед.

* * *

Весь мир гудит в ушах:
высоты и низины,
Лавин паденье, грозный камнепад;
Под горным ветром — горные
лозины,
Как из пращи, уносятся назад.
Весь мир передо мной!
На поворотах,
На темных склонах, в синей
крутизне,
То черный он, то с легкой
позолотой,
Как будто в руки просится ко мне.
Весь мир вокруг! Но нет тебя
со мною,
Изваянной из страсти и огня...
Да, нет тебя, но ты
передо мною,
Ты впереди, и ты ведешь меня.
И — снова нет! Опять идет
погоня.
Так — день за днем — ты
близко-далеко!
Но что это? В руке — твои, твои
ладони,
И отлегло и стало вдруг легко.
Не уходи, смотри, смотри в глаза пытливо,
Пусть рядом горный пенится поток...
Как без тебя мне в мире сиротливо,
Как без тебя я в мире одинок!

НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ

* * *

Жизнь идет своим обычным кругом:
Тает снег. Бушуют воды рек.
Светит солнце над июльским лугом.
  И опять кружится первый снег.
Жизнь идет своим обычным кругом:
Огорченья. Радости. Дела.
Лучший друг остался лучшим другом.
Только вот любимая ушла.

О ЮНОСТИ

Пронеслась она просто мгновенно,
Не воротишь, не крикнешь: «Постой!»
А была моя юность военной,
Беспокойной была и крутой.

Не сошлась она с комнатным бытом
И, оставив родительский кров,
Поселилась под небом открытым,
Ночевала в снегу, у костров.

По лесам, по горам, по болотам
Пронесла в бесконечных ночах
Двухпудовый станок пулемета
На своих неокрепших плечах.

Поднималась она под обстрелом
И, поля разминируя, шла.
И, случалось, под пулями пела.
А иначе она не могла.

Ничего ее нету дороже.
И когда бы вернулась она,
Я бы вновь ее так же и прожил —
Мне другая судьба не нужна.

* * *

Была над рекою чаща —
Березничек молодой.
Стрекозы, глаза таращa,
Планировали над водой.

Кувшинки цвели местами.
Лилии и трава.
Под свесившимися кустами
Разгуливала плотва.

В июле, когда повсюду
Царил нестерпимый зной,
В речушке — какое чудо! —
Вода была ледяной.

Мальчишки бросались в воду
С бревенчатого моста...

...Приехал я через годы
И не узнал места.

Здесь побыли лесорубы.
Куда теперь ни взгляни,—
Торчат, как гнилые зубы,
Невыкорчеванные пни.

И, выбрав на речке место,
Которое погрязней,
Барахтается семейство
Блаженствующих свиней.

И душно от испарений,
От пыли луга седы.
Хотя бы полметра тени,
Хотя бы глоток воды!

Не выйти к речным излукам
И тело не освежить...

А здесь сыновьям, и внукам,
И правнукам нашим жить.

* * *

О. Дмитриеву

Отброшены мальчишества замашки.
А жизнь, она по-прежнему близка —
От белизны раскрывшейся ромашки
До синевы граненого штыка.

И память восстанавливает властно,
Начистоту с тобою говоря,
И тех, кого обидел ты напрасно,
И тех, кого не обижал,—
А зря!

И кажется, что нет больнее боли,
Чем увидать, краснея от стыда,
Мозоли, материнские мозоли,—
Ведь ты не замечал их никогда.

И памятью
Прошедших дней полотна
Озарены, как солнечным лучом...
И так жестоко,
Так бесповоротно,
Как в юности, не судишь ни о чем.

* * *

Я сам себе несу беду,
Как прошлый раз принес...
Но ты видала Теберду
Во время горных гроз.

Была вода ее мутна,
И мутным был прибой,
И пену бешенства она
Швыряла над собой.

Но ты пойми мою беду,
Но ты повремени...
Ведь ты видала Теберду
И в солнечные дни.

Ее вода тогда текла
Сплошной голубизной.
И, помнишь, ты ее пила
В невыносимый зной?

Ты снова в горсть ее возьми
И выпей из горсти...
И в этот раз меня пойми,
И в этот раз прости.

Я БЫЛ КОГДА-ТО РОТНЫМ ЗАПЕВАЛОЙ...

Я был когда-то ротным запевалой,
В давным-давно прошедшие года...
Вот мы с учений топаем, бывало,
А с неба хлещет вёдрами вода.

И нет конца раздрызганной дороге.
Густую глину месят сапоги.
И кажется — свинцом налиты ноги,
Отяжелели руки и мозги.

А что поделать? — Обратишься к другу,
Но он твердит одно: — Не отставай!..
И вдруг наш старшина на всю округу
Как гаркнет: — Эй, Старши́нов, запевай!

А у меня ни голоса, ни слуха
И нет и не бывало никогда.
Но я упрямо собираюсь с духом,
Пою... А голос слаб мой, вот беда!

Но тишина за мною раскололась
От хриплых баритонов и басов.
О, как могуч и как красив мой голос,
Помноженный на сотню голосов!

И пусть еще не скоро до привала,
Но легче нам шагается в строю...
Я был когда-то ротным запевалой,
Да и теперь я изредка пою.

* * *

Буду глиной...
Но только на что мне она,
Эта глупая глина?
Буду свежей травой...
Только что она мне,
Безъязыкая эта трава?
Я привык в этой жизни
Не тюльпаном расти
Посредине долины,—
На плечах моих зыбких
Качается голова.

А друзья все уходят,
Оставляя живущим на добрую память
Кто — сады в розоватом цветенье,
Кто — плотины из камня и стали,
Кто — томик стихов голубой...

О земля,
Вся в нежнейших сверкающих
Ландышах белых,
Вся в репейниках бурых с шипами,
Что мне сделать такое,
Чтоб вовек не расстаться с тобой?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Далеко от родного города
Я с друзьями живу в лесу.
Снег в кустах затвердел от холода
И качается на весу.

Лапы елок заносит вьюгою,
Стонут заросли сосняка.
...Все сдается — тебя баюкаю,
Ничего, что ты далека.

Вот у нас теперь время позднее,
А в Москве у вас — еще нет.
Над Москвой моей яснозвездою
Тихо льется вечерний свет.

Пусть ни шум, ни звонки трамвайные
Твоего не нарушат сна.
Пусть наступит необычайная
Тишина...

Напрягая свое внимание,
Тихо-тихо,
Едва-едва,
Будто сблизились расстояния,
Ты услышишь мои слова.

Спят холмы, сосняком поросшие,
В снежных шапках застыли пни...
Доброй ночи, моя хорошая,
Ты, и правда, теперь усни!

МАТЕРИ

Никаких гимназий не кончала,
Бога от попа не отличала.
Лишь детей рожала да качала,
Но жила, одну мечту тая:
Вырастут — и в этой жизни серой
Будут мерить самой строгой мерой,
Будут верить самой светлой верой
Дочери твои и сыновья.

Чтобы каждый был из нас умытым,
Сытым,
С головы до ног обшитым,
Ты всю жизнь склонялась над корытом,
Над машинкой швейной и плитой.
Всех ты удивляла добротою,

Самой беспросветной темнотою,
Самой ослепительной мечтою...
Нет святых.
Но ты была святой!

НА ВЫСТАВКЕ СОБАК

На выставке, в парке,
За низкой оградой
Собаки построились,
Как для парада.

Вот грозный бульдог.
О звериная зависть!
Он злобно рычит,
На других огрызаясь.

И смотрит хозяин
Начальственно строго,
И сам он немного
Похож на бульдога.

Он сам бы решительно
Бросился в драку...
Видать, по характеру
Выбрал собаку.

Вот пудель мохнатый
И полная тётя.
Идут, как бойцы,
Наихудшие в роте.

И пёс и хозяйка
Добры чрезвычайно.
И смотрят на мир они оба
Печально.

И каждый подумает
С первого взгляда:
Совсем не годятся они
Для парада.
А это
В фуражке, подчёркнуто яркой,

Идёт пограничник
С немецкой овчаркой.

Овчарка спокойна:
Не бойтесь, не трону,
Поскольку страшна я
Лишь только шпиону.

А эта гражданка,
Худая-худая,
Идёт, как цветок,
На ходу увядая.

Малютку собачку японскую
Тащит.
Собачка дрожит
И глазёнки таращит.

Глядит на прохожих,
Пронзительно лая:
— Я злая!
Смотрите, какая я злая!..

...За низкой оградой,
На выставке, в парке
Бульдоги и доги,
Болонки, овчарки.

Я замер. Смотрю.
Сам с собою толкую:
И мне бы собаку!
Но только какую?..

ДОЧЕРИ

Вот тебе и двенадцать лет.
Начинается твой рассвет...

Ты весеннею родилась,
Не похожею на отца
Синевой озаренных глаз,
Очертаниями лица.

Но склонялся я над тобой,
В холода тебя согревал,
Унимал твою первую боль,
Первый хлеб тебе подавал.
Охраняя твой первый шаг,
Выводил тебя на большак.

Жизнь вступала в свои права:
Ты улыбку мою взяла,
Повторяла мои слова,
Повторяла мои дела,
Становилась день ото дня
Все похожее на меня.

А ведь я — ты видеть могла б —
Далеко еще не герой:
Я, признаться, порой был слаб,
Близоруким я был порой.

Я не с теми дружил людьми,
Я не с теми шагал поврозь...
Все нестоящее отбрось,
Все заслуживающее возьми.

Ничего не вернуть назад,
Безошибочна поступь лет...
Приближается мой закат.
Продолжается твой рассвет.

* * *

А мы позабыли на даче,
Что осень уже на дворе:
Как полдень июля, горячей
Была эта ночь в октябре.

И губы с губами встречались,
И руки — твои и мои...
За окнами сосны качались,
И пели всю ночь соловьи.

Но ты подняла занавески:
Деревья, земля и дома —
Все стыло в серебряном блеске...
И сердце упало: зима.

ВЫСОТА

Я жизнь свою хочу сравнить с полетом,
Хотя пилотом не был никогда...
Я по болотам топал с пулеметом
В дожди и в снег, в жару и в холода.

Я дни за днями, пробиваясь к цели,
В земной коре разваливал пласты,
Закладывая тюбинги в тоннели...
И здесь я не утратил высоты.

В воде по пояс, под железным градом,
В земных глубинах и среди болот
Сподвижники мои шагали рядом,
Вершащие со мной один полет.

Одни из них, слабея, говорили:
«Нам этот груз нести невмоготу»,
И у меня ослабевали крылья,
Казалось, я теряю высоту.

Но были одержимые, которым
Любое дело было по плечу,
И сердце несмолкающим мотором
Во мне стучало: я лечу, лечу!..

Подбрасывая на своих ухабах,
Меня трепала жизнь, как треплют лён.
Я слабым был,
Но это среди слабых,
А среди сильных
Был я сам силён.

ВАСИЛИЙ СУББОТИН

СТАРАТЕЛЬ

С ним груз небогатый:
Мешок на спине,
Кайло да лопата,
Да ковш на ремне.

И знойно, и глухо,
И каплет с коры,
И резко над ухом
Звенят комары.

Не с первой лопаты
Песок золотой —
Изроет, как гряды,
Весь сумрак лесной.

И в каждом обрыве
Он пробу возьмет,
Покуда на смыве
В ковше не блеснет.

Туда, где потел он
Другие придут.
Артельное дело —
Разведчика труд.

С ним груз небогатый —
Мешок на спине,
Кайло да лопата,
Да ковш на ремне.

Мы оба, приятель,
С тобою в пути.
Я тоже — старатель.
Мне б слово найти.

ДРУНИНОЙ

Юля, я называю сестрою вас.
Может, всех сослуживцев не помните вы...
Я Берлин штурмовал
под отчаянный мат Неустроева,
Вы вставали в атаку за брустверами Москвы.

Мы себе безмятежного века не прочили,
Но, в десанте за Керченским бурным проливом,
Мы не думали, что и наши дочери
Тоже могут услышать
скрежещущий вой реактивок...

Как нам памятна глина траншей на стерне!
Это минное поле, где прячется смерть, карауля!
Я зову вас сестрою. Росли мы в великом огне!
Нашей юности голос, сестра по оружию, Юля.

* * *

Вот я и галстук тебе покупаю.
Алый, такой же, волнующий тот —
Тот, что рукою отцовскою в мае
Был мне повязан. Как время идет!

Наши отцы! Их в бараках заразных
Поедом ела тифозная вошь.
Дерзкие мальчики в галстуках красных,
Мы становились под пулю и нож...
Вот я и галстук тебе покупаю!

* * *

Столько дней мы не виделись —
вечность прошла!
Я пишу эти строчки на листике пестром.
Как их много тягучая ночь намела!
Нам и сутки прожить
друг без друга не просто.
Звучно в раму колотится лист за листом
И звенит под ногой оглушительней жести...
Нам и горе не в горе, когда мы вдвоем,
Нам и радость не в радость,
когда мы не вместе!

* * *

Уже — весна. Темнее снег в лесу.
И хвоя осыпается... И дышит
Оттаявшею стужею земля.
И лед тяжелый на реке проело.

* * *

Будто опять листаю
Прошлого том огромный —
Губ твоих не достану,
Глаз твоих не запомню.

Все-таки — все усердней
Память к былому тянет.
Ты навсегда у сердца,
Только лицо в тумане.

* * *

За горизонт уходит борозда.
И обнажило синеву отвала.
Простая эта почва никогда
Ни клубня и ни злака не рожала.

Лишь в небо отпускала соколят.
И зарастала ковылем по пояс.

Но борозда прорыта и земля
—Нечаянно раскрывшаяся повесть...

Где наши строки верные легли,
Враждебных трав разорваны коренья.
Мы неживую область перешли.
И начинаем первый день творенья.

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

* * *

Эта дума — тебе,
Эта нежность — тебе,
Эта песня — тебе.
Ты как солнечный свет
В нашей жизни,
В нашей судьбе.
Сорок лет в испытаньях,
В лишеньях,
В борьбе
Пролетают как день
Для тебя
И тебе.
Год семнадцатый —
Бешенство мрака и свет.
Год семнадцатый —
Нам по семнадцати лет.
Мы прорвемся сквозь ночь.
Или выхода нет?
Кто нам руку подаст,
Даст ответ и совет?
Сотни тысяч «зачем»,
Миллион «почему»
Мы с надеждой и болью
Предъявим ему.
Он пришел, этот мудрый,
Понять и помочь.

Развенчал лжепророков
И выгнал их прочь.
Так мы взрослыми стали
В Октябрьскую ночь.

С той поры
Ты вела и учила меня
Видеть солнце
Сквозь хмурь непогожего дня,
Верить в жизнь,
Не бояться свинца и огня,
Скорбь утраты нести,
Никого не кляня,
В трудной школе твоей
Ты учила меня.
В острой боли,
В сомненьях
Болела моя голова.
Но над болью моей
Ты была неизменно права.

Как я сердце свое
От солдатских забот раскую?
Сколько раз чужаки
Покушались на душу твою!

Сколько раз ты стояла
У кромки беды, на краю!
Сколько раз
Мы тебя прикрывали в бою!
Коммунизм впереди,
А врагов и препятствий не счесть.
Есть и подлость, и злоба,
И глупость бескрылая есть.
Острый ветер тревоги
Врывается в песню мою.
Верность красным знаменам
Я снова сегодня пою.

Эта нежность — тебе,
Эта песня — тебе.
В этой песне —
Дума о нашей судьбе.
В этой песне —

Верность нашей борьбе.
В этой песне —
Радость твоя и моя.
В этой песне —
Вера твоя и моя.
В этой песне —
Братья мои и друзья —
Человеческий гордый род.
Это ты и не ты,
Это я и не я,
Это — мы —
Коммунисты,
Народ.

* * *

Когда устану или затоскую,
Взгляну в глаза, как в прозелень морскую,
Уйдет усталость, и тоска отпрянет,
И на душе заметно легче станет.

Вот так вся жизнь — то хлопоты, то войны.
И дни без войн, как прежде, беспокойны:
Сегодня в Минске, завтра в Тегеране,—
Попробуй встречу загадай заране.

А сколько в суматохе каждой встречи
Признаний выпало из нашей речи!
А сколько мы, прощаясь на вокзале,
Заветных слов друг другу не сказали!

За встречами, за проводами теми
Невозвратимо пролетело время.
Мы в тишине вдвоем не насиделись,
Как следует в глаза не нагляделись.

И все ж, мой друг, сомненьями не мучась,
Не злясь на эту кочевую участь,
Взгляни в глаза мне, глаз не опуская,
Они все те же — как волна морская.

* * *

Проходят годы, и проходят сроки,
И в памяти встают литые строки:
«Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег».

Ты мудрость этих срок не чувствовал вчера.
Они твоей душе напомнили в пути,
Что ты уже устал, что подошла пора
На краткий миг присесть и дух перевести.

Но тот, кто мысль смутил взыскующей строкой,
Страдая и борясь и жадно жизнь любя,
Отринул навсегда и негу и покой
И на костре страстей испепелил себя.

И нам с тобой, мой друг, не отдыхать в тени.
Дорога далека, не кончился поход.
Когда уйдут твои товарищи вперед,
Попробуй их один, отставший, догони.

БЫЛА ИНАЯ МОЛОДОСТЬ У НАС

Была иная молодость у нас,
В ушах стоял казачьих сабель звон.
И воспевать красу девичьих глаз
Мы искренне считали за уклон.

В стихах звучала ораторий медь.
Гремели громы бури мировой.
Красногвардеец, разве мог я петь
Твой гибкий стан и нежный локон твой?

Но дальних лет суровая пора
Стереть румянец не могла с лица.
А после политшколы до утра
Аскет стоял с девчонкой у крыльца.

Забыв на время орудийный гром
И лозунги, клеймящие старье,
Он поцелуя громким серебром
Глушил косноязычие свое.

А жизнь клубилась, как морской аврал,
Вела сквозь войны и трубила сбор.
Но в сердце все горел и не сгорал
Невысказанной лирики костер.

Как солнечный неотвратимый свет
Смывает утра полумрак скупой,
Так молодость через плотину лет
Переплеснулась и сказала: «Пой!»

НИ СВЕЧ, НИ ФЛЕРДОРАНЖА, НИ ФАТЫ

Ни свеч, ни флердоранжа, ни фаты,
Ни певчих, ни «Исайия, ликуй».
И все же чувства святы и чисты
Без флердоранжа, как там ни толкуй.

Пусть то, что отшумело там, в былом,
Как ни зови, не возвратится вновь.
Но жизни наши связаны узлом,
Которому название — любовь.

Мы за руки взялись, чтобы идти
Через ухабы жизненных обуз.
И общей целью на большом пути
Скреплен нерасторжимый наш союз.

Пусть время в череде жестоких лет
Огнем и болью испытало нас,
Под серым пеплом будней не угас
Далекой юности бессмертный свет.

Так завершим же нашей жизни круг
Плечо к плечу, не размыкая рук
И чувствуя под снегом седины
Тепло неувядающей весны.

* * *

Я дверь распахну, пойду на крыльцо,
И молодость ветром овеет лицо.

Я вижу ее среди беспорядка
Идущих не в ногу маршевых рот.
Упрямо бьет по бедру лопатка,
До крови шею натерла скатка.
Плечо натрудил ручной пулемет.

Я помню, как спуск нажимал впервые,
Как дикая кровь обожгла висок,
Как пыль свивала кнуты огневые,
Как люди, теплые и живые,
Ложились трупами на песок.

Я помню, как писарь наш осторожно
Считал потери — число к числу.
Как ливнем стали хлестали ножны,
Как было нашим сердцам невозможно
Привыкнуть к этому ремеслу.

И как мы все-таки привыкали
Стрелять, рубить и носить рубцы.
И радость больше была едва ли,
Когда нас впервой в разведку звали
Всей ротой признанные храбрецы.

Дыханье юности нашей знойно.
Ей Ленин подал команду: «В ружье!»
Она, как пруд, не гнила застойно.
Вернись она вновь, позови беспокойно,
Я тысячу раз повторю ее.

* * *

И кажется мне иногда,
Что живу я на свете четыреста лет,
Что четыреста раз в ноябре замерзала вода,
Что четыреста раз спадал с наших вишен цвет.

И вспоминается мне иногда,
Что промчалась вся жизнь от войны к войне,
Что с детства как тень по пятам ходила Беда
И Надежда светила в потемках безвременья мне.

И кажется мне иногда,
Что четыреста бездн пустотой обрывались у ног
И сквозь заросли лет не прорвался бы я никогда,
Если б жизни не верил и был на земле одинок.

Снова снег белым пухом засыпал сухую траву.
Снова воду прикрыла стеклянная корочка льда.
Что бы там ни случилось, до главного дня
доживу —
Вот что кажется мне иногда.

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

ФОНАРИ

Мне запомнится таянье снега
Этой горькой и ранней весной,
Пьяный ветер, хлеставший с разбега
По лицу ледяною крупой,
Беспокойная близость природы,
Разорвавшей свой белый покров,
И косматые шумные воды
Под железом угрюмых мостов.

Что вы значили, что предвещали,
Фонари под холодным дождем
И на город какие печали
Вы наслали в безумье своем,
И какою тревогою ранен
И обидой какой уязвлен
Из-за ваших огней горожанин,
И о чем сокрушается он?

А быть может, он вместе со мною
Исполняется той же тоски
И следит за свинцовой волною
Под мостом обходящей быки?
И его, как меня, обманули
Нам подвластные тайные сны,
Чтобы легче нам было в июле
Отказаться от черной весны.

ЭСХИЛ

В обнимку с молодостью, второпях
Чурался я отцовского наследия
И не приметил, как в моих стихах
Свила гнездо Эсхилова трагедия.

Почти касаясь клюва и когтей,
Обманутый тысячелетней сказкою,
С огнем и я играл, как Прометей.
Пока не рухнул на гору кавказскую.

Гонца богов, мальчишку, холуя
На крылышках снующего над сценою,
— Смотри,— молю,— вот кровь и кость моя,
Иди, возьми что хочешь, хоть вселенную!

Никто из хора не спасет меня,
Не крикнет: «Смилуйся или добей его!»
И каждый стих, звучащий дольше дня,
Живет все той же казнью Прометеевой.

ОЛИВЫ

Маринс Т.

Дорога ведет под обрыв,
Где стала трава на колени
И призраки диких олив,
На камни рога положив,
Застыли, как стадо оленей.
Мне странно, что я еще жив
Средь стольких могил и видений.
Я сторож вечерних часов
И серой листвы надо мною.
Осеннее небо мой кров.
Не помню я собственных снов
И слез твоих поздних не стою.
Давно у меня за спиною
В камнях затерялся твой зов.

А где-то судьба моя прячет
Ключи у степного костра,
И спутник ее до утра

В багровой рубахе маячит.
Ключи она прячет и плачет
О том, что ей песня сестра
И в путь собираться пора.

Седые оливы, рога мне
Кладите на плечи теперь,
Кладите рога, как на камни:
Святой колыбелью была мне
Земля похорон и потерь.

ЗИМОЙ

Куда меня ведет подруга —
Моя судьба, моя судьба.
Бредем, теряя кромку круга
И спотыкаясь о гроба.

Не видно месяца над нами,
В сугробах вязнут костыли,
И души белыми глазами
Глядят вослед поверх земли.

Ты помнишь ли, скажи, старуха,
Как проходили мы с тобой
Под этой каменной стеной
Зимой студеной, в час ночной,
Давным-давно, и так же глухо
Вполголоса и в четверть слуха
Гудело эхо за спиной?

СИНИЦЫ

В снегу, под небом синим,
а меж ветвей зеленым,
Стояли мы и ждали
подарка на дорожке.
Синицы полетели
с неизъяснимым звоном,
Как в греческой кофейне
серебряные ложки.

Могло бы показаться,
что там невесть откуда
Идет морская синька
на белый камень мола,
И вдруг из рук служанки
под стол летит посуда,
И ложки подбирает,
бранясь, хозяин с пола.

ГРАММОФОННАЯ ПЛАСТИНКА

I

Я не пойду на первое свиданье,
Ни в чем не стану подражать Монтану,
Не зарыдаю глухо, как Шаляпин.
Сказать — скажу: я полужил и полу-
казалось — жил,
и сам себя прошляпил.
Уймите, ради бога, радиолу!

II

Июнь, июль, пройди по рынку,
Найди в палатке бой и лом
И граммофонную пластинку
Прогрей пожарче за стеклом.

В трубу немую и кривую
Пластмассу черную сверни,
Расплавь дорожку звуковую
И время дай застыть в тени.

Поостеречься бы, да поздно,—
Я тоже под иглой пою
И все подряд раздам позвездно,
Что в кожу врезано мою.

ПОСРЕДИНЕ МИРА

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,

Передо мной мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связущее море,
Два космоса соединивший мост.

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее вдвинут, как Россия,
И прошлое кляну, как нищий царь.

Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое,
И — боже мой! — какой-то мотылек,
Как девочка, смеется надо мною,
Как золотого шелка лоскуток!

ИВАНОВА ИВА

Иван до войны проходил у ручья,
Где выросла ива, неведомо чья.

Не знали, зачем на ручей налегла,
А то Иванова ива была.

В своей плащ-палатке, убитый в бою,
Иван возвратился под иву свою.

Иванова ива
Иванова ива
Как белая лодка, плывет по ручью.

ЛЮДМИЛА ТАТЬЯНИЧЕВА

* * *

Да, ты такой, каким тебя люблю:
Порывистый, настойчивый, не лгущий.
Подобно скороходу-кораблю,
Навстречу шторму и ветрам идущий.
Как нелегко и как легко с тобой!
В тебе всечасно вижу перемены.
Но то — не мыслей пестрый разнобой,
Не чувств игра,
Не вспыльчивость измены,
А щедрая способность воплощать
В себе черты стремительного века,
В себе самом и в людях не прощать
того, что недостойно человека!

ТАНК

Он — младший в танковой семье.
Родился он тогда,
Когда умолкла на земле
Военная страда,
Когда, сраженный, пал Берлин
Под грохот батарей.
И танк оставлен был один
На заводском дворе.

Домой вернувшийся танкист
Пылищу с танка стер,
И, по-военному басист,
Заговорил мотор.
Для битвы созданный колосс,
Не бывший на войне,
Он горы щебня перевез
На панцирной спине.
Он возит корабельный лес,
Кирпич, известку, мел.
Повсюду,
На сто верст окрест,
Ему хватает дел.

ГУДКИ

Гудки,
Гудки,
Ваш голос зычный,
Будивший в юности меня,
Вошел подробностью привычной
В порядок трудового дня.
Уже на грани пробужденья,
Еще не встретясь
С новым днем,
Как скорый поезд отправленья,
Приказа вашего мы ждем.
Когда я слышу на рассвете:
— Готов к труду!
— Готов к труду-у! —
Мне громко хочется ответить:
— Уже иду!
Уже иду! —
И я спешу друзьям навстречу,
Навстречу дню больших работ.
В пути едва ли я замечу
Седого вечера приход.
Звезда опустится на крышу,
А я средь близких голосов,
Быть может, даже не услышу
Ваш удаляющийся зов.
Но мир труда,
Широк и светел,

Услышит ваш призыв к труду,
И за меня мой сын ответит
Всей силой юности:
— Иду!

МАМА

Как часто невниманьем обижаем
Мы в юности отцов и матерей!
Домой из института приезжая,
К своим друзьям торопимся скорей.
На завтра отложив все разговоры,
Едва успев костюм дорожный снять,
В заречные зовущие просторы
Стремглав летим мы детство догонять.
В своих подруг бросаем мы цветами,
Забыв нарвать для матери букет.
А мать нас ждет, живет и дышит нами,
Обновы шьет, готовит нам обед.
Нас держит лес. Не отпускает Кама.
Уже темно.
Поужинать и спать.
И лишь во сне мы повторяем: «Мама».
И наши сны оберегает мать.
А ночь идет, всю землю обнимая,
Баюкая уснувшие дома,
Но мать не спит.
Я это понимаю
С тех пор, как стала матерью сама.

СОВСЕМ КАК В ЮНОСТИ

Совсем как в юности, тревожит
Меня простор родных полей.
И день, что мной еще не прожит,
Мне дня минувшего милей.

Не потому ль, что в час рассвета
Лучами кажутся пути,
И песня лучшая не спета,
И жизнь, как прежде, впереди.

* * *

Стихи о мужестве писать —
Железо молотом ковать.

О лесе утреннем писать —
Щеглов из клеток выпускать.

Стихи о Родине писать —
Ей жизнь по капле отдавать.

ХЛЕБ

Не даль морская,
И не в звездах небо,
И не цветы земли моей родной,
А снилась в детстве мне краюха хлеба —
Простого хлеба из муки ржаной.
Двадцатый год.
Потоптанное жито.
Большой войны кровавые следы.
Я, как другие, ела не досыта
Тяжелый хлеб из горькой лебеды.
Тогда еще я вряд ли понимала,—
Понять такое может только мать,—
Как глубоко страна моя страдала,
Не в силах детям даже хлеба дать.

* * *

Может быть, эта мысль не нова,
Но веку она под стать.
Я признаю только те слова,
Что делом готовы стать.
Те что друзьям и врагам не лгут.
Метят не в бровь, а в глаз.
Если такие слова и умрут,
Умрут они позже нас.

* * *

Вдали от синих гор Урала,
В руках сжимая автомат,

Спокойно смотрит с пьедестала
От солнца бронзовый солдат.
Он дышит вольным ветром жизни.
Над ним не кружит воронье.
Не клялся он в любви к Отчизне,—
Он просто умер за нее.

РУССКАЯ ДЕВУШКА

Ей восемнадцать лет, не боле.
Вишневый рот,
Лучистый взгляд.
Как у березки в чистом поле,
Красив и прост ее наряд.
В зеленой кофточке из ситца
На круг выходит не спеша.
Вздыхают женщины:
— Царица...—
Бледнеют парни:
— Хороша!—
Она ребят не замечает:
Хоть в ноги падай,
Хоть кричи.
Пока один лишь ветер знает,
Как эти губы горячи,
Да разве солнце, что вплетает
Ей в косы спелые лучи.
У всех девчонка на примете —
Строга, приветлива, скромна.
Еще любимого не встретив,
Она ему уже верна.

* * *

И в самом обычном наряде
Мила ты, Отчизна, до слез.
К лицу тебе русые пряди
Твоих ненаглядных берез.
К лицу тебе снег твой алмазный,
Твой каждый ромашковый лог.
А как молодит тебя красный
Октябрьского знамени шелк!

О ЛЕНИНЕ

I

Я сиротой осталась в лихолетье —
В суровые голодные года.
И что такое вечность и бессмертье,
Понять не в силах я была тогда.

И даже в дни великого прощанья
В смятенном сердце не могла вместить
Скрепленного присягой обещанья,
Что Ленин жив
И вечно будет жить.

Лишь вникнув в мудрость ленинского слова,
Узнав, как верен партии народ,
Я увидала Ленина — живого!
И поняла, что Ленин не умрет.

II

Не на глянцево-черной доске,
Не в линованной школьной тетради —
Мы учились писать на песке
Да на снежной нетронутой глади.

Пусть букварь был нам мало знаком,
Мы коммунизма постигли начало:
Большевистских знамен языком
Революция нас обучала.
И, наморщив по-взрослому лбы,
В жгучий снег упирая колени,
Мы писали, что мы —
Не рабы
И что вождь революции —
Ленин.

ГЛИНЯНЫЕ КУКЛЫ

В. М. Инбер

В смешных рубашках из холстины,
На вырост сшитых нам до пят,

Лепили мы из желтой глины
Забавных маленьких кукляг.
А хлеб —
Он был лишь у немногих.
Разруха.
Голод.
Нищий быт.
У наших кукол тонконогих
Был непомерный аппетит.
И мы на них ворчали:
— Дуры,
Чем вас кормить в конце концов?! —
...Лепили детство мы с натуры,
Не зная лучших образцов.

МИННЫЕ ПОЛЯ

Прозрачны дали.
И ветра спокойны.
От ржавых мин очищена земля.
Но, отступая, оставляют войны
Воспоминаний минные поля.
В людских сердцах лежат они незримо.
Их не найдет искуснейший минер.
В них скрыта боль о близких и любимых,
О муках,
Не забытых до сих пор.
Как много нужно приложить стараний,
Как надо нам друг другом дорожить,
Чтоб обезболить боль воспоминаний
И память о погибших сохранить!

САХАР

Ах, что за кони,
Песня-кони,
Краса колхозного двора!
Пиленым сахаром с ладони
Их угощает детвора.
А мать,
Слегка раздвинув ставни.
Любуясь, смотрит на ребят.

И вдруг
Воспоминаньем давним
Заволокло лучистый взгляд.

...Столбы огня.
Завеса пыли
И рукопашный у леска.
Изгнав врага,
В село вступили
Советской Армии войска.
Их путь лежал теперь к Берлину,
И был один приказ:
— Вперед!—
Три года, бесконечно длинных,
Минуты этой ждал народ.
И брали на руки солдаты
Из материнских рук детей,
Их угощая, чем богаты,
По-фронтовому, без затей.
Какие у солдат излишки!
И все ж, обшарив свой мешок,
Сержант трехлетнему парнишке
Подносит сахару комок.
А тот губенки сжал в обиде
И, отвернувшись, засопел.
Малыш впервые сахар видел
И думал — это просто мел...

...Ах, что за кони,
Песня-кони,
Краса колхозного двора!
Пиленым сахаром с ладони
Их угощает детвора.

О НЕОБЫЧНОМ

Театр на площади станичной,
В тайге электропровода...
Нам это кажется обычным
И неприметным иногда.

Мы очень быстро привыкаем
К тому, что создал наш народ.

Уже и спутников включаем
В свой повседневный обиход...

И, восхищенные рожденьем
Чудесной маленькой луны,
Мы к новым далям и свершеньям
Уже опять устремлены!

Да, мы считаем делом личным,
Чтоб становилось навсегда
Необычайное обычным,
Как хлеб,
Как воздух,
Как вода.

* * *

А. Д. Коптяевой

У русских женщин есть такие лица:
К ним надо приглядеться не спеша,
Чтоб в их чертах могла тебе открыться
Красивая и гордая душа.

Такая в них естественность, свобода,
Так строг и ясен росчерк их бровей...
Они как наша русская природа,—
Чем дольше смотришь, тем еще милей.

* * *

Позови, если очень тяжко.
Я на крыльях к тебе прилечу.
Постираю твои рубашки,
Раны жаркие залечу.

Сто ночей просижу в изголовье,
Терпелива,
Нежна, как мать.
Но, забытый моей любовью,
Ты на помощь не станешь звать.

* * *

Чистыми родниками
Смотрит в глаза мне осень.
Куда ни метнешь ты камень,
Камень ударит оземь.
Мысль эта с новой силой
Меня обожгла невольно:
Кого ни обидишь, милый,
Поранишь меня ты больно.

* * *

Пусть не в меня в прямом
бою
Вонзился штык чужой огранки.
Прошли сквозь молодость мою
Года
Тяжелые, как танки.
О, трудный марш очередей
За хлебом,
Клеклым от бурьяна,
И над молчаньем площадей
Суровый голос Левитана...
А дети в ватничках худых,
А вдов опущенные плечи!
Нет горше будней фронтовых,
Но эти —
Вряд ли были легче...
Ты знаешь это.
Ты видал
Цеха бессонные, в которых
Из гнева плавился металл,
А слезы
Превращались в порох.

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

СЫНУ ПОГИБШЕГО ВОИНА

Солдатский сын, что вырос без отца
И раньше срока возмужал заметно,
Ты памятью героя и отца
Не отлучен от радостей заветных.

Запрета он тебе не положил
Своим посмертным образом суровым
На то, чем сам живой с отрадой жил,
Что всех живых зовет влекущим зовом...

Но если ты, случится как-нибудь.
По глупости, по молодости ранней
Решишь податься на постыдный путь,
Забыв о чести, долге и призванье:

Товарища в беде не поддержать,
Во чье-то горе обратить забаву,
В труде схитрить. Солгать. Обидеть мать.
С не добрым другом
Поравняться славой,—

То прежде ты — завет тебе один,—
Ты только вспомни, мальчик, чей ты сын.

МОСТ

В рассветный час во мгле сухой,
Одетый инеем Сибири,
Мост пробудился над рекой,
Одной из самых славных в мире.

И, бережно приняв экспресс,
С великой справившийся далью,
Под ним он грянул, как оркестр,
Своей озвученною сталью.

Гремела, пела эта сталь
Согласно и многоголосо.
И шла, как под резец деталь,
Громадой цельной под колеса.

И, над рекою вознесен,
Состав столичный медлил будто,
И из вагона тек в вагон
Озноб торжественной минуты....

А звон, а грохот возрастал.
Казалось, в этот мост певучий
Вмещал свой голос весь Урал,
Нет, весь металл страны могучей:

И гром иных ее мостов,
И горделивый скрежет кранов,
И пенье в поле проводов,
И тяжкий гул прокатных станов.

И стук движка в глухом краю,
Где стала жизнь людей светлее,
И танков рокот, что в строю
Проходят мимо Мавзолея.

Со всех концов родной земли
Все голоса, что есть в металле,
Сюда, казалось, дотекли
По чутким рельсам магистрали,—

Чтоб прозвучать им над рекой,
Загроможденной ледоставом,

Над берегами, над тайгой
В победном ритме величавом...

Великих лет бессмертный труд,
Твои высокие свершенья
Как будто песень в себе несут
От нас в иные поколенья.

Как будто в завтра нашу весть
Несут — и с ней сегодня краше —
О том, что мы в грядущем есть:
Мосты, дворцы и песни наши!

...Еще один, другой пролет.
Река теснится в берег льдами.
И поезд по земле идет,
Но и земля поет под нами.

ЖЕСТОКАЯ ПАМЯТЬ

Повеет в лицо, как бывало,
Соснового леса жарой,
Травою, в прокосах обвялой,
Землей из-под луга сырой.

А снизу, от сонной речушки,
Из зарослей — вдруг в тишине —
Послышится голос кукушки,
Грустящей уже о весне.

Июньское свежее лето.
Любимая с детства пора,
Как будто я встал до рассвета,
Скотину погнал со двора.

Я все это явственно помню:
Росы ключевой холодок,
И утро, и ранние полдни —
Пастушеской радости срок;

И солнце, пекущее спину,
Клонящее в сон до беды,
И оводов звон, что скотину
Вгоняют, как в воду, в кусты;

И вкус горьковато-медовый,—
Забава ребячьей поры,—
С облупленной палки лозовой
Душистой, прохладной мездры.

И все это юное лето,
Как след на росистом лугу,
Я вижу. Но памятью этой
Одною вздохнуть не могу.

Мне память иная подробно
Свои предъявляет права.
Опять маскировкой окопной
Обвялая пахнет трава.

И запах томительно тонок,
Как в детстве далеком моем,
Но с дымом горячих воронок
Он был перемешан потом;

С угарною пылью похода
И солью солдатской спины.
Июль сорок первого года,
Кипящее лето войны!

От самой черты пограничной —
Сражений грохочущий вал.
Там детство и юность вторично
Я в жизни моей потерял...

Тружусь, и живу, и старею,
И жизнь до конца дорога,
Но с радостью прежней не смею
Смотреть на поля и луга;

Росу обивать молодую
На стежке, заметной едва.
Куда ни взгляну, ни пойду я —
Жестокая память жива.

И памятью той, вероятно,
Душа моя будет больна,
Покамест бедой невозвратной
Не станет для мира война.

В ТЕ ДНИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

В те дни за границей,
в исходе последних сражений,
В пыли разрушений,
в обвиснувших дымах пожаров,
С невиданной силой
в цвету бушевали сирени,
Каких у себя
мы нигде не видали, пожалуй.
Султаны их были
крупней и как будто мясистей,
Породистей были
округлые пышные купы,
Хотя и казалось,
что наши нежней и душистей
На родине нашей —
к востоку от речки Шешупы.
Но эти ломились,
из зимнего вырвавшись плена,
По всем городам, деревням,
по садам, магистралям,
То красной, то белой
клубились могучею пеной
У целых домов
и задымленных, черных развалин.
Казалось, они
не цвели уже годы и годы
И, голые ветви свои
простирая уныло,
Стояли и нашего именно
ждали прихода,
Чтоб сразу раскрыться
со всей затаенною силой.
Иные кусты
у какой-нибудь кирхи иль дачи,
По бровкам дорог,
у садовых оград сотрясенных
Хватило огнем,
привалило щебенкой горячей,
Отбросило в пыль,
под колеса машин многотонных...
И теплый, густой,
опьяняющий запах сирени,

Живой и посохшей,
завяленной жаром жестоким,
Стоял и стоял
надо всею Европой весенней
И с запахом трупов мешался,
не менее стойким...
В те дни за границей
нам думать и верить хотелось,
Что грохот войны
отгремит над землею усталой
И годы вернут
ее мирную свежесть и целость,
А бомбы и пушки
громить ее больше не станут...
Кто-кто, а уж мы-то
имели особое право
О мире мечтать
для себя и иных поколений,
Затем, что войну
мы прошли не для воинской славы,
Затем, что весной
на земле расцветают сирени.

ЗА ОЗЕРОМ

За озером долго играла гармонь.
Как будто бы жалуясь кротко
На то, что еще неохота домой,
Что рано уснула слободка.

Там юность грустила, собою полна,
Своей непочатою силой,
Зеленая юность, чье детство война
Огнем на корню опалила.

Та юность, которой, казалось, не быть,
А вот она к сроку настала,
Чтоб жить, и желать, и дерзать, и любить,
И все — начиная сначала.

Та самая юность грустила. И — пусть,
Завидная, в сущности, доля,
Когда эта сладкая, краткая грусть
За сердце берет молодое.

Завидная доля — на том берегу,
С улыбкой, ко всем благодарной,
Устав танцевать на дощатом кругу,
Сидеть на скамейках попарно.

Попарно бродить в предрассветном дыму
За озером в парке старинном.
А грустно, по правде, лишь мне одному.
И то — по особым причинам.

* * *

Мне памятно, как умирал мой дед,
В своем запечье лежа терпеливо,
И освещал дорогу на тот свет
Свечой, уже в руке стоявшей криво.

Мы с ним дружили. Он любил меня.
Я тосковал, когда он был в отлучке,
И пряничного ждал себе коня,
Что он обычно приносил с получки.

И вот он умер, в гробу своем,
Накрытом крышкой, унесен куда-то.
И нет его, а мы себе живем,—
То первая была моя утрата...

И словно вдруг за некоей чертой
Осталось детства моего начало.
Я видел смерть, и доля смерти той
Мне на душу мою ребячью пала.

И с той поры в глухую глубь земли,
Как будто путь туда открыт был дедом,
Поодиночке от меня ушли
Уже другие проторенным следом...

В январский холод, в летнюю жару,
В туман и дождь,
С оркестром, без окрестра —
Одних моих собратьев по перу
Я стольких проводил уже до места.

И всякий раз, как я кого терял,
Мне годы ближе к сердцу подступали,
И я какой-то частью умирал,
С любым из них
Как будто числясь в паре.

И если б так же было на войне,
Где счет потерям более суровый,
Наверно б жизни не хватило мне
И всем, что ныне живы и здоровы.

Но речь о том, что неизбежный час,
Как мне расстаться —
Малой части — с целым,
Как этот мир мне потерять из глаз,—
Не может быть
Моим лишь частным делом.

Я полагаю, что и мой уход,
Назначенный на завтра иль на старость,
Живых друзей участье призовет —
И я один со смертью не останусь.

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Что-то я начал болеть о порядке
В пыльном, лежалом хозяйстве стола:
Лишнее рву, а иное в тетрадки
Переношу, подшиваю в «дела»,

Что ж, или все уж подходит к итогу
И затруднять я друзей не хочу?
Или опять я собрался в дорогу,
Выбрал маршрут, но покамест молчу?

Или гадаю, вступив на развилок:
Где меня ждет озаренье и свет
Радости той, что, быть может, я в силах
Вам принести, а быть может, и нет?..

Все я приму поученья, внушенья,
Все наставленья в дорогу возьму.
Только за мной остается решенье,
Что не принять за меня никому.

Я его принял с волненьем безвестным
И на себя, что ни будет, беру.
Дайте расчистить рабочее место
С толком, с любовью — и сразу к перу.

Но за работой, упорной, бессрочной,
Я моей главной нужды не таю:
Будьте со мною, хотя бы заочно,
Верьте со мною в удачу мою.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

На новых землях, в стороне, открытой
Для счастья людям, долго жизнь трудна.
И кажется она им необжитой,
И помнится иная сторона.
И нужен срок, чтоб здесь окорениться,
Чтоб жизнь иною памятью облечь
И новым детям нужно здесь родиться,
И должно дедам в эту землю лечь...
Мы на себя по доброй воле взяли
Тот самый трудный новоселья срок,
Что все вмещает беды и печали
И радости нехоженых дорог.
Земле своей мы посвятили годы
Труда, терпенья, и давным-давно
Ее сады, поля, дворцы, заводы
И все, что нами здесь возведено,—
Все то, чему мы отдавали силы,
Чтоб устоять и победить на ней,
И наших братьев и отцов могилы —
Ее бойцов, ее богатырей,—
Навек сроднили нас с землею нашей.
И мы ей служим, чтоб и после нас
Ей все цвести зазывнее и краше,
Чтоб свет ее для мира не погас;
Чтоб, добытый в борьбе, в труде суровом,
Тот свет светил вперед на много лет
И чтоб за нами поселенцам новым
Не все сначала повторять вослед.

САМОМУ СЕБЕ

Пускай сегодняшний вчерашним
День обернется трудовой.
Он на счету твоем всегдашнем,
Он — жизнь, и ты при нем живой,

Пускай другой иначе судит —
Что жизнь на малый срок дана...
На тот же срок она да будет
Лишь делом избранным полна!

А если сил и жизни целой,
Готовой для любых затрат,
Не хватит вдруг, чтоб кончить дело,
То ты уже не виноват.

* * *

Весенний, утренний, тоненький
Ледок натянуло сеткой,
Но каплет с каждой соломинки,
С каждой ветки.
Поет по-зимнему улица,
Но свету — что летним днем.
И, как говорится, курица
Уже напилась под окном.
И звонкую, хрупкую,
Набравшись силы в ночи,
Чуть солнце — уже скорлупку
Проклюнули ручьи.
Весна сугробы подвинула,
Плотнее к земле примяв,
И зелень коры осиновой —
Предвестье зелени трав.
Апрельским ветром подунуло,
Запахли водой снега,
И дело свое задумала
Река, упершись в берега.
Ей грезится даль раздольная,
Ее минута близка...
Грохочет крылечко школьное,
Едва дождавшись звонка.

Давай, начинай, разламывай
Натоптанный лед рябой...
А что, если снова заново,
С начала самого
Начать нам жить с тобой?..

ПРИЗВАНИЕ

Я не пишу давно ни строчки
Про малый срок весны любой;
Про тот листок из зимней почки,
Что вдруг живет, полуслепой;
Про дым и пух цветенья краткий,
Про тот всегда нежданный день,
Когда отметишь без оглядки,
Что отошла уже сирень;
Не говорю в стихах ни слова
Про беглый век земных красот,
Про запах сена молодого,
Что дождик мимо пронесет,
Пройдясь по скошенному лугу;
Про пенье петушков-цыплят,
Про журавлей, что скоро к югу
Над нашим летом пролетят;
Про цвет рябиновый заката,
Про то, что мир мне все больней,
Прекрасный и невиноватый
В утрате собственной моей;
Что доля мне теперь иная,
Иной, чем в юности, удел,—
Не говорю, не сочиняю.
Должно быть — что ж?— помолодел!
Недаром чьими-то устами
Уж было сказано давно
О том, что молодость с годами
Приходит. То-то и оно.

О ЮНОСТИ

Мы знаем грядущему цену
И знаем, что юность права,
Не как молодая трава,

Что старой приходит на смену,
Чтоб так же отжить до зимы.

Нет, юность с другою задачей
В наш след заступает горячий,
В то дело, что начали мы,
К заветной направившись цели.

Дано ей на том же пути
За нами, но дальше идти,
Исполнить, что мы не успели,
И вспомнить, возможно, о нас
С вершины иных пятилеток —
О наших героях, поэтах,
Министрах — с улыбкой подчас.

Но пусть она, юность родная,
Поднявшись стремительно ввысь,
Не вздумает там занестись,
Отметки отцам выставляя.

Нет, пусть она в душу возьмет.
Что в славе ее безграничной
Мы все же повинны частично
И знали о ней наперед.

И знали о ней и мечтали,
Когда еще были юнцы,
А ранее — наши отцы
Смотрели в те самые дали.

И, подвиг свершая один
За времени навесью дымной,
Без нас они брали свой Зимний,
А мы еще с ними — Берлин.

Ей, юности, также известно,
Что мы без нее для Земли
Урало-Кузбас возвели,
А Волгу впрягаем совместно.

И пусть еще юность учтет,
Что следом за нею иная,
Грядущая юность идет,

Ее на работе сменяя.
Неся назначенье свое.

А нам — так и той не завидно,
А нам и ее уже видно,—
И мы не старее ее.

* * *

Есть что-то в долголетье необычном
Такое, что в понятиях людей
Считается почти что неприличным,
По крайней мере — слабостью твоей.

Так гость, бывает, за полночь куда там,
Уж и пора, пора ему домой.
А все сидит он с видом виноватым
И все стакан допить не хочет свой.

Знать, ждет его такая дрянь-квартира,
Куда тащиться через город весь,
Где и темно, и холодно, и сыро.
И где, как лег — уже ни встать, ни сесть...

Нам всякий раз, такого гостя видя,
Сказать бы надо, добрый человек,
Сидите вы, пожалуйста, сидите
И оставайтесь с нами на ночлег.

* * *

Ветер какой — ты слышишь?—
Как раскачал дубы:
Желуди по железной крыше —
Грохот ночной пальбы.

Горький загул погоды
В поздней безлюдной мгле,
Словно всей жизни годы,
Гонит листву по земле.

Друг мой, такой далекий,
Где там забыться сном:

В этой ночи глубокой
Мне без тебя одиноко,
Как одному под огнем...

* * *

В дружбе есть святая проба,
Есть заветная статья:
Если мы друзья до гроба —
И за гробом мы друзья.

Верю я в закон могучий,
Что на свете не избыт:
Друг мой, смерть нас не разлучит,
Если жизнь не пособит.

Пусть прощанья час настанет —
Мне ль, тебе ль придет черед —
Дружбы долг в себе оставит
Нерушимо — тот и тот.

Дружбы подлинной науку
Средь живых познав людей,
Я твою живую руку
Как бы въявь держу в своей...

НОВОСЕЛЬЕ

Новоселье! Дом — картинка.
Жаль, что мне-то, старику,
Новоселье не в новинку,
Не впервые на веку.

Как пришли еще с гражданской,
Тотчас с батькой за топор.
Под боком лесок был панский,—
Вот и хата и простор:

Брату каждому окошко.
Раздается вширь семья,
То да се, пошла дележка,—
Стройка новая моя.

Год, другой — опять потеха:
Хутора пошли у нас.
Надо с хатой в поле ехать —
Новоселье в третий раз.

Поугрелось место в поле,
Под окошком сад подрос,
Пообвык на волчьей воле,—
Вдруг колхоз. Ну что ж,— в колхоз.

И опять в дорогу хата.
Разобрали — соберем.
А мои уже ребята
Подросли. И что им дом!

Остаемся со старухой,
Тоже праздник не велик.
А пришла война — разруха,—
Стройся заново, старик.

Запрягайся в ту же лямку.
Ну да что ж, куда ни шло.
Дом не дом, пускай землянку
Оборудовал. Тепло.

Год, другой — в земле, в потемках,
Подтащил леску, досок.
Оборудовал хатенку —
В два оконца свет потек.

По годам не до иного,
Как угрелся, так и рай.
Глядь, пошел поселок новый,—
Вылезай, переезжай.

Спору нету: дом — картинка,
Только жаль, что старику
Новоселье не в новинку,
Не впервые на веку.

А для радости-веселья,
Это верные слова,
Лучше нет, как новоселье
В жизни раз. От силы два.

Хоть кому прикинуть, взвесить:
Хата вроде как жена,—
Для чего их пять да десять,
Будь хорошая одна?

Дом — как дом. Крылечко. Сени.
Все не на день — на года.
Все мне в жизни новоселье.
Это — да. А жить когда?

Впрочем, что же: дом — хозяйство,
Есть завет на случай сей:
Ты хоть завтра собирайся
Помирать, а жито сей!

* * *

Ни ночи нету мне, ни дня,
Ни отдыха, ни срока:
Моя задолженность меня
Преследует жестоко.

У стольких душ людских в долгу,
Живу, бедой объятый:
А вдруг сквитаться не смогу
За все, что было взято!

За то добро, за то тепло,
Участье и пристрастье,
Что в душу мне от них вошло,
Дало изведать счастье.

Сдается часом: заплачу,
Покрою все до строчки;
А часом: нет, не по плечу,
И вновь прошу отсрочки.

И вновь становятся в черед
Сомненья, сил упадок.
Беда! А выйду на народ:
— Ну как?— Бодрюсь:— Порядок...

И устаю от той игры,
От горького секрета,

Как будто еду до поры
В вагоне без билета.

Как будто я какой злодей,
Под страхом постоянным,
Как будто лучших я друзей
К себе привлек обманом.

От мысли той невмоготу
И тяжелей усталость.
Вот подведут они черту,
И — вдруг — один останусь.

И буду, сам себе ровня,
Один, в тоске глубокой.
Ни ночи нету мне, ни дня,
Ни отдыха, ни срока.

За что же мне такой удел,
Вся жизнь — из суток в сутки?..

...А что ж ты, собственно, хотел?
Ты думал: счастье — шутки?

* * *

Час рассветный подъема,
Час мой ранний люблю.
Ни в дороге, ни дома
Никогда не просплю.

Для меня в этом часе
Суток лучшая часть:
Непочатый в запасе
День, а жизнь началась.

Все под силу задачи,
Всех яснее одна.
Я хитер, я богаче
Тех, что спят допоздна.

Но грустнее начало
Дня уже самого.

Мне все кажется, мало
Остается его.

Он поспешно убудет,
Вот и на бок пора.
Это молодость любит
Подлинней вечера.

А потом, хоть из пушки
Громыхай под окном,
Со слюной на подушке
Спать готова и днем.

Что, мол, счастье дневное
Не уйдет, подождет.
Наше дело иное,
Наш скупее расчет.

И другой распорядок
Тех же суток у нас.
Так он дорог, так сладок,
Ранней бодрости час.

* * *

Снега потемнеют синие
Вдоль загородных дорог,
И воды зайдут низинами
В прозрачный еще лесок.

Недвижной гладью прикинутся,
И разом — в сырой ночи
В поход отовсюду ринутся,
Из русел выбив ручьи.

И, сонная, талая,
Земля обвянет едва,
Листву прошивая старую,
Пойдет строчить трава.

И с ветром нежно-зеленая
Ольховая пыльца,
Из детских лет донесенная,
Как тень, коснется лица.

И сердце почует заново,
Что свежесть поры любой
Не только была, да канула,
А есть и будет с тобой.

* * *

Ты дура, смерть: грозишься людям
Своей бездонной пустотой,
А мы условились, что будем
И за твоею жить чертой.

И за твоею мглой безгласной,
Мы — здесь, с живыми заодно.
Мы только врозь тебе подвластны,—
Иного смерти не дано.

И, нашей связаны порукой,
Мы вместе знаем чудеса:
Мы слышим в вечности друг друга
И различаем голоса.

И как бы ни был провод тонок —
Между своими связь жива.

Ты это слышишь, друг-потомок?
Ты подтвердишь мои слова?..

* * *

Не много надобно труда.
Уменья и отваги,
Чтоб строчки в рифму, хоть куда,
Составить на бумаге.

То в виде елочки густой,
Хотя и однобокой,
То в виде лесенки крутой,
Хотя и невысокой.

Но бьешься, бьешься так и сяк —
Им не сойти с бумаги.

Как говорит старик Маршак:
— Голубчик, мало тяги:

Дрова как будто и сухи,
Да не играет печка.
Стихи как будто и стихи,
Да правды ни словечка.

Пеняешь ты на неуспех,
На козни в этом мире:
— Чем не стихи? Не хуже тех
Стихов, что в «Новом мире».

Но совесть та исподтишка
Тебе подскажет вскоре:
Не хуже — честь невелика,
Не лучше — вот что горе.

Покамест молод, малый спрос:
Играй. Но бог избави,
Чтоб до седых дожить волос,
Служа пустой забаве.

* * *

Спасибо, моя родная
Земля, мой отчий дом,
За все, что от жизни знаю,
Что в сердце ношу своем.

За время, за век огромный,
Что выпал и мне с тобой
За все, что люблю и помню,
За радость мою и боль.

За горечь мою и муку,
Что не миновал в пути.
За добрую науку,
С которой вперед идти.

За то, что бессменно, верно
Тебе служить хочу,
И труд мне любой безмерный
Еще как раз по плечу.

И дерзкий порыв по нраву,
И сил не занимать,
И свято на подвиг право
Во имя твое, во славу
И счастье, отчизна-мать.

* * *

В свеченье славы самобытной
Москва со временем в ладу,
Она печать его не скрытно
Издревле носит на виду.

На ней черты его и вехи,
И в камне — песень о городах,
Чьи имена в иные веки
У мира были на устах.

В самолюбивом этом стане
Столиц — верна своей судьбе,
Она и то, и то местами,
Сама, однако, по себе.

Сама — своя, сама — большая,
Стоит, растет и вширь и ввысь,
Порой и недругу внушая
О ней не мелочную мысль.

МОИМ КРИТИКАМ

Всё учить вы меня норовите,
Преподать немудреный совет,
Чтобы пел я, не слыша, не видя,
Только зная: что можно, что нет.

Но нельзя не иметь мне в расчете,
Что потом, по прошествии лет,
Вы же лекцию мне и прочтете:
Где ж ты был, что ж ты видел, поэт?..

* * *

Не знаю, как бы я любил
Весь этот мир, бегущий мимо,
Когда б не убыль прежних сил,
Не счет годов необратимый.

Не знаю, как горел бы жар
Моей привязанности кровной,
Когда бы я не подлежал,
Как все, отставке безусловной.

Тогда откуда бы взялась
В душе, вовек не омраченной,
Та жизни выстраданной сласть,
Та вера, воля, страсть и власть,
Что стоит мук и смерти черной.

* * *

Я полон веры несомненной,
Что жизнь — как быстро ни бежит,—
Она не так уже мгновенна
И мне вполне принадлежит.

Со всем ее живым и сущим
Отрадным светом и теплом.
С ее прошедшим и грядущим
Добром и горьким недобром.

Она дала мне дней задаток,—
Ну что же, в дело обратим,
И как тот малый срок ни краток —
Он от нее неотделим:
Он ей самой необходим.

* * *

Не просто случай славы тленной
С иными случаями в счет —
Ступить за тот порог Вселенной,
Что вечность глухо стережет;

Где дальних солнц теснятся чащи,
Миров безмолвных тьмы и тьмы...
Всего людского рода счастье,
Что этот шаг ступили мы.
Недаром в мире планетарном
На этот мирный позывной
Глубоким вздохом благодарным
Ты отозвался, шар земной.

* * *

Та кровь, что пролита недаром
В сорокалетний этот срок,
Нет, не иссякла вешним паром
И не ушла она в песок.

Не затвердела год от года,
Не запеклась еще она.
Та кровь подвижника-народа
Свежа, красна и солона.

Ей не довольно стать зеленой
В лугах травой, в садах листвой,
Она живой, нерастворенной
Горит, как пламень заревой.

Стучит в сердца, владеет нами,
Не отпуская ни на час,
Чтоб наших жертв святая память
В пути не покидала нас.

Чтоб нам, внимая славословью,
И в празник нынешних побед
Не забывать, что этой кровью
Дымится наш вчерашний след.

И знать, что к бою правомочна
Она призвать нас вновь и вновь...

Как говорится: «Дело прочно,
Когда под ним струится кровь».

ДВЕ ОКИ

Река Ока,
Но не эта,—
Другая река,
В другой части света.

Кругом тайга,
Глухие берега,
Угрюмы воды.
А эта Ока
Далека-далека,
Как детства годы.

В дали своей
Течет, мелея.
Она и теплей,
И теплей, и светлей,
И куда милее.

И весь он мил
До малой приметы,
Тот край, тот мир,
Обжитый, угретый,
В песнях воспетый.

В пойме Оки —
Луга, ивняки;
Повыше — нивы;
В селе, в городке
Сбегают к реке
Вишни, сливы.

Ее берега
Светлы, привольны.
А тут — тайга,
Тайга и тайга
В притеми хвойной.

У этой реки
В глубине Сибири,
У этой Оки,
Безвестной в мире,

Всего и есть
Вся ее слава
И вся ее честь —
Пора лесосплава...

Так мало людей
В стране огромной,
Кто бы о ней,
Как о родной, вспомнил.

О родной реке,
Сибирской Оке,
Полноводной, могучей,
Что шумит вдалеке,
В иркутской тайге,
Под береговой кручей.

Чтоб в иной стороне
Теплее стало,
Как нынче мне
При мысли о старой
Оке, чьи воды
От этой реки
Далеки-далеки,
Как детства годы...

ПОРОГ ПАДУН

Грядой прибрежных гор укрыт,
Порог Падун еще далек.
Еще невидимый трубит
В свой допотопный грозный рог.

Крутой подъем, и вспыхнул плёс
Реки, укрытой до поры.
И камешки из-под колес
С отвесной кинулись горы.

Над самой кручей — поворот
И — Ангара — река из рек,
И стадо каменное, брод
Загородившее навек.

Три океана с той поры
Воды, наверно, утекло,
Как это стадо от жары
В широком русле залегло.

И в этой кипени седой
Хребты, бока, горбы, зады
То пропадают под водой,
То выступают из воды.

Так вот он — сам Падун-порог
В просторном створе берегов!
Он невысок, зато широк:
То стадо в тысячи голов.

Хмелен от собственных щедрот,
Сугробы пены гонит он
К подножью каменных ворот.
И звон окрест стоит и стон.

И звон, и стон, и вой, и рев,
Вода в жгуты перевита,
Как будто каменных коров
Загнать стремится в ворота —
В пролом скалы, в разрыв горы,
Но даром ярость Ангары.

Но даром весь ее напор:
Недвижно скопище камней.
Лишь эхо каменное гор
Тройным раскатом вторит ей.

Стой и гляди. Запоминай.
Таков он был, Падун-порог,
Таков он был, окрестный край,
Когда уже им вышел срок.

В тот срок у запертых ворот
Над белопенным Падуном
Сомкнулась толща тяжких вод,
И стала кипень тихим дном.

И плавно поверх Падуна
Морская двинулась волна.

На глубине утих порог,
Умолк его могучий рог
Навек. И часть красы земной
Ушла, чтоб место дать иной...

УСТАЛОСТЬ

Порой такая гудит усталость,
Как лечь в кровать,—
Сдается, силы едва осталось,
Чтоб утром встать.

Как будто в шахте пластом породы —
Ни ног, ни рук —
Все эти годы, труды, походы
Придавят вдруг.

Без мук, без боли. И рухнет время
На всем скаку...
Но утром встанешь ты вместе с теми,
Что — по гудку.

Не отставая ни на минуту
Ни в чем от них,
Поспешно выйдешь, пройдешься, будто
До проходных.

Потом вернешься под крышу дома —
Все по часам —
И тоже смену по-молодому
Заступишь сам.

ТЫ И Я

Ты поздно встал, угрюм и вял,
И свет тебе не мил.
А я еще зарю застал
И с солнцем в день вступил.

К тебе, несвежему со сна,
Никто не подходи.
А мне на редкость жизнь красна
И — радость впереди.

Я утро на день запасал,
Его вбирая в грудь.
Теперь за стол, как за штурвал,
И снова — в дальний путь.

Тебе в унынье не понять,
Как полон мир красы,
Как стыдно попусту терять
Заветные часы.

И все тебе нехороши,
И сам ты нехорош:
Мол, хоть пиши, хоть не пиши —
И так, и так умрешь.

И всё вокруг — до тошноты.
Всё повод для нытья...
Как горько мне, как жаль, что ты —
Ведь это — тоже я.

Я все твои ношу в себе
Повадки и черты.
Еще спасибо той судьбе,
Что я — не просто ты;

Что я — в тебе таком — не весь
Отнюдь — скажу любя:
Я — это я, каков я есть,
За вычетом тебя.

О СУЩЕМ

Мы славы тлен — без интереса
И власти мелочная страсть.
Но мне от утреннего леса
Нужна моя на свете часть;
От уходящей в детство стежки
В бору пахучей конопли;
От той березовой сережки,
Что майский дождь прибьет в пыли;
От моря, моющего с пеной
Каменья теплых берегов;
От песни той, что юность пела

В свой век — особый из веков;
И от беды и от победы —
Любой людской — нужна мне часть,
Чтоб видеть все и все изведать,
Всему не издали учась...
И не таю еще признанья:
Мне нужно, дорого до слез
В итоге — твердое сознанье,
Что честно я тянул мой воз.

СОБРАТЬЯМ ПО ПЕРУ

В деле своем без излишней тревоги
Мы затвердили с давнишней поры
То, что горшки обжигают не боги,
Ну, а не боги, так — дуй до горы.

Только по той продвигаясь дороге,
Нам бы вдобавок усвоить пора:
Верно, горшки обжигают не боги,
Но обжигают их — мастера!

* * *

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мертвых,— знаю только я,

Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет — пусть себе он бог.

А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

МОСКОВСКОЕ УТРО

Москва по утрам
обновляется чудно:
Еще не шумна,
не пыльна, малолюдна;
Подернута дымкой
в разводах белесых,
Где дождь по асфальту
прошел на колесах;
Насыщена запахом
булочных ранних,
Где белый — как сдоба,
и черный — как пряник;
Остужена тенью
своих корпусов;
Озвучена боем
кремлевских часов.
И весь этот мир,
этот утренний город,
Мне нынче особенно
близок и дорог.
Надев мои новые
брюки в полоску,
К газетному я
направляюсь киоску.
Газету мне почта
доставит и нá дом,
Но мне ее видеть
на улице надо,
В случайном составе
того коллектива,
Где очередь я
занимаю учтиво.
И скукой томиться
там нету причины:
Газету как раз
выгружают с машины.
А что там сегодня
на третьей странице,
Еще никому
не известно в столице.
А я хоть и знаю
от строчки до строчки,

Но скромно молчу,
продвигаясь в цепочке.
Хотя эта скромность —
признаться ли в том? —
Она мне дается
с немалым трудом.
Давно я немолод,
но, странное дело,
В одном остаюсь я
парнишкой всецело,
Тем самым, что где-то,
далёко отсюда,
Впервые познал
это сладкое чудо —
Увидеть свой вымысел,
скрытно рожденный,
Печатными буквами
вдруг утвержденный
И распространенный,
объявленный разом
С уборочной сводкой,
Верховным указом,
Учетной статьей
и последнею самой
Парижской ли,
лондонской там телеграммой,
Итоговым счетом
футбольных работ...
Но что это? Нет?
Или номер не тот?
Уже впереди
развернули газету,
На третьей странице —
стихов моих нету.
Да, так-таки нету.
И сердце упало...
А люди вокруг —
как ни в чем не бывало:
Тот прячет газету
в портфель для утехи —
В служебное время
прочесть без помехи;
А этой серьезной,
порывистой тете —

Ей некогда будет
читать на работе,—
Она, как и многие,
мигом, на месте,
Срывает верхушки
последних известий,
Себя сберегая
для нынешних дел...
Зачем же я новые
брюки надел?..
И чувство вины,
и стыда, и просчета
Меня охватило.
Какого же черта...
Как будто свой поезд
прохлопав ушами,
Остался дурак
на перроне в пижаме:
За поездом, что ли,
бежать ему вслед?
Он думал, что едет,
а вышло, что нет...
Какого же черта...
Ведь ночью недавней
Звонил мне редактор,
не просто а, главный.
Я к трубке приникнул —
не часто такое,—
И слышу: — Простите,
что вас беспокою.
Хоть службу ночную
мы сами несем,
Но знаем, как дорог
ваш творческий сон. —
И против обычных
редакторских правил
С удачей меня
троекратно поздравил.
Мол, знаете сами,
не мастер хвалить я,
Но это в поэзии —
просто событье.
Этап. И ступень.
И значительный шаг...

Слова эти
так и горели в ушах.
Хотя, если вспомнить,—
я с первой минуты
Почуял, что главный
подводит к чему-то;
И вот уже вывел
на самую кромку,
Внизу для меня
подстеливши соломку:
— Печатаем, как же!
За мелочью дело...—
И трубка в руке
у меня запотела.
Я слышу, как главный
закашлял неловко:
— Вы знаете, все-таки...
эта концовка....
Прочтите-ка сами —
не слева направо,
А справа налево:
двусмысленно, право...
Мой голос дрожит
от обиды и гнева:
— Простите, зачем же
мне справа налево
Читать эти строчки,
размысливши здраво,
Когда полагается —
слева направо?
— Конечно, конечно,—
и главный согласен,
Что смысл, если так,
безупречен и ясен.
— Но мы о читателе
думать должны.
(Как будто читатель —
он прибыл с Луны!)
Мол, этот вопрос —
он возник мимоходом,
Поскольку мы тут
совещались с народом.
Я диву даюсь:
ну зачем он мне врет?

Какой там сейчас
в кабинете народ!
И мне ли не знать,
что на самом-то деле
Народ по ночам
пребывает в постели.
А тот, что на вахте
иль в смене ночной,
Он занят своею
задачей прямой.
Но именно данную
часть разговора
Я как-то из памяти
выпустил скоро.
А то, что я в трубке
услышал сначала,
В душе моей внятно
и сладко звучало.
«Печатаем, как же!
За мелочью дело...»
Но мелочь, я думал,
сама отлетела...
И утром поднялся,
доволен и светел.
И новыми брюками
дату отметил.
И бодрой походкой
на улицу вышел,
А как обернулось —
рассказано выше...
Но утро есть утро,
и день — это дело.
Москва поднялась,
зашумела, запела,
Затмилась пыльцой
и дымком зачадила,
Но жизни полна,
величава на диво!..
Досада моя
рассосалась помалу.
К столу!— как другие к станку
иль штурвалу.
К труду!— и забудь
в горделивом терпенье

Про все те «этапы»,
«шаги» и «ступени».
Но строки души
и любви не лукавой
Пиши, как положено,—
слева направо.
И помни в работе,
единой со всеми,
Что главный редактор —
великое время,—
Не в далях иных,
за посмертной страницей,
А время, что нынче —
в селе и в столице.
И ты не считай,
что, родившись в сорочке,
Ему не обязан
от строчки до строчки.
Обязан кругом —
и завидной планидой,
И славой своей,
и минучей обидой.
Оно и обиду
по чести рассудит,
А если не вдруг,
так тебя не убудет.
Не так ты уж беден
и в нынешнем разе:
Не все на прилавке,
а есть и на базе!..
Ах, время, родное,
великое время,
Солгу по расчету —
лупи меня в темя!
А если подчас
отступлюсь ненароком —
Учи меня мудрым
уроком-упреком.
Приму его сердцем,
учту его честно,
В строю не замедлю
занять свое место.
Когда я с тобою,
мне все по плечу,

Ты скажешь —
я горы тебе сворочу.

У ПАДУНА

Река пропела все сначала,
Ярясь на новом рубеже,
Как будто знать она не знала,
Что уступала нам уже.

Всю ночь под пеной волны выли.
К утру, не дав реке вздохнуть,
Мы скальным грузом придавили
Ее бунтующую грудь.

Не устояли в жарком споре
С годами нашими века.
И, очутившись на запоре,
Утихомирилась река.

Недвижны тяжкие ворота,
За ними плёс плененных вод.
Умолкла битва, но работа
Вступает в новый свой черед.

В ТАЙГЕ ПРИМОРЬЯ

Как будто дождь медовый выпал
Над этой чудной стороной:
Так густо дух таежной липы
Стоит тягучий и парной.

И над дорогой, над машиной,
И надо всей самой тайгой —
Бездонный ровный звон пчелиный,
Бессонный день жары глухой.

Здесь царство липы,— клен и ясень,
Орех и дуб в ее тени...
А четкий строй таежных пасек
Поселкам нынешним сродни.

И простота, и стройность та же,
И блеск проструганной сосны,
И легкость звонкая, и даже
Щеголеватость новизны.

* * *

Не хожен путь
И не прост подъем,
Но будь ты большим иль малым,
А только — вперед,
За бегущим днем,
Как за огневым валом.

За ним, за ним,—
Не тебе одному
Бедой грозит передышка,—
За валом огня.
И плотней к нему.
Сробел и отстал —
Крышка!

Такая служба твоя, поэт,
И весь ты в ней без остатка,
— А страшно все же?
— Еще бы — нет!
И страшно порой.
Да — сладко!

* * *

Жить бы мне век соловьем-одиночкой
В этом краю травянистых дорог,
Звонко выщелкивать
Строчку за строчкой,
Циклы стихов заготавливать впрок.
О разнотравье лугов непримятых.

Зорях пастушьих, угодьях грибных.
О лесниках-бодряках бородатых.
О родниках и вечерних закатах.
Девичьих косах и росах ночных...

Жить бы да петь в заповеднике этом,
От многолюдных дорог в стороне,
Малым, недальним
Довольствуясь эхом,—
Вот оно, счастье.
Да жаль, не по мне.

Сердце иному причастно всецело,
Словно с рожденья кому подряжен
Браться с душой за нелегкое дело,
Биться, беситься и лезть на рожон.

И поспевать, надрываясь до страсти,
С болью, с тревогой
За нынешним днем.
И обретать беспокойное счастье
Не во вчерашнем, а именно в нем...

Да! Но скажу я: без этой тропинки,
Где оставляю сегодняшний след,
И без росы на лесной паутинке —
Памяти нежной ребяческих лет —
И без иной безымянной травинки
Жить мне и петь мне?
Опять-таки — нет...

Не потому, что особой причуде
Дань отдаю в этом тихом краю.
Просто — мне дорого
Все, что и людям,
Все, что мне дорого, то и пою.

* * *

Некогда мне над собой измываться,
Праздно терзаться и даром страдать.
Делом давай-ка с бедой управляться,
Ждут сиротливо перо и тетрадь.

Некогда. Времени нет для мороки,—
В самый обрез для работы оно.
Жесткие сроки — отличные сроки,
Если иных нам уже не дано.

ДОРОГА ДОРОГ

Дорога дорог меж двумя океанами,
С тайгой за окном иль равнинами голыми,
Как вехами, вся обозначена кранами —
Стальными советского века глаголями.

Возносят свое многотонное кружево
Они над землей — не вчера ли разбуженной,
Сибирью, по фронту всему атакуемой,
С ее Погорюй — Потоскуй — Покукуями.
Встают над тылами ее необжитыми,
Что вдруг обернулись «Магнитками» новыми.
Над стройками, в мире уже знаменитыми,
И теми, что даже не наименованы.

Краина, что многих держав поместительней,
Ты вся, осененная этими кранами,
Видна мне единой площадкой строительной,
Размеченной грубо карьерами рваными;
Вразброс котлованами и эстакадами,
Неполными новых проспектов порядками,
Посадками парков, причалами, складами,
Времянками-арками и танцплощадками.

В места, по прозванью, не столь отдаленные,
Хотя бы лежали за дальними далями,
И нынче еще не весьма утепленные
Своими таежными теплоцентралями,—
В места,
Что под завтрашний день застолбованы,
Вступает народ, богатырь небалованный.
Ему — что солдату на фронте — не в новости
Приварок, в поэмах и песнях прославленный,
Жары и морозы железной суровости
И хлеб, тягачами на место доставленный.

Не стать привыкать —
За привалами редкими —
Ему продвигаться путями неторными.
Он для Семилетки взращен Пятилетками
И целой эпохи походными нормами;
Годами труда, переменами столькими;
Краями, для дел богатырских привольными;

Своими большими и малыми стройками —
В прослойку с большими и малыми войнами.

Какие угрюмые горы с ущельями
В снегах прогревая бивачными дымами,
Прошел он навылет стволами-тоннелями,
Мостами сцепив берега нелюдимые!
В какие студеные дебри суровые
Врубаясь дорог протяженными клиньями,
Он вез города на колесах готовые,
К столицам своим подключив их на линии!

Он знает про силу свою молодецкую,
Народ, под великий залог завербованный,
Все может! И даже родную советскую
Словцом помянуть, с топора окантованным.—
Хозяин! А время крутое, рабочее —
Не время для слов умилительной кротости.
Вселенная — пусть она встала на очередь,
Забот на Земле остается до пропасти.
Простора довольно для нынешних подвигов,
Что в завтрашнем блеске
Со счету не сбросятся.

...А где мое слово, что было бы подлинным,
Тем самым, которое временем спросится?

Пускай оно будет не самое громкое,
Но только бы правдой бестрепетной емкое.

Пускай не из стали оно, не навечное,
Но только бы слово от сердца сердечное.

Простое, земное — пускай не надзвездное,
Веселое к месту и к месту серьезное.

Но только бы даль в нем была богатырская,
Как русское это раздолье сибирское;
Как эта моя, осененная кранами,
Дорога дорог меж двумя океанами.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

ФЛАГ

На столах простых и длинных
Флаги разные цветут,
Чтобы сразу было видно,
Что за люди сели тут.

Вот он — флаг советский, красный,
Всем понятен этот флаг,
И вокруг как будто ясно,
Кто сидит,— а вот не так!

Посмотри: и в самом деле,
Сколько дружбы на земле;
Тут присел индус из Дели,
Старый докер из Кале.

Китаянки сели тоже,
Где подруг советских ряд.
Помешать никто не может,
И, как сестры, говорят.

Говорили, как умели,
Речь сердечная проста,
Негры тоже с края сели
На свободные места.

К неграм бросился, взревевши,
Занеся незримый хлыст,
От досады пожелтевший
Вашингтонский журналист.

«Что, вам в этом зале тесно?
Здесь сидеть нельзя никак,
Вам, конечно, неизвестно,
Под какой вы сели флаг?»

Длинный негр вздохнул всей грудью,
Улыбнулся заодно:
«Этот флаг, скрывать не будем,
Он известен нам давно.

Нет подобного на свете,
Мы хотим сердца погреть,
Мы хотим под флагом этим
Хоть немного посидеть!»

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ НА КОНГРЕССЕ

Отец приносил газеты в дом
И радио слушал,
Кричало радио все об одном,
Газеты терзали душу.

И не стесняясь, что дочь мала,
При ней говорил он:
«Нас ждут ужасные дела,
Ужасная могила.

Или с неба слетит атомный гром,
Взрыв без осечки,
Конечно, пылью исчезнет дом,
И мы сгорим, как свечки.

Или с неба любые бомбы слетят
На головы наши,
Это будет такое, что самый ад —
Игрушки одни, мамаша.

Или с неба сбросят на нас чуму,
Холеру, сверхлихорадки,—
И дома умрем мы по одному,—
Тоже несладко...»

Слушала дочка, хоть и мала,
Все понимала,
Она ни есть, ни спать не могла,
Всю ночь вздыхала.

И мать она разбудила, когда
Ночь уже шла к рассвету:
«Уедем, мама, с тобой туда,
Где неба нету!»

ПАК ДЕН АЙ

Как описать неслыханно простое
И где сказать рассказу: начинай!
Сорвался зал со всех своих устоев,
Когда сошла с трибуны Пак Ден Ай.

Вскочили люди на столы и стулья,
А женщины восточных стран толпой
Бежали к ней в таком всеобщем гуле,
Как будто в зал обрушился прибой.

И первая из женщин, перед нею
Упав ничком, поцеловала пол,
Как землю той истерзанной Кореи,
Чей образ здесь по всем сердцам прошел.

И женщины плащи свои снимали,
На Пак Ден Ай накидывали их,
Как будто дар особый получали
Плащи, коснувшись Пак Ден Ай на миг.

И целовали в губы, в шею, в щеки,
Края ее одежды, рукава.
В глазах темнел такой восторг глубокий,
Что от него кружилась голова.

И под руки ее вели. Гвоздики
Ей дали в руки. Алые цветы

Таким густым огнем горели диким,
Как кровь на платье снежной чистоты.

Кругом кричали, плакали и пели;
Одной семьей, как будто все свои,
Ее нёсли, купая, как в купели,
В неистовстве невиданной любви.

Свой новый день Восток сегодня славил,
К ней Запад руки гордые простер,
Ее внесли в президиум, поставив,
Как светлый, вдаль сияющий костер.

Спокойная, недвижная, вся в белом,
Она стояла, замкнутая в круг,
И, вздрогнув всем легчайшим, гибким телом,
Народам в пояс поклонилась вдруг.

Казалось, что конца не будет гулу,
Что навсегда он с этим залом слит,
Глаза людей Корея повернула,
Чтоб видели, откуда враг грозит.

Грозит всему, что жизнью называем...
В огне, в крови далекий милый край,
Как статуя стояла здесь живая
Корея, воплотившись в Пак Ден Ай!

И в волны криков, песен, восклицаний
Она сошла спокойно и светло,
И медленно вошедшее молчанье,
Как облаком, ей плечи облегло.

И все вернулись, как из сновиденья,
Где их кружил живительный поток,
Таким опустошенные волненьем,
Что был, как тяжесть, воздуха глоток!

ПЕСНЯ О КОМСОМОЛЕ

1

Давно уж прошлое, как сон,
Что снится без конца,

Сквозь даль исчезнувших времен
Я вижу два лица.

Как слепки с миллионов лиц,
Веселых и родных,
В пурге полей, в огнях столиц,
В боях я вижу их.

С винтовкой юноша идет,
И девушка за ним,
И красная звезда встает
Над их путем большим.

Готовы жизни положить,
Чтоб будущим владеть,
Но смерть не может их убить,
Они идут сквозь смерть.

И с ними в книгу, в барельеф,
В знамен весенних шелк
Он входит, песней прозвенев,
Бессмертный комсомол!

2

Сегодня родина зовет
К просторам золотым,
И снова юноша идет,
И девушка за ним.

Я вижу эти два лица
В светящейся пыли
Среди степного багреца
Разбуженной земли.

Как слепки с тысяч лиц других,
Их в глушь несет река,
И тени утренней тайги
Бегут по их щекам.

Над ними вновь звезде сиять,
Они — на славный труд
Земли богатства добывать
Для родины идут.

И с ними в книгу, в барельеф,
В знамен весенних шелк
Он входит, песней прозвенев,
Бессмертный комсомол!

3

А завтра, вновь помолодев,
Появятся они
На шумном празднике, в труде,
Совсем в другие дни.

И все ж похожие на тех,
Что брали Перекоп,
Что шли дорогой первых вех
И первою из троп.

Смиряли русла горных рек
И море целины,
И вот теперь в атомный век
Идут на штурм Луны.

Корабль космических высот,
Их вдохновенный труд.
Сигнала отправленья ждет,
В полет они идут...

И с ними в книгу, в барельеф,
В знамен весенних шелк
Он входит, песней прозвенев,
Бессмертный комсомол!

ВОСПОМИНАНИЕ

Не может сердце позабыть былого,
Хотя оно уж за годов горой,
Я вспоминаю — и волнуюсь снова —
Далекий ныне год сорок второй.

Над обгорелой рощей, легкой тенью,
Весь голубой июньский день летел,
На линии резервных укреплений
Один участок генерал смотрел.

Смотрел окопы, блиндажи и доты,
Всю маскировку, лазы и ходы,
Все было крепкой, мастерской работы.
Он вдруг увидел девушек ряды.

И в строгие он всматривался лица,
Как будто видел первый раз таких,
Каким не только надо удивиться,
А унести в солдатском сердце их.

— Скажите мне, что здесь работы вашей? —
Спросил он.
— Все, товарищ генерал!
— Как, эти доты строили вы даже?
А кто ж их так хитро маскировал?

— Мы все!..
— А кто вам проволоку ставил?
А кто же вам окопы одевал
Так чисто, что и щепки не оставил?
— Всё мы одни, товарищ генерал!

И генерал пошевелил бровями:
— Но мины ж вы поставить не могли?
— Саперами мы тоже были сами,
Всю связь мы тоже сами провели...
— Не малый путь, я вижу, вы прошли! —

И взгляд его скользнул по лицам острым,
По их суровой, девичьей красе:
— А что вы все похожи, словно сестры?
— Мы сестры все, мы комсомолки все!

Мы ленинградки!.. —
В солнечные дали,
За Пулковский, в боях разбитый вал,
Невольно тут взглянул поверх развалин,
Чтоб скрыть волненье, старый генерал...

Когда теперь мы слышим отовсюду
Про молодости подвиг трудовой —
На целине, на стройках, равных чуду,
Сиянью зорь над юной головой,

Я знаю, что ничто не остановит
Бесстрашных тех, упорных юных тех,
Пусть грозы все гремят степною новью,
Шторма встают штормов превыше всех.

Пусть колет вихрь мильонами иголок
И валит с ног на предполярном льду...
Я вспоминаю этих комсомолок,
Под Пулковом в сорок втором году.

* * *

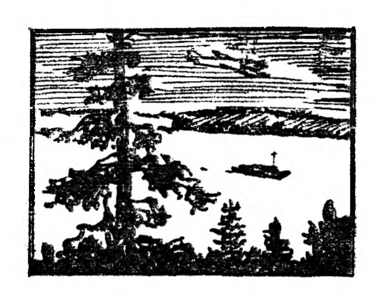
Под сосен снежным серебром,
Под пальмой юга золотого,
Из края в край, из дома в дом
Проходит Ленинское слово.

Уже на дальних берегах,
Уже не в первом поколенье,
Уже на всех материках
И чтут и любят имя: Ленин!

В сердцах народных утвержден,
Во всех краях он стал любимым,
Но есть страна одна, где он
Свой начал путь неповторимый.

Где были ярость, ночь, тоска
И грохот бурь в дороге длинной,
Где он родного языка
Любил могучие глубины.

И необъятный небосклон,
И все растущий вольный ветер...
Любить Россию так, как он,—
Что может быть святей на свете!

НИКОЛАЙ ТРЯПКИН

* * *

Лесная жалейка, знакомые звуки,
Плакучие ивы, речные излуки,
Речные излуки.

Знакомые птицы кружат надо мною,
Знакомое солнце висит над водою,
Горит над водою.

И сердце, устав от лихого скитанья,
Прислушалось к травам лесного молчанья,
Лесного молчанья.

И в сердце — из детства, из дальней разлуки—
Я слышу все те же знакомые звуки.
Знакомые звуки...

* * *

Снова беркут над серой дубравой
Рассекает пустынную высь.
И метнулись катучие травы
И по-заячьи вдаль понеслись.

Эй, разливные черные взметы,
Загремевший ветрами пустырь,

Огневые степные ометы,
Золотая большая Сибирь!

Это зубья крутящихся грабель
Заиграли по звонкой стерне.
Это солнцем заряженный кабель
Разгуделся по всей стороне.

Дружит эхо со скрипом парома
На суровом разливе речном.
И метет за комбайном солома,
Как лиса ярко-желтым хвостом.

И за той голубеющей кромкой,
За крылами степного орла,
Не к порогу ли наших потомков
Родословная наша пришла?

* * *

На дворе раскричался петух,
        Раскудахтались куры.
А на улице снег поразбух
        И проталинки буры.

Зашумит водополь, подойдет
        К почерневшему стогу.
Затрубит вышина, запоет
        И покличет в дорогу.

И пойду я по теплой земле
        Через дымные зори,
Погрущу о родимом селе
        На каком-то сугробе.

Зарокочет камнями река,
        Залепечет осина,
Поплывут облака, облака
        Над дорогою сына.

Я за ними глаза подниму
        И вздохну от печали
И доверюсь пути своему
        В зазвучавшие дали.

И побуду я в мире большом,
  На певучем истоке,
И сложу я о крае родном
  Свои лучшие строки.

* * *

Люблю я ходить за водою
К трубе на твоем огороде.
Сначала задобрю собаку
В малине густой и смороде,

Чтоб ты угощала спокойно
В саду меня ягодой спелой,
А черная злюка цепная
Не гавкала зря, не шумела.

И славлю я щедрое лето
За долгим твоим угощеньем,
И женские руки в малине.
И губы, что пахнут вареньем.

И славлю я щедрое лето
И всю твою снедь в огороде...
И долго целуешь ты друга
На старой садовой колоде.

Потом я иду за водою,
Довольный твоим угощеньем.
И губы в малиновом соке
И чуточку пахнут вареньем.

ОСЕНЬ

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора.
Тютчев

1

Давно те воды отшумели,
Давно те рощи отцвели,
Давно морозные метели
Мою черемуху сожгли.

И вот сижу перед окошком,
Чиню бадью, сучу пеньку,
А где-то свежая картошка
Бежит по звонкому лубку.

И я смотрю на стог заречный,
На полевую тишину.
И с думой самой человечной
Пою про новую весну.

2

Я до солнышка встал и в окно поглядел,
В опустевшую даль непогодную.
За восточной каймой, где туман поредел,
Занимаются вспышки холодные.

Вот и лето ушло. Вот и осень пришла.
Свищет ветер по жнивам заброшенным.
Провожай сыновей за дымками села
По последним овсам, по нескошенным.

Поезжай к ветряку да пшеницу мели,
Чтоб зимой карапузы не хныкали...
Чу! Прощальный привет журавли, журавли,
Журавли в облаках прокурлыкали.

3

Поклонюсь одинокой рябине,
Погрущу среди сжатых полей.
Там, в зеленом саду, при долине,
Громко пел молодой соловей.

А теперь золотые ометы
И стоят и молчат в стороне,
Словно деды, забывшие что-то
В пролетевшей когда-то весне.

Только воздух прохладный и синий,
Только жалобный крик журавлей...
Поклонюсь одинокой рябине,
Погрущу среди сжатых полей...

ДРУЗЬЯМ

Г. Горностаеву

...Дымок заречный,
Ветер встречный,
Зеленый день, зеленый зной...

Мы не обижены, конечно,
И не обласканы судьбой.

Друзья по возрасту, по силам,
Друзья по песням заревым!
Не жаль, что лето наступило,
А жаль, что молодость не с ним.

Какие сношены шинели!
Какие свалены дубы!
А мы, поэты,
Еле-еле
Ступаем в мир своей судьбы.

Мы горячи в любом сраженье,
Поспорим с мастером любым —
И своего же вдохновенья
Средь общих дел не отличим.

Иль на заоблачных высотах
Робеет сокол молодой?
Или его и вправду кто-то
За лапку водит бечевой?

Или нельзя уже иначе:
Подхватит ветер, пропадем?
В каких заплачках мы проплачем?
В каких былинах пропоем?..

Какие версты пролетели!
Какие радуги зажглись!
А мы, поэты,
Еле-еле
В свою дорогу
Собрались.

* * *

Мне говорят, что я в опасности,
Что это тень, мол, на плетень —
Изображать в печатной гласности
Невзгоды наших деревень.

Писать про избы, что сутулятся
От жизни, трудно прожитой;
Писать про то, что есть, мол улицы,
Знакомые с полынь-травой...

Эй вы, папаши и брательники!
Я сам не рад в конце концов.
Но... эти чертовы репейники
Среди пустующих дворов!

Не я ли тут стихи закручивал
Про чудный сад в моем углу?
А эти злючины колючие
Мне облепили всю полу...

Сюда, поэт! В поля безмерные!
И в хлебный и в полынный шум!
Давай учиться глазу верному
И слов не тратить наобум.

Пройдем поречьями, поёмами
По селам громким и глухим.
И если где мосты поломаны —
Не отвернемся, не смолчим.

Пускай иной кряхтит и хмурится,
Что это тень, мол, на плетень.
А мы с тобой на каждой улице
Посадим синюю сирень.

ЯГОДИНОЧКА

Ой, маменька, жарко, откройте трубу,
Откройте трубу.
Ой, милого жалко, забыть не могу,
Забыть не могу.

За окнами вьюга молчит — не шумит,
Молчит — не шумит.
Болит мое сердце, болит-говорит,
Болит-говорит.

Надень-ка ты, вьюга, мохнатый шугай,
Мохнатый шугай,
Да сбегай ты, вьюга, на синий Дунай,
На синий Дунай.

Там солнышко светит, ломается лед,
Ломается лед.
Там лебедь красивый куда-то плывет,
Куда-то плывет.

Он не лебедь белокрылый,
Не дунайская вода,
Мимо окон ходит милый,
Починяет провода.

Починяет провода,
Не уехал никуда...
Все равно теперь меж нами
Льется синяя вода.

Ягодиночка на льдиночке,
А я на берегу.
Перекинь, милой, тесиночку.
К тебе перебегу.

Милый мой!
Милый мой!
Что ж ты отдаляешься.
Замечаю, дорогой:
За другой
Гоняешься.

* * *

Унесут меня в бесконечность
Звездолетные корабли.
И увижу в провалах Млечных
Голубой фонарик Земли.

Всюду ночь без конца и срока
И немые костры миров.
Ой, далеко, очень далеко
Наше поле и город Зубцов!

Может быть, тогда уж на свете —
Ни штыков нигде, ни войны,
И на пушечном на лафете
Станет мама сушить новины.

В улетающем звездоходе
Я на Землю не раз оглянусь,
И приснится мне дождь в городе
(А у тына пасется гусь).

Вспомню зимний пар у конюшни,
Солнцепек за нашей избой,
И, наверно, не будет скушно
Вспомнить старый полушубок свой.

След хоречка на свежем снеге...
И очнусь и вздохну горячо:
Дескать, как там на Марсе и Веге,
А у нас на Земле — хорошо!

А у нас на Земле — сорока
И весенний бой петухов...
Ой, далеко, очень далеко
Наше поле и город Зубцов!

РАДОСТЬ

Есть у каждого цвета
Свой желанный удел,
И у каждого лета
Свой кусток — чистотел.

И у каждого тына,
Скажем, свой огород,
И у каждого сына
Свой особый почет.

Вот и я в этом мире
Так обязан судьбе!

Тем обязан, что вырос
В деревенской избе —

В золотой, небогатой,—
В настоящей, тверской;
Что женился когда-то
На девчонке простой;

Что живу-пребываю
От тех мест не вдали.
Свою жизнь вылепляю
Все из той же земли;

Что овеян половой
На колхозных токах,
Что хожу не в шевровых,
А в простых сапогах;

Что пишу эти строки
Все в такой же избе.
И за это я очень
Благодарен судьбе.

Правда, дед мой старался
Переплюнуть других.
Заводил таратайки
На рессорах крутых,—

Чтобы в шелесте хлеба,
С красным звоном дуги,
В день Бориса и Глеба
Выезжать на торги.

Но и в этом, пожалуй,
Уступил бы старик:
Верст полсотни без мала
В час дает грузовик,—

По осеннему пару —
Прямиком, кривиком —
До любого базара
Газанем с ветерком!

А засядем в канаве —
Выручай, не скули!
Ведь и грязь тут иная,—
От своей земли;

И помучит и взмочит —
Все на пользу тебе...
Вот за это я очень
Благодарен судьбе,—

Что забвенью не предал
И храню до конца
То, что принял от деда,
Получил от отца,—

Эту радость — окрепнуть
В деревенской семье
И зимой не поблекнуть
В деревенском тепле;

Пропылиться половой
На колхозных токах
И ходить не в шевровых,
А в простых сапогах.

Этой радости, братцы,
Я желаю и вам.
И прошу не стесняться
И причаливать к нам.

ВЕРОНИКА ТУШНОВА

* * *

Пусть мне оправдываться нечем,
пусть спорны доводы мои,—
предпочитаю красноречью
косноязычие любви.

Когда волненью воплотиться
в звучанье речи не дано,
когда сто слов в душе родится
и не годится
ни одно!

Когда молчание не робость
но ощущение того,
какая отделяет пропасть
слова от сердца твоего.
О сердце, склонное к порывам,
пусть будет мужеством твоим
в поступках быть красноречивым
а в обожании — немым.

И что бы мне не возразили
я снова это повторю.
...Прости меня,
моя Россия,
что о любви
не говорю.

* * *

О, память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной...
К. Батюшков

Память сердца! Память сердца!
Без дороги бродишь ты,—
луч, блуждающий в тумане,
в океане темноты.

Разве можно знать заране,
что полюбится тебе,
память сердца, память сердца
в человеческой судьбе?

Может, в городе — крылечко,
может, речка, может, снег
может, милое словечко,
а в словечке — человек!

Ты захватишь вместо счастья
теплый дождь, долбящий жесть,
пропыленную ромашку
солнцу можешь предпочесть!..

Госпитальные палаты,
костылей унылый скрип.
Отчего-то предпочла ты
взять с собою запах лип.

И теперь всегда он дышит
над июньскою Москвой
той военною тревогой
незабвенною тоской...

А когда во мгле морозной
красный шар идет на дно,
сердце бьется трудно, грозно,
задыхается оно...

Стук лопаты, комья глины
и одна осталась я...
Это было в час заката
в первых числах января.

А когда в ночи весенней
где-то кличет паровоз,
в сердце давнее смятенье,
счастье, жгучее до слез!

Память сердца! Память сердца!
Где предел тебе, скажи!
Перед этим озареньем
отступают рубежи.

Ты теплее, ты добрее
трезвой памяти ума...
Память сердца, память сердца,
ты — поэзия сама!

* * *

Я пенять на судьбу не вправе,
годы милостивы ко мне...
Если молодость есть вторая —
лучше первой она вдвойне.
Откровеннее и мудрее,
проницательней и щедрей.
Я горжусь и любуюсь ею —
этой молодостью моей.
Та подарком была, не боле,
та у всех молодых была.
Эту я по собственной воле,
силой собственной добыла.
Я в ее неизменность верю
оттого, что моя она,
оттого, что душой своею
оплатила ее сполна!

СТАРЫЙ ДОМ

Сколько раз я мечтала
в долгой жизни своей
постоять, как бывало,
возле этих дверей.
В эти стены вглядеться,
в этот тополь сухой,

отыскать свое детство,
за чердачной стрехой.
Но стою и не верю
многолетней мечте:
просто двери как двери.
Неужели же те?
Просто чье-то жилище,
старый розовый дом.
Больше, лучше и чище
то, что знаю о нем.
Вот ведь что оказалось:
на родной стороне
ничего не осталось —
все со мной и во мне.
Зря стою я у окон
в тихой улочке той:
дом — покинутый кокон,
дом — навеки пустой.

* * *

Многое я люблю:
в пору зноя и духоты
с наслажденьем воду лью
на привянувшие цветы,
и когда сорняки полю,
улыбаюсь я и пою.
Ветер в окна
люблю впускать
и угрюмых дворняг ласкать,
подарки люблю дарить,
радость люблю творить.
Люблю еще с детских лет
зажигать вечерами свет...
А вот целую тебя,
а в глазах твоих
света нет.
Погляжу в глаза — темнота...
А душа-то во мне все та:
люблю подарки дарить
радость люблю творить,
не могу по-другому жить.

Я ЖЕЛАЮ ТЕБЕ ДОБРА

Улыбаюсь, а сердце плачет
в одинокие вечера.
Я люблю тебя,
Это значит —
я желаю тебе добра.
Это значит, моя отрада,
слов не надо
и встреч не надо,
и не надо моей печали,
и не надо твоей тревоги,
и не надо, чтобы в дороге
мы рассветы с тобой встречали.
Вот и старость вдали маячит,
и о многом забыть пора...
Я люблю тебя.
Это значит —
я желаю тебе добра.
Значит, как мне тебя покинуть,
как мне память из сердца вынуть,
как не греть твоих рук озябших,
непосильную ношу взявших?
Кто же скажет, моя отрада,
что нам надо
а что не надо,
посоветует, как же быть?
Нам никто об этом не скажет,
и никто пути не укажет,
и никто узла не развяжет...
Кто сказал, что легко любить?

ЗИМА, ЗИМА...

Полна зеленых, синих звезд
над миром ночь высокая.
Зима, зима — на сотни верст
железная, жестокая.
Снега пронзительно блестят
и по-стеклянному хрустят,
и нестерпимо грустно
от блеска и от хруста,
и оттого, что люди спят,

и оттого, что травы спят,
и спит земля, и спят дома,
и ты в каком-то доме спишь,
и у тебя там гладь да тишь.
Ты спишь с ладонью под щекой
Пусть так! Бери себе покой!
Отныне мы разделены
не расстояниями страны —
разделены стеной беды,
покою неугодной,
всем существом своим чужды,
как сытый и голодный,
как спящий и неспящий,
лежащий и летящий,
разделены с тобой,
как мертвый и живой...
Полна зеленых, синих звезд
над нами ночь высокая,
Зима, зима — на сотни верст.
Железная.
Жестокая.

* * *

А знаешь, все еще будет!
Южный ветер еще подует,
и весну еще наколдует,
и память перелистает,
и встретиться нас заставит,
и еще меня на рассвете
губы твои разбудят.
понимаешь, все еще будет.
В сто концов убегают рельсы,
самолеты уходят в рейсы,
корабли снимаются с якоря...
Если б помнили это люди,
чаще думали бы о чуде,
реже бы люди плакали.
Счастье — что оно? Та же птица:
упустишь и не поймаешь,
А в клетке ему томиться
тоже ведь не годится,
трудно с ним, понимаешь?

Я его не запру безжалостно,
крыльев не искалечу.
Улетаешь?
Лети, пожалуйста...
Знаешь, как отпразднуем
встречу!

НИКОЛАЙ УШАКОВ

ВСЯ ЛИ НАМИ СТРАНА ЗАМЕЧЕНА?..

Вся ли нами страна замечена?
Вся ли
в строки вошла стихов?
Беспощадный открыл Донетчину,
Приамурье — Петр Комаров.

Агрономы,
                    шахтеры,
                                        воины —
мы тебя изучаем, страна!
К сожалению,
мало освоена
поэтическая целина.

А она под крылом у летчика,
всей тайгой за разъездом Кадуй
ждет
поэта-первопроходчика,
говорит она:
                    «Зарифмуй!»

Мы звенели стихами приятными,
воспевали простор без границ,
а простор оставался за пятнами
наших,
в сущности,

белых страниц.
Сколько нами еще не написано,
А бывает,
и отстаем
мы не только от острова Диксона,
от района,
в котором живем.

А район этот
убран начисто,
электричество на току.
Всем количеством он,
всем качеством
так и просится
к нам
в строку.

Развивает широкое зарево,
наливает строфу через край.
Ты гори, заря,
разговаривай,
подзадоривая,
увлекай!

Ты бери стихотворца за руку
и вперед,
через горы,
в путь,
за лесные массивы, на реку,
чтоб поэзии
зачерпнуть.

АМУРСКИЕ ВОЛНЫ

На пристани гармоника
и плачет и поет.
Не женский голос тоненький,
а за душу
берет.

Меж складами-амбарами
не сад,
а палисад.

Все парами, все парами,
лишь гармонист
не рад.

Склонился, будто слушает
гармонику:
— Ты что ж,
ты по какому случаю
и плачешь
и поешь?

За складами-амбарами
вдоль падей,
вдоль теснин
гуляют тучки парами,
а гармонист
один.

Амурская стеклянная
колышется
волна.
Заимка безымянная
отсюда
не видна.

От сопок небо сузилось.
Тайга,
тайга кругом.
А счастье законфузилось,
закрылось
рукавом.

Лишь ниточкою тоненькой
к нему
тропа ведет.
Вот почему гармоника
и плачет
и поет.

СЧАСТЬЕ

Счастье — равнина вот эта:
стройка при полной луне,

листья лимонного цвета
в море степном на волне.

Счастье — все то,
что отлично
знаешь и что превзошел.
Счастье — станок твой фабричный,
счастье — твой письменный стол.

Счастье — сквозь горы дорога,
каждый пути поворот.
Счастья на свете так много —
столько же,
сколько забот.

Счастье — день встречи с красивой,
милой девчонкой, живой,
ставшей твоей терпеливой,
верной твоею женой.

Пусть же упрек обоюдный
в вашу не вторгнется речь.
Счастье найти не трудно,
трудно
его сберечь.

ДОМИК УЛЬЯНОВЫХ В КИЕВЕ

Грозных событий преддверие.
Только как глухо кругом!
В старой Российской империи
город стоит
над Днепром.

Весь в переулках каштановых,
весь — где овраг, где гора.
Вот и квартира Ульяновых.
Лампа горит
до утра.

Письма отсюда в Швейцарию...
Стачку (немалый успех)

выиграли пролетарии,—
в домике —
радостный смех.

Сколько мгновений трагических
память хранит этих мест!
Снова везут политических,—
в домике —
гневный протест.

Обыск и подпись без росчерка.
Сыщик одет панычом,
едет, торопит извозчика.
— Барин,
овес-то почем!

За стадионом за нынешним
крепость Косой Капонир.
Анне, Марии Ильиничным
снится
сияющий мир.

Дали горят, разгораются,
как на ладони видны.
Стала и Лыбедь красавицей,
будто от полной луны.

Что ж, оправдаем доверие:
множество окон и глаз
через ряды жандармерии
смотрят
с надеждой на нас.

ПОЕЗДА, ПРОХОДЯЩИЕ НОЧЬЮ

Только пара над станицей клочья,
и сквозь пар три туманных огня...
Поезда, проходящие ночью,
ваши окна
волнуют меня.

Тихий юноша
с тихой подругой

направляются на целину.
Улыбаются взгляды друг другу,
двое думают
думу одну.

Полки,
Люди на полках,
и слабо
ночника из купе льется свет:
офицер Генерального штаба
стережет
нераскрытый пакет.

Едут к детям
старик со старухой
как их примут —
решают вопрос.
А на станции сонно и глухо
только рядом вздохнул паровоз,
только пара на станции клочья,
и сквозь пар три неясных огня.

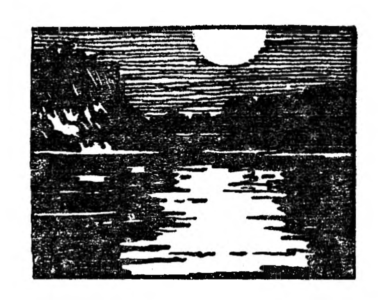
Поезда, проходящие ночью,
ваши окна
тревожат меня.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ПЛАСТИНКИ

Игле, как кляче молотящей,
ходить по кругу все трудней,
но льется голос,
уводящий
в мелодию минувших дней.

Старик не слушает,
а плачет,
на стол склонился головой,—
в пустом стакане
тройка скачет
с актеркой
в шапочке глухой.

Дорога,
столбики расставя,
бежит,
никем не занята,
но муфточка из горностая
мешает целовать в уста.

АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ

РОМАШКА МОЯ

Не для тебя ли в садах наших вишни
Рано так начали зреть?
Рано веселые звездочки вышли,
Чтоб на тебя посмотреть.

Если б гармошка умела
Все говорить не тая!..
Русая девушка в кофточке белой,
Где ты, ромашка моя?

Птицы тебя всюду песней встречают,
Ждет ветерок у окна.
Ночью дорогу тебе освещает,
Выйдя навстречу луна.

Я не могу быть с тобою в разлуке
Даже пятнадцать минут,
Ведь о тебе все гармони в округе
Лучшие песни поют.

Если б гармошка умела
Все говорить не тая!..
Русая девушка в кофточке белой,
Где ты, ромашка моя?

КОГДА ВЕСНА ПРИДЕТ...

Когда весна придет, не знаю...
Придут дожди... Сойдут снега.
Но ты мне, улица родная,
И в непогоду дорога.

Мне все здесь близко, все знакомо.
Все в биографии моей:
Дверь комсомольского райкома,
Семья испытанных друзей.

На этой улице подростком
Гонял по крыше голубей,
И здесь, на этом перекрестке,
С любовью встретился своей.

Теперь и сам не рад, что встретил,
Что вся душа полна тобой...
Зачем, зачем на белом свете
Есть безответная любовь?..

Когда на улице Заречной
В домах погашены огни,
Горят мартеновские печи,
И день, и ночь горят они.

На свете много улиц славных,
Но не сменяю адрес я.
В моей судьбе ты стала главной,
Родная улица моя!

ЗА РОГОЖСКОЙ ЗАСТАВОЙ

Тишина за Рогожской заставой,
Спят деревья у сонной реки.
Лишь составы идут за составами,
Да кого-то скликают гудки.

Почему я все ночи здесь полностью
У твоих пропадаю дверей,
Ты сама догадайся по голосу
Семиструнной гитары моей.

Тот, кто любит,— в пути не заблудится.
Так и я никуда не пойду,—
Все равно переулки и улицы
К дому милой меня приведут.

Подскажи, расскажи, утро раннее,
Где с подругой мы счастье найдем?
Может быть, вот на этой окраине
Или в доме, в котором живем?

Не страшны нам ничуть расстояния.
Но куда не привел бы нас путь,
Ты про первое наше свидание
И про первый рассвет не забудь.

Как люблю твои светлые волосы,
Как любуюсь улыбкой твоей,
Ты сама догадайся по голосу
Семиструнной гитары моей!

ДОРОГА, ДОРОГА

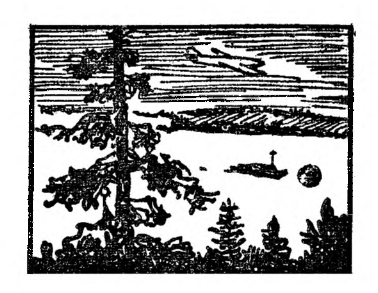
Оглянется каждый прохожий,
Увидев твой взгляд озорной,
Ты в ситцевом платье похожа
На яркий цветок полевой.

Дорога, дорога
Нас в дальние дали зовет.
Быть может, до счастья осталось немного,
Быть может, один поворот.

Глаза твои искрятся смехом,
Но мимо проходит мой путь.
Быть может, я счастье проехал
И надо назад повернуть?

Метели, что ломятся в дверцы,
С дороги меня не собьют.
Мне только бы к милому сердцу
Найти поточнее маршрут.

Дорога, дорога,
Нас в дальние дали зовет.
Быть может, до счастья осталось немного,
Быть может, один поворот.

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ

КОРНИ

Сибиряк,
Я рос в лесном краю,
Где текут Иртыш, и Обь, и Лена...
Знаю родословную свою
Только до четвертого колена.
Что за ним —
Не слышал ничего я.
Прадед был.
И — помню из преданий —
Он ходил по Волге с бечевою
От верховья
К Астрахани дальней.

В некий час
Не Волга ли внушила
Прадедовой силе богатырской,
Чтоб она не мешкая спешила
К вольным рекам
Стороны сибирской.

Он простился с лямкою тугою
И проехал пол земного шара...
По утрам над мрачною тайгою
Полыхали зори, как пожары.

Говорят,
В дороге лошадь пала.

И тогда, в тоске о горизонте,
По-бурлацки сорок верст без мала
Вез телегу
Прадед мой Левонтий.

А потом,
Суровый и могучий,
Горький пот смахнув с лица устало,
Он взошел на марьевские кручи
И сказал: «Судьба!»
Да так и стало.

Род суровый!
Люди-непоседы,
По тайге любившие скитаться,
О, мои решительные деды —
Знатоки земли и рудознатцы!

Их нога ступала,
Где от века
Не вила гнезда себе орлица.
Говорят, во всех сибирских реках
Отражались их степные лица.

Жены-горевухи голосили,
А они, прощаясь в поле с рожью,
Что-то про судьбу свою басили
И опять пускались в бездорожье.

Соки от корней
Идут к отросткам:
Выступая старшим на подмогу,
Мой отец совсем еще подростком
Строить стал сибирскую дорогу.

Говорят,
Что строил образцово,
Строил так, что на дороге сына
До сих пор стоят мосты отцовы,
Презирая водные быстрины.

Сибиряк,
Я тоже с малолетства
Закалял себя в пути суровом,

Потому что получил в наследство
Страсть к труду
И страсть к дорогам новым.

В ЛЕНИНГРАДЕ

Этот город
Слишком красив,
Слишком красив.

В этом городе
Я сиротлив.

В этом городе
Стал я несчастней.
Без тебя,
Молодой,
Золотой.
Одинокому сердцу опасней
Повстречаться
С такой красотой.

Этот город
Слишком красив,
Слишком красив.

В этом городе
Стал я наивней.
Безысходную страсть затаив,
Принимаю весенние ливни
За тяжелые косы твои.

Этот город
Слишком красив,
Слишком красив.

Ты отходишь,
Не видя,
Не глядя,
Вскинув руки,
К тебе я бегу.
Ты отходишь,
И кос твоих пряди

Я ловлю
И поймать не могу.

Этот город
Слишком красив,
Слишком красив.

И мечусь я,
Не видя укрытий,
Слыша цокот копыт за спиной...
Успокойся, заботлий критик:
Медный Всадник
Не скачет за мной.

ЗВЕЗДА

Я. Ф.

Неравнодушная к приметам,
Ты помнишь ли ту ночь,
Когда
Средь звезд,
Горевших ровным светом,
Явилась странная звезда?

Ты помнишь,
Как тебя пугало,
Что та звезда
Средь звезд других
То совершенно потухала,
То разгоралась ярче их?

Так и любовь,
То вспыхнет тоже,
То вдруг погаснет, на беду...
Она у нас с тобой похожа
На ту капризную звезду.

Мне долго было неизвестно,
Как жизнь планетная течет.
Однажды тайну тел небесных
Открыл мне старый звездочет.

На голубые глядя точки,
Сказал он мне тогда:
— Сравни
Все эти звезды-одиночки,
Без перемен горят они...

А ваша,
Что предстала взглядам
Печальным признаком беды,
Не одинока...
Это рядом
Бредут по небу
Две звезды.

* * *

Еще недавно нам вдвоем
Так хорошо и складно пелось.
Но вот гляжу в лицо твое
И думаю:
Куда все делось?

Но память прошлое хранит,
Душа моя к тебе стремится...
Так, вздрогнув,
Все еще летит
Убитая в полете птица.

* * *

А. Коптелову

Наш сад похож, когда цветет,
На белую метелицу...
В нем яблоня не вверх растет,
А над землею стелется.

Она садовником своим
Нисколько не унижена
И лишь на случай вьюжных зим
К родной земле приближена.

* * *

Я не завидую орлам,
Парящим в небе голубом.
Я сам бываю часто там,
Где видно на сто верст кругом.

С невероятной высоты,
Где кровь хмельная бьет в виски,
Земной не видя красоты,
Я, верно, умер бы с тоски.

Любые страхи нипочем,
Но я страдал,
Когда внизу
Река казалась мне ручьем,
А пруд похожим на слезу.

И даже город мой мельчал
И становился все бедней.
Я с высоты
Не замечал
Снующих по нему людей.

Я с неба совершал побег.
Меня оттуда вниз несло,
И все, что создал человек,
Опять росло,
росло,
росло...

Я не завидую орлам.
Земной — с земли не убегу.
Я человеческим делам
Не удивляться
Не могу.

СЛЕПОЙ

Людей не видя пред собой,
Не замечая в сквере лавочки,
По улице идет слепой,
Потрагивая землю палочкой.

Его толкнут,
Пройдут вперед,
И тотчас, торопясь вмешаться,
Какой-то зрячий призовет
Быть чуткими
И не толкаться.

Но слышу голос я его,
Негромкий в человечьем гуде:
— Толкайтесь... Это ничего...
Я буду знать,
Что рядом люди.

* * *

И. Мухачеву

Отцветает тополь,
Белый пух кружится.
Покружившись вдоволь,
На виски ложится.

Стал он сединою,
Этот пух крылатый...
Наконец-то мною
Найден виноватый.

СЕРДЦА

Все испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займет наш враг,
Займет, сводя все те же счеты,
Займет, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

* * *

Нелегко
Рожденному в Сибири
Нежным быть в метельном мятеже
И слова, тяжелые, как гири,
День за днем вынашивать в душе.

Слово — это тяжесть,
Слово — это
До поры неустранимый гнет.
Иль оно пригнет к земле поэта,
Иль поэт
Им недруга убьет.

В ДЕРЕВНЕ

За окном
Густеет сумрак ночи,
Завывает дикий зверь в лесу,
Будто кто-то неумело точит
Острым камнем ржавую косу.

Стареньким железом крыша крыта,
И под ней,
Увенчанной трубой,
Хорошо на время быть забытым
Верными друзьями и тобой.

Не журит никто,
Не утешает
И не покушается на честь.
И ничто на свете не мешает
Видеть мир таким,
Какой он есть.

Плох, хорош ли —
Никуда не деться,
Из него при жизни не уйдешь,
Только знаешь,
Если приглядеться,
Он, по правде,
Все-таки хорош.

Из борьбы,
Из сутолоки вечной,
Весь в крови, в поту,
Едва дыша,
Человек выходит человечней,
И душевнее его душа.

Холод пусть,
И не осилить дрожи,
Пусть всему живому нелегко,
Но в подойник
В этот холод все же
Теплое струится молоко.

Благодарный
Истинам открытым,
Снова я готов на жизнь и бой.
Хорошо на время быть забытым
Верными друзьями
И тобой.

ДЖЕК

Ты бегаешь
По сказке, Джек,
По древней русской сказке, Джек,
Ты бегаешь по сказке леса.
Ты к елке подбежал, мой пес,
На ней, как на лисице ворс,
Снежок рассыпался белесо.

А вдруг,
Заслышав лай и визг,
Придет сюда фельетонист
И поглядит, что ты, овчарка,
Хранишь-де частное добро,
Хоть все мое добро — перо.
Ну, Джек,
И будет же нам жарко!

Но ты
Купаешься в снегу,
От счастья лаешь на бегу,

А я степенный — я гуляю...
Играй, душа моя с тобой,
Нервинкой, клеточкой любой
Твою я радость разделяю.
Над нами
Два поводыря —
Два красногрудых снегиря.

* * *

Иду,
В молву стоустую
Свой добрый голос влив,
И под ногами чувствую
Шестую часть Земли.

Меня вперед ты выслала,
Чтоб песней жить помог,
Передо мной ты выстлала
Сто троп и сто дорог.

Свои моря глубокие,
Пруды светлей стекла,
Передо мной широкие
Ты реки пролила.

А в пору ту рассветную,
Чтоб радость сердце жгла,
Любовью первоцветною
Меня не обошла.

И в пору гроз губительных,
Грозивших жизни всей,
Ты мне дала решительных,
Испытанных друзей.

Лишь прикажи,
Что выстроить,
Какую песнь сложить.
Мне без тебя не выстоять,
Мне без тебя не жить.

Ты мне сама наградою,
Ты радость мне и грусть,

И верою и правдою
Служу тебе я, Русь.

* * *

Ветер входит метелицей,
Ветер воет пургой,
Как на чертовой мельнице,
Хлещет белой мукой.

Я шагаю к единственной,
Пробиваясь плечом;
Я сегодня воинственный,
Мне пурга нипочем.

Среди ревностью мучимых,
Средь не знавших средин,
Среди смелых и влюбчивых
Я, такой, не один.

Может, ветер, как веником,
Разметая пути,
Дует в спину соперника,
Помогая идти.

В нетерпенье неистовом,
Все вперед и вперед
Я беру, словно приступом,
За суметом сумет.

Ветер ходит метелицей,
Ветер воет пургой,
Как на чертовой мельнице,
Хлещет белой мукой.

* * *

Мне сказали:
Полно, море смоет
Боль обид
И пыль земных дорог.
Мне сказали:

Море успокоит
Ото всех прилипчивых тревог.

Вот и море!
Вот оно волною,
Гальками прибрежными шуршит.
Ничего, что пережито мною,
Не смывает —
Только ворошит.

* * *

Иду,
Кладу упрямый шаг.
Мне горю уступать не хочется.
Ночь ухватилась за пиджак,
Упала наземь
И волочится.

Мне от нее не убежать.
Не только ночь руками черными —
И ветер хочет удержать
Слезами,
Вздохами притворными.

Все о тебе,
Все за тебя!
Под ветками заиндевелыми,
Тобою память бередя,
Блестят сугробов
Груды белые.

Иду по ним.
Не сворочу.
Я поступью неудержимою
Не красоту твою топчу —
Топчу твою повадку лживую.

ВЕСНОЙ

Во мне,
И почему — бог весть,

Когда весна еще в начале,
Есть что-то смутное и есть
Какой-то холодок печали.

Но мысли сердце обожгут
И боль сильнее обозначат...
Почудится, что где-то ждут
И, не дождавшись, тихо плачут.

Все, что любил,
Все, что хотел,
Коснется вдруг сердечных граней,
Как груз незавершенных дел
И неисполненных желаний.

И ничего
Не отложить,
Ни от чего
Не отрешиться.
Мне время это пережить —
Как будто заново родиться.

* * *

Все в памяти,
И все — живое,
И обо всем душа болит.
Иду ли по лесу, где хвоя,
Как море южное, шумит;

На пень ли старый там присяду,
Качнется ль надо мной сосна,—
Все чудится, что где-то рядом
И берег тот,
И та волна.

И ты,
Чье повторяю имя,
Почудишься невдалеке.
Волна к волне...
И ты меж ними
Качаешься, как в гамаке.

Все дорого,
Все сердцу близко!
И если дрогнет мокрый куст,
Мне кажутся лесные брызги
Солоноватыми на вкус.

* * *

Мне о том слагать бы оды,
Что за свой короткий век
Я купался в синих водах
Двадцати сибирских рек.

Были реки и речонки,
И на каждой — чуть прилягу —
По заплаканной девчонке
Оставлял на берегу.

Полюбил я реки края
За раздолье и простор
Начиная с реки Яя,
Что течет с Кузнецких гор.

Я не знаю, счастья полный,
На Пышме иль на Оби
Набегающие волны
Мне напели о любви.

И сегодня погружен я
В мысли, чувства той поры,
До сих пор заворожен я
Островами Ангары.

Там росла тогда малина,
Вился белый хмель в кустах,
Валентина, Валентина,
Расскажи мне, Валентина,
Что теперь на островах?

* * *

Дымок свивается в колечки...
Должно быть, начал я стареть,

И потому, присев у печки,
На огонек люблю смотреть.

Горят сосновые поленья,
Дрожит на них огонь,
И мне
Далекой юности виденья
Являются на том огне.

Трещат дрова.
При каждом звуке
За огненною белизной
Я вижу, как ломает руки
Любовь, покинутая мной.

Почудится:
Огня извивы
Ей молодое тело жгут.
И станет на душе тоскливо,
Как будто вызван я на суд.

Гляжу,
Уставясь на улыбки,
В лицо косматого судьи,
И вижу все свои ошибки,
Все заблуждения свои...

Но вот
И печь отрозовела,
Кудряшек дымчатых не вьет...
И все, что мучило,—
Сгорело,
А что не мучило —
Живет.

* * *

Твердишь ты,
Что расстаться нам пора,
Что ты в своих надеждах обманулась,
Что вся моя любовь к тебе —
Игра.
Не слишком ли игра подзатянулась?

Игра в любовь,
Я знаю, не к добру,
Игра в любовь коротенького срока.
Семь лучших лет потратить на игру,
Семь лучших лет!
Не слишком ли жестоко?

Старею я,
Люблю тебя одну.
Седею я до времени, до срока.
Семь лучших лет отдать за седину,
Семь лучших лет!
Не слишком ли жестоко?

* * *

Как умру,
Мое забудь ты имя.
После ласк
В полночной тишине
С лучшими, чем я...
Да, да, с другими
Говорить не надо обо мне.

Жены о мужьях,
Чтоб стыд утратить,
Нежно говорят, других любя.
Мне,
Когда случалось это слышать,
Больно было так,
Как за себя.

Если спросят,
Что так мало жил я,
Ты в своем ответе не таи
То, что я страдания чужие
Принимал все время
Как свои.

* * *

Ни в благодушии ленивом,
Ни в блеске славы,
Ни в тени —

Поэт не может быть счастливым
В тревожные для мира дни.

Беря пророческую лиру,
Одно он помнит
Из всего,
Что все несовершенство мира
Лежит на совести его.

* * *

Мы спорили
О смысле красоты,
И он сказал с наивностью младенца:
— Я за искусство левое. А ты?
— За левое...
Но не левее сердца.

СЛОВО

От беды к беде,
От боя к бою,
От большого до большого дня —
Кто сказал,
Что нам легко с тобою,
Дорогая Родина моя!

Мы выносим бремя вековое,
Мировое побеждаем зло,
Потому и слово трудовое
В честный стих
Ложится тяжело.

Я словам
Не всяким доверяю.
Прежде чем доверить душу им,
Я слова на крепость проверяю,
Выверяю именем твоим.

Чтобы смертью скорой
Не почить им,
Я препоручаю чувства,

Мысль.
Тем словам,
Что не за чаепитьем,
А в труде нелегком родились.

Только тем,
Что поднялись из глубей
Доброй человеческой души,
Нынче не до мелких честолюбий,
Не до славы,
Стоящей гроши!

От беды к беде,
От боя к бою,
От большого до большого дня —
Нам легко
И нелегко с тобою,
Дорогая Родина моя!

* * *

Поет петух золотоперый,
И раз поет, и два, и три...
Мне у костра любви и веры
Еще дежурить до зари.

Его огонь высок и вечен,
Он искрой выпал из кресал;
С тех пор как зверь очеловечен,
Он никогда не погасал.

Я от него гоню измену
И ворошу в нем угольки...
Уже идущего на смену
Я слышу дальние шаги.

* * *

И бог
И черт —
Они все время в паре:
Талант с одаренностью
Не развести.
На каждого из нас

Есть свой Булгарин,
Готовый доглядеть
И донести.
Где лев,
Там и шакал,
Шакаля, ищет
Отброшенную кость
В густой траве.
Порою лев
Не доедает пищи,
И потому шакал
Всегда при льве.

Прошла пора
Булгаринских доносов,
Но жив Булгарин,
Хоть и не в чести.
Поэт, будь строг:
Не оставляй отбросов,
Пусть он, шакал,
Подохнет без кости!

КРАСИВЫМ

Люблю красивых...
Жизнь их,
Быт их,
Глаза,
Улыбку,
Добрый смех
Воспринимаю
Как открытье,
Наиглавнейшее из всех.

В них все:
И ум,
И обаянье,
И гордый жест,
И поступь их —
Мне явится
Как оправданье
Всех мук моих,
Всех слез моих.

Зачем
Прекрасными чертами
Так полно
Каждый наделен?
Красивые,
Они за нами
Пришли
Из будущих времен.

* * *

Гордиться?
Чем?
Стихом?
Едва ли!
Уж лучше нищему — сумой.
Меня словами награждали
Все говорившие со мной.
Я строчкой этой,
Мыслью этой
Лишь занятое отдаю.
Ты,
Он.
Весь мир
И вся планета
Работали на мысль мою.
Любовью,
Счастьем,
Строчкой,
Книгой
Дань отдаю другим творцам.
И даже ненавистью дикой
Я весь обязан подлецам.
Я весь в долгах,
Куда ни сунусь,
Повсюду забрано вперед.
Минули
Отрочество,
Юность,
Приходит зрелость...
Долг растет!

ЛЮБОВЬ И ХЛЕБ

Через улицу,
Через будни,
В нежных чувствах
Не сразу понятный,
Добрый хлеб
Под названьем «спутник»
Несу на руке приподнятой.

Скажут:
Хлеб — избитая тема.
Я иду и смеюсь над такими,
И несу домой каравай, как поэму,
Созданную сибиряками,
Земляками моими.

Этим румяным,
Этим горячим,
Пахнущим так заманчиво,
Этим хлебом труд мой оплачен.
Песня моя оплачена.

Но даже самую лучшую песню,
Самую звонкую и земную,
С сухарем в купоросной плесени,
Не стыдясь, зарифмую.

Хлеб несу!..
Поделюсь с женою,
Не скупясь на слова хвалебные.
И припомнится детство мое ржаное,
Юность моя бесхлебная.

С лебедою,
С трухою всякою
Ел «тошнотник» с корочкой тусклой,
А если встречалась булочка мягкая,
То она уже
Называлась французской.
Хлеб несу!..
Удивляются, вижу,
Даже только что евшие
С белого блюда.

Но стоило мне приподнять его
Чуть повыше,
И все увидели чудо.

Сразу пришло
Давно знакомое:
Поле и молодость
С днями непраздными.
Сладко запахло старой соломою,
Мятой-травой
И цветами разными.

И увиделось как воочью:
И косьба,
И стогов метание,
И межа, бегущая к ночи,
И на меже
С любимой свидание.

Любовь и хлеб —
Извечные темы.
Славя хлеб, как любимой имя,
Несу домой, приподняв его,
Как поэму,
Созданную сибиряками,
Земляками моими.

* * *

Семнадцать...
Двадцать...
В годы те,
Что понимал я в красоте?!

Румянца ль видя густоту
Иль бровь, приподнятую круто,
Я счастлив был,
Я красоту
С беспечной молодостью путал.

Теперь мне далеко за тридцать,
И потому тоскливей пса
Бездомного

Гляжу я в лица,
Ищу любимые глаза.

Ровесниц вижу увяданье,
Уже не юности расцвет,
А пережитого страданья
Милей мне
Благодарный след.

Давно забылись
Дни свиданий,
Но то стыдливей, то бойчей
Свет запоздалых ожиданий
Все светится в глуби очей.

Румянец спал
Пыльцой цветочной,
И бровь не просто приподнять.
Та красота была непрочной,
А эта...
Эту не отнять.

* * *

Верю в жизнь, но такую,
Чтоб как реки — с разливом...
Загрущу,
Затоскую,
Если стану счастливым.

Если стану счастливым,
Если стану спокойным,
Если стану ленивым,
Для борьбы недостойным.

От полдневной истомы,
От вечерней прохлады,
От уютного дома,
От цветущего сада
Унесут меня с топотом
Кони огненной мести...
Пропадай оно пропадом,
Мое тихое счастье!

СЕРГЕЙ ФИКСИН

ПЕРЕСВЕТОВО

Есть под Смоленском Пересветово
С двумя скамьями под лозой,
Как в празник песня недопетая,
Как сон, оборванный грозой.

Здесь поезда встречали танцами
И в красно лето, и в мороз.
Я, подъезжая к этой станции,
Снимаю шапку за семь верст.

Ломаю пальцы в ожидании,
Смотрю в окошко не дыша,
От одного его названия
Светлей становится душа.

И эти кустики ольховые,
И отблеск озера во мгле
Живут во мне первоосновою
Моей любви к родной земле.

ТИХОЕ МГНОВЕНЬЕ

До мутной речки,
До избы-читальни,

До тополевой рощицы сквозной
Несется звон кузнечной наковальни
И пахнет поле дымом и весной.
К горам уходит пыльная дорога,
Рябым дождем прибитая слегка.
Качается на проводе сорока,
Сверля головкой белые бока.

Пусть не найти в моем стихотворенье
Ни соловья, поющего зарю,
Ни крымских пальм,
Ни рижских волн кипенья,
Но и за это тихое мгновенье,
Родившую меня благодарю!

РАХМАТ ТЕБЕ, СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ!

Моих друзей
Смоленская земля
Настоем рос и вешних зорь вспоила,
Навечно паспорт юности дала
И песенной строкой благословила.

Мои друзья давно в большом пути.
У каждого — полвека за плечами.
Но их стихи
Лесными бьют ключами,
Зовут тебя за далью в даль идти.

Через туман тянь-шаньских ледников
Волна Москвы
Мою волнует душу,
Когда выходит на берег Катюша
И рвется к жизни большевик Зернов.

Шумит арча
С ручьем наедине,
Родных берез напоминая звуки,
Живя в далекой горной стороне,
Я не хочу и думать о разлуке.
Рахмат тебе, Смоленская земля!

ВЛАДИМИР ХАРИТОНОВ

РОССИЯ — РОДИНА МОЯ

Когда иду я Подмосковьем,
Где пахнет мятою трава,
Природа шепчет мне с любовью
Свои приветные слова.
Вдали рассветная полоска
Осенним пламенем горит
Моя знакомая березка
Мне тихо-тихо говорит:
Россия, Россия —
Родные вольные края!
Россия, Россия —
Россия — Родина моя!
Когда порой плыву по Волге,
Дышу прохладою речной,
Гляжу, гляжу на берег долго,
Не расстается он со мной.
Ему машу, машу рукою,
А берег рядышком идет,
И кто-то поздно за рекою
Раздольным голосом поет:
Россия, Россия —
Родные вольные края,
Россия, Россия —
Россия — Родина моя!
Когда меня московский поезд

Уносит в дальние места,
Хлеба мне кланяются в пояс,
Мигает ранняя звезда.
На голос Родины я вышел.
Как ты, Россия, хороша!
Смотрю вокруг и сердцем слышу —
Поет, поет моя душа:

Россия, Россия —
Родные вольные края!
Россия, Россия,
Россия — Родина моя!

ПЛАНЕТА ЦЕЛИНА

Утро!
Утро начинается с рассвета.
Здравствуй.
Здравствуй, необъятная страна.
У студента есть своя планета,—
Это... это... это целина!

Солнышко летит на самолете,
Нас уносят шумно поезда.
Руки наши тянутся к работе,
И мелькают в окнах города.

Ты возьми с собой в дорогу книги —
Самый основательный багаж.
И шагай, студент, науку двигай,
Набирай смелей рабочий стаж.

В песенке студенческой поется,
И звучит она на всю страну.
Нам поднять не раз еще придется
Новых дел большую целину.

Утро!
Утро начинается с рассвета.
Здравствуй!
Здравствуй, необътная страна.
У студентов есть своя планета,—
Это... это... это целина!

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Не могу я тебе в день рождения
Дорогие подарки дарить,
Но зато в эти ночи весенние
Я могу о любви говорить.

Я могу в ожиданье свидания
До зари простоять под окном,
И в часы предрассветные, ранние
Каждый раз возвращаться пешком.

Я пока что живу в общежитии,
Увлекаюсь своею мечтой,
Никакого не сделал открытия,
Но оно, несомненно, за мной.

Ты не думай, что я невнимательный,
Что цветы не бросаю к ногам...
Я тебе в этот день замечательный
Свое верное сердце отдам!

МАРШ КОММУНИСТИЧЕСКИХ БРИГАД

Будет людям счастье,
Счастье на века,
У Советской власти
Сила велика!

Сегодня мы не на параде —
Мы к коммунизму на пути.
В коммунистической бригаде
С нами Ленин впереди!

Мы везде, где трудно,
Дорог каждый час.
Трудовые будни —
Праздники для нас!
Если дали слово —
Мы не подведем.
Солнце жизни новой
На земле зажжем!

**Будет людям счастье,
Счастье на века.
У Советской власти
Сила велика!**

**Сегодня мы не на параде —
Мы к коммунизму на пути
В коммунистической бригаде
С нами Ленин впереди!**

ЯКОВ ХЕЛЕМСКИЙ

КОГДА ПОЕТ ДАЛЕКИЙ ДРУГ

Задумчивый голос Монтана
Звучит на короткой волне.
И ветки каштанов,
Парижских каштанов
В окно заглянули ко мне.

Когда поет далекий друг,
Теплей и радостней становится вокруг,
И сокращаются большие расстоянья,
Когда поет хороший друг!

А песня все ближе, все ближе
Летит и звенит над Москвой.
В ней думы Парижа,
Улыбка Парижа
И голос народа живой.

Влюбленные кружатся пары,
И молодость дружит с певцом,
И музыке вторят
Большие бульвары
С московским Садовым кольцом.

Радушие наше знакомо
Посланцам далеких широт,
Желанная гостья,

В России, как дома,
Французская песня живет.

Когда поет далекий друг,
Теплей и радостней становится вокруг,
И сокращаются большие расстоянья,
Когда поет хороший друг!

ЭТО ВАМ, РОМАНТИКИ

Паренек с московскою гитарою
И девушка в мамином платке
Бродят дружной парою,
Неразлучной парою
От столичных улиц вдалеке.
Их любовью первой озаренные,
Ожили пустынные края,
Это вам, романтики,
Это вам, влюбленные,
Песня посвящается моя!

Все руками собственными создано,
Пройдены далекие пути.
Под степными звездами,
Обжитыми звездами
Хорошо любимую найти.
Дружба, в испытаниях рожденная,
Никогда не рушится, друзья.
Это вам, романтики,
Это вам, влюбленные,
Песня посвящается моя!

Новоселам, ставшим старожилами,
Хорошо мечтается вдвоем.
Юность беспокойная,
Юность быстрокрылая
Шепчется о будущем своем.
Бродит пара полночью бессонною,
Вдоль степного тихого ручья.
Это вам, романтики,
Это вам, влюбленные,
Песня посвящается моя!

ВЛАДИМИР ЦЫБИН

СЕМИРЕЧЬЕ

Далеко-далеко за горами,
вдавленная в камень и гранит,
густо оперенная дождями,
сторона дремучая лежит!
Утки на полянах громко крячут,
посидят — и дальше крик несут;
с клекотом тяжелым беркутячим
эхо разговаривает тут!
Там, где травы вянут луговые,
лебеди летуют у воды.
И в дымы, как в шали пуховые,
накрепко укутаны кусты.
Выбитые долгими годами
ближе к лесу —
дальше от кустов,
тропки перепаханы следами
заячьих опасливых крестов.
Здравствуй, край целинный,
ястребиный,
у тебя в ущельях до поры
выцянчили за лето рябины
лиственные, зябкие костры!
Красен ты гусями на сугреве!
И связали крепко провода
избы так,

что не уйти кочевьям
от рябого поля никуда!
Высоко вершины снеговые
в хлопке облаков белым-белы.
Рвутся всюду вышки буровые
в небо, как тяжелые орлы!
Ты всегда моя родня и память,
ты мне друг
и мой земляк навек,
синими заросший камышами,
край родной
семи казачьих рек!

ДОМА

Елки наземь бросают шишки,
Тесно вербам возле плетня.
Голоногие ребятишки
окружили гурьбой меня.
На мои чемоданы глядя,
обращаясь ко мне на «вы»,
говорят мне:
— Откуда, дядя? —
Отвечаю, что из Москвы.
Вот она, сторона родная,
где я не был давным-давно.
— А, скажите, Москва такая,
как показывают в кино? —
Перед ними робея даже,
я рассказываю о Кремле...
Квохчут куры в сарае нашем,
бродят шорохи по земле.
И неведомо им, ребятам:
этот дяденька городской
тоже маленький был когда-то,
непоседливый был такой;
и когда-то лапту и прятки
в этих самых играл местах;
воробьев стрелял из рогатки,
бегал с цыпками на ногах;
спал в ночном,
закрывшись соломой,
и совсем не видал Москвы.

...Я стою у родного дома,
у арычной густой травы.
Елки наземь бросают шишки.
Тесно вербам возле плетня...
Голоногие ребятишки,
Дорогая моя родня!

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Савельеву

Меня учили жить не в школе,
а на работе полевой,
учили жесткие мозоли,
забитые в ладонь косой.
Мы к магазинам шли спросонья
и в очереди за пайком,
зажавши номерки в ладонях,
досматривали сны тайком.
А туча дождик проносила,
хлеба пластая, как вчера.
И вновь страну мою косила
на фронте смерть,
а здесь — жара.
И дым висел
над полем млечным,
и пустовал весь год сусек.
Казалось, будут целый век
и костыли сельчан увечных,
и горький табачок калек,
и те углы, и те квартирки,
где жили беженцы впритирку
за так, а где за пуд муки,
седые, плоские от стирки
ладони маминой руки...
Так рос я, коренаст и крепок,
и угловатый — весь в родню.
Царапал пальцы в кровь сурепой,
босой, кололся о стерню.
Вот так кончалось наше детство —
без игр в лапту, без голубей,
оно в стога ходило греться,
обламывало лошадей.
И за большими поспевало,

недосыпало,
уставало,
сутуля плечи по-мужски.
...А по дороге, по увалам
качались на плечах штыки.

ХЛЕБ

Хлеб! Его в ларьках давали нам
Каждому — по триста грамм.
На ладони весь он помещался,
Вяз во рту и в пальцах рассыпался,
Желт был от опилок и воды,
И хотя давно пшеничным не был,
И хотя горчил от лебеды,
Все равно — он крепко пахнул хлебом!
Как в строю, в густых очередях
Мы за ним в мороз большой стояли.
Топором буханки разрубали
И в руках своих, как малых птах,
Крошки и куски отогревали...
Был он теплым, горьковатым, сладким
И сырым.
И по России всей
От себя самих и от детей
Отрывали хлеб войне солдатки.
И жила уверенность в сердцах...
И за Волгу не прорвались танки
Потому еще,
Что на листах
Выпекались каждый день в печах,
Как в обойме, тяжкие буханки.

ОЛЕГ ШЕСТИНСКИЙ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЛИРИКА

1

О, детство!
Нет, я в детстве не был,
я сразу в мужество шагнул,
я молча ненавидел небо
за черный крест,
за смертный гул.
И тем блокадным
днем кровавым
мне желтый ивовый листок
казался лишь осколком ржавым,
вонзившимся у самых ног.
В том городе, огнем обвитом,
в два пальца сатана свистел...
Мне было страшно быть убитым...
Я жить и вырасти хотел!

2

Мы были юны, страшно юны
среди разрывов и траншей,
как мальчики времен Коммуны,
как ребятня Октябрьских дней.

Мы познакомились с вещами,
в которых соль и боль земли,
мы за тележкой с овощами
такими праздничными шли.

Нас не вели за город в ротах,
нас в городе искал свинец...
О, мужественность желторотых,
огонь мальчишеских сердец!

Там «юнкерс» падал, в землю вклинясь,
оставив дыма полосу...
Те годы
я мальчишкой вынес —
и, значит,
все перенесу.

3

Я песни пел,
осколки собирал,
в орлянку меж тревогами играл.
А если неожиданный налет,
а если в расписанье мой черед,
то, с кона взяв поставленный пятак,
я шел с противогазом на чердак.
А было мне всего тринадцать лет,
я даже не дружинник,
просто — шкет,
но «зажигалку» я щипцами мог
схватить за хвост
и окунуть в песок.

4

Никуда от юности не деться,
потому что там в блокадный день
лепестки осыпала мне в сердце
белая тяжелая сирень;

потому что там, где бродят травы,
налитою зеленью звеня,
тихо, неумело и лукаво
целовала девочка меня;

потому что там в могилах мглистых
спят мои погодки-пацаны,
милые мои антифашисты,
дорогие жертвы той войны.

Никуда от юности не деться,
потому что где-то там, вдали,
мои нежность и суровость в сердце
на заре впервые зацвели.

* * *

Юные дружинницы,
храбрые блокадницы,
не носили девушки
голубые платьица,

не порхали девушки
в легких босоножках,
щеголяли девушки
в кирзовых сапожках.

Девушки у раненых
обмывали раны,
падали убитыми
в жесткие бурьяны;

а когда кончались
грозные налеты,
их встречали парни
из морской пехоты,

и хоть мы с пехотой
вовсе не тягались,—
тайно и навеки
в девушек влюблялись.

* * *

В. Торопыгину

Она ходила в блузке белой,
всегда держалась в стороне,

а на ребят и не глядела,
при встрече не кивала мне

и не дарила мне улыбок,
одна под вечер шла домой...
Не в том ли корень всех ошибок,
позднее совершенных мной,

что на площадке танцевальной
я подходил с дружком своим
не к этой, гордой и печальной,
а лишь к развязным и пустым,

и, вмиг сочтя ее жеманной,
гулял в заполье досветла
с той, юной и непостоянной,
что губ своих не берегла...

Вот так и жил тот мальчик шустрый,
целуясь с кем-то за прудом...

И в юности развеял чувство.
И не нашел его потом.

ВАДИМ ШЕФНЕР

УТЕШЕНИЕ

За эти губы, пахнущие медом,
За грустный вздох, за ласковый упрек
Чего-чего бы только ты не отдал,
Каких бы только не прошел дорог!

Встречаться больше с ней не довелося:
Ушла, забыла, затерялся след.
Идут года. Тебе уж тридцать восемь,
А ей все те же девятнадцать лет.

Она тебя любила — может статься,
Ты был ей всех дороже — может быть.
Ушла — чтобы навек с тобой остаться,
Забыла — чтобы ты не мог забыть.

ДРУГ ДЕТСТВА

Сегодня вспомнил я, что друга позабыл,
Который в детстве мне других дороже был.

Он был честней меня, смелее и умней,
Он в трудные часы был совестью моей.

Бывало — с ним вдвоем бродили по лугам,
Нам острая трава хлестала по ногам.

Вдвоем встречали мы весенних птиц прилет,
Кипучие ручьи переходили вброд.

Но разлучились мы. С годами я забыл
О добром двойнике, который другом был.

И он навек к лугам, жужжанью мирных пчел
Из памяти моей обиженно ушел.

Когда-нибудь и мне придется умирать,
Обступят все друзья больничную кровать,

И, вспомнив, что средь них нет друга одного,
Последней волею я призову его.

И сосны зашумят, и птицы запоют,
И стебли диких трав линолеум пробьют.

По камню и земле, по глади сонных вод
На горький мой призыв проститься друг придет.

Из детства он придет по травам полевым,
И взрослые друзья расступятся пред ним.

СЛОВА

Много слов на земле. Есть дневные слова —
В них весеннего неба сквозит синева.

Есть ночные слова, о которых мы днем
Вспоминаем с улыбкой и сладким стыдом.

Есть слова—словно раны, слова—словно суд,—
С ними в плен не сдаются и в плен не берут.

Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.

Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить.

Но слова всем словам в языке у нас есть:
Слава, Родина, Верность, Свобода и Честь.

Повторять их не смею на каждом шагу,
Как знамена в чехле, их в душе берегу.

Кто их часто твердит — я не верю тому,
Позабудет о них он в огне и дыму.

Он не вспомнит о них на горящем мосту,
Их забудет иной на высоком посту.

Тот, кто хочет нажиться на гордых словах,
Оскорбляет героев бесчисленных прах,

Тех, что в темных лесах и в траншеях сырых,
Не твердя этих слов, умирали за них.

Пусть разменной монетой не служат они,—
Золотым эталоном их в сердце храни!

И не делай их слугами в мелком быту —
Береги изначальную их чистоту.

Когда радость—как буря, иль горе—как ночь,
Только эти слова тебе могут помочь!

ВЫПУСКАЮЩИЙ ПТИЦ

В квартире одной коммунальной,
Средь прочих прописанных лиц,
Живет пожилой и печальный
Чудак, выпускающий птиц.

Соседи у рынка нередко
Встречают того чудака —
С большой самодельною клеткой
Стоит он у зооларька.

С получки своей небогатой
Накупит чижей и синиц.
И за город едет куда-то
Чудак, выпускающий птиц.

Плывут мимо окон вагонных
Сады и асфальт автострад;

На месте поселков сожженных
Другие, не хуже, стоят.

Качаются дачные сосны,
И речки прозрачны до дна,
И даже сквозь грохот колесный
Земная слышна тишина.

А все же душа не на месте,
И радости нет в тишине:
Без вести, без вести, без вести
Пропал его сын на войне.

И вот полустанок невзрачный
У стыка блокадных дорог...
В болотистом месте, не дачном,
Рубеж обороны пролег.

Отыщет старик не впервые
Пехотной дивизии тыл,
Где встали цветы полевые
На холмики братских могил.

Но где приклонить ему взоры,
Куда ему сердцем припасть,
Где холмик найти, над которым
Он мог бы наплакаться всласть?..

Он с клетки снимает тряпицу,
Потом открывает ее,—
Молчат присмиревшие птицы
И в счастье не верят свое.

Но крылья легки и упруги,
И радость растет на лету,—
В каком-то счастливом испуге
Взмывают они в высоту.

Летят над землею зеленой,
Летят без дорог и границ,
И смотрит на них умиленно
Старик, выпускающий птиц.

ВЕЩИ

Умирает владелец, но вещи его остаются,
Нет им дела, вещам, до чужой, человечьей беды.
В час кончины твоей даже чашки на полках
не бьются,
И не тают, как льдинки, сверкающих рюмок ряды.

Может быть, для вещей и не стоит излишне
стараться,—
Так покорно другим подставляют себя зеркала,
И толпою зевак равнодушные стулья толпятся,
И не дрогнут, не скрипнут граненые ноги стола.

Оттого, что тебя почему-то не станет на свете,
Электрический счетчик не завертится наоборот,
Не умрет телефон, не засветится пленка
в кассете,
Холодильник, рыдая, за гробом твоим не пойдет.

Будь владыкою их, не отдай им себя на закланье,
Будь всегда справедливым, бесстрастным хозяином
их,—
Тот, кто жил для вещей, все теряет с последним
дыханьем,
Тот, кто жил для людей,— после смерти живет
средь живых.

БЕРЕГА

Рекой разлученные берега
Глядят друг на друга с грустью:
Река широка, река строга —
Одного к другому не пустит.

Пройдут века, иссохнет река,
Подводные травы завянут,
Сойдутся далекие берега,
Обычною сушею станут.

Сойдутся два берега-старика,
Пожалуются при встрече:
— Вот, то ли дело — была река,
А ныне умыться нечем.

ДОМ В УЛЬЯНОВСКЕ

1

Пока Земля землей пребудет,
С волнением под этот кров
Входить земные будут люди
И гости дружеских миров.

В музеях — прошлое, былое,
Все то, что было и прошло,
А здесь живое, здесь жилое
Охватывает нас тепло.

Здесь, где он жил и рос когда-то,
Весь мир вобрать в себя спеша,
С истоком юности крылатой
Соприкасается душа.

2

Здесь будет все без изменений
Здесь все — навеки, навсегда.
И с той же силой ощущений
Мой сын и внук войдут сюда.

Для всех времен не иссякаем
Его идей живой родник...
Так с предстоящими веками
Нас гений Ленина роднит.

И, комнаты покинув эти,
Мы позабыть не в силах их,
Как бы увидев даль столетий
Глазами правнуков своих.

СЛЕЗЫ

Редко от радости плачем мы.
Может, один лишь раз
Радость у горя берет взаймы
Слезы в счастливый час.

Ветер шуршит весенней листвой,
Утро зовет в поход,
Радость — честна, радость с лихвой
Горю свой долг вернет.

Но на пороге дальней зимы,
Все испытав всерьез,
Слезы счастливые вспомним мы —
Горьких не вспомним слез.

СОХРАНЕНИЕ МАТЕРИИ

Мне иногда совсем не нужно
Ни счастья, ни любви, ни дружбы.

Забыв свое предназначенье,
Гляжу на тихое теченье.

Гляжу в задумчивом покое
На куст, склоненный над рекою.

И вспоминаю, вспоминаю...
Я что-то помню, что-то знаю.

Трава шуршит, ногой примята,—
А я травою был когда-то,

Землей и небом был когда-то,
Лучом рассвета и заката.

Вы все меня спокойно ждете,
Лишь иногда — сквозь сон — зовете.

И я вернусь, к покою жаден,—
Школяр, набегавшийся за день.

Когда моя настанет осень,
Вернусь ко всем, кого я бросил,—

К земле — землей, к траве — травою
И к небу — ясной синевою.

ЯКОВ ШВЕДОВ

БЕДОВУШКА

Я смущенно, любя,
Спрашиваю снова:
— Почему все тебя
Стали звать бедовой?

И не раз, а всегда
В жизни так бывает,
Что с бедовой беда
Сразу пропадает.

Как легко мне с тобой,
И сама не знаешь,
Ты мне в праздник большой
Будни превращаешь.

В нашем светлом краю,
В солнечном районе
Сорок песен поют
О тебе гармони.

Сорок первую сложу,
В ней от слова в слово
Я опять расскажу
О моей бедовой.

Говорят, что в дому
Споры да раздоры,—

Ой, не верьте тому,
Это — наговоры.

О тебе, дорогой,
Всюду говорю я,
Что с бедовой такой
Я не загорюю.

ВОТ ЧТО СДЕЛАЛ ЗАПЕВАЛА

Днем осенним на закате
По дороге полевой
Шли с учения солдаты
С песней звонкой в лагерь свой.

То ли рано, то ли поздно
Проходили мы село,
А на улице колхозной
Широко гулянье шло.

И нежданно тут солдатам
Стали люди подпевать.
Собрались потом девчата
Нашу песню провожать.

Мы увидели у брода
На пути в зеленый дол,
Что старик, забыв про годы,
Вместе с нашей ротой шел.

Он шагал молодцевато
Четким шагом строевым,
Будто вновь он стал солдатом,
Пехотинцем молодым.

И, как видно, вспоминал он
Свой солдатский путь большой...
Вот что сделал запевала
В дружбе с песней боевой!

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

* * *

Когда бы недругами я
был перед Родиною оклеветан
и отвернулись от меня друзья:
ни ободренья, ни привета,—
я б не согнулся от любой беды,
я б твердости просил не у металла:
ее мне ты дала бы... если б ты
любить и верить мне не перестала.

* * *

Бровей твоих темный вечер
и глаз твоих день голубой
нельзя не запомнить, при встрече
невольно любуясь тобой.
Как счастье само, земная
сияет твоя красота.
Но годы, пощады не зная,
сотрут и ее без следа.
В любви не всего ли дороже —
когда ты еще в цвету —
то счастье, что сделать может
бессмертной твою красоту.
Пусть людям в недальние сроки
она будет в детях видна,
а там и в потомках далеких
не раз повторится она.

* * *

На ней простая блузка в клетку.
Идет, покусывает ветку.
Горчит, должно быть, на губах.
Июнь черемухой пропах.
Он сыплет легким белым цветом
на плечи женщине, на грудь.
Она совсем легко одета,
идет, поеживаясь чуть;
то с горки тропкою сбегает,
то затеряется в листве.
Коса тяжелая, тугая
лежит венком на голове.
Мы встретились, в глаза взглянули
в такой тиши, наедине,—
и в жизни вдруг не потому ли
чего-то жалко стало мне.
Чего? И сам я не отвечу.
Не то ль, что голова бела,
не то ль, что женщина при встрече
глаза спокойно отвела.
Не потому ль слова об этом
как терпкий привкус на губах?
Под северным холодным небом
июнь черемухой пропах.

СЛЕЗЫ

У горя много слез. О них, соленых,
я умолчу, чтоб не смущать влюбленных,
которых не застали бы одних
на той скамье, в конце глухой аллеи.
Есть слезы и у радости; от них
лицо любимой женщины светлеет.
Так пусть не замутят их чистоту
те слезы, что сжигают красоту.

НОЧЬЮ ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Когда это было? Я помню крыльцо
и тополь, что мокрый стоял, шелестя,

и светлое ночи лицо,
забрызганное звездами после дождя.
Соседи все спали младенческим сном,
забыв о заботах, о прожитом дне,
и мы на крылечке резном
в обнимку с тобой перед сном
стояли с той ночью наедине.

Поди уж и сломано то крыльцо
и тополь тот срублен — не сыщешь и пня,
а светлое ночи лицо,
как молодость наша, глядит на меня.

* * *

Так годы идут.
Муж тяжелой рукой
привычно, между зевот,
в постели обнимет, но дорогой,
но милой, как прежде, не назовет.
И женщина свыклась. Уж только когда
совсем загрустится, вдруг выдохнет: «Ах!»
И зеркало тихое, как вода,
плещется долго в руках...

* * *

Жаль не то, что день опять вот прожит,
что опять закат разбрызгал краски,—
жаль, что столько милых и хороших
вянет женщин без любви, без ласки.

Многим трудно вспомнить день единый,
день, что в сердце носят тайной датой.
Скоро брызнут первые седины;
суженые сгинули куда-то.

Кто тех женщин тронет словом едким
или же осудит молчаливо,
что при них замужние соседки
на мужей своих глядят ревниво!

* * *

Он все мрачнел...
Включенный свет был резок...
Она смеялась, щурилась слегка,
но скукой веяло от занавесок,
от зеркала в углу, от потолка.
Стыдясь себя, верней не уважая,
и этот раз он мучился одним:
совсем немилая, совсем чужая,
зачем она опять сегодня с ним?
Он понимал (и правда в том дышала):
не знал бы счастья человечий кров,
когда б любовь за душу не держала,
а только страстью обжигала кровь.
В его словах, порой прямых и грубых,
кипела злость и слышалась тоска...
Но вскоре вновь ему сушило губы
от телефонного ее звонка.

* * *

Ой, вьюга, ой, вьюга какая!
Клубится, пылит, под ногами метет,
И женщина в ботиках, еле шагая,
с разъезда в рабочий поселок идет.

Под шубкой, под ситцевой кофточкой стужа
уже подбирается к самой груди.
Снег вьется жгутами, воронками кружит,—
и женщине трудно дороги найти.

Но пусть перезябнет она не на шутку,
пусть брякнет не скоро дверное кольцо,
лишь было б кому отряхнуть ее шубку,
замерзшее целовать лицо.

ИЮЛЬ БЫЛ ПОЛОН ГРОЗ.

Ты не забыла, знаю, не забыла
ту рощу, поле, в стороне село
и ливень, нас застигший. Помнишь, было
бело от молний, от берез бело.

Не различая залитых дорожек,
мы шли по травам вымокшим тогда.
Текла меж ремешками босоножек
ромашки обступившая вода.

Июль был полон гроз. Забыть ли это —
с любовью нашей и с громами лето!

* * *

Тело твое молодое, ржаное
благословенно, как счастье земное.
Что же так ноет, что же так ноет
сердце мое, утомленное зноем.

ИЗ ПИСЬМА

Вот собраться бы, не заробеть —
да в купе с вещами, как мечтала.
Я устала думать о тебе,
тосковать я о тебе устала.

Только в снах бывает, наяву
нашему желанию не сбыться.
Я твоими письмами живу
да работой, чтобы в ней забыться.

Не затмят ни радость, ни беда
край берез и полевых ромашек,
край, родивший с грозами тогда
это горестное счастье наше.

В СТЕПИ

Едет парень верхом. Взъерошил
ветер волосы. Туча близка.
Много девушек в мире хороших,
только нету любимой пока.

И травы молния бьет навесная,
и от тучи бежит холодок.

Капля падает и не знает,
на какой упадет цветок.

ЧТО МНЕ ГОДЫ!..

Назыму Хикмету

В жизнелюбии своем ты прав.
— Что мне годы! — как-то ты сказал. —
Зеленью лесов и трав
не насытились мои глаза,
не насытились сияньем дней,
звездным холодом над головой —
только сделали еще нужней
этот мир с бессмертной синевой.
На черты любимого лица
тоже не насытился смотреть,
и не все свершил я до конца,
чтоб имел я право умереть.
Что мне годы,— дальше молвил ты,—
если вдруг теряю я покой,
чтобы стыдливость женской наготы
передать языческой строкой.

ВЕРНУВШИСЬ С АЭРОДРОМА

С нами жизнь поступила жестоко,
не продлила и этого дня.
В самолете — лицом к востоку —
ты далёко сейчас от меня.

Ты летишь над полями, лесами
в мутном свете ночной слепоты.
Под какими сейчас небесами,
под какими звездами ты?

Я и дома, все кажется, слышу:
ровно, время не торопя,
два мотора поют и дышат,
те, которым доверил тебя.

Не забыть этой ночи морозной
с грустью, с белой метелью в окне.
Там, дорогой высокой и звездной,
вспоминаешь ли ты обо мне?

АКТРИСЕ

Л. Я.

Твои героини и сами
все знают, что велено им,
но плачут твоими слезами,
влюбляются сердцем твоим.
Себя ты на трудную славу,
на каторгу чувств обрекла...
Красивой слывешь ты по праву,
об этом твердят зеркала,
об этом в нахлынувшей теме
звучит и волнуется стих.
Прекрасна полночная темень
сияющих глаз твоих.
В искусстве, тобою творимом,
и в жизни особенна ты,
Устанешь на сцене, но с гримом
с лица не сотрешь красоты.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

* * *

Ошибся — нужно повторить:
Ребенка учат говорить.
К чему леса? К чему трава?
Пред ним дремучие слова,
И он в руке зажать готов
Добычу дня — охапку слов.
До смерти их не перечесть.
А попугай — тот любит есть.
А водолей — тот воду льет,
И человек средь слов живет.
Кто открывал, и кто крестил,
И кто кого когда любил?
Ведь он не нов, ведь он готов,
Уютный мир заемных слов.
Лишь через много-много лет,
Когда пора давать ответ,
Мы разгребаем груду слов —
Ведь мир другой, он не таков.
Слова швыряем мы в окно
И с ними славу заодно.
Как ни хвали, как ни пугай,
Молчит облезший попугай,—
Слова ушли, как сор, как дым,
Он хочет умереть немым.

* * *

Есть надоедливая вдоволь повесть,
Как плачет человеческая совесть.
Она особенно скулит средь ночи,
Когда никто с ней говорить не хочет,
Когда подсчитаны давно балансы
И оттанцованы и сны и танцы,
Когда глаза, в которых жизнь поблекла,
Похожи на замызганные стекла
Большого недостроенного дома,
Где все необжито и все знакомо.
Оно скулит, что день напрасно прожит
И что никто не лезет вон из кожи,
Что убивают лихо изуверы
И что вздыхают тихо маловеры.
Она скулит, никто ее не слышит —
Ни ангелы, ни близкие, ни мыши.
Да что тут слушать? Плачет, и не жалко.
Да что тут слушать? Есть своя смекалка.
Да что тут слушать? Это ведь не дело.
И это всем смертельно надоело.

* * *

Я смутно помню шумный перекресток,
Как змей клубок, петлистые пути.
Я выбрал свой, и все казалось просто:
Коль цель видна, не сбиться и дойти.
Одна судьба — не две — у человека,
И как дорогу ту ни назови,
Я верен тем, с которыми полвека
Шагал я по грязи и по крови.
Один косился на другого, мучил
Молчанием, томила сердце тень,
Что рядом шла — не друг и не попутчик,
А только тень.
                    Ни зелень деревень,
Ни птицы крик нам не несли отрады.
Страшнее переходов был привал.
Порой один, чуть покачнувшись, падал,
Все дальше шли, он молча умирал.
Но, кажется, и в час предсмертной стужи,

Когда пойму — мне больше не идти,
Нахлынут нежность, гордость, грусть и ужас
При памяти о пройденном пути.

ДОЖДЬ В НАГАСАКИ

Дождь в Нагасаки бродит, разбужен, рассержен,
Куклу слепую девочка в ужасе держит.
Дождь этот лишний, деревья ему не рады,
Вишня в цвету, цветы уже начали падать.
Дождь этот с пеплом, в нем тихой смерти
заправка,
Кукла ослепла, ослепнет девочка завтра,
Будет отравой доска для детского гроба,
Будет приправой тоска и долгая злоба,
Злоба — как дождь, нельзя от неё укрыться,
Рыбы сходят с ума, наземь падают птицы.
Голуби скоро начнут, как вороны, каркать,
Будут кусаться и выть молчальники-карпы,
Будут вгрызаться в людей цветы полевые.
Воздух вопьется в грудь, сердце высосет, выест.
Злобу не в силах терпеть, как дождь, Нагасаки.
Мы не дадим умереть тебе, Нагасаки!
Дети в далеких, в зеленых и тихих скверах,—
Здесь не о вере, не с верой, не против веры,
Здесь о другом — о простой человеческой жизни.
Дождь перейдет, на вишни он больше не брызнет.

ВЕРНОСТЬ

Жизнь широка и пестра.
Вера — очки и шоры,
Вера двигает горы,
Я — человек, не гора.
Вера мне не сестра.
Видел я камень серый,
Стертый трепетом губ.
Мертвого будит вера.
Я — человек, не труп.
Видел, как люди слепли,
Видел, как жили в пекле,
Видел — билась земля.

Видел я небо в пепле.
Вере не верю я.
Скверно? Скажи, что скверно.
Верно? Скажи, что верно.
Не похвальбе, не мольбе,
Верю тебе лишь, Верность,
Веку, людям, судьбе.
Если терпеть без сказки,
Спросят — прямо ответь,
Если к столбу, без повязки,—
Верность умеет смотреть.

* * *

Вчера казалась высохшей река,
В ней женщины лениво полоскали
Белье. Вода не двигалась. И облака,
Как простыни распластаны, лежали
На самой глади. Посреди реки
Дремали одуревшие коровы
Баржа спала. Рыжели островки,
Как поплавки лентяя-рыболова.
Вдруг началось. Сошла ль река с ума?
Прошла ль гроза? Иль ей гроза приснилась?
Но рвется прочь. Земля, поля, дома —
Все отдано теперь воде на милость.
Бывает — жизнь мельчает. О судьбе
Не говори — ты в выборе свободен.
И если есть судьба, она в тебе —
И эти отмели, и полноводье.

* * *

Про первую любовь писали много,—
Кому не лестно походить на бога,
Создать свой мир, открыть в привычной глине
Черты еще не найденной богини?
Но цену глине знает только мастер —
В вечерний час, в осеннее ненастье,
Когда все прожито и все известно,
Когда сверчку его знакомо место,
Когда цветов повторное цветенье
Рождает суеверное волненье.

Когда же дело не в стихе, не в слове,
Когда все позади, а счастье внове.

СОСЕД

Он идет, седой и сутулый.
Почему судьба не рубанула?
Он остался живой, и вот он,
Как другие, идет на работу,
В перерыв глотает котлету,
В сотый раз заполняет анкету.
Как родился он в прошлом веке,
Как мечтал о большом человеке,
Как он ел паечную воблу
И в какую он ездил область,
Про ранения и про медали,
Про сражения и про печали,
Как узнал он народ и дружбу,
Как ходил на войну и на службу,
Как ходила судьба и рубала,
Как друзей у него отымала.
Про него говорят «старейший»,
И ведь правда — морщины на шее,
И ведь правда — волос не осталось.
Засиделся он в жизни малость.
Погодите, прошу, погодите!
Поглядите, прошу, поглядите!
Под поношенной, стертой кожей
Бьется сердце других моложе.
Он такой же, как был, он прежний,
Для него расцветает подснежник.
Все не просто, совсем не просто,
Он идет, как влюбленный подросток,
Он не спит голубыми ночами,
И стихи он читает на память.
И обходит он в вечер морозный
Заснеженные сонные звезды.
И сражается он без ракеты
В черном небе за толику света.

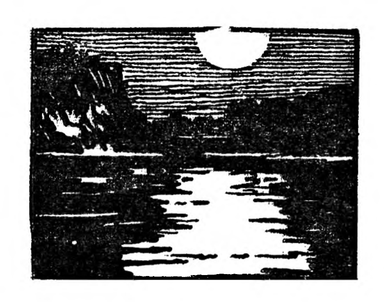
* * *

Мы говорим, когда нам плохо,
Что, видно, такова эпоха,

Но говорим словами теми,
Что нам продиктовало время.
И мы привязаны навеки
К его взыскательной опеке,
К тому, что есть большие планы,
К тому, что есть большие раны,
Что изменяем мы природу,
Что умираем в непогоду
И что привыкли наши ноги
К воздушной и земной тревоге,
Что мы считаем дни вприкидку,
Что сшиты на живую нитку,
Что никакая в мире нежить
Той тонкой нитки не разрежет.
В удаче ль дело, в неудаче,
Но мы не может жить иначе,
Не променяем — мы упрямы —
Ни этих лет, ни этой драмы,
Не променяем нашей доли,
Не променяем нашей роли —
Играй ты молча иль речисто,
Играй героя иль статиста,
Но ты ответишь перед всеми
Не только за себя — за Время.

* * *

Я слышу все — и горестные шепоты,
И деловитый перечень обид.
Но длится бой, и часовой, как вкопанный,
До позднего рассвета простоит.
Быть может, и его сомненья мучают,
Хоть ночь длинна, обид не перечесть,
Но знает он — ему хранить поручено
И жизнь товарищей, и собственную честь.
Судьбы нет горше, чем судьба отступника.
Как будто он и не жил никогда,
Подобно коже прокаженных, струпьями
С него сползают лучшие года,
Ему и зверь и птица не доверятся.
Он будет жить, но будет неживой,
Луна уйдет, и отвернется дерево,
Что у двери стоит, как часовой.

АЛЕКСАНДР ЯШИН

ПО СВОЕЙ ОРБИТЕ

Я как будто родился заново
Легче дышится, не солгу —
Ни себя, ни других обманывать
Никогда уже не смогу,
Если б даже хотел, не смогу.

Жизнь при всех ее изменениях,
Мир во всех его измерениях
Для меня теперь по плечу,
Сам за все отвечать хочу.
Так свободны мои движения,
Словно в первый раз от рождения
По своей орбите лечу.
Не вещун
И не старый с виду я,
Также в праведники не гожусь,
Только больше к людям тянусь.
И горжусь:
Никому не завидую
За непризнанных не боюсь.

Боль чужую все глубже чувствую,
Не могу пьянеть без вина,
Не польщусь на славу стоустую,
Коль без пользы людям она.

Ни к безверию, ни к сомнению
Не причастна душа моя,
Просто стало острее зрение:
Повзрослело мое поколение
Вместе с ним повзрослел и я.

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Тревожно и грозно
Тем более, что поздно
И мой наступил
Переходный возраст.

Не слабым слыву,
А в голос реву:
Туда ли плыву я?
Так ли живу?

И спать не могу
И есть не могу:
В долгу перед всеми,
А что я могу?

Как пень на лугу,
Как тень на снегу.
Как серый валун
На морском берегу...

Чье сердце смягчил?
Кому подал руку?
Кому облегчил
Душевную муку?

Чью старость утешил?
Кого осчастливил?
Кого на дорогу
На торную вывел?

Перед всеми в долгу я,
А чем помогу?
Я много могу.
Ничего не могу.

От горя ушел,
От хвори ушел,
От смерти ушел —
От себя не могу.

* * *

Страшно любить и быть нелюбимым,
Жить с людьми,
А слыть нелюдимым.
Страшно недруга боготворить,
Правдою клясться
И зло творить.

Но я не знаю страшней мученья,
Коль пропадает к работе влеченье,—
Руки людские
и душу жаль:

Вдруг непослушным станет рояль
Для живописца померкнут краски,
Скульптор на глину глядит с опаской,
Мрачен ученый — прозренья нет,
И не подходит к столу поэт.

Все как болезнь
А есть ли леченье?
Только терпенье, одно терпенье
Выдюжить, выждать —
И в свой черед
Все образуется, боль пройдет.

* * *

В несметном нашем богатстве
Слова драгоценные есть:
Отечество,
Верность,
Братство
А есть еще:
Совесть,
Честь...

Ах, если бы все понимали
Что это не просто слова,
Каких бы мы бед избежали.
И это не просто слова!

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом невесело жилось,
Все ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слег и тихо умирал,
Рассказывает мать,
День ото дня
Все чаще вспоминал меня и ждал:
«Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня!»

Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил: мол, так ее люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом
Много обещал...

В блокаде ленинградской старика
От смерти б спас,
Да на день опоздал
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог —
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог...
Нет отчима,
И бабка умерла...

Спешите делать добрые дела!

* * *

Боюсь любви, а не любить — не жить,
Не вдохновляться и не волноваться.
Ужели так всю жизнь по-волчьи выть,
Звать к примирению,
А встреч бояться?

Тебя ли мне, недобрую, не знать!
Но ты иной встаешь в воображенье —
И не могу не тосковать, не ждать.
Хоть знаю, знаю:
Все равно опять
Не будет счастья...
Что за наважденье!

МАРТ

Солнце марта в степь вошло,
Скрадывая расстояния,
И от этого сияния
Стало на сердце тепло.

В каждой льдинке огонек,
Будто всей лавиной звездной,
Млечный Путь на землю лег,
Но денек еще морозный.

Наст такой, что грузовик
Вдруг свернул на холм пологий
И понесся без дороги
Снежным полем напрямик.

На холме стоит село,
Заметенное до окон.
До весны еще далеко —
Ни приметы, ни намека,
А уж на сердце тепло.

ЛЮБЛЮ ВСЕ ЖИВОЕ

Когда-то и я не убить не мог,
Что б ни летело над головой:
Садился за весла — ружье у ног,

Шел в чащу — заранее взводил курок,
На жатву брал дробовик с собой.

Стрелял и коршуна и воробья
Не разбираясь — друзья? враги?
А ныне
На ток хожу без ружья.
Катаюсь на озере без остроги.

Доверие птиц умею ценить:
Бывает легко на душе, когда
Случайно удастся жизнь сохранить
Птенцу, упавшему из гнезда.

Себя самого узнать не могу,
Осинки в лесу зазря не срублю.

В корнях родничок, что клад, берегу,
На муравейник не наступлю,—
Люблю все живое,
Живых люблю.

МАТЬ

Нашумела, накричала,
Настегала чем попало:
— Все постыло! Сил не стало!
Нет от вас житья!..—
Села в угол, зарыдала
И просить прощенья стала.
Просто очень ты устала,
Бедная моя!

Не волнуйся, успокойся,
Вот тебе вода —
Умойся,
Отдохни.
За нас не бойся —
Подрастет семья.
Ну, прибила... Что ж такого?
Не со зла ведь,
Не чужого.
И зачем же слезы снова,
Добрая моя!

СОДЕРЖАНИЕ

(Русская советская лирика)

ЛИРИКА 50-х ГОДОВ

Вступительное слово, составление текста
Валерия Яковлевича ВАКУЛЕНКО

Редактор *В. Бобылев*
Мл. редактор *С. Кузьмина*
Худож. редактор *И. Ф. Бульба*
Техн. редактор *Ж. Сооронкулова*
Корректор *Л. М. Шейко*

ИБ № 488

Сдано в набор 15/XI-1977 г. Подписано к печати 24/III-1978 г. Д-07415.
Бумага типографская № 1, формат 84Х108 1/32, 21,625 физич. печ. л.,
36,33 условн. печ. л., 33,47 учет.-изд. л. Тираж 100000. Заказ № 506.
Цена 3 р. 50 к.

720737, г. Фрунзе, ул. Советская, 170.
Издательство «Кыргызстан»

720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102,
Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР
Госкомиздата Киргизской ССР.

3 р. 50 к.